

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

ПАКИСТАН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Сборник статей

Москва
«Научная книга»
2005

Настоящий сборник статей выходит в свет в рамках проекта
«Исследования по Пакистану и региональным проблемам»

Руководители проекта:
С российской стороны — **В. И. Сотников**
С пакистанской стороны — **Шах Наваз**

Редакционная коллегия:
С. Н. Каменев, И. Н. Серенко

В рамках проекта опубликованы:

- В 2003 г. — *В. И. Сотников*. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях (вторая половина XX — начало XXI века).
В 2004 г. — Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность. *Сборник статей памяти Ю.В.Ганковского*.
В 2005 г. — *Ю. Н. Паничкин*. Образование Пакистана и пуштунский вопрос. *Р. М. Мукимджанова*. Страны Центральной Азии: азиатский вектор внешней политики.

Готовятся к печати:

И. Н. Серенко. Система образования в Исламской Республике Пакистан.
Н. А. Замараева. Пакистан и Организация экономического сотрудничества.
С. Н. Каменев. Экономическое развитие Пакистана за годы независимости: макроэкономический анализ.

Пакистан в современном мире. Сборник статей. Колл. авторов.
П13 Институт востоковедения РАН. — М.: Научная книга, 2005. — 360 с.
ISBN 5-94935-102-9

Настоящий сборник содержит статьи по широкому кругу вопросов, начиная от истории образования государства Пакистан, его дальнейшего экономического, внутривнутриполитического и внешнеполитического развития за годы независимости вплоть до настоящего времени. При этом акцент сделан на анализе различных аспектов российско-пакистанских экономических и политических отношений. Среди авторов сборника как российские, так и пакистанские эксперты.

ББК 66.4 (5Пак)

© Колл. авторов, 2005 г.
© Оформление — «Научная книга», 2005 г.

От редколлегии.....	5
В.Я. Белокреницкий	
Предпосылки, причины и процесс образования Пакистана.....	6
В.Н. Москаленко	
Одна из страниц пакистанской истории	61
С.Н. Каменев	
Российско-пакистанские экономические отношения	71
Шах Наваз	
Пакистано-российские отношения: общие тенденции, главные препятствия и перспективы развития.....	108
А.Ю. Рудницкий	
О российских подходах к развитию отношений с Индией и Пакистаном.....	118
Ramzan Ali	
Pakistan — Russia Relations: Economic Dimensions.....	131
М. А. Mateen Khan, Afsheen Awan	
Diversity in Action: India Pakistan Conflict Resolution in Post Cold War Period (1990-2002)	162
Р.М. Мукимджанова	
Пакистан и Китай: курс на добрососедство и сотрудничество (90-е — начало 2000-х годов)	180
Mohammad A. M. Khan	
Terrorism Engulfs Pakistan: A study of the growth of internal terrorism in Pakistan 1972-92	195
В.Н. Москаленко	
О некоторых проблемах Пакистана и их изучении.....	217
И.В. Жмуйда	
Значение промышленных и экспортных зон в экономике Пакистана.....	227
Л.Б. Аристова	
Пакистан. Транспортные проекты и международное сотрудничество.....	235
Н.А. Замараева	
Телекоммуникационный бум в Пакистане: первые итоги и перспективы	242
М.Ю. Морозова	
Шиитско-суннитские столкновения в Пакистане.....	264
И. Н. Серенко	
Радикализация ислама в Пакистане: образовательный аспект	279
И.Н. Серенко	
Проблемы образования в свете государственной стратегии «просвещенной умеренности» в современном Пакистане.....	289
М.Ю. Морозова	
Природные ресурсы пакистанского Белуджистана: борьба за передел собственности	301
Ю.Н. Паничкин	
Пакистано-афганские отношения и «Проблема Пуштунистана» в 1947—1962 гг.	316
Aarish U. Khan	
The Millennium Challenge Account and the Challenge for Pakistan Introduction....	330
В.И. Сотников	
К вопросу о пакистано-иранском сотрудничестве в военной ядерной области и вероятных сценариев нуклеаризации Ирана.....	347

From Editorial Board	5
<i>Vyacheslav Y. Belokrenitsky</i>	
Pre-conditions, Causes and Process of Pakistan Foundation.....	6
<i>Vladimir N. Moskalenko</i>	
A Page from Pakistan History	61
<i>Sergey N. Kamenev</i>	
Russia-Pakistan Economic Relations.....	71
<i>Shah Navaz (Pakistan)</i>	
Pakistan-Russia Relations: General Tendencies, Main Hindrances and Prospects....	108
<i>Artem Y. Rudnitsky</i>	
On the Aspect of Russian Approaches to the Relations Between India and Pakistan....	118
<i>M. Ramzan Ali (Pakistan)</i>	
Pakistan-Russia Relations: Economic Dimensions	131
<i>Mohammad A. Mateen Khan (Pakistan), Afsheen Awan (Pakistan)</i>	
Diversity in Action: India Pakistan Conflict Resolution in Post Cold War Period (1990-2002)	162
<i>Railia M. Mukhimjanova</i>	
Pakistan and China: Course of Good Neighbourhood and Cooperation (90s – first decade of 2000s).....	180
<i>Mohammad A. Mateen Khan (Pakistan)</i>	
Terrorism Engulfs Pakistan: A study of the growth of internal terrorism in Pakistan 1972-92	195
<i>Vladimir N. Moskalenko</i>	
A Study of Some Pakistan Problems	217
<i>Irina V. Zhmuida</i>	
An Importance of Industrial and Export Zones in Pakistan Economy	227
<i>Lyudmila B. Aristova</i>	
Pakistan: Transport Projects and International Cooperation	235
<i>Natalia A. Zamaraeva</i>	
Telecommunication Boom in Pakistan: First Results and Prospects.....	242
<i>Marina Y. Morozova</i>	
Shia-Sunni Clashes in Pakistan	264
<i>Irina N. Serenko</i>	
Radicalization of Islam in Pakistan: Educational Aspect.....	279
<i>Irina N. Serenko</i>	
Education Problems in the Context of the National Strategy of “Enlightened Moderation” in Modern Pakistan.....	289
<i>Marina Y. Morozova</i>	
Natural Resources of Pakistani Balochistan: Fight for a Property Repartition.....	301
<i>Yuri N. Panichkin</i>	
Pak-Afghan Relations and “Pushtu Problem” (1947-1962).....	316
<i>Aarish U. Khan (Pakistan)</i>	
The Millennium Challenge Account and the Challenge for Pakistan Introduction.....	330
<i>Vladimir I. Sotnikov</i>	
On the Question of Pakistani-Iranian Military Nuclear Cooperation and Plausible Scenarios of Iran’s Nuclearization	347

Представляемый читателю сборник статей представляет собой не просто случайное соединение ряда научных материалов, но продуманную и целенаправленную подборку аналитических статей ведущих российских и пакистанских специалистов по истории, экономике, исламу, социальной инфраструктуре, внешней и внутренней политике Пакистана с акцентом на современное состояние и перспективы развития российско-пакистанских отношений. Авторы большинства статей стремились рассмотреть эти вопросы не только в рамках какого-то конкретного отрезка времени, но в исторической ретроспективе и (по возможности) дать прогноз развития ситуации в той или иной общественной сфере в обозримом будущем.

Пакистанские ученые принимают участие в совместной с российскими специалистами исследовательской работе, которая является отражением подписанной В. Путиным в ходе визита в феврале 2003 г. президента Пакистана Первез Мушаррафа в Россию Программы обменов в области культуры, науки и образования на 2003—2006 гг.

Особо хотелось бы отметить поддержку реализации Программы российско-пакистанского сотрудничества со стороны Президента пакистанской компании «Grid Group» Галины Сиддики и выразить ей в этой связи искреннюю признательность.

Предпосылки, причины и процесс образования Пакистана

Пакистан — страна во многом совершенно уникальная, с удивительной судьбой, привлекающая к себе внимание по разным причинам и различным поводам. Начать с того, что она возникла относительно недавно в середине прошлого столетия путем отделения от Индии. Через четверть века после создания от нее самой отпочковалось новое государство — Бангладеш. Возникнув на религиозной основе, Пакистан в какой-то мере опроверг теорию этно-национального основания государств, став одним из немногих (Ирландия, Израиль) религиозно-национальных образований и единственным таким в мусульманском мире. Преодолев немало преград и трудностей, это столь необычное государство в начале XXI века превратилось в одно из самых населенных в мире, выйдя по данному показателю на шестое место. К концу века, согласно долгосрочным демографическим прогнозам, Пакистан займет четвертую строчку в ряду наиболее крупных по населению государств сразу вслед за США с числом жителей, почти равным американскому.

Загадка Пакистана остается одной из постоянных тем в научной и публицистической литературе на протяжении по-существу всего времени его существования. Об этом много думают и пишут пакистанские авторы, а также специалисты и журналисты из Индии и других стран Азии. Тема Пакистана не выходит из моды в США и Великобритании, а также Франции и Германии. «Повезло» Пакистану и в отечественной историографии. Школа пакистановедения, у истоков которой стоял А.М.Дьяков, сложилась благодаря научным трудам Ю.В.Ганковского и Л.Р.Гордон-Полонской. В активе пакистановедения более 50 отдельных изданий — монографий и сборников статей. Неоднократно обращались отечественные авторы и к теме образования Пакистана, пытаясь выяснить причины и ход этого процесса. Данная статья — еще одна попытка рассмотреть по-прежнему акту-

---

* Вячеслав Яковлевич Белокреницкий — Заведующий отделом Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, доктор исторических наук.

альную тему. Злободневна она и в историко-теоретическом, и в практическом плане. Что касается последнего, то достаточно упомянуть о такой проблеме, как кашмирская, до сих пор остающейся тяжелым наследием раздела колониальной Индии и образования Пакистана.

Истоки мусульманского сепаратизма

Хотя мусульманские политические течения в колониальной Индии появились уже во второй трети XIX в., процессы, приведшие к появлению Пакистана, берут начало с кануна следующего, XX столетия.

Посмотрим, что представляла собой в тот период Индия и ее северо-западные, так сказать пакистанские, области. Обращает на себя внимание, что Индия была в тот исторический момент подлинным сердцем обширной заморской империи Великобритании, или, как часто говорят, жемчужиной в ее короне. Она представляла собой самое населенное, обладающее значительными природными и накопленными богатствами колониальное владение Англии. Индия занимала к тому же исключительно важное торговое и стратегическое местоположение между ареалами ближнего к Европе и дальнего от нее Востока, между выходом из Красного моря, с одной стороны, и Малаккским проливом, с другой. Причем такое выгодное положение она имела и до сооружения в 1869 г. Суэцкого канала, в течение почти четырех веков, когда европейские суда огибали Африку и, используя попутный ветер, направлялись к ее берегам.

Особенно значительным политико-стратегическое положение Британской Индии считалось в начале XX века, когда вице-королем был лорд Керзон. Один из самых молодых на посту управляющего индийскими делами (ему не было еще и 40, когда в 1899 году он прибыл в тогдашнюю столицу Калькутту), Керзон рассматривал Индию как несущую конструкцию в осуществлении политики британской короны на всем Востоке, мечтая сделать ее мостом между Европой и Азией.

Главное его внимание после окончания англо-бурской войны (1899—1902) привлек Ближний Восток, зона Персидского залива, и он совершил туда осенью 1903 г. многодневную поездку. Ему удалось установить прочные контакты с местными арабскими правителями, добившись от них признания в особом благоволении к британской короне и подтверждения отказа от предоставления баз и опорных пунктов для Франции и Германии!

Особое внимание Керзон уделял сухопутным границам колонии, будучи твердо убежден, как и большинство его предшественников, в стремлении императорской России двинуться из Средней Азии на юг в направлении Индии. Другой предмет его озабоченности — продви-

жение русских на Дальний Восток, в частности, их предполагаемые поползновения укрепить свои позиции в Тибете. В 1903-04 гг. по его инициативе туда направляется военная экспедиция англичан во главе с полковником Ф. Янгхазбендом. Она благополучно, хотя и со многими трудностями и боями, добралась до тибетского центра Лхасы и, не обнаружив там русских, ни с чем по существу вернулась обратно².

Следуя британской политике поддержки Японии в ее войне с Россией в 1904-1905 гг., англо-индийское правительство не дало возможности российской эскадре адмирала З.П.Рожественного заправляться углем на пути ее следования из Балтийского моря на Дальний Восток, что негативным образом сказалось на боеспособности русской флотилии и способствовало катастрофе в морском сражении с японцами при Цусиме³.

На стыке внешней и внутренней региональной политики Калькутты в конце XIX — начале XX века находилась острая ситуация на северо-западе колонии. Она сложилась вследствие восстания независимых пуштунских племен в 1897—1898 гг. в подконтрольной англичанам части обширной горной страны, проходы через которую, прежде всего Хайберский перевал, служили не раз опробованной дорогой для завоевателей Индии. Разделить полосу племен примерно поровну между Афганистаном и Индией кабульский эмир Абдурахман Хан согласился в 1893 г. на условиях увеличения ежегодно предоставляемых ему англичанами денежных субсидий. Линия разграничения известна по имени британского колониального чиновника М. Дюранда, который в качестве госсекретаря (т.е. секретаря по иностранным делам) в англо-индийской администрации занимался делимитацией границы и заключил договор о ней в Кабуле⁴.

Желая укрепить позиции колонизаторов в приграничных с Афганистаном районах, Керзон пошел в 1901 г. на выделение новой провинции — Северо-Западной пограничной — из состава провинции Панджаб. Тогда же расположенная к востоку от Панджаба Северо-Западная провинция была переименована в Соединенные провинции Агры и Ауда, или просто Соединенные провинции.

Административная система британской колонии в начале XX века имела сложный, в чем-то причудливый вид. Она сложилась в ходе утверждения сначала в Бенгалии (на востоке Индостана) и в других прибрежных районах, прежде всего в Мадрасе (на юге) и Бомбее (на западе) политической власти английской Ост-Индской кампании. Преодолев в годы семилетней войны (1756—1763) вызов, который пыталась бросить им французская Ост-индская компания, британцы утвердились в трех президентствах — Бенгальском, Бомбейском и Мадрасском — и установили эффективный контроль над ослабевшей и полуразразавшейся империей Великих Моголов с центром в Дели

вместе с отколовшимися от нее большими и малыми наследственными владениями (княжествами). Последней в 1818 г. прекратила оказывать сопротивление англичанам Маратхская конфедерация, господствовавшая к югу и западу от Дели.

Следуя принципам косвенного управления колониями, англичане в большинстве случаев сохраняли номинальную власть в руках туземных князей и правителей, освобождая их, как правило, от уплаты налогов и сборов и при необходимости предоставляя денежные субсидии как плату за подчинение и обеспечение внутренней стабильности. Однако с конца 1840-х годов при генерал-губернаторе лорде Дальхузи политика в отношении местных правителей меняется и остающиеся без прямых наследников владения переходят как выморочные под прямое управление колонизаторов. Это расширяет территорию собственно британской Индии, одновременно способствуя росту недовольства традиционной властной элиты. Представители последней, принявшие участие в широком и кровавом восстании 1857—1859 гг. (наиболее активная фаза длилась с мая по сентябрь 1857 г.) лишились своих владений после его подавления и перехода верховной власти над Индией непосредственно к английской короне. Бразды правления перешли к ней из рук национальной торговой компании, управлявшей Индией под присмотром государства и по доверенности общества, в рамках хартий (правовых актов), принимаемых раз в 20 лет британским парламентом.

К началу XX века Британская Индия состояла из двух президентских провинций во главе с губернаторами — Бомбейской и Мадрасской; четырех во главе с лейтенант-губернаторами — Бенгалии, Соединенных провинций, Центральных провинций и Панджаба; трех провинций, возглавляемых главными комиссарами — СЗПП, Белуджистана (обе — на северо-западе страны) и Ассама (на северо-востоке). Весь центр и юг занимали княжества. Среди них площадью и населением выделялись Хайдерабад на Деканском плато, Майсур в горных районах юга полуостровной части, Траванкур и Кочин на крайнем ее юго-западе, Бхопал, Гвалиор, Индур в центральных областях, Дхамму и Кашмир на крайнем севере. Кроме того, имелись целые кластеры наследственных владений: в Раджпутане (Раджастхане), среди них крупнейшие — Аджмер, Биканер, Джайпур, Джайсалмер; в Панджабе (ведущее из них — Патиала); в Рохилкханде (к востоку от Дели); на западном гуджратском побережье — Барода, Джунагадх; в пустынном северо-западе — Бахавалпур, Хайрпур, Калат); в северо-восточной части — Куч-Бехар, Трипура, Манипур. Общая площадь, которую занимали княжества, составляла, по разным источникам, от 40 до 45 и даже 50 процентов.

По религиозному составу населения Индия была по большей части индусской. Из почти 290 млн. человек, зарегистрированных пере-

писью 1901 г., мусульмане составляли 62 млн., или около 22 %. При этом их удельный вес по сравнению с данными двух предшествующих переписей (1881 и 1891 гг.) неуклонно увеличивался и продолжал расти на протяжении всей первой половины XX века. К 1921 г. он достиг уже 23, а к 1941 г. превысил 24 %. Иными словами, в начале века каждый пятый, а ближе к его середине уже каждый четвертый житель всей индийской территории Англии принадлежал, чаще всего по факту рождения, к исламской религии⁵.

Более быстрый рост мусульман объясняется рядом причин — в частности, отсутствием у них запрета на браки вдов, наличием религиозной санкции на многоженство и браки с немусульманками при условии их перехода в ислам, наконец, прозелитизмом, пропагандой ислама, в рамках соответствующих движений — *таблигх*, *дава*, *танзим*.

Одновременно с ростом численности мусульман наблюдалось также увеличение числа собственно индуистов. В начале столетия значительная часть немусульманского населения, сосредоточенная главным образом в гористых и малозаселенных срединных районах страны, сохраняла верность анимистическим культам и верованиям. Возросшая консолидированность индуизма, благодаря мерам по его возрождению и реформированию, способствовала постепенному вбиранию в индуистскую среду сохранивших первобытные верования племен. Исламский прозелитизм встретил ответную реакцию индуистов, развернувших в период между мировыми войнами движение за возвращение в лоно индуизма (*шуддхи*, *сангатхан*).

Вместе с тем, острой оставалась проблема низших каст (неприкасаемых), среди представителей которых, помимо стремления принять ислам или христианство, немалую поддержку получила идея обособления в виде особой религиозной общины. С ней активно и в итоге успешно боролся М.Ганди, не допустившей выделения неприкасаемых в отдельную избирательную курию⁶.

Кроме индуистов (и близких к ним джайнов) заметное место среди религиозных общин занимали сикхи, составлявшие в свое время главную опору власти в Панджабском государстве, (существовало с конца ХУШ до середины XIX в.), парсы-огнепоклонники, а также христиане — как индийцы (в основном обращенные низкокастовые индусы), так и особенно англо-индийцы, потомки смешанных браков.

Нужно также заметить, что жители туземных индийских княжеств состояли по большей части из индусов или тяготеющих к индуизму групп. Исключение составляли лишь северные и северо-западные княжества. Между тем на долю княжеств как в начале века, так и в его середине приходилась приблизительно пятая часть населения. Если, исходя из этого, считать, что подавляющая часть мусульман населя-

ла провинции Британской Индии, то их удельный вес там равнялся приблизительно одной трети.

Значение мусульманской общины в политической жизни собственно английской Индии определялось не только этим, хотя и весьма красноречивым, фактом. Удельный вес мусульман был еще более значителен среди традиционных элитарных слоев. Не стоит забывать, что правители из числа мусульман управляли Индией на протяжении почти всего второго тысячелетия н.э. Пика это господство достигло в конце XVIII в. при Аурангзебе Аламгире, последнем могущественном правителе из династии Великих Моголов. Он раздвинул рамки мусульманской империи в южном направлении, оставив вне зоны своего контроля, впрочем, недолговременного и по большей части номинального, лишь относительно небольшую территорию на оконечности полуострова (южнее бассейна р.Кавери)⁷.

Традиционно высокое социальное положение мусульманской общины оказалось резко нарушенным после завоевания Индии англичанами. От него в наибольшей степени пострадали правители-мусульмане, но и представители служилой знати из числа мусульман были потеснены немусульманами, главным образом индусами. Последние легче и успешнее приспособились к новым порядкам. С 1820-30-х годов, когда английские администраторы в Индии взяли курс на расширение доступа местного населения к европейскому (читай- английскому) образованию, именно индусы из высших каст в первую очередь воспользовались открывшимися возможностями. В то время как мусульмане, что называется, цеплялись за старое, пытаясь задержать переход административного и судебного делопроизводства с традиционных исламских на европейский стандарт, индусы стремились к получению нового образования и новых должностей. Усилили эти тенденции провозглашение Индии владением английской короны в 1858 г. и принятие в 1861 г. Акта об индийских советах — совещательных органах при исполнительной власти, призванных учитывать складывающееся в стране, тогда разумеется лишь у самых верхних слоев, общественное мнение. Тому же способствовало основание в 1858 г. первых университетов в Калькутте, Бомбее и Мадрасе, созданных по английским образцам. Среди их студентов в первые десятилетия мусульмане составляли незначительную долю⁸.

Отставание мусульман в темпах приобщения к основам европейской культуры сочеталось с их открытым и скрытым сопротивлением преобразованиям, вводимым англичанами. Острые выступления воинственно настроенных мусульман против властей происходили в 1857—1859 гг. не только в охваченных восстанием центральных районах Северной Индии, но и в Панджабе, который обычно относят к региону, оставшемуся лояльным колонизаторам⁹.

Волнения среди мусульман Индии продолжались и в последующем. Их организаторами и участниками являлись в первую очередь «муджахеды» (борцы за веру), последователи погибшего в 1831 г. в войне с сикхами исламского радикала Сайида Ахмада Барелви. Англичане называли их ваххабитами, по аналогии с арабийскими радикалами-ревнителями чистоты веры, и провели над ними в 60-х годах XIX в. серию судебных процессов¹⁰.

Скрытое сопротивление властям оказывала также традиционалистски настроенная мусульманская интеллигенция, состоявшая в основном из представителей строго не очерченного сословия богословов-улемов (мн. ч. от араб. *алим*, знаток). В 1867 г. в небольшом, по-преимуществу мусульманском городе Деобанд к северу от Дели начала работать религиозная школа (*мадраса*)¹¹. Она вскоре заняла положение крупнейшего центра религиозного обучения (*дар-ул-улама*), сохранявшего существенную степень независимости от властей. Деобандская школа улемов опиралась на наследие теоретика исламского подъема в Индии Шаха Валиуллы (1703—1762) и вдохновлялась примерами войны за веру, которые давала жизнь упомянутого выше «свидетеля» (*шахида*) Сайид Ахмада. Один из основателей Деобанда Мухаммад Касим принимал активное участие в антианглийском восстании и отсидел за это несколько лет в тюрьме. Он считал, что цели Деобандского центра те же, что и восстания, хотя методы различны¹².

С течением времени, впрочем, мусульмане-традиционалисты внешне смирились с британским владычеством. Более того, они позаимствовали у колонизаторов новые принципы, формализующие учебный процесс¹³. Вместе с тем, в Деобанде отказались от обучения английскому языку и литературе, что превратило его в оплот традиционалистского образования, мышления и идеологии. Другие подобные ему центры находились в Дели и Бхопале (принадлежали аристократической пуританской группе «ахл-е хадис»), а также в городах Барейли и Бадауни в Рохилкханде (школа улемов-барелви)¹⁴.

В 1860-х годах в среде мусульманской интеллигенции Индии появляются сторонники позитивного отношения к результатам английского господства, признания достижений западной науки и культуры и необходимости усвоения ее элементов. Безусловным лидером этого течения являлся Сайид Ахмад Хан (1817-1898). В 1864 г. в городе Алигархе к юго-востоку от Дели он основал Научный институт, а в 1875 г. — частное учебное заведение: Мусульманский (магометанский) англо-восточный колледж¹⁵.

Последнее произошло при активном участии и поддержке англо-индийских властей. Колледж предназначался для воспитания нового слоя мусульманской элиты, представители которого должны были

получить английское образование и пополнить ряды государственных чиновников.

Надо отметить, что колониальные власти к тому времени обратили внимание на отставание верхушки мусульман в процессе приобщения местной элиты к плодам привносимого ими просвещения, а также на такое явление, как деградация мусульманских районов. Этому способствовали подготовленные видными деятелями колониального аппарата (такими, как У.У.Хантер) аналитические материалы и публикации, рисующие неудовлетворительную картину положения мусульманского меньшинства, прежде всего в Бенгалии, но также и в целом в Британской Индии¹⁶.

Другим обстоятельством нужно считать международное значение исламского фактора, которое заключалось для англичан в том, что они вплотную соприкасались с мусульманским миром по всему периметру своих геополитических интересов и притязаний, будь то Балканы, где Османская империя в 1877—1878 гг. потерпела поражение от России и понадобилось противодействие Англии и других европейских держав, чтобы путем отмены Сан-Стефанского перемирия снизить эффект от него для мусульманской империи; или Восточное Средиземноморье, где Великобритания с помощью египетского паши сумела отобрать ключи от Суэцкого канала у построивших его французов; или Центральная Азия, где Афганистан представлял собой буфер между английской Индией и контролирующей мусульманские регионы Российской империей¹⁷.

Повышенное внимание английских верхов к мусульманам определялось еще и аристократическим снобизмом. Среди представителей местной индийской знати мусульмане и до, и после восстания 1857-59 гг. занимали наиболее видные позиции. Перым среди владетельных князей считался низам Хайдерабада. К ведущим аристократам относились также мусульманский правитель Бхопала, низам Дакки в Восточной Бенгалии, раджа Махмудабада, правители Рампура, Патауди, Джунагадха и ряда других княжеств. С переходом Индии под власть короны и возведением генерал-губернатора в сан вице-короля выросли помпезность и пышность церемоний, сопровождавших имперское правление. Англичане при этом учитывали восточные обычаи, стремились укрепить свою власть путем ее легитимации в глазах наследственных правителей, для которых британская империя превращалась в законного наследника могольской. Именно этой цели официально служил созданный в 1877 г. вице-королем лордом Литтоном *дарбар* (съезд индийской знати) в Дели, на котором королева Виктория была торжественно провозглашена императрицей Индии¹⁸.

Определенное значение в то же время имело и аристократическое тщеславие британских верхов, позволявших себе в Индии вести образ

жизни, подобный тому, который вели местные наследственные правители. Обычно этим особенно отличались вице-короли, назначенные правительствами консерваторов, такие, например, как Литтон и Керзон. Заметим, что консервативная тенденция в методах управления колонией боролась с либеральной, которую отстаивала в британском парламенте одноименная партия. Либералы, между прочим, едва не заблокировали церемонию коронации Виктории и резко критиковали аристократический стиль управления Индией. Противоборство двух этих тенденций, никогда, впрочем, не имевшее кардинальный, глубокий характер, отражалось на отношении колониальных властей к проблеме мусульман и до некоторой степени объясняет особенности процесса получения Индией независимости и образования Пакистана.

Раздвоенности и амбивалентности британской политики в определенной мере соответствовала неоднородность позиций мусульманской общины. Формировавшие ее представители традиционной аристократии и так называемого среднего, т.е. достаточно обеспеченного и образованного, класса распались, как выше отмечалось, на группу непримиримых, хотя и временно затаившихся противников всего христианского и английского, и постепенно возраставшую прослойку людей, благожелательно относившихся к элементам чужой религии и культуры. Последние группировались в последней трети XIX в. главным образом вокруг Алигарха и фигуры Сайид Ахмад Хана, который пропагандировал идеи примирения исламской традиции и достижений современной ему европейской культуры, в частности науки. Будучи верующим человеком, он исходил из общности исламской и христианской цивилизаций и в позитивистском ключе ставил и решал ключевые философские и мировоззренческие вопросы. Л.Р.Гордон-Полонская характеризует его взгляды как объективно идеалистические, не оставляющие по существу места для бога. Между тем, от веры в Аллаха он, по мнению Б.Меткалф, никогда не отступал¹⁹. Можно сказать, что его реформистские взгляды отличались позитивизмом, встречая не только одобрение, но и критику в лагере модернистов и неприятие в традиционалистской среде²⁰.

Помимо Алигарха, существовали другие центры реформистской учености, такие как мусульманский колледж общества Надват-уль-ислам в городе Лакхнау (Соединенные провинции). Общество появилось в начале 1890-х годов, а в 1908 г. основанный им колледж получил поддержку властей²¹.

Еще более известным центром мусульманского образования в Лакхнау была семинария Фаранги махалл (французский дворец), основанная еще в XVIII в. Она отличалась введенным ее основателями каноном образования, который постепенно приобрел широкое

признание, а также примирительным отношением к различным направлениям и школам в исламе²².

Наиболее последовательным модернизмом отличалась религиозно-реформаторская деятельность Мирзы Ахмада Кадияни (1838—1908), создавшего новую секту кадияни или ахмадие. Ее центр находился в восточной части Панджаба в г. Кадиян, а существо учения сводилось к догматам о познаваемости бога, равенстве людей перед ним и социальном прогрессе, которому в Индии способствуют действия просвещенных английских властей²³.

Необходимо подчеркнуть, что деятельность по-существу всех групп мусульманской интеллигенции была направлена на защиту и укрепление позиций ислама как религии и мировоззрения. При этом им противостояли две силы — с одной стороны, чужеродное и иноконфессиональное влияние христиан-колонизаторов, а с другой — реформирующийся индуизм, который вкупе с модернистско-секулярными идеями приобретал характер «невидимой системы», лежащей в основе общеиндийского национализма.

Страх перед индусским большинством и его культурной экспансией рано охватил духовных лидеров мусульманской общины и во многом объясняет появление представлений об отдельной судьбе мусульман Индии. Наиболее влиятельным выразителем этих идей был Сайид Ахмад Хан. Еще в ранних его работах прослеживается, по словам Л.Р.Гордон-Полонской, «зарождение идеологии религиозного сепаратизма»²⁴. На последнем этапе его деятельности они звучат с новой силой. Он был горячим сторонником развития общего для мусульман Индии, наиболее тесно связанного с религией (из индийских) языка урду и его противопоставления хинди, активно распространявшейся в конце XIX в. индусской (санскритизированной) формы языка хиндустани.

Сайид Ахмад выступал при этом за правительственную помощь в деле сохранения и расширения специально предназначенной для мусульман системы просвещения. Алигархский колледж мыслится им как фундамент здания высшего образования для мусульман, и в 1920 г. на его базе открывается первый мусульманский университет²⁵.

Еще более существенную роль для политического будущего Индии сыграло негативное отношение С. Ахмада к Индийскому национальному конгрессу (ИНК), основанному в 1885 г. В то время как некоторые мусульмане, главным образом получившие разностороннее образование богатые купцы и торговцы из космополитического Бомбея, принимали участие в работе его ежегодных, приуроченных к рождественским праздникам собраний, большинство из них увидело в образовании Конгресса затею враждебных сил и отказалось признать за ним роль выразителей своих интересов. Причем к этому большинству

относилась не только традиционалистская интеллигенция, но и такие европейски образованные и преуспевающие мусульмане, как калкuttский юрист Амир Али. Он еще в 1878 г. основал просветительскую по целям Национальную (в смысле общую для всех единоверцев; сам он был шиитом) мусульманскую ассоциацию²⁶.

Симптоматично, что одновременно с возникновением Конгресса в 1885 г. в панджабском городе Лахор создается Общество защиты ислама (Анджуман-и химайат-и ислам), а в 1886 г. впервые собирается Мусульманская конференция по образованию²⁷. Деятельность ежегодно созываемой конференции была тесно связана с Алигархом, а сама она выполняла не только важную общественную, но и политическую миссию. Участники, собравшиеся на ее сессию, приняли 30 декабря 1906 г. решение об образовании первой политической организации мусульман Индии — Всеиндийской мусульманской лиги²⁸.

Этому предшествовали бурные события, вызванные действиями английских правителей. В 1905 г., незадолго до окончания своего пребывания на посту вице-короля, лорд Керзон принял решение о разделе крупнейшей провинции Бенгалии на две — Западную и Восточную (с присоединением к последней Ассама). Хотя обоснованием для такого решения служили трудности администрирования (население провинции равнялось трети жителей Британской Индии) принцип разделения на преимущественно индусскую и мусульманскую территории породил антиправительственные выступления патриотически настроенных бенгалцев, главным образом индусов, кампанию *свадешши* (бойкота иностранных товаров), а также террористические акты. Несмотря на широкую и грозную кампанию, сопровождавшуюся расколом в рядах Конгресса на умеренных и радикалов, осуждением на тюремное заключение лидера последних Б.Г.Тилака и другими осложнениями, администрация следующего вице-короля лорда Минто не пошла на ревизию решения о разделе.

Между тем, вызванный ею рост политической активности привел в движение не только индусскую, но и мусульманскую общину. Восточная Бенгалия стала первой крупной провинцией, где мусульмане оказались в большинстве (в Панджабе в начале века они составляли примерно половину). Превращение главного восточнобенгальского города Дакки в столицу новой провинции повысило его значение. Вырос общественный вес и первого заминдара (крупнейшего землевладельца) Бенгалии наваба Дакки Самиуллы Хана. По инициативе наваба в родном для него городе состоялась упомянутая выше сессия Мусульманской конференции по образованию, в организации которой главную роль играли лидеры Алигархского движения. Собираясь в Дакку, группа представителей мусульманской элиты во главе с на-

следственным главой секты исмаилитов Ага Ханом III попросила вице-короля об аудиенции и во время встречи с ним выразила пожелание о создании отдельной для мусульман курии в случае принятия закона о выборах в законодательные советы²⁹.

О конституционной реформе англичане объявили в 1909 году. Она получила название по имени государственного секретаря (пост высшего сановника в Лондоне, отвечавшего за дела в Индии) лорда Морли и вице-короля Минто. В основе реформ лежал Акт об индийских советах. Главным его нововведением было не номинирование, как раньше, а избрание так называемых неофициальных (не из числа представителей властей) членов. При этом выборы проводили различные общественные корпорации — органы местного самоуправления, торговые палаты, университеты, собрания землевладельцев, ассоциации чая, джута и т.п. В 1910 г. в ходе выборов определились 135 членов провинциальных советов, которые в свою очередь выбрали 27 представителей индийской общественности в центральном (имперском) совете при вице-короле³⁰.

В ответ на пожелание вышеупомянутой делегации мусульман и после продолжительных дебатов в Калькутте и Лондоне мусульмане-землевладельцы были выделены в отдельную курию и получили возможность выбрать своих представителей в законодательные советы³¹.

Образованию отдельной мусульманской курии по закону 1909 г. в историографии придают обычно особое значение, видя за этим решением «тень Пакистана»³². Надо отметить, что хотя и в момент принятия это решение англичан было встречено протестами определенных кругов в Индии, однако они не были сильными и широкими³³.

В 1911 г. английские власти, при новом вице-короле лорде Хардиндже, отменяют решение о разделе Бенгалии и одновременно переносят столицу империи из Калькутты в Дели. Самый пышный из трех *дарбаров*, проводившихся ими по случаю провозглашения царствующей в Англии особы императором Индии³⁴, способствовал тому, что отмена выгодного для мусульман нововведения прошла по-существу незамеченной. Более серьезные возражения со стороны образованной части мусульман вызвала международная политика Англии, которая на протяжении 1911—1914 гг. (в ходе итало-турецкой и двух балканских войн) занимала нейтральную позицию, отказываясь поддержать Османскую империю.

В 1913 г. в Лакхнау появляется первая организация, которую можно назвать проосманской или панисламистской, а затем начинают выходить несколько популярных изданий («Аль-Хилал», «Комрид», «Заминдар»), носящих яркий антиправительственный, антибританский характер³⁵. На базе критики англичан складывается сотрудничество политически активной части мусульман и немусульман. Оно укрепляется в годы первой мировой войны под влиянием участия

почти миллиона индийских солдат в войне в Европе и обещаний Англии предоставить Индии самоуправление после окончания войны. На гребне ожиданий уступок со стороны властей происходит примирение умеренных и радикалов в рядах Конгресса и сближение между ним и Мусульманской лигой.

Апофеозом согласия становится принятие в 1916 г. Пакта в Лакхнау, заключенного Конгрессом и Лигой. Помимо разработанной в нем схемы расширения участия индийцев в управлении колонией, пакт утверждал принцип отдельных курий для индусов и мусульман и определял квоты их представительства в провинциальных законодательных советах, исходя из льгот меньшинствам. В Панджабе, например, где доля мусульман равнялась 55% населения, на их курию выделялось 50% мест, в Бенгалии с долей мусульман равной 53% им предоставлялось только 40%, зато в Соединенных провинциях, где мусульмане составляли всего 15% жителей, они получали половину мест³⁶.

Лакхнаууский пакт, означающий согласие конгрессистов на принцип общинного представительства, не уступает, как думается, по значению факту учреждения курии для землевладельцев-мусульман законом 1909 г. Характерно при этом, что речь в Лакхнау шла не об особой отсталости или недопредставленности мусульман, а об учете интересов представителей двух как бы равновеликих и безусловно равноправных религиозных общин. Понятно, что лидеры Конгресса пошли на этот шаг ввиду политической целесообразности момента, необходимости заручиться поддержкой более решительных в критике английских властей панисламистски настроенных мусульманских деятелей. Однако они тем самым создали прецедент, который англичане учли при подготовке новых реформ известных по именам госсекретаря Монтегю и вице-короля лорда Челмсфорда.

Разработанный в 1917—1918 гг. Закон об управлении Индией был введен в действие в декабре 1919 г. уже после окончания первой мировой войны. Принцип отдельных курий получил в нем дальнейшую разработку. Повышенное представительство получали не только мусульмане, особенно в Соединенных провинциях и Мадрасе, но и сикхи (в Панджабе). Куриальная система распространялась также на англо-индийцев и христиан, а также группы интересов — лендлордов, торговлю и промышленность, университеты. Кроме того, небольшая часть (менее 20 %) членов законодательных советов назначалась исполнительной властью, причем несколько мест резервировалось для лиц, отражающих интересы «отсталых классов» и некоторых меньшинств (европейцев, англо-индийцев, христиан)³⁷.

В конце войны и первые послевоенные годы в Индии усилилась антиправительственная внепарламентская борьба. В ее авангарде на-

ходились мусульмане, участники Халифатистского движения, выступавшие в защиту турецкого султана, халифа правоверных мусульман. Османская империя оказалась разгромленной в 1914—1918 гг. силами Антанты, прежде всего Англией, на фронтах в Палестине и Месопотамии, и была вынуждена согласиться на унижительное для нее Мудросское перемирие и подписать в 1920 г. Севрский договор. Под руководством Кемаля Мустафы турецкие войска сумели в дальнейшем оказать отпор попыткам стран-победительниц урезать национальную территорию Турции, которая была закреплена за ней Лозаннским мирным договором 1923 г. Из империи Турция превратилась в республику, которая в 1924 г. упразднила халифат.

Пик Халифатистского движения в Индии пришелся на 1919—1921 гг., когда был образован центральный комитет и собирались конференции. Цель агитации, которую вели радикально настроенные панисламисты, прежде всего братья Мохамед и Шаукат Али из Соединенных провинций, молодой Абул Калам Азад и другие, состояла в оказании давления на колониальное правительство с тем, чтобы оно прислушалось к мнению своих подданных, а также в объединении мусульман под флагом защиты ислама, против перехода контроля за его главными святынями — Меккой и Мединой — в руки неверных. В 1919 г. на гребне антиколониальной агитации создается первая религиозно-политическая организация богословствующих (ученых) мусульман Джамиат-ул-улама-е-Хинд (ДУХ, Общество улемов Индии)³⁸.

Массовый отклик пропаганда халифатистов получила на северо-западе Индии, среди мусульман Синда, Панджаба и особенно СЗПП. Призыв панисламистов покинуть Британскую Индию как территорию, где истинно верующие мусульмане не могут проживать, вызвал отклик прежде всего среди пуштунов. Весной 1920 г. десятки тысяч семей из СЗПП приняли участие в хиджре (переселении) в Афганистан, незадолго до того добившейся от Англии признания своей полной независимости. Землевладельцы и горожане снялись с места, продав или заложив свое имущество, и наводнили соседнюю страну, эмир которой был вынужден принять меры по отправке их обратно³⁹.

Активную роль в поддержке движения халифатистов сыграл М.К.Ганди, соединивший с ним свою кампанию ненасильственного несотрудничества с властями, упорства в истине (*сатьяграха*). Возглавляемый им в то время Конгресс отверг реформы Монтегю-Челмсфорда и отказался принимать участие в выборах в законодательные органы. Призыв Ганди к неучастию в правительственных акциях и учреждениях имел частичный успех, но придал борьбе за политическое освобождение новое измерение — опору на мобилизацию поддержки широких масс населения. С одной стороны, это способствовало рас-

ширению и углублению борьбы, а с другой, создавало предпосылку для подрыва единства, так как принципиально различными были формы политической мобилизации разобщенного в культурно-религиозном отношении населения.

Расхождение индусско-мусульманского единения началось уже в 1921 году, когда на западном Малабарском побережье местные мусульмане-мопла подняли восстание, частью которого стали погромы притеснителей-индусов. Межобщинные столкновения продолжались и в дальнейшем, несмотря на все усилия Ганди положить конец насилию (инцидент с убийством полицейских в 1922 г. послужил для него основанием для призыва к окончанию сатьяграхи). В 1926 г., например, мусульmano-индусские столкновения на три месяца парализовали жизнь в Калькутте⁴⁰. Всего же с апреля 1926 по март 1927 г. в стране произошло 40 крупных инцидентов, в результате которых погибло около 200 и было ранено 1600 человек⁴¹.

Закат Халифатистского движения ввиду решений, принятых новым руководством Турции, ослабил позиции радикально настроенных политиков-мусульман и усилил положение тех из них, которые делали ставку на легальные формы и методы борьбы. К таким с момента своего вступления в политику относился будущий отец-основатель Пакистана Мухаммад Али Джинна (1876-1948). Блестящий юрист из Бомбея, Джинна начал свою общественную жизнь в качестве члена Конгресса и лишь в 1913 г. вступил в Мусульманскую лигу. Это не помешало ему через три года занять место ее председателя, под руководством которого она добилась заключения с Конгрессом Лакхнауусского пакта.

Расходясь с Ганди и халифатистами в послевоенные годы массовых кампаний и обструкции действий властей, Джинна в 1924 г. сумел вернуть себе положение одного из наиболее влиятельных лидеров мусульман и председательствовал на собравшейся после перерыва сессии Мусульманской лиги в Лахоре⁴². Выбранный членом центрального законодательного собрания, Джинна возглавил комитет по реформам, солидаризируясь с теми политиками, которые видели смысл в парламентской деятельности, пусть и усеченного вида. Размежевание на сторонников и противников сотрудничества с колониальными властями захватило тогда все политически активные круги.

В Конгрессе до 1929 г. господствовали так называемые свараджисты, сторонники участия в созданных англичанами представительных органах, возглавляемые Мотилалом Неру. Этому способствовало самоустранение Ганди после выхода из тюрьмы в 1923 году. Пытаясь ослабить позиции властей действиями изнутри, путем парламентской критики и обструкции, свараджисты и другие либералы, в числе которых был Джинна, выдвигали радикальные цели передачи реальной

власти индийцам, добываясь в достаточно близкой перспективе полной независимости страны.

Действия англичан в конце 1920-х годов, казалось бы, давали основания для сближения позиций лидеров индусской и мусульманской общин. Речь идет о назначении англичанами (британским консервативным правительством) Комиссии по подготовке предложений по дальнейшему совершенствованию системы управления Индией (реформы Монтегю-Челмсфорда предполагали проведение такой ревизии через 10 лет). В комиссию во главе с умеренным либералом Дж. Саймоном не был включен ни один представитель индийского населения. Это вызвало крайнее недовольство общественности в Индии. Развернулась кампания по бойкоту деятельности прибывшей в колонию комиссии, в которой приняли участие многие либерально настроенные деятели, в том числе М.А. Джинна⁴³. На волне протестов умеренное, свараджистское руководство Конгресса подготовило свои предложения с требованием о предоставлении Индии статуса доминиона в составе Британского содружества наций.

Надо сказать, что уже к тому времени после опубликования в 1926 г. декларации лорда Бальфура этот статус подразумевал полную самостоятельность входящих в Содружество государств. В 1931 г. британский парламент принял так называемый Вестминстерский статут, т.е. Закон согласно которому, Англия (Соединенное королевство) и все прочие государства-члены Содружества пользовались одинаковыми правами в его рамках, объединенные лишь преданностью символу короны, и были полностью независимы в своей внутренней и внешней политике⁴⁴.

Несмотря на эти шаги, упреждающие появление крайних настроений, в политической Индии, прежде всего в ее тогдашнем средоточии, Индийском национальном конгрессе, развернулась ожесточенная борьба между сторонниками сохранения связей с метрополией и разрывом этих связей. Упомянутые выше предложения о самоуправлении и статусе доминиона для Индии легли в основу подготовленного главным образом лидером умеренных конгрессистов Мотилалом Неру (другой автор - известный либерал-неконгрессист Тедж Бахадур Сапру) доклада, который одобрили в 1928 г. на Всепартийной конференции в Дели с участием различных организаций, в том числе мусульманских⁴⁵.

Джинна в этот период вел борьбу на два фронта. Он поддерживал бойкот, объявленный Конгрессом комиссии Саймона, а также основные цели доклада Неру. Вместе с тем он потребовал от конгрессистов учесть особые требования мусульман, сведя их к 14 пунктам. Соглашаясь с федеративным характером будущей конституции независимой Индии, Джинна требовал предоставления мусульманам не менее трети мест в центральной легислатуре, уважения к автономии про-

винций и обеспечения «адекватного и эффективного» представительства меньшинств в каждой провинции. Кроме ряда требований, предусматривавших расширение числа и повышение статуса провинций с мусульманским большинством, программа Джинны включала пункт о том, чтобы ни один центральный или провинциальный кабинет не имел в своем составе меньше трети представителей мусульманской общины⁴⁶. На сессии Конгресса в декабре 1928 г. Джинна столкнулся с жесткой критикой своих 14 пунктов и вынужден был покинуть заседание, ничего не добившись⁴⁷.

В то же время радикально настроенные молодые лидеры Конгресса (Джавахарлал Неру, Субхас Чандра Бос и другие) настаивали на размежевании с метрополией, необходимости борьбы за полную независимость. Вернувшийся к активной политической деятельности Махатма Ганди, стремясь не допустить раскола организации, выступил посредником между крайними лагерями и предложил дать англичанам время на раздумье до конца 1929 года. Реакция английских властей не устроила большинство Конгресса, — в результате 26 января 1930 г. объявили днем борьбы за полную независимость (*нурна сварадж*) Весной того года по инициативе Ганди началась новая сатьяграха⁴⁸.

Деятельность Национального конгресса по расширению поддержки населением его политической борьбы в связи с необходимостью проходила в формах, специфических для сознания большинства, т.е. масс индусов. Мусульмане оставались, как правило, слабо вовлеченными в организованные Ганди в 1930—1931 и 1932—1934 гг. кампании несотрудничества и неповиновения властям. Известное исключение составили мусульмане Северо-Западной пограничной провинции. Там пуштунская националистическая организация Худаи хитматгар (Слуга бога) во главе с Абдул Гаффар Ханом поддержала Конгресс и его антиправительственные акции⁴⁹.

Между тем основной поток мусульманской политической активности продолжал оставаться в высшей степени элитарным, верхушечным. В 1927 г. в Мусульманской лиге произошел раскол по вопросу об отношении к Комиссии Саймона. Большая часть членов совета Лиги поддержала Джинну, энергично выступившего за бойкот. Однако большинство ее членов из Панджаба, возглавляемые М. Шафи (подробнее о нем ниже), высказались за сотрудничество с Саймоном и провели отдельную сессию Лиги. Фракция Шафи в конце десятилетия приобрела заметный вес и влияние, едва ли не более значительное, чем основная фракция Джинны⁵⁰.

В начале 1929г. разобщенные и дезориентированные после провала Халифатистского движения политические группы мусульман сделали попытку выработать совместную платформу и для этого собрались в

Дели на Всепартийную мусульманскую конференцию. Председательствовал на ней Ага Хан Ш, который с 1907 по 1914 гг. был постоянным почетным президентом Мусульманской лиги, а затем надолго отошел от публичной политики. Появившийся на конференции М.А.Джинна надеялся сплотить мусульман вокруг своей программы из 14 пунктов, однако ему не удалось добиться успеха. Традиционалистски настроенные мусульманские политики восприняли его приход как «возвращение блудного сына» и признак его разрыва с Конгрессом, хотя на самом деле до него было еще далеко. Разуверившись в поддержке коллег и по Конгрессу, и по Лиге, Джинна обратился к англичанам с предложением предотвратить радикализацию настроений в Индии путем принятия декларации о намерении предоставить ей самоуправление, а также организации конференции с участием индийцев, представляющих весь спектр различных интересов, с целью содействовать в выработке основ нового конституционного устройства. Таким образом, как полагает С.Волперт, он был едва ли не главным инициатором конференций круглого стола, открывшихся в Лондоне в 1930 году⁵¹.

Лондонские конференции, проходившие осенью 1930, 1931 и 1932 г., не оправдали ожиданий. Они были призваны сгладить впечатление от назначения комиссии Саймона, среди членов которого не было ни одного индийца, и нацелены на обсуждение планов, противоположных рекомендациям этой комиссии. Опубликованный в 1930 г. ее доклад предлагал предоставить права самоуправления провинциям, ссылаясь на сложность нахождения формулы самоуправления для всей Индии.

Нужно отметить, что за этими рекомендациями стояло осознание вполне реальных трудностей. Выше уже характеризовалась причудливая, лоскутная административно-политическая структура британских колониальных владений в южной части Азии. Главную проблему составляло наличие княжеств, наследственных владений, имеющих формально юридически особый статус по сравнению с Британской Индией. В рамках реформы Монтегю-Челмсфорда англичане в 1921 г. создают совещательный орган, Палату князей⁵². В 1929 г. в соответствии с выводами комиссии Х. Батлера князья получают от англичан заверения, что никакая будущая центральная власть в Индии не будет автоматически распространяться на княжества, наперекор требованиям, зафиксированным в докладе Неру. Первая конференция круглого стола 1930 г. добилась определенного успеха в продвижении к идее создания федерации и передаче в будущем властных полномочий национальному центральному правительству. Этому содействовала позиция участвовавших в ее работе представителей князей, а также мусульман, прежде всего Джинны. В заявлениях последних выразилось согласие на отказ, при гарантиях учета прав меньшинств, от

принципа выборов по религиозным куриям. Однако под давлением радикальных требований, которые в ответ на известия о происходящих в Лондоне дискуссиях стали выдвигаться в Индии, произошло ужесточение позиций сторон, представляющих интересы князей и общинно-религиозных меньшинств.

Заклученный весной 1931 г. между Ганди и вице-королем лордом Ирвином пакт о приостановке кампании гражданского неповиновения позволил Ганди (в качестве единственного представителя Конгресса) принять участие во второй конференции круглого стола. Однако она свелась лишь к подтверждению желательности принципов федеративного устройства для всей Индии (включая Индию княжеств) и статуса доминиона. Попытки Ганди уговорить собравшихся в Лондоне лидеров меньшинств отказаться от идеи курий оказали на них, как отмечает Д. Браун, обратное воздействие⁵³.

Оставшийся открытым после двух конференций вопрос о схеме голосования был решен в августе 1932 г. вынесенным британским правительством Общинным приговором (Communal Award). В соответствии с ним, сохранялась и даже расширялась система избирательных курий на выборах в провинциях, введенная законом 1919 г. Мусульмане, как и ранее, выделялись в отдельную электоральную группу, что давало им, как и другим меньшинствам (сикхам, англо-индийцам и т.д.), определенные гарантии с точки зрения представленности в выборных органах. В то же время в ключевых провинциях с мусульманским большинством, Бенгалии и Панджабе, квота мусульман не дотягивала до половины. Интересно, что в СЗПП немусульманам, составляющим лишь 8 % жителей, выделялось 28 % мест, а в Синде (еще не выделившимся из Бомбея) 30 % немусульман предоставлялось 43 % депутатских мест⁵⁴.

Понятно, почему не эти особенности решения англичан вызвали острый протест со стороны Конгресса. Его внимание привлекло главным образом выделение каст неприкасаемых в отдельную курию. Ганди объявил голодовку, угрожая довести себя до смерти, если данное положение не будет отменено. Лидер неприкасаемых Б.Р. Амбедкар, находясь под большим давлением, согласился пойти навстречу требованиям Ганди и решил ограничиться резервированием за неприкасаемыми определенного числа мест по общей (индусской) курии. Пакт, подписанный Конгрессом и неприкасаемыми в Пуне, скорректировал Общинный приговор, подтвердив тем самым остальные его принципы⁵⁵.

Сложная внутривнутриполитическая обстановка в Англии в период после Великой депрессии, с одной стороны, подавление властями Индии массового движения неповиновения и заключение в тюрьму лидеров Конгресса, с другой, способствовали замораживанию процесса выработки и утверждения нового закона об управлении Индией. Он был

одобрен парламентом лишь через два с половиной года после окончания конференций круглого стола и подписан королем только весной 1935 г.

Закон состоял из двух частей — федеральной и провинциальной. Первая часть касалась передачи прав самоуправления центру при условии вхождения в общеиндийскую федерацию княжеств. При этом князьям предоставлялось право вступать или воздерживаться от вступления в федерацию, и положения закона о центральном самоуправлении обретали силу лишь после того как половина княжеской Индии (из расчета величины населения) выразит согласие на присоединение к создаваемой федерации.

Ввиду отсутствия желания у обеих сторон (князей и правительства в Дели) процесс формирования федерации затягивался. Англичане решили ввести в действие вторую часть Закона 1935 г., касающуюся самоуправления в провинциях. По сравнению с предшествующим актом от 1919 г., полномочия избранного законодательного органа (переименованного из совета в собрание) расширились — его большинство могло формировать ответственное перед легислатурой правительство.

Весной 1937 г. состоялись выборы в провинциальные собрания. Они принесли крупный успех Индийскому национальному конгрессу, продемонстрировав, что он является ведущей в стране политической силой. Конгресс получил более половины мест в пяти из 11 провинций, управляемых губернаторами. (Бирма в 1935 г. была выделена в отдельную колонию; в 1934 г. Ориссу отделили от Бихара, а Синд от Бомбея; уже в 1932 г. права полноправной провинции получила СЗПП). Еще в четырех провинциях Конгресс получил значительную поддержку (от четверти до почти половины мест)⁵⁶. В результате ожесточенной борьбы между сторонниками и противниками участия в провинциальных правительствах Рабочий комитет ИНК принял решение разрешить конгрессистам участвовать в них, оставив за собой право контроля за действиями последних, а также ее приостановки, в случае принципиальных расхождений в позициях сотрудничества с колониальными властями.

Несмотря на общий успех, Конгресс не смог добиться поддержки мусульман. Последним были отведены в общей сложности 482 места в провинциальных собраниях. Конгресс сумел выставить кандидатов на выборах только в 58 округах и победил в 26⁵⁷. Причем это был парадоксальный успех, достигнутый в основном за счет Северо-Западной пограничной провинции, где популярность местной организации (вышеупомянутой Худаи хитматгар) объяснялась по большей части ее опорой на лозунги пуштунского (как тогда чаще говорили, патанского) национализма. Что же касается образовавшейся на рубеже 20-30-х годов группы видных деятелей Конгресса из числа мусульман, таких как маулана (богослов) Абул Калам Азад, д-р Ансари, Саед Махмуд и

др., то они оказались в основном в положении генералов без армии. Националистические мусульмане (так их называли по участию в национальном, претендующем на общеиндийское значение Конгрессе) добились некоторых успехов лишь в Мадрасе и Бихаре, ни один конгрессист не победил в трех провинциях с мусульманским большинством — Бенгалии, Панджабе и Синде, а также в Соединенных провинциях, где при доле населения в 15 % мусульмане традиционно играли видную роль в общественной и политической жизни⁵⁸.

Между тем, и Всеиндийская мусульманская лига добилась на выборах 1937 г. весьма скромных результатов. Она завоевала всего 109 мест в провинциальных собраниях из 482 мусульманских (23 %), победив, правда, в большинстве (60 %) округов, где выставлялись ее кандидаты. Наибольшего успеха Лига добилась в Бенгалии, Бомбее и Соединенных провинциях, но нигде она не могла претендовать на то, чтобы представлять интересы всего мусульманского населения⁵⁹.

Из трех провинций, где ей сопутствовал определенный успех, только в Бенгалии мусульмане преобладали, хотя и незначительно. Что же касается провинций с заметным мусульманским большинством, то в Синде и Панджабе Лигу ожидала полная неудача (соответственно ни одного и лишь одно депутатское место). В СЗПП победу, как выше отмечалось, одержало преимущественно мусульманское по составу отделение главного антагониста Лиги — Национального конгресса — во главе с А. Гаффар Ханом. В целом на северо-западе колониальной Индии, в будущем сердце Пакистана, главная сила, стоящая за проектом его создания, получила крайне небольшую поддержку избирателей.

В чем причины этого явления? Отчасти в общей слабости Мусульманской лиги. В период Халифатистского движения она не собиралась на свои сессии, оставаясь с 1916 г. расколотой. Основную ее фракцию неформально возглавлял М.А.Джинна, а параллельную — панджабец Миан Мухаммад Шафи. В конце 1920-х годов Джинна и его Лига выступили за бойкот комиссии Саймона, а партия Шафи согласилась сотрудничать с ней. Разница точек зрения проистекала главным образом из того факта, что во взглядах Саймона и его коллег по комиссии с самого начала обнаружилось предпочтение к провинциальному самоуправлению. Джинна выступал от имени и в интересах мусульман-федералистов, сторонников общеиндийского центра власти с предоставлением гарантий политических прав мусульманам как в центре, так и в провинциях. Именно на это были нацелены выше упоминавшиеся его 14 пунктов, и неслучайно они были выдвинуты в противовес и в добавление к другой федералистской схеме, содержащейся в докладе (т.н. конституции) Мотилала Неру⁶⁰.

Деятельность панджабской Лиги после смерти в 1932 г. М.М.Шафи в основном сошла на нет, а политически активная верхушка мусуль-

ман сплотилась вокруг Фазл-и-Хусейна, одного из двух организаторов Юнионистской партии. Другим лидером этой появившейся в 1922 г. партии был индус Чаудри Чхоту Рам. Партия объединила в основном крупных панджабских землевладельцев (лендлордов) из всех трех религиозных общин- мусульманской, сикхской и индусской. Общим их интересом было отстаивание гарантий против экспроприации прав земельной собственности за долги ростовщикам, которые содержались в принятом еще в 1900 г. Законе об отчуждении земли⁶¹. Кроме общих, у лидеров юнионистов были резко расходящиеся интересы. Фазл-и-Хусейн, будучи в 1921—1926 гг. министром образования в кабинете Панджаба, способствовал расширенному доступу мусульман в ряды чиновников и бюрократии через получение ими полного среднего и высшего образования, чем вызывал недовольство и озлобление выразителей интересов других общин⁶². Несмотря на последнее обстоятельство, традиции панджабской солидарности продолжали сказываться, тем более что они опирались на безусловное лидирующее положение мусульман в Юнионистской партии. Фазл-и-Хусейн в 1936 г. резко разошелся с Джинной и отказался от сотрудничества с Лигой⁶³. Его смерть, последовавшая в том же году, не помешала юнионистам одержать на выборах 1937 г. убедительную победу и сформировать провинциальное правительство во главе с Сикандаром Хаят Ханом.

Не менее сложной и противоречивой с точки зрения борьбы за Пакистан оставалась ситуация в Синде. Аннексированная в 1843 г. англичанами область по нижнему течению р.Инд (отсюда ее название), Синд на протяжении почти полувека управлялся из Бомбея, входя в состав сначала одноименного президентства, а затем провинции. В 1920-х годах после окончания массовой агитации за халифат на первый план в Синде выдвинулись требования его отделения от Бомбея. С точки зрения мусульман, это привело бы к созданию еще одной провинции с мусульманским большинством и образованию единого блока такого рода территорий на северо-западе страны. Вместе с тем влиятельная индусская община Синда, состоявшая главным образом из горожан и представленная в верхнем слое торговцами и банкирами, контракторами (разного рода подрядчиками), а также интеллигенцией (лицами свободных профессий), активно использовала и развивала культурно-лингвистическую общность синдхдов, содействуя формированию элементов синдхского национализма⁶⁴.

Решение о создании провинции было принято в 1934г., но еще до того в соответствии с Общинным приговором 1932 г. англичане определили квоту мест в законодательном собрании, кстати, очень невыгодную для мусульман (при 70 % населения на их курию выделялось 34 места из 60). Образование Синда нашло отражение в Законе 1935 г.,

хотя официально оно состоялось лишь весной 1936 г. К моменту прошедших через год выборов позиции Всеиндийской мусульманской лиги в провинции оказались исключительно слабыми⁶⁵. Абсолютное большинство по мусульманской курии получила Синдская объединенная партия, или Партия единства, созданная в 1936 г. по образцу и подобию Юнионистской партии в Панджабе. Но из ее состава уже в 1938 г. выделилась группа влиятельных мусульманских политиков (Г.Х.Хидаятулла, А.Харун, Г.М.Саед), поддержавших Мусульманскую лигу и образовавших ее синдскую организацию.

Коммуналистские настроения в синдском обществе вне сомнения присутствовали, особенно на уровне низших городских слоев и малообразованных сельских масс. Неслучайно, большинство мест по общей (индусской) курии получили представители Хинду махасабха⁶⁶. В дальнейшем эти настроения нашли отражение в волнениях вокруг требований передачи мусульманам под строительство мечети священного для них места, Манзильгарха, занятого индусским храмом. Нужно также отметить массовый энтузиазм, с которым был встречен Джинна, приехавший осенью 1938 г. на сессию Лиги в Карачи⁶⁷.

Начальный этап борьбы за Пакистан

Выход Лиги из кризиса обозначился осенью 1937 г. после образования в большинстве провинций конгрессистских правительств. Ни в одной из семи провинций, где Конгресс возглавил местные органы власти, он не пошел на сотрудничество с Мусульманской лигой. Особенно болезненным и глубоким по последствиям был отказ конгрессистов от взаимодействия с местным отделением Лиги в Соединенных провинциях. Дело в том, что Конгресс и Лига в этой части Индии вышли к избирателям с общей платформой. Лига получила на выборах почти 30 мандатов (примерно половину мусульманских) и готова была войти в состав правительства. Но конгрессистское руководство давало на это согласие лишь на условиях самороспуска провинциальной организации и присоединения ее к Конгрессу. Легко представить себе возмущение членов провинциальной Лиги, да и всех ее активистов за пределами провинции. Оглядываясь назад, видный деятель Национального конгресса и фактический лидер мусульман-националистов Абул Калам Азад считал тогдашнее решение ИНК серьезной ошибкой, усилившей Лигу и проторившей в дальнейшем «дорогу к Пакистану»⁶⁸.

М.А.Джинна оперативно воспользовался изменившимися обстоятельствами. Проигрыш на выборах будто подхлестнул его. На сессии Лиги осенью 1937 г. в Лакхнау он призвал мусульман Индии объединиться. Значение сессии состояло в том, что впервые за долгие годы она была

весьма представительной по составу участников. И важнейшим условием этого стало присутствие нового премьер-министра Панджаба С.Хаят Хана, который заключил с Джинной соглашение о фактическом слиянии Юнионистской партии с Лигой в том, что касается политики общендийского уровня. В ответ на это Лига отказывалась от покушений на монополию власти партии юнионистов в провинции⁶⁹. Кроме панджабского премьер-министра на сессии в Лакхнау присутствовали премьер Бенгалии А.К.Фазлул Хак (глава Кришак праджа парти, в коалиции с которой в провинции правила Мусульманская лига), а также премьер провинции Ассам М.Саадулла. Оба они призвали своих сторонников поддерживать на федеральном уровне партию Джинны, вступая даже в ее ряды, по образцу двойного членства в Конгрессе. При этом Лига рассматривалась именно как зонтичная, общендийская организация⁷⁰.

Можно считать, что именно с осени 1937 г. берет свое начало собственно движение за образование Пакистана. Характерно, что до этого времени и Джинна, и другие лидеры Мусульманской лиги стояли зачастую на единых или близких платформах с руководителями Конгресса. И проявлялось это в первую очередь в том, что касалось требований о независимости и самоуправлении. В 1937—1939 гг. между ними произошёл серьёзный раскол, причем сразу по двум взаимосвязанным линиям. Первая из них состояла в дележе власти и ответственности на местах (в провинциях). Вторая проистекала из особенностей проводимого провинциальными властями социально-экономического курса.

В Конгрессе в тот период (не без воздействия общеисторических и международно-политических закономерностей) возобладали левые, социалистические силы и тенденции. В один из главных для местных властей превратился вопрос об аграрной реформе, об ограничении «феодалного», т.е. крупного помещичьего землевладения, защите прав малоземельных крестьян и арендаторов. Социальный состав Конгресса и идеологические ориентации его руководящего звена позволяли подходить к изменению аграрного законодательства весьма радикально. Иная картина наблюдалась в Мусульманской лиге, где руководящее звено состояло практически сплошь из крупных землевладельцев, наследственной аристократии, либо из предпринимателей и рантье, разбогатевших представителей средних слоев (Джинна, например, зарабатывал много как ведущий адвокат, но главные доходы получал как домовладелец, от сдачи жилья в аренду)⁷¹.

Различия в социальном положении руководящих кругов Конгресса и Лиги, естественно, препятствовали согласованным программам и действиям. Социальные проблемы представлялись в то время едва ли не главными, во многом определяющими характер коалиционных связей как на местном, так и на общендийском уровне. Последние к

тому же не замыкались на Индию, но имели расширение в виде привязки к политической борьбе в метрополии.

Руководство Конгресса, особенно Дж. Неру и ряд его не менее молодых коллег, ориентировалось на лидеров английской лейбористской партии, находившейся в оппозиции, и во время своего пребывания в Англии летом 1938 г. Неру позволял себе резкую критику курса кабинета консерваторов, в том числе по вопросам международным, связанным с умиротворением нацизма⁷².

Джинна и другие видные представители мусульманского политического спектра старались использовать это обстоятельство. В частных беседах с сановниками англо-британской администрации они заверяли их в своей лояльности. Благородное происхождение и воспитание мусульманской элиты, по всей видимости, импонировали представителям британской аристократии, составлявшим большинство высшего властного аппарата, и создавали благоприятный психологический фон для отношения к ней. Вместе с тем, публично и Джинна, и другие лидеры Лиги не ослабляли риторику, направленную против английских властей, и неизменно выступали за скорейшее предоставление Индии независимости.

Постепенно усиливался и популистский характер политики Лиги. Джинна осознал необходимость построения массовой партии, движения, которое бы опиралось на искреннюю и широкую поддержку масс. Именно этим, как и сплочением рядов политически активных мусульман, он целенаправленно занимался в период после 1937 года. Вехой на этом пути стало выше упомянутое посещение им в октябре 1938 г. Карачи, своего родного города и будущей первой столицы Пакистана. Выступая тогда перед членами провинциального отделения Лиги, он, между прочим, сказал: «Мы ведем борьбу не ради благ земных, не за министерские портфели и высокие должности; равным образом мы не препятствуем экономическому, социальному или образовательному подъему наших сограждан, как то ложно представляют»⁷³. Нотки оправдания, которые слышны в этом пассаже, видимо, характерны для восприятия тогдашней Лиги со стороны.

Прежде чем касаться того, как ей удалось продвинуться в исправлении своего образа, отметим роль другого «отца-основателя» Пакистана в успехе развернувшегося движения. Речь идет об известном поэте и философе Мухаммаде Икбале (1877-1938). Начав, как и Джинна, с гимнов единой родине и прославления братства между мусульманами и индусами, Икбал в 1920-х годах превращается в убежденного сторонника идеи отдельной судьбы мусульман Индии, подчеркивая одновременно особое значение, которое они должны сыграть в жизни всей мусульманской общины (миллат) в условиях отказа турок от лидерства и слабости арабов⁷⁴.

Наряду с всеобщими, эйкуменическими мотивами Икбал остро чувствовал и мусульманскую сущность региона, к которому принадлежал. Кашмирец по происхождению и панджабец по месту рождения и проживания, он выражал настроения не только, условно говоря, центрального (северо-индийского), но и окраинного мусульманского патриотизма. Именно они подвигли его на оказавшиеся пророческими слова, сказанные в 1930 г. на сессии Мусульманской лиги в Аллахабаде в президентском послании: «Я хотел бы видеть Панджаб, Северо-Западную пограничную провинцию, Синд и Белуджистан объединенными в одно государство. Самоуправляемое в рамках Британской империи или без Британской империи консолидированное мусульманское государство северо-западной Индии представляется конечной судьбой мусульман, во всяком случае северо-западной Индии»⁷⁵.

Сессия в Аллахабаде была очень малочисленной (несколько десятков человек) и проводилась в отсутствие Джинны, который находился в Лондоне. Оттого, видимо, слова Икбала не получили широкого резонанса и стали обильно цитироваться лишь впоследствии.

Во время пребывания Икбала в Лондоне на второй конференции круглого стола в 1931 г. с ним познакомился Чаудри Рахмат Али, панджабец, член эмигрантского кружка, который стал одним из тех, кто изобрел (один или в соавторстве) и стал пропагандировать термин «Пакистан» для обозначения одной из частей, на которую, по его мысли, должна была разделиться Индия. При этом, как и у Икбала, в подходе Рахмат Али соединялись и сосуществовали как взаимодополняющие два представления о всемирной мусульманской общности и региональной группировке, для обозначения чего использовалось одно понятие — миллат⁷⁶.

Сама фигура и деятельность Рахмат Али в Пакистане всегда воспринимались весьма неоднозначно. Одни отдавали должное его вкладу в движение за Пакистан, другие — принижали или замалчивали его роль и значение⁷⁷. Среди причин нужно указать на критическое к нему отношение со стороны Джинны. И дело не в личных контактах (точнее, отсутствии таковых), сколько в разных программах действий. Можно считать, что Джинна был в большей степени индийцем, чем Икбал или Рахмат Али. Он чувствовал принадлежность к мусульманской общине всей Индии и стремился к объединению различных ее политических групп. Этому соответствовала и весьма негативная оценка им панисламизма и Халифатистского движения. Между тем, Икбал и Рахмат Али принадлежали к сторонникам халифатистов и в их политическом сознании уживались безграничный исламский эйкуменизм и узкий регионализм. По схеме Рахмат Али, в Индии должны были появиться не одно, а несколько мусульманских государств — кроме Пакистана на северо—за-

паде, это Банг-и-Ислам на востоке в Бенгалии и Ассаме, Османистан, в центре страны на территории княжества Хайдерабад и ряд других⁷⁸.

От прожектёрских схем эмигрантов (Рахмата и его друзей), которые содержались в брошюрах и памфлетах, изданных ими в Англии в первой половине 1930-х годов, осталось в основном лишь удачно найденное название. Оно расшифровывалось двояко в полном соответствии с амбивалентностью идейно-политического сознания авторов — с одной стороны, Пакистан это страна чистых (таково значение «пак» на урду и фарси), т.е. правоверных мусульман, с другой — объединение Панджаба, Афгании (Северо-Западной пограничной провинции), Кашмира, Синда и Белуджистана⁷⁹.

Хотя Икбал не имел отношения к изобретению слова Пакистан, он в последние годы жизни активно ратовал за стоящие за ним идеи. В 1936—1937 гг. Икбал написал Джинне, который только в 1935 г. вернулся из Англии в Индию, восемь писем⁸⁰. Главный их пафос состоял в утверждении, что мусульманская община нуждается в консолидации и единственным ее лидером может быть Джинна. Это было, с одной стороны, признание политического веса и личного статуса Джинны, а с другой, попыткой оторвать его от поддержки единого с Конгрессом фронта борьбы за независимость и самоуправление Индии. «Вы сегодня единственный мусульманин в Индии, к уверенному руководству которого община имеет право обратиться в условиях шторма, который ожидает Северо-Запад Индии, а может быть и всю Индию». Углубляя тезис, который Икбал впервые выдвинул в 1930 г., он в письмах 1937 г. идет дальше и выступает поборником создания суверенных мусульманских государств. Икбал спрашивает Джинну: «Почему мусульмане Северо-Запада Индии и Бенгалии не могут считаться нациями, претендующими на самоопределение, точно так же как другие нации внутри Индии и за ее пределами?»⁸¹.

Публикуя после смерти Икбала сборник обращенных к нему писем, Джинна в предисловии называет Икбала «мудрецом, философом и национальным поэтом Ислама». Он пишет, что в конце концов пришел к сходным с ним мыслям и выводам⁸². И действительно, Икбала очевидно, можно считать соавтором теории Джинны о существовании в Индии двух наций, мусульман и индусов. Но существенная разница между ними заключалась в отмеченном уже выше отсутствии регионализма в построениях Джинны. Для него все мусульмане Индии составляли одну нацию, противопоставленную другой, индусской. Эта особенность позволяет понять претензии Джинны и Всеиндийской мусульманской лиги, которую он возглавил в качестве несменяемого президента с 1936 г., на представительство от имени всех индийских мусульман. Несмотря на бросающуюся в глаза теоретическую сла-

бость и уязвимость, концепция Джинны оказалась мощным оружием в его руках.

Новому витку в движении Индии к независимости и ее расколу на два государства положило начало Второй мировой войны. Война, казалось бы, должна была объединить общественное мнение в колонии и метрополии. Симпатии основной части индийской общественности не могли склоняться на сторону держав оси. Левая часть политического спектра в Индии, представленная прежде всего настроенными социал-демократически конгрессистами, в довоенный период занимала активную и непримиримую позицию в отношении фашизма, нацизма и милитаризма. Однако на начальном этапе войны, с сентября 1939 г. вплоть до разгрома Франции летом 1940 г. и особенно до вступления в войну СССР и США во второй половине 1941 г., лево-социалистические и прокоммунистические силы колебались в своем отношении к событиям в Европе.

Несмотря на достаточно успешный опыт взаимодействия провинциальных кабинетов, в том числе конгрессистских, с центральной исполнительной властью в Индии, взаимное недоверие и антагонизм между основными национальными силами и колониальным аппаратом сохранялись. Со времен первой мировой войны в Индии с недоверием относились к обещаниям Англии о предоставлении ей независимости и старались создать условия, при которых метрополия не могла бы отступить от своих заверений на этот счет. Глубокое размежевание и стремление усилить свои позиции в преддверие неминуемой жесткой конфронтации по поводу сроков и условий обретения Индией суверенитета объясняют, очевидно, накал страстей и драматизм событий первой половины 1940-х годов.

После вступления Англии в войну с нацистской Германией вице-король Индии лорд Линлитгоу поторопился объявить, что последняя также находится в состоянии войны, предварительно не проконсультировавшись ни с центральным законодательным собранием, ни с основными партиями⁸³. Состоявшиеся затем консультации с руководством Конгресса и Мусульманской лиги не смогли устранить отчуждение и смягчить охватившие политические круги Индии чувства горечи и обиды. И Конгресс, и Мусульманская лига отказались всецело поддержать военные усилия метрополии. Не помогло и заявление вице-короля, сделанное им 18 октября 1939 года. В нем он повторил обещание предоставить Индии после войны статус доминиона и изменить Закон 1935 г. в соответствии с индийским общественным мнением. Для координации усилий на период войны в заявлении предлагалось образовать консультативные группы из представителей главных партий Британской Индии, а также князей⁸⁴.

Не удовлетворенное такой позицией английских властей руководство Конгресса, в котором основную роль играл тогда М.Ганди, в октябре принимает решение о прекращении сотрудничества и отзыве своих членов из состава провинциальных правительств. В большинстве из восьми конгрессистских провинций в результате вводится прямое губернаторское правление.

М.А.Джинна постарался максимально использовать охлаждение между Конгрессом и властями. Он объявил 22 декабря 1939 г. «днем избавления» от тирании конгрессистских режимов и в ответ на призы отметить его получил достаточно широкую поддержку мусульман⁸⁵.

Через три месяца Мусульманской лигой предпринимаются наиболее решительные шаги, проложившие путь к образованию Пакистана. 23 марта 1940 г. на очередной ее сессии в Лахоре была одобрена резолюция, получившая название «пакистанской». Хотя в ней не употребляется этот термин, основное ее содержание вполне оправдывает название, так как оно сводится к требованию в будущем конституционном устройстве Индии предусмотреть создание на северо-западе и востоке страны, т.е. в районах, где мусульмане составляют компактное большинство, «независимых государств, в которых формирующие их единицы должны быть автономны и суверенны»⁸⁶.

Резолюцию внес на рассмотрение Лиги главный министр Бенгалии А.К.Фазлул Хак. Не исключено, что именно по этой причине она предусматривала образование не одного, а двух государств. Джинна, в целом поддержавший резолюцию, и в президентском послании к Лиге 22 марта и сразу после ее принятия высказывался за одно государство. «Мусульмане (Индии- В.Б.) -отмечалось в его послании, - являются нацией какое бы определение нации ни использовать, и они должны иметь свои отечества, свою территорию и свое государство. Мы хотим жить в мире и согласии с нашими соседями как свободный и независимый народ»⁸⁷.

Выступая от имени всех мусульман Индии, Джинна вскоре (уже на следующей сессии Лиги в Мадрасе) стал пользоваться названием Пакистан, хотя долгое время относился к нему прохладно. В декабре 1941 г. он говорил, обращаясь к участникам слета Всеиндийской федерации студентов-мусульман: « Мусульманская лига дала вам цель, которая, на мой взгляд, поведет вас в землю обетованную, где мы создадим наш Пакистан»⁸⁸.

Между тем, ситуация в мире к моменту этого его выступления претерпела серьезные изменения. В апреле 1940 г. кончился этап так называемой «странной войны», немцы развернули наступление в Европе и в июле того года полностью разгромили Францию. Англия, владычица Индии, осталась, по существу, один на один с Гитлером, но выстояла, не допустив германского вторжения на острова.

7 августа 1940 г. лорд Линлитгоу обратился к основным партиям с предложением войти в расширенный исполнительный совет (англо-индийское правительство) и в новый военно-консультативный совет, обещая созвать по окончании войны учредительную ассамблею с целью пересмотра конституции и заверяя меньшинства (т.е. прежде всего мусульман и князей), что власть не будет передана центральному правительству, чьи полномочия они не признают⁸⁹.

Испытывая смешанные чувства по поводу судьбы метрополии (не желая ей полного поражения, но и не без удовольствия слыша о ее затруднениях), руководство как Конгресса, так и Лиги отказалось принять «августовское предложение». Ганди, занявший с начала войны глубоко пацифистскую позицию, пытался лично обращаться к Гитлеру с призывом прекратить военные действия, а осенью 1940 г. инициировал кампанию индивидуальной сатьяграхи членами ИНК⁹⁰.

Отчужденное состояние между англо-индийской администрацией и основными политическими силами Индии сохранялось в течение всего следующего года. После объявления индивидуальной кампании неповиновения осенью 1940 г. большинство лидеров Конгресса оказалось в тюрьме и пробыло там больше года.

Что касается Мусульманской лиги, то она одобряла сотрудничество с властями на провинциальном уровне, в Бенгалии, Панджабе, Ассаме, Синде и СЗПП. А как всеиндийская организация, Лига настаивала на праве говорить от имени мусульман в вопросах общего конституционного устройства и обвиняла англичан в том, что они не хотят решить вопрос об уважении законных требований мусульманской нации одновременно с предоставлением Индии независимости.

С приходом к власти в Лондоне в мае 1940 г. военного кабинета во главе с У.Черчиллем статус М.А.Джинны в глазах вице-короля и его окружения вырос — в Нью-Дели знали о его контактах с новым премьер-министром и новым министром по делам Индии (госсекретарем) лордом Эмери. Вместе с тем вице-король находил Джинну слишком жестким партнером по переговорам и предпочитал иметь дело с его коллегами и соперниками из лагеря ведущих мусульманских политиков, в первую очередь с премьер-министром Панджаба сэром Сикандером Хаят Ханом⁹¹.

Последний после вышеупомянутых договоренностей 1937 г. мягко оппонировал Джинне, как правило, не ставя под сомнение его лидерство в общеиндийском масштабе. Смерть С. Хаят Хана в 1942 г. и избрание председателем Юнионистской партии и главным министром Панджаба Хизр Хаят Хана Тивани привели в 1944 г. к кризису в отношениях этой провинциальной организации с Лигой и полному разрыву, не преодоленному вплоть до 1947 г.⁹²

В отличие от сэра Сикандера, премьер Бенгалии Фазлул Хак, прозванный Шер-и-Бенгал (Лев Бенгалии), не мог примириться с единоличным главенством и диктаторскими замашками Джинны. В конце 1941 г. он разорвал союз своей партии с Лигой и возглавил правительство провинции, созданное в коалиции с местной организацией Хинду Махасабхи⁹³.

Потери позиций в двух главных провинциях с мусульманским большинством не ослабили решимости Джинны выступать от имени всей мусульманской Индии. Он к тому времени принимает почетный титул Каид-и-Азама (Великого вождя), который ему присвоили сторонники и почитатели, и укрепляет контроль над деятельностью Мусульманской лиги через Рабочий комитет, созданный по примеру Конгресса.

За нападением Японии на американскую базу в Перл-Харбор на Гавайских островах 7 декабря 1941 г. последовала серия стремительных марш-бросков японского флота и армии. В феврале 1942 г. почти без сопротивления японцам сдается крепость Сингапур, где находилась 60-тысячная английская армия, укомплектованная в основном индийцами. В том же месяце японцы захватывают столицу Бирмы Рангун. Война неожиданно вплотную приблизилась к границам Индии с востока, вызвав надлом в индийском общественном мнении. Бежавший из Индии в 1940 г. леворадикальный лидер Конгресса Субхас Бос вербует из сдавшихся в Сингапуре индийских военнослужащих Национальную индийскую армию, действующую под началом японцев.

После их военных успехов оборона индийского континента становится одним из важнейших приоритетов Лондона. Черчилль вынужден внести в повестку дня кабинета вопрос об урегулировании отношений с главными политическими силами в Индии. Туда в марте 1942 г. со специальной миссией направляется только что введенный в британское военное правительство лейборист сэр Стаффорд Криппс. Подготовленная в Лондоне декларация содержала обещание предоставить Индии по окончании войны статус свободного доминиона и даже право выйти из Британского содружества, если таково будет решение выбранного органа. В обмен на это основным индийским политическим силам, прежде всего Конгрессу, предлагалось полностью поддержать военные усилия англичан, а их лидерам предоставлялись места в расширенном исполнительном совете при вице-короле. Чтобы удовлетворить мусульман и другие мнения, помимо конгрессистских, в декларации отмечалось, что ни одну часть страны не будут силой заставлять присоединиться к доминиону⁹⁴.

Рабочий комитет Конгресса, по рекомендации Ганди, отверг предложения Криппса, потребовав незамедлительного, уже в период войны, создания ответственного национального правительства. Криппсу

не помогли доверительные отношения с Дж. Неру, хорошо известные в политических кругах как Индии, так и Англии⁹⁵.

Вслед за Конгрессом отказалась поддержать предложения английского кабинета и Мусульманская лига. Хотя ей понравилось упоминание о возможности неприсоединения отдельных территорий к единой Индии, она сочла его недостаточным. Позиция Джинны, впрочем, очевидно не слишком интересовала англичан, ибо в мусульманских провинциях, в частности, в ключевом для них Панджабе (более половины индийской армии набиралось там и главным образом среди мусульман) нормально функционировали местные правительства. Джинна вместе с тем не преминул воспользоваться «уступкой» англичан и на проходившей в период двухнедельного пребывания Криппса в Индии очередной сессии Лиги заявил: «Мусульманскую Индию может удовлетворить лишь недвусмысленное признание ее права на национальное самоопределение»⁹⁶.

После провала миссии Криппса отношения между властями и Конгрессом продолжали ухудшаться. Ганди пришел к убеждению, что пребывание англичан в Индии послужит причиной нападения на нее Японии. Чтобы избежать войны, он потребовал от Англии покинуть страну. 7 августа 1942 г. Всеиндийский комитет Конгресса принял резолюцию «Оставьте Индию» (более эмоциональный перевод — «Вон или прочь из Индии») и призвал к проведению массовой кампании неповиновения ненасильственными методами. Английские власти хорошо подготовились к такой возможности и уже на следующий день арестовали весь рабочий комитет Конгресса, объявив его незаконной организацией. Оставшись без высшего руководства, отделения и местные ячейки Конгресса стали действовать самостоятельно и вскоре далеко отошли от ненасильственных методов. Охватившие почти все провинции (но прежде всего Бихар и другие конгрессистские оплоты в восточной половине страны) антиправительственные выступления, главным образом нападения на почтовые отделения и железнодорожные станции, были сурово подавлены полицией и пришедшей ей на помощь армией. После пика в августе–октябре движение пошло на убыль, став самым крупным антиколониальным восстанием после 1857—1859 гг. Число арестованных в период до конца 1943 г. превысило 90 тысяч, убиты полицией 763 человека, действия армейских частей привели к гибели еще 200 человек, а количество раненых приближалось к 2,5 тысячам⁹⁷. Власти по понятным причинам замалчивали масштабы антиправительственных выступлений и беспорядков и, хотя ни на минуту не теряли контроль над положением, не могли не учесть этот урок.

Антибританские выступления и их подавление привели к замораживанию политической активности в стране. Энергичные меры

властей по преодолению кризиса, связанного с голодом в Бенгалии, а главное наметившийся благоприятный для Англии перелом во второй мировой войне усилили позиции англо-индийской администрации, которую в 1943 г. возглавил бывший главнокомандующий вооруженными силами союзников в регионе фельдмаршал А.Уэйвелл.

Акции руководства Конгресса, напротив, сильно упали. Почти все оно, будучи в заточении, оказалось выключено из политической игры. Позиции Джинны и его Мусульманской лиги за оставшиеся годы войны заметно упрочились. Он вел борьбу на два фронта, жестко оппонируя как англичанам, когда они ставили под сомнение идею независимости Пакистана, так и Конгрессу.

В мае 1944 г. в связи с состоянием здоровья из тюрьмы освобождается Ганди. В сентябре по его инициативе проходят переговоры между ним и Джинной. Поводом для них послужила схема, разработанная Ч.Раджагаполоачари, видным деятелем Конгресса, остававшимся на свободе, так как он не поддержал кампанию сопротивления 1942 года. Схема предусматривала проведение плебисцита на северо-западе и востоке Индии в районах с преобладанием мусульманского населения для принятия решения по вопросу об отделении от Индостана. Предложение выходца из Южной Индии, впоследствии единственного индийца, занимавшего пост генерал-губернатора, было очень похоже на согласие с планом Пакистана⁹⁸. Заметим, что в нем может быть впервые применительно к индийским условиям выдвигался в качестве решающего принцип народного референдума.

Джинна пошел на переговоры, хотя мало верил в реальность согласия Ганди на предложенный вариант. Личные встречи, чередовавшиеся перепиской, ни к чему не привели. Ганди в последний момент согласился на Пакистан, состоящий из районов с бесспорным мусульманским большинством. Однако его создание он предполагал отнести на период после получения независимости. При этом неясным оставалось насколько суверенным будет новое государство⁹⁹.

Отказ Джинны вполне соответствовал выбранной им тактике требовать в полной мере независимый Пакистан в возможно более широких границах, в составе неразделенных Бенгалии и Панджаба с присоединением на востоке лишь на треть мусульманской провинции Ассам (на том основании, что провинциальное правительство возглавляли представители Мусульманской лиги), а на северо-западе — Синда, СЗПП и Белуджистана (последнюю провинцию, как и в начале XX века, возглавлял не губернатор, а главный комиссар, и она не имела выборных законодательных органов).

На подступах к завершению процесса

Меньше чем через год после провала переговоров двух престарелых лидеров (Ганди было 76, а Джинне — 68 лет) драма ухода англичан из Индии вступила в завершающую стадию. Следом за окончанием войны в Европе последовало неожиданное поражение возглавляемой Черчиллем консервативной партии на парламентских выборах. Избиратели проголосовали за новый курс, в том числе в колониальных делах. Колонии из актива превращались в пассив. Новый кабинет министров сформировали лейбористы. Премьером стал их лидер К.Эттли, а государственным секретарем (министром по делам Индии) — лорд Петик-Лоуренс.

Еще до того, как произошли перемены на британском олимпе, вице-король Уэйвелл созвал в Симле конференцию 22 виднейших представителей индийской политической элиты с целью определить новый состав исполнительного совета, который должен был состоять преимущественно из индийцев и представлять наиболее адекватно все основные конфессиональные общины. Многие руководители Конгресса, включая Неру, были только что выпущены из тюрьмы, и безусловное лидерство сохранял Ганди. Последний не возражал против участия в совете при условии, что в нем смогут принять участие мусульмане-конгрессисты. Следует отметить, что от лица Конгресса на конференции выступал все военные годы занимавший пост его председателя Маулана Абул Калам Азад. Вполне ожидаемо, позиция Джинны явилась камнем преткновения. Он требовал, чтобы все мусульмане, делегированные в совет, представляли только его партию, Мусульманскую Лигу. Начавшаяся в июне конференция закончилась провалом в середине июля. Сформировать такой исполнительный совет, который бы представлял основные политические силы и конфессии Индии, англичанам не удалось.

С полным окончанием второй мировой войны в начале сентября 1945 г. они вернулись к проекту, который привозил в Индию за три с половиной года до того сэр С.Криппс. План, в частности, предусматривал проведение после войны выборов в законодательные органы. Выборы в центральную законодательную ассамблею состоялись в декабре 1945 г., а в провинциальные легислатуры — в январе-феврале 1946 года. Причем первые выборы проводились в соответствии с законодательным актом 1919 г. и охватывали крайне небольшой круг избирателей. Несмотря на это, выборы явились важной проверкой сил, показателем изменений в настроениях политически активной элиты.

По сравнению с 1937 г. Мусульманская лига добилась большого успеха. В центральной легислатуре она получила все 30 мест, отведенных мусульманам. Из 494 мусульманских мест в провинциальных собраниях представители Лиги получили 439 (89%). Убедительным

был успех Лиги в провинциях с мусульманским меньшинством (Соединенных, Бомбее, Мадрасе), где она выступала как защитник его интересов от возможных в будущем посягательств большинства. Из провинций, где мусульман было больше, самыми победными были ее результаты в Бенгалии — 113 завоеванных мест из 119¹⁰⁰.

Успеху Лиги в этой провинции немало способствовала деятельность секретаря бенгальского отделения Абул Хашима. Под его началом партия трансформировалась из сугубо консервативной в левопопулистскую, и во многом именно это обеспечило ей поддержку избирателей. Премьером Бенгалии вместо представителя старой гвардии Лиги наследника княжеского титула наваба Дакки Ходжи Назимуддина стал покровитель Хашима энергичный калькуттский политик Хусейн Шахид Сухраварди¹⁰¹.

Похожая трансформация происходила с Лигой и в Панджабе. Там в число ее теоретиков, авторов партийной программы, выдвинулись люди с левыми, социалистическими взглядами, такие как Даньял Латифи¹⁰². Однако растущая популярность Лиги в этой провинции была связана с ростом не только левых, но и религиозно-политических настроений. Процесс усиления фактора ислама, расширения массовой поддержки движения за Пакистан со стороны улемов, знатоков мусульманских канонов и служителей культа, привлек особое внимание исследователей с 1970-х годов, после того как в Пакистане развернулся процесс исламизации¹⁰³.

Ими установлено, что идея Пакистана по мере ее движения от элит в массы и из города в деревню (в западной части Панджаба, в Синде и на всем северо-западе) наполнялась все большим религиозным содержанием, стала поддерживаться носителями и проповедниками традиционных ценностей. Особенно велико было значение в этом наследственных хранителей гробниц святых (*мазаров*), которые часто являлись *пирами* (духовными лидерами) суфийских орденов.

Постепенно изменялось отношение к движению за Пакистан и со стороны богословов, участвующих в городской (общенациональной) общественной и политической жизни. После провала Халифатистского движения большинство из них, прежде всего те, кто состоял в организации Джамиат-ул-улама-е-Хинд, последовали за Абул Калам Азадом и стали в ряды Конгресса. Однако в 1941 г. (по другим сведениям в 1942 г.) среди богословов, принадлежащих в основном деобандской школе, произошел раскол, выделилась группа Джамиат-ул-улама-е ислам (ДУИ), которая поддержала Мусульманскую лигу и ее призыв к созданию государства для мусульман Индии¹⁰⁴.

Успех Мусульманской лиги на выборах зимы 1945—1946 года был впечатляющим, но не абсолютным. Ибо она не смогла сформировать

прочное правительство ни в одной провинции будущего Пакистана, кроме Бенгалии. В Панджабе из-за поддержки частью мусульман Юнионистской партии и ее лидера Хизр Хаят Хана, последнему удалось возглавить кабинет в коалиции с Конгрессом и партией сикхов Акали дал. Панджабская мусульманская лига оказалась в оппозиции. В марте 1947 г. ей удалось развернуть кампанию неповиновения и свергнуть кабинет Хизра, однако образовать свое правительство она не смогла, и провинция оставалась пять месяцев вплоть до независимости под прямым управлением английского губернатора¹⁰⁵.

Синд был еще одной провинцией (помимо Бенгалии), где в результате выборов утвердилось правительство Мусульманской лиги. Однако накануне выборной кампании в рядах ее местного отделения произошел раскол, и из него исключили группу Г.М.Саеда, известного синдхского мусульманина-националиста, придерживавшегося левопопулистских взглядов. Возникшая в итоге параллельная Лига добилась на выборах наибольшего успеха, и именно она возглавляла провинциальное правительство вплоть до декабря 1946 г., когда довыборы в собрание и измена ряда сторонников Г.М.Саеда позволили образовать правительство официальной Лиги во главе с Г.Х.Хидаятуллоу¹⁰⁶.

Самой крупной неудачей для Лиги завершились выборы в СЗПП. Как отмечалось выше, ведущие позиции в провинции с рубежа 1920—1930-х годов занимала конгрессистская организация, состоящая главным образом из националистов-пуштунов. Она победила на выборах 1937 г. и вплоть до ухода всех правительств Конгресса в отставку в октябре 1939 г. возглавляла правительство. В период прямого губернаторского правления центральные органы Мусульманской лиги предприняли усилия к тому, чтобы укрепить позиции местного отделения. С 1943 г. Лига возглавляла правительство в провинции, однако трения между руководителями ее провинциального отделения привели к открытым конфликтам и существенно подорвали доверие к партии. На ее популярности отрицательно сказалась консервативная идеологическая позиция, защита Лигой интересов крупных феодалов-землевладельцев, традиционных кланоплеменных вождей, известных в пуштунских землях как ханы и малики. На выборах 1946 г. Лига не только проиграла Конгрессу, но и получила меньше мест по мусульманской курии (17 против 19)¹⁰⁷. Провинциальное правительство в СЗПП вплоть до лета 1947 г. возглавляли конгрессисты во главе с Ханом Сахибом, братом Абдул Гаффар Хана, харизматического лидера пуштунов, известного как «пограничный Ганди»¹⁰⁸.

Несмотря на эти неудачи и трудности, призрак Пакистана после выборов первой послевоенной зимы стал обретать более явственные очертания. Движение за его создание существенно укрепилось в период политического затишья 1943—1945 гг.

Но выборы обозначили и другую тенденцию — по общей (индусской или немусульманской) курии абсолютную победу одержали сторонники Национального конгресса. Это обстоятельство, а также победа ИНК в СЗПП позволили ему возглавить правительства в восьми из 11 провинций¹⁰⁹.

Победа Конгресса явилась для англичан сигналом того, что обещанный процесс передачи власти необратим. В то же время консолидация электората вокруг двух партий-антагонистов осложняла проблему нахождения формулы ухода. Перед лейбористским правительством встал вопрос, кому передавать власть — Конгрессу при сохранении единства Индии, или же Конгрессу и Лиге, а также другим вероятным претендентам на статус доминиона, крупнейшим княжествам или союзу княжеств? Как уже отмечалось, лейбористы поддерживали достаточно тесные связи с Неру и другими настроенными социал-демократически лидерами Конгресса.

Выражая на заключительном этапе колониального господства либеральный подход к Индии, признающий ее органическое единство и стремление к независимости¹¹⁰, лейбористы были предрасположены к тому, чтобы передать власть партии большинства, т.е. Конгрессу, при условии, что последний обеспечит соблюдение прав и интересов меньшинств, в первую очередь, крупной и самостоятельной мусульманской общины.

С целью подготовки такого решения в Индию в марте 1946 г. направилась миссия кабинета (британского правительства) в составе госсекретаря Петик-Лоуренса (главы миссии), председателя торговой палаты (министра торговли) С.Криппса и первого лорда адмиралтейства (морского министра) А.В.Александера¹¹¹.

Характерно, что настроенные более консервативно чиновники Индия оффис (департамента по делам Индии в Лондоне) подготовили к отъезду миссии секретный меморандум, где утверждалось, что несмотря на экономические, финансовые и военные потери и неудобства, связанные с разделом Индии и выделением из нее Пакистана, этих событий, скорее всего, не удастся избежать. К меморандуму прилагались карты будущего Пакистана, границы которого в целом почти совпали с позднее проведенными¹¹².

Основными собеседниками членов миссии в Индии стали руководители Конгресса — Ганди, Неру, Азад. Позиция Джинны принималась во внимание лишь во вторую очередь, хотя главная задача заключалась в том, чтобы не дать ей усилиться. С противоположной целью в апреле 1946 г. в Дели собрались все вновь избранные от Мусульман-

ской лиги законодатели центрального и провинциальных собраний, т.е. около 500 человек. Они единодушно приняли и подписали «клятву», соглашаясь принести любые жертвы ради создания Пакистана. В отличие от принятой за шесть лет до того Лахорской резолюции, клятва предусматривала создание единого Пакистана, причем весьма горячо за единство выступали представители сильнейшей провинциальной организации Лиги -бенгальской¹¹³.

В начале мая вице-король Уэйвелл собрал вторую конференцию в Симле для обсуждения проектов, разработанных миссией кабинета, а персонально ее главным «мотором» С.Криппсом. В ходе острых дебатов между англичанами, представителями Конгресса и Лиги обсуждались различные варианты решения проблем сохранения единства и передачи власти, вплоть до образования федеративных объединений Хиндустана и Пакистана¹¹⁴.

Разуверившись в возможности найти согласованный выход из тупика, миссия кабинета под большим нажимом из Лондона, требовавшего продвижения вперед, 16 мая оповестила по радио о предлагаемом ею плане. Он предусматривал предоставление Индии полной независимости и предлагал весьма сложную федеративную структуру. Первый ее уровень — губернаторские провинции, второй — группы провинций, третий — центр. В соответствии с этим определялась процедура функционирования учредительного собрания. Выбранные от провинций депутаты становились членами собрания, сразу разделяясь на три секции. В первую из них (А) включались депутаты от шести географически срединных провинций с индуским большинством, во вторую (В) — три северо-западные провинции с большинством у мусульман, а в третью (С) -две восточные провинции, вместе образующие регион с мусульманским большинством¹¹⁵. Включение на две трети индуского Ассамы в последнюю группу, с одной стороны, было уступкой Джинне, а с другой, попыткой расширить принципы группировки провинций, добавляя к конфессиональному фактору географический. План далее предусматривал, что после созыва учредительного собрания депутаты каждой из секций смогут принять конституционный регламент для провинций и, если пожелают, для своей группы (региона). После первых выборов или проведения референдума, предположительно, через десять лет, любая провинция могла потребовать пересмотра конституции и изменения своего места в федерации. Группы провинций и отдельные провинции обретали, по плану миссии кабинета, существенную степень автономии, а в ведение центра передавались лишь иностранные дела, оборона и связь вместе с необходимыми для них финансами. Предполагалось также, что княжества присоединятся к той или иной из образуемых провин-

циальных групп в зависимости в основном от географического положения и сохраняют при новой централизованной системе значение неизменных и базовых элементов. Планом предусматривалось также немедленное создание ответственного кабинета министров, представляющего все основные политические силы Индии¹¹⁶.

Несмотря на первоначальные колебания, Джинна склонился к тому, чтобы поддержать предложенный вариант, названный «планом единство». Соответствующее решение приняли рабочий комитет и совет Лиги в начале июня¹¹⁷.

Первая реакция лидеров Конгресса, в первую очередь Ганди, была положительной, однако они возражали против автоматического включения в группы В и С всех провинций северо-запада и востока. Столкнувшись с твердым желанием англичан придерживаться разработанного плана, руководство Конгресса в принципе согласилось с ним, оставив свои оговорки в подвешенном состоянии, и перешло к обсуждению следующего за решением об учредительном собрании вопроса о формировании переходного правительства.

В заявлении миссии от 16 июня предлагалось образовать переходное правительство из 14 человек, приглашаемых для участия в его работе. Шесть из них (включая Неру) были членами Конгресса (один представлял неприкасаемых), пять (включая Джинну) входили в Лигу, а оставшиеся трое принадлежали к общинам сикхов, христиан и парсов¹¹⁸. В ходе обсуждения этого предложения обнаружились многочисленные сложности, так что миссия кабинета в конце июня отбыла на родину, не добившись согласия о формировании временного центрального правительства.

В начале июля новым президентом Конгресса, по предложению Ганди, стал Дж.Неру. 10 июля, выступая на пресс-конференции, он подверг сомнению необходимость во всем следовать плану миссии кабинета и заявил о праве Конгресса изменять и модифицировать его. Основные его возражения вызвали схема группировки провинций и слабость центрального правительства. Неру высказал мнение о целесообразности значительного расширения функций последнего с включением в ведение центра отраслей промышленности, необходимых для поддержания систем обороны и связи, регулирование внешней торговли, осуществление кредитно-финансовой и налоговой политики. Что касается группировки провинций, Неру усомнился в справедливости включения СЗПП в группу В и Ассамы в группу С¹¹⁹.

Заявления Неру Джинна квалифицировал как полное отрицание плана миссии и предложил британскому правительству соответствующим образом расценить действия Конгресса. В Лондоне, однако, не были склонны пойти на это. Учитывая такую реакцию, совет Мусульманской

лиги в резолюции, принятой 29 июля, объявил, что он забирает обратно согласие с предложениями миссии кабинета. В еще одной резолюции совета намечался курс прямых действий по созданию Пакистана¹²⁰.

После взаимных выпадов и решений руководящего органа Лиги отношения между обеими главными партиями обострились. Попытки вице-короля создать переходное правительство из их представителей ни к чему не привели. Поэтому в начале августа британские власти обратились к сильнейшей из двух политических сил, Конгрессу, с предложением сформировать правительство, пригласив, впрочем, участвовать в нем и Лигу.

Переговоры по этому поводу продолжались в момент, когда в Калькутте 16 августа начались массовые межобщинные столкновения. К ним привел объявленный премьер-министром Бенгалии членом Лиги Х.Ш.Сухраварди День прямых действий в борьбе за Пакистан¹²¹. Кровавые стычки, грабежи и погромы полностью дезорганизовали жизнь самого большого, пестрого и бедного города в Индии. Число жертв за 4 дня беспорядков превысило 15 тыс. Весть о «великой калькуттской резне» вызвала волну погромов в Бихаре, Бомбее и ряде других мест. Межобщинные отношения накалились на массовом, низовом уровне и сделали по-существу предрешенным вопрос о разделе¹²².

Политика наверху, между тем, продолжала свой инерционный бег. Несмотря на отказ Лиги войти в правительство, переходная администрация была приведена к присяге в начале сентября. Вся высшая исполнительная власть, за исключением вице-короля, впервые теперь состояла только из индийцев, главным образом представителей Национального конгресса. Ее главой (премьер-министром кабинета, или заместителем председателя исполнительного совета при вице-короле) стал Дж.Неру. Лорд Уэйвелл, вместе с тем, стремился привлечь в кабинет представителей Лиги и проводил переговоры с Джинной, весьма раздражавшие руководство Конгресса¹²³. В конце октября договоренность о присоединении Лиги к кабинету была достигнута. Джинна делегировал в его состав пять человек, что было обговорено еще летом. Его правая рука, Лиакат Али Хан, занял пост министра финансов. В то же время Лига не отказалась от намерения бойкотировать учредительное собрание, первое заседание которого было намечено на начало декабря.

Патовая ситуация заставила премьер-министра Англии Эттли пригласить в Лондон для совещания лидеров Конгресса и Лиги. Лондонская конференция и переговоры британской элиты с Неру и Джинной ничего не изменили. Консервативная партия и лично Черчилль оказали Джинне моральную поддержку. Лейбористы предпочитали контакты с Неру. В ходе интенсивных консультаций, в которых принимал участие вице-король Уэйвелл, между последним и членами кабинета

обнаружились расхождения во взглядах, которые привели к его замене в феврале 1947 г. на лорда Маунтбеттена.

Учредительное собрание тем временем начало работу, хотя места членов Лиги оставались незанятыми. Конгресс укреплял свои позиции в массах, выдвигая радикальные требования, находившие у них отклик и поддержку. Осенью 1946 г. в Мируте состоялась первая после войны его сессия, на которой было принято решение добиваться создания суверенной Индийской республики (минуя статус доминиона). Аналогичную резолюцию (резолюцию о целях) одобрило в конце января 1947 г. и учредительное собрание¹²⁴.

Объявляя 20 февраля 1947 г. о назначении вице-королем Маунтбеттена, премьер Эттли заявил о том, что Британия покинет Индию самое позднее в июне 1948 года. Новому представителю метрополии отводилось несколько более года, но он справился со своей задачей досрочно, уложившись в шесть месяцев. Либеральные взгляды сближали его с лейбористами, а происхождение (он был правнуком королевы Виктории, кузеном тогдашнего монарха Георга VI) делало приемлемым для консерваторов. Блестящая карьера морского офицера, командовавшего на последнем этапе войны силами союзников в Юго-Восточной Азии, позволяла ему не слишком дорожить положением вице-короля и стремиться к возвращению на флот. Быстрота, с которой он действовал, придавала драматизм процессу выработки решения о предоставлении Индии независимости, и была, возможно, одной из причин трагических событий, сопровождавших раздел.

Впрочем, межобщинные столкновения не прекращались в стране с августа 1946 г., а планы образования единой Индии наталкивались на непреодолимые препятствия. Их подоплекой являлись глубинные, бытовые и мировоззренческие, различия между представителями индуистского и исламского конфессионально-культурных комплексов, а причиной — актуализация, использование расхождений в политических целях. Непосредственно неудачу попыток сохранить единство Индии обусловила непримиримость позиции Джинны и других руководителей Мусульманской лиги по вопросу о ее будущем, их жесткое неприятие того, что они называли властью индусов и индусским империализмом¹²⁵.

К решению о неизбежности раздела Индии Маунтбеттен, судя по всему, стал склоняться спустя всего лишь несколько недель после прибытия туда. Если осенью 1946 г. позиции сторонников Пакистана казались существенно подорванными ввиду неудачного старта кампании по проведению прямых действий за его создание, вылившейся в основном лишь в кровавые разборки и межобщинные столкновения, а также из-за вынужденного подключения в последний момент к дея-

тельности переходного правительства Дж. Неру, то к весне следующего года они укрепились.

Этому в немалой степени содействовали события в Панджабе. Как отмечалось выше, в течение года после выборов там успешно функционировало коалиционное правительство противников Лиги и Пакистана. Но в марте 1947 г., панджабскому отделению Лиги удалось провести массовые акции в поддержку *Хилафат-е-Пакистан* (Пакистанского халифата). Репрессии местного правительства привели к межобщинным столкновениям, кризису власти и уходу правительства в отставку. Хотя отделению Лиги не удалось сформировать свое правительство, Панджаб, краеугольный камень будущего Пакистана, в конце концов занял свое место в движении за его образование¹²⁶. В марте-апреле 1947 г. до предела обострились отношения между политическими организациями мусульман и сикхов, стычки их боевых отрядов стали предзнаменованием грозы, сопровождавшей раздел провинции¹²⁷.

Лига существенно укрепила свои позиции и за счет умелых действий Лиакат Али Хана в качестве министра финансов. Он оказался первым индийцем, представившим на рассмотрение законодательного органа бюджет страны. В сделанных им предложениях, одобренных, впрочем, ведущими членами кабинета, предлагалось существенно увеличить налоги на сверхдоходы и прибыль. Представленный бюджет выявил расхождение в позициях правых и левых лидеров Конгресса и подвергся резкой критике со стороны деловых кругов, материально поддерживавших ИНК¹²⁸.

Подготовленный ведомством Лиаката документ получил название «бюджета бедного человека» и высветил, помимо прочего, различия в социальной базе Конгресса и Лиги. Последняя не опиралась на городские финансовые дома в такой степени, как первый, и не рисковала затронуть интересы большинства социально близких ей людей. Инцидент с бюджетом показал немусульманской в основном по составу крупной буржуазии всю затруднительность ситуации, в какой она могла бы оказаться в случае сохранения единства Индии ценой уступок Мусульманской лиге.

Уже к середине апреля, согласно установившемуся в литературе мнению, Маунтбеттен пришел к выводу, что без создания Пакистана решить проблему ухода англичан из Индии не удастся. К мнению о неизбежности раскола страны склонялись и Неру, и другой исключительно влиятельный член конгрессистского руководства Сардар Валлабхаи Патель. Есть мнение, что план возможного «развода» предложил вице-королю доверенное лицо Пателя видный чиновник англо-индийского аппарата В.П. Менон¹²⁹.

Из лидеров Конгресса только Махатма Ганди продолжал протестовать против «вивисекции матери Индии». При первой встрече с Маунтбеттеном он посоветовал ему распустить правительство Неру и назначить премьером Джинну, но на Ганди в то время уже не обращали большого внимания¹³⁰.

Решив, что называется «про себя», вопрос о разделе, три стороны-участницы процесса приступили к обсуждению конкретных его деталей. Неудивительно, что при этом выявились крупные нестыковки. Джинна занял свою традиционную позицию неприятия усеченного или «объединенного молью» Пакистана, т.е. состоящего лишь из районов с бесспорным мусульманским большинством. Но именно на этот и только этот вариант соглашались лидеры Конгресса.

Дополнительную интригу придавали вопросы о сикхах и княжествах. Относительно небольшая община сикхов, чьи предки занимали до англичан господствующие позиции в Панджабе, обеспечила себе признание колониальных властей благодаря воинскому духу и широкой представленности в рядах англо-индийской армии. Сикхи активно участвовали в баталиях первой и второй мировых войн. Сформированные из них части оставались надежной опорой англичан и в боях на субконтиненте, в том числе против горных пуштунских (патанских) племен¹³¹. Благодаря службе в армии сикхи приобрели политический вес, несопоставимый с их численностью (около 4 млн., один процент населения страны). Достаточно отметить, что сикхи попали в число трех религиозных общин (вместе с индусами и мусульманами), с которыми велись переговоры о будущем Индии, и их лидер, министр обороны в переходном правительстве Балдев Сингх, выступил в начале июня по радио с согласием на план раздела.

Хотя принять такое решение для сикхов было нелегко, другого выхода у них не было. Их верхушка состояла во многом из бывших военных, получивших в качестве вознаграждения крупные участки земельной собственности в западных районах Панджаба, где англичане проводили в конце XIX-начале XX века значительные работы по ирригации. Сикхское население к 1947 г. распределялось примерно поровну между восточной, преимущественно индусской, и западной, в основном мусульманской частями провинции. В первой из них они были как дома, во второй, особенно после окончания войны, испытывали враждебное к себе отношение и, неслучайно, поголовно все они после решения о разделе провинции переехали (изведав много потерь и горя) из западной в восточную ее половину. Впрочем, как экономически сильная, исполненная воинского духа община, она и сама внесла немалый вклад в разжигание коммуналистских страстей¹³².

Вопрос о княжествах был еще сложнее, ведь на них приходилось чуть

ли не половина территории колонии. Нежелание князей присоединиться к федерации явилось причиной лишь неполного (в части, касающейся провинций) ввода в действие Акта об управлении Индией 1935 года.

После войны ситуация изменилась. С одной стороны, наследственные правители не могли не видеть, что страна скоро станет независимой и задумывались о том, в каком положении они при этом окажутся. С другой, они ощущали возрастающее давление снизу, со стороны местных политических сил, пользовавшихся, как правило, поддержкой ИНК. Конгресс предусмотрительно обратил внимание на массовую борьбу, развернувшуюся в ряде крупнейших княжеств (в частности, в Джамму и Кашмире) под антифеодальными лозунгами, и возглавил Всеиндийскую конференцию народов княжеств¹³³.

Князья в целом благоприятно отнеслись к плану миссии кабинета, по которому им отводилась четверть мест в учредительном собрании в соответствии с их квотой в населении и фактически поддержали заложенную в нем идею создания единой федерации при сохранении за ними суверенных прав и привилегий, за исключением тех, что относятся к сферам обороны, иностранных дел и коммуникаций¹³⁴. Однако воспользовавшись бойкотом собрания со стороны Мусульманской лиги, палата князей в декабре 1946 г., а затем и конференция правителей в январе 1947 г. объявили об отказе участвовать в работе учредительного органа. Лишь в апреле 1947 г. князья, в большинстве своем индусы, и Конгресс пошли на взаимные уступки. Конгрессисты перестали настаивать на стопроцентной выборности представителей от княжеств, согласившись на то, что половина делегатов будет назначаться правителями, а часть князей (в частности, правители Бароды, Биканера, Патаилы) в ответ заявила о присоединении к работе собрания¹³⁵.

Вместе с тем некоторые правители крупнейших владений (низам Хайдерабада, махараджа Граванкура, наваб Бхопала, махараджа Джамму и Кашмира) продолжали надеяться на получение особого статуса и по мере приближения развязки принялись лоббировать свои интересы. Они нашли понимание у части представителей британской администрации, прежде всего у консервативно настроенного руководства политическим департаментом, ответственным за отношения с княжествами¹³⁶. Однако большинство членов команды Маунтбеттена, как и он сам, и правительство в Лондоне четко определились в вопросе о судьбе княжеств. Они не готовы были предлагать статус доминиона каким-либо иным образованиям, кроме как либо единой Индии, либо Индии и Пакистану.

Между тем, вопрос о доминиальном статусе Индии являлся одним из важнейших для вице-короля Маунтбеттена. Как уже упоминалось, Национальный конгресс, а вслед за ним и Учредительное собрание

одобрили осенью 1946 и в начале 1947 г. резолюции в поддержку требования о провозглашении Индии суверенной республикой. Поэтому в инструкции, которую дало английское правительство вице-королю при его назначении, на первом месте оказался вопрос о вхождении Индии в британское Содружество и обеспечение военной кооперации между ней и Англией¹³⁷. В конце апреля до сведения вице-короля был доведен план Конгресса о предоставлении Индии независимости в значительно более сжатые сроки в обмен на согласие руководства ведущей индийской партии на статус доминиона. Именно это, как считает современник событий, видный пакистанский государственный деятель и историк Чаудри Мухаммад Али, заставило Маунтбеттена и английское правительство радикально сократить сроки ухода из колонии¹³⁸.

Совпадение стремлений английской и индийской сторон позволило быстро выработать принципы плана раздела, т.е. образования двух независимых доминионов — Индии (Индийского союза) и Пакистана. Одобренный английским правительством в конце мая, он был обнародован 3 июня, получил поддержку, хотя и сопровождаемую оговорками лидеров трех общин, а в первой половине июня формальное согласие Лиги и Конгресса¹³⁹.

В заявлении британского правительства от 3 июня 1947 г. констатировалось нежелание навязывать решения, принимаемые действующим учредительным собранием регионам, чьи представители отказываются от участия в его работе, и обозначалась возможность образования для них отдельной учредительной ассамблеи¹⁴⁰. Решающее значение в заявлении придавалось решению законодательных собраний двух провинций Бенгалии и Панджаба. Их депутаты от округов с мусульманским и немусульманским большинством (по переписи 1941 г.) собирались отдельно и, если одна из этих групп простым большинством высказывалась за раздел провинции, такое решение принималось. Провинциальное собрание Синда тем же простым большинством решало вопрос о присоединении к новому (пакистанскому) учредительному собранию. В заявлении предусматривалось проведение референдума в СЗПП по вопросу о присоединении к тому или иному собранию. Референдум предусматривался и для ассамского округа Силхет с мусульманским большинством, который мог быть присоединен к Восточной Бенгалии при принятии решения о разделе бенгальской провинции¹⁴¹.

Выступая по радио с обращением к населению, вице-король Маунтбеттен выразил сожаление по поводу того, что единство Индии сохранить, вероятно, не удастся, упомянул об опасениях по поводу раздела и выразил надежду на минимальные издержки при его осу-

ществлении. Одновременно он подчеркнул, что предоставление независимости в статусе доминиона одному или двум правительствам может быть осуществлено в течение ближайших месяцев, что соответствует желанию основных политических партий¹⁴².

События в дальнейшем развивались согласно с принципом раздела. Ожидаемое решение в пользу Пакистана приняли члены законодательных собраний Бенгалии, Панджаба и Синда, представляющие Мусульманскую лигу. В первой половине июля состоялся референдум в Северо-Западной пограничной провинции. Участие в нем могли принять те, кто имел право голоса в соответствии с актом 1935 г. по выборам в провинциальные законодательные собрания. Местное отделение Конгресса во главе с Абдул Гаффар Ханом решило бойкотировать референдум на том основании, что на него не выносился вопрос о самостоятельности провинции и создании независимого государства Пуштунистан. Из 573 тыс. избирателей в голосовании приняло участие 293 тыс. (51 %). За присоединение к Пакистану высказалось абсолютное большинство — 289 тыс. Гипотетически можно полагать, исходя из явки на выборах в провинциальное собрание в начале 1946 г. в 65 %, что доля голосовавших за Пакистан политически активных жителей составляла 78%¹⁴³. По тем же правилам проведенный референдум в округе Силхет провинции Ассам дал перевес в две трети голосов сторонникам присоединения округа к Восточной Бенгалии и доминиону Пакистан. Присоединение к последнему британского Белуджистана (главнокомиссарской провинции, не имеющей выборных органов) определилось голосованием членов джирги ханов местных, главным образом пуштунских, племен и муниципалитета столичного города Кветты.

Не дожидаясь полного завершения этих процедур, британский парламент 18 июля принимает Акт о независимости Индии. Основное содержание документа состояло в констатации прекращения властных полномочий правительства Его величества в отношении индийского континента и создания двух независимых доминионов — Индии и Пакистана. Актом определялась и дата создания новых государств — 15 августа 1947 г. В нем перечислялись основные составные части Пакистана как образования, выделяемого из Индии, и отмечалось, что точные границы между индийской и пакистанской частями провинций Бенгалия и Панджаб будут проведены на основании решения назначаемой вице-королем соответствующей комиссии. В Акте содержались положения о том, что полномочия и обязательства (статус сюзеренитета, Paramountcy) британской короны в отношении княжеств прекращаются с 15 августа и теряют силу все договора и соглашения, заключенные между ней и наследственными правителями.

То же самое декларировалось в отношении любых держателей власти в зоне племен¹⁴⁴.

Двумя главными и отчасти взаимосвязанными проблемами, которые предстояло решить вице-королю и его штабу за менее чем месяц от принятия Акта о независимости до ее провозглашения, были княжества и границы. Из почти 600 княжеств (в официальных британских заявлениях тех лет чаще всего указывается 562 или 565) только около 20 граничали с территорией создаваемого Пакистана, а среди примерно 93 млн. жителей «княжеской Индии» (по данным переписи 1941 г.) подавляющее большинство составляли немусульмане¹⁴⁵. Таким образом присоединение получавших формальную независимость владений представляла главную сложность для Индии. Ее будущее руководство, в частности Дж.Неру, хорошо осознавало цену вопроса и заручилось весьма необходимой для его решения поддержкой Маунтбеттена. Последний, согласно достигнутому с Конгрессом договоренностям, становился первым генерал-губернатором индийского доминиона вплоть до июня 1948 г.

С присущей ему энергией вице-король принялся уговаривать правителей княжеств использовать свое право выбора присоединения к одному из двух доминионов (для большинства речь шла только об Индии и об условиях на которых они вступают в федеративные с ней отношения) в кратчайшие сроки, лучше всего до 15 августа.

В конце июля он проводит встречу в палате князей, где выступая в своем качестве «представителя короны», доказывает князьям преимущества, необходимость и неизбежность вхождения в состав одного из доминионов. Условием вступления для значительных по размеру и во внутренних делах самостоятельных княжеств оставалась передача доминиону-федерации лишь «внешних» функций (иностранных дел, обороны и связи). Усилия Маунтбеттена умело поддерживал глава созданного департамента княжеств В.П.Менон и его патрон Сардар Патель, министр внутренних дел как переходного кабинета, так и будущего правительства независимой Индии. В результате абсолютное большинство как крупных князей, так и иных носителей княжеских титулов согласилось присоединиться к Индии еще до 15 августа 1947г.¹⁴⁶

Мусульманская Лига заняла иную позицию в вопросе о княжествах. Трактую в свою пользу букву закона от 18 июля, Джинна настаивал на том, чтобы княжества получили полную свободу и могли выбирать любой путь - от присоединения к одному из доминионов, до признания их независимости¹⁴⁷. Он при этом опирался на давно сложившуюся консервативную традицию как в Индии, так и в Великобритании (главным ее выразителем в последней на том этапе был лидер оппозиции в парламенте У.Черчилль) и настаивал, в частности,

на приоритете решения наследственного правителя в судьбе того или иного княжества. Стремясь ослабить единство превосходящей Пакистан Индии, он фактически поддерживал идею ее «балканизации», т.е. раздробления на части. Отсюда его одобрение попыток мусульманского правителя Хайдерабада, расположенного в самом центре Индии, на Деканском плато, обширного владения с индусским большинством, добиться независимости в статусе доминиона¹⁴⁸. Благоприятной была также реакция руководства Лиги на решение князя-мусульманина другого индусского по принадлежности большинства населения княжества Джунагадх, вместе с соседним Манавадаром, присоединиться к Пакистану, несмотря на отсутствие общей границы между ним и расположенными на полуострове Катхиавар владениями.

Минусы позиции, занятой Джинной, проявились при решении судьбы самого северного, крупнейшего по территории (свыше 200 тыс. кв. км.) высокогорного княжества Джамму и Кашмир. Мусульмане составляли около 80% его жителей, в то время как правителем был индус, махараджа Хари Сингх. Центр княжества в живописной долине Кашмира, представлявшей его наиболее населенную часть, имел налаженные линии связи лишь с западными районами Пенджаба, отходившими к Пакистану. Велико было символическое значение Кашмира для отцов-основателей Пакистана, как колыбели своеобразной исламской культуры, одного из любимых мест отдыха многих прославленных в истории правителей-мусульман. Кашмир, наконец, вошел своей начальной буквой в само название Пакистан.

Остающаяся до сих пор нерешенной судьба княжества Джамму и Кашмира в немалой степени связана, как представляется, с политикой Джинны на заключительном этапе ухода англичан из колонии. Так как он поддержал принцип суверенитета наследственных правителей и решающего значения принимаемого ими решения, то был вынужден терпимо относиться к колебаниям махараджи, который лелеял надежду на сохранение власти в княжестве в полном или почти полном объеме. Более того, возглавляемое Джинной правительство Пакистана в день провозглашения независимости заключило с ним соглашение о сохранении обособленности княжества сроком на один год, заставив и индийскую сторону считаться с неопределенностью его статуса.

Хотя Кашмир относился к числу бесспорно мусульманских областей, руководство Конгресса не теряло надежду на его подключение к Индии. Оно опиралось при этом на два фактора. Один из них — индуизм правящей династии и влияние высшего слоя, состоящего в значительной степени из кашмирских брахманов (пандитов). К этой высшей подкасте принадлежали семьи Неру и ряда других видных индийских политических деятелей, носящих фамилии Сапру, Кауль, Пант. Вто-

рой фактор — это близость мусульманского политического руководства княжества к Конгрессу. Дело в том, что с 1930-х годов в княжестве развернулось массовое политическое движение. Из возглавлявшей его на первых порах партии Мусульманская конференция выделилась группа радикально настроенных политиков во главе с Шейхом Мухаммедом Абдуллой. В своих требованиях политических и экономических перемен она сблизилась с левым руководством Конгресса и основала ставшую наиболее популярной Национальную конференцию. Шейх Абдулла, как и махараджа, относился к приверженцам кашмирской автономии, будучи в идеологическом плане его непримиримым противником. Неприязненными были по понятным причинам отношения между Шейхом и Джинной. В то же время у первого из них сложилось взаимопонимание с Неру и убеждение, что в союзе с новой Индией он сможет добиться реализации своих планов. Оба отмеченных обстоятельства и постаралось использовать руководство нового индийского доминиона для присоединения к нему Кашмира.

Вопрос о границе между разделяемыми на две части Бенгалией и Панджабом должна была решить, как уже отмечалось, специальная комиссия. Ее председателем вице-король назначил судью С. Рэдклиффа, впервые приехавшего с этой целью в Индию. В состав комиссий, кроме него, входили по четыре судьи-индийцы, представлявшие в равной пропорции сторону мусульман и немусульман. Начав деятельность во второй половине июля, они смогли подготовить «приговор» (award) к началу второй декады августа, т.е. к самому моменту раздела. Вместе с тем решение о границе в обоих случаях было принято единолично ее председателем, ввиду разноласий между членами комиссии¹⁴⁹.

Принцип конфессионального большинства в округе (дистрикте) в соответствии с переписью населения 1941 г. был главным для предварительного размежевания. При разделе Бенгалии линия размежевания пролегла как по границам округов, так и по границам районов (тхана). Учитывалось, что Калькутта, согласно достигнутой сторонами договоренности, отходит к Индии и становится столицей Западной Бенгалии. Приговор Рэдклиффа в отношении Бенгалии не вызвал больших споров. Иначе обстояло дело в отношении границы между Западным и Восточным Панджабом. Правило, по которому районы с мусульманским большинством отходили к Пакистану, было нарушено в случае с округами Ферозпур и Гурдаспур. Судья Рэдклифф обосновывал свое решение экономическими соображениями, стремлением не нарушить сложившуюся систему коммуникаций (железных и шоссейных дорог) и ирригации (расположением головных водораспределительных сооружений). Однако считается, что важнейшим фактором, повлиявшим на его решение, было стремление вице-

короля обеспечить благоприятные условия для сикхской общины, с рядом видных деятелей которой у Маунтбеттена установилось полное взаимопонимание¹⁵⁰. Проведенная Рэдклиффом граница в Пенджабе в большей степени, чем в Бенгалии, совпадала с естественными, пролегая на значительном протяжении по руслам рек Рави и Сатледжа. Лахор остался на пакистанской стороне, а священный для сикхов Амритсар - на индийской.

Утвержденное вице-королем решение Рэдклиффа по Пенджабу вызвало в дальнейшем большие споры и нарекания, хотя надо отметить, что английский судья предчувствовал их и в преамбуле к описанию границы подчеркивал, что ни одно из решений не было бы бесспорным. Основные возражения высказывала и тогда, и позднее пакистанская сторона. И не только потому что ее «лишили» ряда районов с мусульманским большинством. По мере обострения споров из-за Кашмира выявилось, что, разделив округ Гурдаспур и присудив техсил Патханкот Индии, английский судья дал последней возможность для соединения с княжеством путем строительства удобных дорог¹⁵¹.

Впрочем, ничего удивительного в таком предпочтении индийской позиции нет, так как Маунтбеттен и его окружение, оказывавшие влияние на Рэдклиффа, ощущали себя представителями не только уходящей, но и новой администрации. Согласно первоначальным планам раздела, бывший вице-король должен был в течение года оставаться генерал-губернатором обоих доминионов, в частности, чтобы сохранить объективность и беспристрастность. Однако Джинна в конце июня дал понять, что собирается сам стать генерал-губернатором Пакистана. При этом он выразил полное доверие Маунтбеттену и как вице-королю, и как будущему генерал-губернатору Индии. В литературе высказано много разноречивых мнений о мотивах такого решения Джинны. Вероятно, его продиктовали как эмоции, так и вполне рациональные соображения. Отделение Пакистана, по убеждению его отца-основателя, с самого начала должно было быть полным и окончательным, что и символизировало разделение верховной власти.

14 августа 1947 г. в Карачи состоялась церемония провозглашения нового государства. Для участия в ней в город приехал вице-король. Он огласил послание короля Георга, в котором тот приветствовал Пакистан в составе британского Содружества. Джинна выступил с ответной речью, где заявил, что Пакистан питает самые дружеские чувства к соседям и всем странам мира¹⁵². В тот же день Маунтбеттен улетел в Дели для участия в мероприятиях по случаю обретения независимости Индией.

На смену торжествам вскоре пришли тяжелые будни, горе и трагедии, связанные с разделом. Вместе с тем, факт обретения суверенитета как Индией, так и Пакистаном остается крупной вехой в современной

истории. Повторим, что возникновение на индийском субконтиненте мусульманского Пакистана не было случайностью, оно имело свои исторические и культурные корни и объяснялось сочетанием многоплановых политических причин. Среди них большое значение имели и факторы субъективные, связанные прежде всего с фингурой и личностью Джинны. Его вклад в создание новой страны трудно переоценить и, пожалуй, лучше всех это выразил С.Волперт: «Редкие личности существенно меняют ход истории. Еще меньшему числу дано преобразовать карту мира. И уж совсем мало тех, кому можно поставить в заслугу создание нации-государства. Мухаммад Али Джинна сделал все перечисленное»¹⁵³.

Примечания

- ¹ *Bence-Jones M.* The Viceroy of India. L., 1982. P. 182; *Smith V.A.* The Oxford History of India. Fourth Edition. Ed.P.Spear. Delhi, 1981. P. 753.
- ² *Ibid.* P.754; *Shaumian T.* Tibet. The Great Game and Tsarist Russia. New Delhi, 2000. P. 74-79.
- ³ *Kemp J., Harkavy R.* Strategic Geography and the Changing Middle East. Wash., 1997. P. 26-27.
- ⁴ *Smith V.A.* History of India. P.700; Следует здесь обратить внимание на фактическую неточность, допущенную авторами капитального четырехтомного исследования «Системная история международных отношений в четырех томах 1918—2003» (М., 2003, Том третий, с.131—132) Касаясь линии Дюранда они связали ее появление с окончанием афгано-британской войны, между тем как вторая англо-афганская война имела место в 1878—1880 гг., а третья — в 1919 г. Необходимость разграничения контроля над полосой горных пуштунских племен возникла после многочисленных антибританских выступлений пуштунов в конце 1880 — начале 1890-х годов.
- ⁵ *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics in India. Delhi, 1979. P. 285.
- ⁶ *Brown J.M.* Modern India. The Origins of an Asian Democracy. Second Edition. Oxford, 1994. P. 289-291.
- ⁷ *Moreland W.H., Chatterjee A.C.* A Short History of India. L., 1945. P. 254-260; Индия: страна и ее регионы. М., 2000, с. 30-31.
- ⁸ *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics. P. 5-6.
- ⁹ *Malik S.* The Panjab and the Indian «Mutiny»: A reassessment// Islamic Studies, Islamabad, vol. XY, Summer 1976, No. 2. P. 81-110; *Malik S.* 1857 Gogira rebellion in Southeastern Panjab// Islamic Studies, vol. XYI, Summer 1977, No.2. P. 65-95.
- ¹⁰ *Гордон-Полонская Л.П.* Мусульманские течения в общественной жизни Индии и Пакистана. М., 1963. С. 101—105.
- ¹¹ *Metcalf B.D.* Islamic Revival in British India, 1860—1900. Princeton, 1982. P. 87-91.
- ¹² *Гордон-Полонская Л.П.* Мусульманские течения. С. 106-107.
- ¹³ *Metcalf B.D.* Islamic Revival. P. 92-93.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 266.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 315-316.
- ¹⁶ *Hunter W.W.* The Indian Massulmans. Reprint. Calcutta, 1945; *Thorburn S.S.* Mosulmans and Money-Lenders in the Punjab. Edinburgh, 1886.

- ¹⁷ *Ревякин А.В.* История международных отношений в Новое время. М., 2004. С. 269—273.
- ¹⁸ *Vence-Jones M.* The Viceroy of India. P. 98-99.
- ¹⁹ *Гордон-Полонская Л.П.* Мусульманские течения. С. 130—131; *Metcalf B.D.* Islamic Revival. P. 323
- ²⁰ *Ibid.* P. 322-326.
- ²¹ *Ibid.* P. 335-347.
- ²² *Ibid.* P. 29-34.
- ²³ *Гордон-Полонская Л.П.* Мусульманские течения. С. 154—158.
- ²⁴ Там же. С. 122.
- ²⁵ *Smith V.A.* The Oxford History of India. P. 804. Соединение идей борьбы за высшее образование для мусульман и развитие языка урду нашло отражение в создании в 1900 г. по инициативе Алигарха Ассоциации защиты урду — *Brown J.M.* Modern India. P.180.
- ²⁶ *Гордон-Полонская Л.П.* Мусульманские течения. С. 143-149; *Founding Fathers of Pakistan.* Islamabad, 1981. P. 45-82.
- ²⁷ *Brown J.M.* Modern India. P. 154; *Ikram S.M.* Modern Muslim India and the Birth of Pakistan. Lahore, 1970. P. 33-34.
- ²⁸ *Ibid.* P. 94-95.
- ²⁹ *Ibid.* P. 80-81, 183.
- ³⁰ *Smith V.A.* P. 774-775.
- ³¹ Принцип образования курий по религиозному или этническому признаку вызывал возражения либерально настроенных политиков в метрополии; оправдывая его, госсекретарь Морли ссылался на существование подобной практики на Кипре, где мусульмане выбирали своих представителей и в Богемии, где немцы выделялись в отдельную курию. Характерно также, что в защиту решения приводился такой аргумент, как несводимость различий между мусульманами и индусами только к религии, укорененность разрыва в историческом прошлом, привычках и социальных обычаях. см. *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics. P.128-132; *Wolpert S.* A New History of India. Sixth Edition. N.Y., 2000. P. 284.
- ³² *Spear P.* India. A Modern History. Ann Arbor, 1961. P. 327.
- ³³ Индийский автор Я.Б. Матхур приводит только один факт- националистически настроенные политики Калькутты во главе с С.Банерджи выпустили в знак протеста манифест-обращение к правительству см: *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics. P. 130.
- ³⁴ Первый из них состоялся в первый день 1877 г. при вице-короле лорде Литтоне, второй — в 1903 г. при лорде Керзоне.
- ³⁵ *Minault G.* The Khilafat Movement. Religious Symbolism and Political Mobilization in India. N.Y., 1982. P. 40,47
- ³⁶ *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics. P. 136-137; *Brown J.M.* Modern India. P. 200-201; *Wolpert S.* A New History of India. P. 294.
- ³⁷ *Brown J.M.* Modern India. P. 207-209.
- ³⁸ *Minault G.* The Khilafat Movement. P. 67, 79-84.
- ³⁹ *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics. P. 139-140.
- ⁴⁰ *Wolpert S.* A New History of India. P. 311.
- ⁴¹ *Куценков А.А.* Межобщинный конфликт: природа, движущие силы, динамика — Южная Азия: конфликты и компромиссы. М., 2004. С. 32.
- ⁴² *Уолперт С.* Джинна — творец Пакистана. М., 1997. С. 103.
- ⁴³ *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics. P. 168-169.
- ⁴⁴ *Low D.A.* Britain and Indian Nationalism. The imprint of ambiguity. 1929-1942. Cambridge, 1999. P. 9-10.
- ⁴⁵ *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics. P. 168.
- ⁴⁶ *Ibid.* P. 170-171.

- ⁴⁷ Уолперт С. Джинна. С. 123—125.
- ⁴⁸ Brown J.M. Modern India. P. 278—279.
- ⁴⁹ Talbot I. Pakistan. A Modern History. L., 1998. P. 83. О восстании в Пешаваре в апреле 1930 г. и признании Гаффар Хана «пограничным Ганди» см, в частности: Паничкин Ю.Н. Образование Пакистана и пуштунский вопрос. М., 2005.
- ⁵⁰ Уолперт С. Джинна. С. 112; Mathur Y.B. Growth of Muslim Poltics. P. 167—168; Brown J.M. Modern India. P. 237.
- ⁵¹ Уолперт С. Джинна. С. 131—137.
- ⁵² Brown J.M. Modern India. P. 244—245.
- ⁵³ Ibid.. P. 289.
- ⁵⁴ Ibid.. P. 290; Sayeed K.B. The Political System of Pakistan. Boston, 1967. P. 29.
- ⁵⁵ Brown J.M. Modern India. P. 391; Spear P. A History of India. P. 382.
- ⁵⁶ Brown J.M. Modern India. P. 297.
- ⁵⁷ Ibid.. P. 308.
- ⁵⁸ Ibidem.
- ⁵⁹ Ibid.. P. 313.
- ⁶⁰ Mathur Y.B. Growth of Muslim Politics. P. 168—171; Ikram S.M. Modern Muslim India. P. 208.
- ⁶¹ Talbot I. Pakistan. P. 67.
- ⁶² Ibid.. P. 71-71; Ikram S.M. Modern Muslim India. P. 216—217, 221—222.
- ⁶³ Ibid.. P. 236-237.
- ⁶⁴ Подробнее см: Ганковский Ю.В. Народы Пакистана. М., 1964. С. 210—216; Агеев В.Ф. Новейшая история Синда. М., 1986. С. 42—44, 251—257.
- ⁶⁵ Там же. С. 43; Talbot I. Pakistan. P. 76.
- ⁶⁶ Агеев В.Ф. Новейшая история Синда. С. 42
- ⁶⁷ Talbot I. Pakistan. P. 77.
- ⁶⁸ Sayeed K.B. The Political System. P. 35.
- ⁶⁹ Уолперт С. Джинна. С. 181—182; Talbot I. Pakistan. P. 62
- ⁷⁰ Sayeed K.B. The Political System. P. 36.
- ⁷¹ Уолперт С. Джинна. С. 190.
- ⁷² Там же. С. 192.
- ⁷³ Там же. С. 193.
- ⁷⁴ Ikram S.M. Modern Muslim India. P. 168-169; Ahmed A.S. Jinnah, Pakistan and Islamic Identity. L., 1997. P.71-78.
- ⁷⁵ Цит. по: Ikram S.M. Modern Muslim India. P. 169; Founding Farthers of Pakistan. P. 156.
- ⁷⁶ Ibid.. P. 166-169.
- ⁷⁷ Ahmed A.S. Jinnah. P. 57-58.
- ⁷⁸ Founding Farthers of Pakistan. P. 173-175.
- ⁷⁹ Имеются и другие толкования, которые давал в одной из брошюр Рахмат Али с упоминанием Ирана, Афганистана и Тахаристана — Ibid, p 168.
- ⁸⁰ Ahmed A.S. Jinnah. P. 74-75.
- ⁸¹ Ibid.. P. 74.
- ⁸² Ibid.. P. 75.
- ⁸³ Ali S.M. The Emergence of Pakistan. N.Y., 1967. P. 33.
- ⁸⁴ Brown J.M. Modern India. P. 360.
- ⁸⁵ Ali S.M. The Emergence of Pakistan. P. 34.
- ⁸⁶ The Transfer of Power. Documents of the Foreign Relations of pakistan. Karachi, 1966. P.19-20.
- ⁸⁷ Ibid.. P. 17.
- ⁸⁸ Уолперт С. Джинна. С. 229.
- ⁸⁹ Brown J.M. Modern India. P. 360.
- ⁹⁰ Уолперт С. Джинна. С. 222—224.

- ⁹¹ Там же. С. 227—228.
- ⁹² *Talbot I.* Pakistan. A Modern History. P. 69.
- ⁹³ *Уолперт С.* Джинна. С. 228—230.
- ⁹⁴ Там же. С. 232—239; *Brown J.M.* Modern India. P. 327—328, 361; *Ali C.M.* The Emergence of Pakistan. P. 43—44; *Sayeed K.B.* The Political System. P. 42—43.
- ⁹⁵ *Уолперт С.* Джинна. С. 233.
- ⁹⁶ Там же. С. 237.
- ⁹⁷ *Датт П.* Индия сегодня. М., 1948. С. 589; *Brown J.M.* Modern India. P. 321—324.
- ⁹⁸ *Уолперт С.* Джинна. С. 268—269.
- ⁹⁹ Там же. С. 273; *Ali C.M.* The Emergence of Pakistan. P. 46—47.
- ¹⁰⁰ *Brown J.M.* Modern India. P. 336; см. также: *Sayyed K.B.* The Political System. P. 45.
- ¹⁰¹ *Talbot I.* Pakistan. A Modern History. P. 87—88.
- ¹⁰² *Sayeed K.B.* The Political System. P. 53.
- ¹⁰³ См., например: *Sayeed K.B.* Politics in Pakistan: The Nature and Direction of Change. N.Y., 1980; *Gilmartin D.* Empire and Islam: Punjab and the Making of Pakistan. Berkeley, 1988.
- ¹⁰⁴ Энциклопедия Пакистана. М., 1998. С. 104—105.
- ¹⁰⁵ *Talbot I.* Pakistan. A Modern History. P. 73—74; *Sayeed K.B.* The Political System. P. 45.
- ¹⁰⁶ *Talbot I.* Pakistan. A Modern History. P. 79—80.
- ¹⁰⁷ *Ibid.* P. 83—85.
- ¹⁰⁸ См. о нем, в частности, вышеупомянутую книгу Ю.Н. Паничкина.
- ¹⁰⁹ *Brown J.M.* Modern India. P. 328.
- ¹¹⁰ Подробнее о двух тенденциях, либеральной и консервативной, см: *Белохреницкий В.Я.* Уход Англии из Индии и проблема образования двух доминионов — История Британского колониализма. М., 2005.
- ¹¹¹ *Moore R.J.* Escape from Empire. The Attlee Government and the Indian Problem. Oxford, 1983. P. 107—109.
- ¹¹² *The Transfer of Power. 1942—1947.* vol. 7, ed. P. Mansergh. L., 1977. P. 951—966.
- ¹¹³ *Уолперт С.* Джинна. С. 303—304.
- ¹¹⁴ Там же. С. 305—308.
- ¹¹⁵ *Menon V.P.* The Transfer of Power in India. Princeton, 1957. P. 470—476.
- ¹¹⁶ *Ali C.M.* The Emergence of Pakistan. P. 57; *Brown J.M.* Modern India. P. 362.
- ¹¹⁷ *Уолперт С.* Джинна. С. 316; *Ali C.M.* The Emergence of Pakistan. P. 60.
- ¹¹⁸ *Ibid.* P. 62.
- ¹¹⁹ *Ibid.* P. 67.
- ¹²⁰ *Ibid.* P. 70; *Уолперт С.* Джинна. С. 326.
- ¹²¹ Там же. С. 329—331.
- ¹²² Такого мнения придерживался, в частности, П.Спиар см: *Spear P.* A Modern History. P. 417.
- ¹²³ *Уолперт С.* Джинна. С. 335—336.
- ¹²⁴ *Дьяков А.М.* Индия во время и после окончания второй мировой войны. М., 1952. С. 93; *Moore R.J.* Escape from Empire. P. 188, 193; *Ali C.M.* The Emergence of Pakistan. P. 93—94.
- ¹²⁵ Нельзя, разумеется, считать лишь Джинну ответственным за создание Пакистана, но, как отмечает, например, такой современный автор, как А.Джалал, ему приходилось зачастую брать на себя инициативу и полную ответственность. См: *Jalal A.* The Sole Spokesman: Jinnah, The Muslim League and the Demand for Pakistan. Cambridge, 1985.
- ¹²⁶ *Talbot I.* Pakistan. A Modern History. P. 73—74.
- ¹²⁷ *Wolpert S.* A New History of India. N.Y., 2000 (Sixth Edition). P. 346; *Кашин*

- В.П.* Раздел Панджаба, 1947 год — Индия. Общество, власть, реформы. М., 2003. С. 172—173.
- ¹²⁸ *Ali C.M.* The Emergence of Pakistan. P. 104—110.
- ¹²⁹ *Moore R.J.* Escape from Empire. P. 246. Впоследствии В.П. Менон написал весьма содержательную книгу о процессе перехода власти от англичан к индийцам см. сноска 115.
- ¹³⁰ *Wolpert S.* A New History of India. P. 346.
- ¹³¹ См, например: *Churchill W.S.* My Early Life, 1874—1908. Collins, 1974 (Tenth Impression). P. 146-156.
- ¹³² *Кашин В.П.* Раздел Панджаба. С. 184—186; *Talbot I.* Pakistan A Modern History. P. 102—104.
- ¹³³ *Датт П.* Индия сегодня. С. 464—466; *Дьяков А.М.* Индия во время и после окончания второй мировой войны. С. 161.
- ¹³⁴ См. меморандум миссии кабинета председателю палаты князей от 12 мая и Заявление миссии от 16 мая 1946г. в : The Transfer of Power. Documents. P. 119—121, 131—132.
- ¹³⁵ *Дьяков А.М.* Индия во время и после окончания второй мировой войны. С. 107; *Ali C.M.* The Emergence of Pakistan. P. 226—227; *Moore R.J.* Escape from Empire. P. 295-296.
- ¹³⁶ *Ibid.* P. 290-294.
- ¹³⁷ *Ali C.M.* The Emergence of Pakistan. P. 116.
- ¹³⁸ *Ibid.* P. 134-136.
- ¹³⁹ *Ibid.* P. 156-157.
- ¹⁴⁰ The Transfer of Power. Documents. P. 224-225.
- ¹⁴¹ *Ibid.* P. 226-228.
- ¹⁴² *Ibid.* P. 231-234.
- ¹⁴³ *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.П.* История Пакистана. М., 1961. С. 106—107; *Ali C.M.* The Emergence of Pakistan. P. 167.
- ¹⁴⁴ The Transfer of Power. Documents. P. 263-276.
- ¹⁴⁵ *Ibid.* P. 131, 138; *Ali C.M.* The Emergence of Pakistan. P. 235-236.
- ¹⁴⁶ *Vence-Jones M.* The Viceroy of India. P. 308-310.
- ¹⁴⁷ Такая трактовка вопроса о судьбе княжеств, т.е. утверждение о наличии у них «третьего» выбора, к удивлению, нашла достаточно широкое отражение на страницах отечественной историографии еще с советских времен и используется в относительно новых работах см., напр.: *Спирин Д.В.* История Кашмирского конфликта и роль ООН в поиске путей его урегулирования. Автореф. канд.дисс., М., 1996, с.10.
- ¹⁴⁸ Как отмечает известный американский исследователь пакистанского происхождения Х.Малик, «чтобы достичь баланса сил с Индией, Джинна разработал политическую стратегию балканизации Индии» — *H. Malik.* Soviet-Pakistan Relations and Post-Soviet Dynamics, 1947-92. L., 1994. P. 50.
- ¹⁴⁹ *Lamb A.* Kashmir. A Disputed Legacy 1846-1990. L., 1991. P. 113—116
- ¹⁵⁰ *Кашин В.П.* Раздел Панджаба. С. 182—183. В этой работе можно найти, пожалуй, наиболее детальное в отечественной литературе изложение сути проблем, связанных с принятием «решения Рэдклиффа» о границе между Восточным и Западным Панджабом.
- ¹⁵¹ См., например: *Lamb A.* Birth of a Tragedy. Kashmir 1947. L., 1994.
- ¹⁵² *Уолнерт С.* Джинна. С. 392—393.
- ¹⁵³ *Wolpert S.* Jinnah of Pakistan. Oxford, 1984. P. vi.

Одна из страниц пакистанской истории

В данной статье рассматривается период 1977-1988 гг., когда в стране функционировал третий по счету военный режим во главе с генералом Мухаммадом Зия-уль-Хаком. Представляется, что это был очень важный этап развития пакистанского государства и общества. Уже сама длительность существования правления М. Зия-уль-Хака, далеко превосходящая все остальные военные режимы и лишь немногим уступающая «демократическому просвету» между военными диктатурами (1988—1999 гг.), вызывает большой интерес, ставит много вопросов и требует исчерпывающих объяснений (конечно, насколько это возможно).

Именно в этот период произошли существенные изменения во многих сферах деятельности пакистанского общества. Окончательно восторжествовал курс на развитие частнособственнического предпринимательства. Серьезно укрепил свои позиции господствующей идеологии ислам, еще больше потеснив в этом отношении государственный национализм. «Исламский бум», начавшийся несколько ранее, и главным образом под влиянием внешних причин (событий на Ближнем Востоке, со странами которого у Пакистана были прочные, широкие и многоплановые связи), продолжался и усиливался в рассматриваемый период во многом благодаря политики исламизации, проводимой «сверху». Впервые в истории страны в ее управлении участвовали фундаменталистские партии, члены которых входили в правительство, руководимое М. Зия-уль-Хаком. Также впервые, в руках одного человека после отмены военного режима оказалась высшая государственная (президент) и военная (командующий армией) власть. Создан был важный прецедент, которым воспользовался следующий военный руководитель Пакистана генерал П.Мушарраф. В 80-е гг. Пакистан стал обладателем ядерного оружия, что серьезно повлияло на его положение, особенно внешнеполитическое.

М. Зия-уль-Хак умело использовал опыт своих предшественников

---

* Владимир Николаевич Москаленко — главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук.

у кормила власти как военных, так и гражданских. Судьба М. Айюб Хана показала, как опасно гражданскому президенту отказываться от контроля над армией. В отличие от первого военного режима, который опирался практически лишь на армию, что существенно ограничило его социально-политическую основу, правительство М. Зия-уль-Хака довольно активно использовало в качестве политических союзников и даже партнеров представителей бизнеса, партий и организаций. Государственный курс, носивший ярко выраженный популистский характер, представлял искусное маневрирование внутри страны и вне ее между различными противостоящими силами с тем, чтобы максимально обеспечить интересы Пакистана и его руководства, но при этом не доводить дела до конфликтов. Судьба второго пакистанского диктатора генерала А. М. Яхья Хана напоминала об опасности перерастания конфронтации с Индией в военное столкновение. За весь длительный период третьего военного режима подобных столкновений между двумя странами не было. Более того, М. Зия-уль-Хак ввел в политический оборот весьма популярный ныне термин «крикетная дипломатия». Он первым начал ездить в Индию на такие матчи, чтобы заодно обсудить положение дел с индийскими лидерами. Наконец, опыт непосредственного предшественника М. Зия-уль-Хака главы пакистанского правительства Зульф리카ра Али Бхутто показал опасность проведения до конца непродуманных, неясных с точки зрения результативности социальных экспериментов, затрагивающих интересы многих общественных групп и вызывающих большое недовольство в стране.

Именно эти последние обстоятельства и лежали в основе острой политической и экономической нестабильности летом 1977 г, что позволило военным вновь придти к власти¹. 5 июля 1977 г. был совершен государственный переворот. В стране было введено военное положение, распущены выборные законодательные и исполнительные органы власти, приостановлено действие Конституции. Вся власть сосредоточилась в руках начальника штаба армии (командующего сухопутными силами страны) генерала М. Зия-уль-Хака, ставшего главным военным администратором, а с сентября 1978 г. и президентом страны. После этого З. А. Бхутто был арестован. В марте 1978 г. по обвинению в причастности к политическому убийству был приговорен к смертной казни. Повешен 4 апреля 1979 г. Пожалуй, никто из пришедших к власти в Пакистане военных диктаторов не расправлялся так сурово с политическими противниками.

Очередной выход военных на государственную арену произошел, как обычно, в условиях экономических неурядиц и острейшей политической нестабильности. В то же время это был своеобразный ответ консервативных, традиционалистских сил общества на попытку его модерни-

зации, предпринятые правительством З. А. Бхутто. В борьбу с властями правым удалось, умело используя недостатки и промахи деятельности правительства З. А. Бхутто, втянуть значительные массы трудящихся, общественности, некоторые демократические партии и организации, которые продолжали считать З. А. Бхутто и его партию своим основным противником и после 5 июля вплоть до конца 1979 г., когда военные власти отказались от своего обещания провести всеобщие выборы.

Результатом переворота в июле 1977 г. явилось усиление крупной буржуазии, земельной аристократии, традиционалистов. В их интересах прежде всего проводилась политика режима М. Зия-уль-Хака. Были отменены или заморожены реформы, объявленные прежним правительством, проводился курс на ограничение государственного сектора в экономике, денационализацию предприятий, развитие частного предпринимательства. Крупный бизнес получил гарантии от национализации в будущем. Льготы и привилегии были предоставлены иностранным инвесторам. Росли частные вложения капитала из Англии, США, ФРГ, Японии, стран Ближнего и Среднего Востока. Во всех сферах пакистанского общества усиленно проводилась политика исламизации.

После переворота в 1977 г. политическая деятельность в стране была ограничена, но не запрещена, продолжали функционировать партии и общественные организации. Представители правых религиозно-общинных партий входили в состав правительства, а в реорганизованном 24 августа 1978 г. кабинете министров не было военных, кроме самого М. Зия-уль-Хака; кабинет, возглавляемый президентом, состоял из чиновников, крупных бизнесменов и членов Мусульманской лиги, «Джамаат-и ислами», «Джамаат-уль-улема-и-ислам», Пакистанской демократической партии. Только в конце 1979 г., когда позиции правительства достаточно укрепились и был физически устранен самый опасный противник — З. А. Бхутто, власти запретили деятельность политических партий, что фактически касалось демократических партий и особенно созданную еще З. А. Бхутто Пакистанскую народную партию (ПНП). Возглавившие партию вдова ее лидера Нусрат Бхутто и дочь Беназир годы военного режима провели либо за тюремной решеткой или под домашним арестом, либо в эмиграции. Для правых партий этот запрет носил довольно условный характер, и они по-прежнему оказывали режиму поддержку.

В период правления М. Зия-уль-Хака регулярно проводились выборы в органы местного самоуправления. Чтобы прикрыть авторитарный характер режима, в январе 1982 г. был образован Федеральный консультативный совет («Маджлис-и-шура»). Этот совещательный орган был представлен как наиболее соответствующий исламской государственной системе. Власти часто проводили конференции представителей различных групп населения — рабочих, крестьян, студентов, жен-

щин, религиозных деятелей. На них с участием руководителей страны обсуждались актуальные проблемы развития Пакистана; это создавало иллюзию причастности населения к управлению государством.

Усиленно маневрировал режим и в социальной сфере (чему так мало внимания уделял М. Айюб Хан). Усиливая развитие экономики, правительство пыталось посредством политики в области ценообразования и налогообложения несколько ослабить финансовое давление на широкие слои населения, не допустить слишком большого разрыва между ростом экономики и его результатами для трудящихся масс. В какой-то мере задачами социального характера было вызвано введение традиционных исламских законов закят и ушр (главной причиной, конечно, были религиозные мотивы). Поступления от этих налогов шли на нужды наиболее обездоленной части населения и отчасти облегчали существования остро нуждающихся. Закят и ушр — это прямые налоги, введенные дополнительно к уже существующим, и представляющие определенные отчисления средств имущих на нужды инвалидов, вдов, сирот, нетрудоспособных и т. д. Разумеется, эта мера имела большой пропагандистский характер. В этом плане следует рассматривать и отмену банковского процента. Надо отметить, что правительство имело определенные возможности для социального маневрирования благодаря большой финансово-экономической помощи иностранных государств в тот период и значительным денежным переводам от массы пакистанцев, устремившихся на работу в страны Ближнего Востока.

Но самым важным направлением политики режима генерала М. Зия-уль-Хака, которая представляла собой искусное маневрирование в масштабах всего государства, была, без сомнения, исламизация практически всех сфер жизнедеятельности пакистанского общества. Подчеркнем, что ни до, ни после этого подобного явления в Пакистане не было. М. Зия-уль-Хак умело использовал рост исламских настроений в мусульманском мире, включая и Пакистан, со второй половины 70-х гг. В Пакистане к этому времени уже исчерпал себя национализм, как идеология широких масс, надеявшихся на лучшую жизнь в «своем» государстве. На смену национализму пришел ислам, и режиму М. Зия-уль-Хака выпал случай, который он умело использовал — содействовать становлению новой идеологии государства.

Руководители страны хорошо понимали, что широкие массы привлекали прежде всего эгалитаристские элементы, содержащиеся в исламе. Поэтому целью своей политики власти объявили создание «подлинного исламского общества», общества «всеобщего равенства и благоденствия», свободного от недостатков и пороков современности. В практической и пропагандистской деятельности внимание обращалось на уменьшение разрыва между бедными и богатыми,

созданию «подлинно исламских органов власти», «очищению общества» от таких явлений, как употребление алкоголя, азартные игры, порнография и т. д., а также введение жестоких исламских наказаний за некоторые виды «безнравственных» и уголовных преступлений (супружеская неверность, воровство, мошенничество и т. д.).

В сфере государственного строительства «истинно исламским» был объявлен «Маджлис-и-шура», члены которого назначались президентом и который должен был функционировать вместо избранного парламента. В случае же восстановления выборного процесса, избирательное право следовало предоставлять не всем, а только «настоящим», «правоверным» мусульманам. Военный режим восстановил раздельную систему выборов по религиозным общинам. Вооруженным силам была вменена в обязанность защита не только границ государства, но и его идеологии, т. е. ислама. Учрежденный в 1980 г. Федеральный шариатский суд определял соответствие действующих или принимаемых законов принципам ислама и решал уголовные дела, по которым применялись традиционные наказания.

Вообще, исламизация в Пакистане, очевидно, в тогдашних внешних и внутренних условиях была неизбежной. Но то, что она приняла такие широкие масштабы, во многом зависело от субъективного фактора — от личности самого Зия-уль-Хака. Это был очень верующий человек, требовавший от остальных людей того же. Кроме того, он прекрасно понимал роль «борьбы за ислам» в легитимизации военного правления; именно политика исламизации сыграла основную роль в длительности существования режима.

Особенно большое внимание обращалось на идеологическую обработку вооруженных сил. Ислам был положен в основу воспитательной работы при обучении военнослужащих. В армии были введены те же запрещения и ограничения, предусмотренные шариатом, что и во всей стране. Муллы в подразделениях были возведены в ранг религиозных учителей, а ислам был включен в качестве основного предмета в программы обучения личного состава. Урду заменил в армии английский язык. Исламская идеология была положена в основу разработки военной политики. Вопросы военной стратегии увязывались с концепцией джихада. Глубоко изучалась мусульманская военная история. При наборе на военную службу и продвижении по ней важную роль играли соблюдение военнослужащими религиозных правил и обычаев. Вот почему на рубеже XXI в. был так велик процент связанных с фундаментализмом представителей комсостава, особенно высшего, которые начинали службу при Зия-уль-Хаке². Поскольку военные полностью контролируют все, что связано с атомным оружием, отмеченный факт в какой-то мере объясняет существование

связей пакистанских ядерщиков с некоторыми мусульманскими странами и режимами.

Огромное внимание уделялось проникновению ислама в духовную и культурную жизнь пакистанцев, в систему образования. Все учебники в школах и вузах были пересмотрены с точки зрения их «соответствия» исламу. В 1980 г. был открыт Исламский университет в столице. В течение 1983 и 1984 гг. к работе приступили около 12 тыс. школ при мечетях (медресе).

Росту исламизации в Пакистане и в его вооруженных силах содействовала конфронтация с Индией, союз с фундаменталистами Афганистана, поддержка экстремистов в Кашмире. Пакистанские спецслужбы, и главная из них — Объединенная военная разведка (ОВР) помогли появлению военизированных исламорадикальных организаций для подрывной деятельности в Кашмире и Афганистане. Среди этих террористических организаций следует назвать «Лашкар-и Тойба» («Воинство правоверных»), «Харкат-уль-Муджахеддин» («Движение борцов за веру»), «Джаиш-и Мухаммад» («Армия Мухаммада»), «Сипах-и Сахаба-и Пакистан» («Армия защитников Пакистана») и др. Через некоторое время они стали представлять угрозу для самого Пакистана, и последнему военному режиму генерала Первез Мушаррафа пришлось вести с ними серьезную борьбу.

Большое значение для Пакистана в рассматриваемый период сыграли известные события в соседнем Афганистане. Собственно говоря, можно сказать, что вовлечение Исламабада в афганские дела, начатое в конце 70-х гг., продолжается до сих пор. Он полностью поддерживал муджахедов в их войне с правительством Кабула и советскими войсками. Пакистан тогда превратился в настоящее прифронтовое государство — на его территории находились штаб-квартиры основных политических партий — противников Кабула, базы и лагеря по подготовке афганских боевиков, через Пакистан поступало для них оружие из США и других западных стран. Ими были сняты все введенные прежде ограничения в связи с развитием в Пакистане военной ядерной программы и нарушением прав человека. И хотя все это в Пакистане осталось, с начала 80-х гг. происходило широкое развитие с ним финансово-экономических и военно-политических связей со стороны Запада. В рассматриваемый период США дважды объявляли о предоставлении Пакистану крупных займов на военно-экономические цели — в июне 1981 г. на сумму в 3,2 млрд. долл. и в марте 1986 г. на 4,02 млрд. долл. Пакистан превратился в одного из основных получателей американской военно-экономической помощи. В значительных размерах поступало из США современное оружие³. Вслед за Америкой большие средства шли из других западных стран, международных финансово-экономических организаций⁴. Укре-

плялись связи Пакистана с богатыми мусульманскими странами Ближнего и Среднего Востока. В подобной обстановке Исламабаду удалось различными путями, в т. ч. через подставные фирмы приобрести почти все необходимое для производства ядерного оружия.

Однако несмотря на значительные размеры иностранной помощи, большие денежные поступления от пакистанцев, работавших в странах Персидского залива, благоприятные погодные условия и т. д., экономическое положение Пакистана оставалось тяжелым. Росли дефицитное финансирование, внешняя задолженность, инфляция, цены на товары первой необходимости, внешнеторговый дефицит. Внешний долг страны в 1982 г. составил 12 млрд. долл. Росли непроизводительные расходы. Иностранная военная помощь не только не уменьшила собственные военные расходы Пакистана, но, наоборот, стимулировала их рост: за четыре года (с 1979/80 по 1982/83 г.) они увеличились почти в два раза (с 12,7 до 22,9 млрд. рупий)⁵. Именно в период режима М. Зия-уль-Хака была проведена основная работа по созданию атомного оружия, начатая еще при З. А. Бхутто. Руководитель военных ядерных программ, ныне печально знаменитый А. Кадир Хан отмечал, что в 1985 г. все было готово для проведения ядерного взрыва⁶. А президент страны в интервью американскому журналу «Тайм», опубликованному 30 марта 1987 г., указывал, что Пакистан в состоянии изготовить ядерную бомбу «в любой момент, когда этого захочет». По некоторым данным, программа создания ядерного оружия стоила Пакистану 10 млрд. долл., по другим — намного больше.

События в Афганистане вызвали большой поток беженцев, которые разместились главным образом на северо-западе Пакистана. Число иммигрантов составило примерно 3 млн. человек. В районах их размещения происходила напряженная борьба между пришельцами и местными жителями из-за земли, пастбищ, воды. Богатые выходцы из Афганистана скупали скот, дома, земельные участки, городской транспорт. В районах пребывания беженцев установились более высокие цены, чем в среднем по стране; резко возросла безработица. В тесной связи с афганскими событиями, в Пакистане возникла еще одна проблема — наркотиков. Пакистан превратился в одного из основных участников международного наркобизнеса, что, с одной стороны, негативно влияло на его международные позиции, а с другой, в стране, где этой проблемы практически не было, наркомания приобрела опасные размеры. Естественно, все это усиливало нестабильность в стране, что составляло основную проблему для правительства.

Несколько лет Пакистан отказывался от всяких дипломатических контактов с Кабулом. Однако обстановка в стране и позиция ООН вынудили Исламабад начать в июне 1982 г. не прямые переговоры с прави-

тельством Афганистана. Переговоры проходили в Женеве при участии и посредничестве личного представителя генерального секретаря ООН. Завершились они в апреле 1988 г., когда обе стороны подписали соглашение, предусматривавшее их обязательства «уважать суверенитет друг друга и не вмешиваться в их внутренние дела». Гарантами Женевских соглашений выступили СССР и США. В соответствии с этими соглашениями, Советский Союз 15 мая 1988 г. начал вывод своих войск из Афганистана и 15 февраля следующего года завершил его. Пакистан, к сожалению, постоянно нарушал достигнутые соглашения и продолжал по-прежнему оказывать всестороннюю поддержку афганской оппозиции. Кроме военно-материальной помощи, Исламабад предпринял большие усилия по сплочению рядов оппозиции, сосредоточению всех ее сил для устранения правительства в Кабуле и захвата власти в стране. В Пешаваре было сформировано «переходное правительство» муджахедов.

Длительное пребывание военных у власти вызывало недовольство различных групп населения. В оппозиции режиму находилась демократически настроенная общественность, требовавшая восстановления представительных органов управления. Недовольна была значительная часть политической элиты страны, отстраненная от государственной власти. В рядах оппозиции были многие профессиональные группы, права которых ущемлялись военным режимом. Активно выступали довольно многочисленные и влиятельные в стране юристы, сфера деятельности которых была сужена работой военных судебных органов и исламизацией судопроизводства. В антиправительственном движении важную роль играли женские организации, поскольку политика военных властей, поддержанная фундаменталистами, была направлена на ограничение участия женщин в общественно-политической деятельности. Оппозиционное движение в стране протекало на фоне растущего недовольства условиями жизни широких слоев пакистанского населения. Не все спокойно было даже в главной силе и опоре режима — армии, о чем свидетельствовали чистки и отставки в высшем комсоставе, аресты и суровые наказания офицеров среднего ранга (март 1980 г., январь 1984 г.)⁷.

В период военного режима М. Зия-уль-Хака постоянно в разных районах страны происходили выступления студентов, рабочих, служащих, представителей интеллигенции, религиозных и национальных меньшинств. Наиболее массовым по размаху и острым по форме было антиправительственное движение во второй половине 1983 г., основной базой которого был Синд, где режим М. Зия-уль-Хака вызывал наибольшую неприязнь. Против восставших были брошены вооруженная полиция и регулярные воинские части. «Наведение порядка», сопровождавшееся многочисленными жертвами, затянулось на многие месяцы и завершилось лишь в начале 1984 г. После этого

власти сочли целесообразным начать медленную трансформацию открытой военной диктатуры в гражданский режим с представительными формами правления. К тому же, к этому времени правительство решило многие задачи, поставленные перед ним обстановкой конца 70-х гг. — исправление радикалистских перегибов З. А. Бхутто, стабилизация обстановки в СЗПП, проведение исламизации, «замирение» в Белуджистане, где при прежнем правительстве шли боевые действия между федеральными войсками и ополчениями племен и др.

Начало преобразованию военного режима положил проведенный 19 декабря 1984 г. референдум об одобрении политики исламизации. Положительный результат, а иного в Пакистане и быть не могло, был объявлен как «избрание» М. Зия-уль-Хака президентом на следующее пятилетие. В феврале 1985 г. состоялись выборы Национального собрания и законодательных собраний провинций; в марте был образован Сенат. Все эти выборы проводились на непартийной основе, в условиях военного положения; власти контролировали избирательную кампанию на всех этапах ее подготовки и проведения. И все же власти не имели оснований для полного торжества: явка избирателей оставляла желать лучшего, потерпели поражение несколько министров центрального правительства, внушительные потери понес союзник военных — фундаменталистская партия «Джамаат—и ислами»⁸. Оппозиционные организации бойкотировали выборы. Естественно, большинство членов законодательных органов было лояльно к режиму; из их числа были сформированы кабинеты министров в центре и в провинциях. Главой центрального правительства стал малоизвестный тогда политический деятель из Синда М. Х. Джунеджо. Депутаты правительственного большинства вступили в Мусульманскую лигу, которую возглавил М. Х. Джунеджо. Правящей партии противостоял созданный еще в 1981 г. блок основных оппозиционных партий — Движение за восстановление демократии — ДВД (решающую роль в нем играла ПНП). Основным его требованием были немедленная отмена военного режима и восстановление гражданского правления.

Готовясь к отмене военного положения, М. Зия-уль-Хак в течение 1985 г. провел через послушный ему парламент ряд поправок к Конституции 1973 г., которые существенно расширили президентские полномочия. Особенно важной была «восьмая поправка», которая передавала президенту основные полномочия, бывшие в руках премьер-министра согласно первоначальному тексту Основного закона и делала его таким образом первым лицом во властной иерархии. Согласно «восьмой поправки» президент получил право увольнять премьер-министра и все правительство, распускать по своему усмотрению Национальное собрание, назначать губернаторов провинций, начальников штабов трех родов войск и др. После этого военное положение было отменено (30

декабря 1985 г.). Президент М. Зия-уль-Хак, в отличие от М. Айюб Хана, остался на действительной военной службе и сохранил пост начальника штаба армии. Также в отличие от М. Айюб Хана он не возглавил правящую партию, сохранив свою политическую самостоятельность и став вне и над «мелочами» политической жизни. Впервые в истории Пакистана в условиях гражданского правления в руках одного человека оказалась сосредоточена высшая гражданская и военная власть.

Несмотря на принципиальную близость президента и главы правительства по основным государственным проблемам, между ними существовали и определенные расхождения по тактическим вопросам — назначения на государственные посты, представительство Пакистана на международной арене и т. д. Наиболее существенными были различия в подходе к афганской проблеме. Президент и его окружение (верхушка военной и государственной бюрократии, руководство религиозно-общинных партий, пенджабско-пуштунская элита) занимали в этом вопросе более жесткую позицию, поддерживали наиболее экстремистские круги афганской оппозиции. Расхождения по этой проблеме усилились на завершающей стадии афгано-пакистанских переговоров в Женеве и в отношении выполнения достигнутых соглашений. 29 мая 1988 г. президент распустил законодательные органы и уволил в отставку центральное и провинциальные правительства, возложив на них ответственность за острые социально-экономические проблемы, рост коррупции, спекуляции, преступности. М. Зия-уль-Хак сам возглавил сформированное им новое правительство страны и назначил на 16 ноября всеобщие выборы на непартийной основе. В дальнейший ход событий вмешался трагический случай (по некоторым сведениям, тщательно подготовленный) — 17 августа 1988 г. президент вместе с группой высших военачальников и американским послом в Пакистане погиб в авиакатастрофе. Завершился самый продолжительный в истории Пакистана период правления военных.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: Пакистан. Справочник. М., 1991. С. 68—73. Специальный бюллетень ИВ АН. М., 1978, стр. 5-178.

² Dawn. Karachi, 21.02.2002. Newline. Karachi, November 2002, p. 31.

³ US — Pakistan Relations (ed. L. Rose and others). N.Y., 1986, p. 8.

⁴ Dawn. 07.03.1986.

⁵ См.: *Белокреницкий В.Я.* Экономическое развитие и промышленное производство в период военного режима — некоторые итоги и проблемы // Специальный бюллетень ИВ АН. М., 1988. С. 57—62; *Economic Survey 1985-86.* Islamabad, 1986. Statistical Annexure. P. 15—24, 59—60, 67.

⁶ Herald. Karachi, vol. 29, № 6, June 1998, p. 28.

⁷ Специальный бюллетень ИВ АН, 1988, стр. 14.

⁸ См.: *Sawhney R. G.* Zia's Pakistan. New Delhi, 1985 P. 169—171.

Российско-пакистанские экономические отношения

Настоящая статья охватывает в исторической ретроспективе период отнюдь не только после развала СССР и образования Российской Федерации как независимого государства, а всю экономическую историю наших двусторонних связей, начиная с 1948 г., когда были установлены дипломатические отношения, а также возможные перспективы их развития. Необходимо отметить, что эта тема затрагивалась в той или иной степени в работах советских и российских востоковедов, и автор старался максимально учесть уже сделанное в этой сфере, с вниманием относясь к работам своих коллег, что отражено в прилагаемом цитируемом аппарате. Вместе с тем, сквозного анализа по этой теме пока что не проводилось.

В настоящем сборнике на весьма схожую тему помещены 2 статьи пакистанских специалистов и одна — российского аналитика. Ценность таких публикаций в одном сборнике дает, с нашей точки зрения, хорошую возможность сравнить взгляды пакистанских и российских экспертов на развитие наших двусторонних отношений.

Современное состояние внешнеэкономических связей стран Южной Азии наглядно демонстрирует объективную необходимость дальнейшей их диверсификации как на субконтинентальном, так и на межрегиональном уровнях. Здесь уместно отметить, что происшедшие, например, в 2004 г. заметные позитивные сдвиги в пакистано-индийских отношениях основывались в первую очередь на развитии экономического сотрудничества и на конкретных предложениях по их дальнейшей диверсификации¹. Аналогично едва ли можно удивляться тому, что и Пакистан, и Индия постепенно отходят от односторонней ориентации на западные государства, как это было в советские времена и первый постсоветский период (Пакистан — на США и Индия — на СССР). В этой статье мы не намерены рассматривать политическую составляющую этих процессов, поскольку, во-первых, эти

---

* Сергей Наумович Каменев — заведующий сектором Пакистана Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук.

вопросы достаточно глубоко изучаются российскими и зарубежными политологами, а, во-вторых, это выходит за рамки темы настоящей статьи. Отметим лишь, что во внешнеэкономической сфере необходимость диверсификации межгосударственных отношений диктуется, в первую очередь, объективными экономическими законами, действие которых сдерживалось существованием двухполярного мира. Поэтому, в частности, заметное расширение начиная с 2003 г. отношений Пакистана с Россией отнюдь не является чем-то экстраординарным, а представляет собой вполне закономерное явление, имеющее к тому же под собой сравнительно прочный исторический фундамент.

В этой связи представляется целесообразным кратко рассмотреть историю развития наших двусторонних отношений в экономической сфере, имеющих более чем 50-летнюю историю, а затем сосредоточить внимание на их современном состоянии и перспективах дальнейшего развития.

Базой для налаживания внешнеэкономических связей между Пакистаном и СССР послужил факт голосования Советского Союза в сентябре 1947 г. за принятие Пакистана в члены ООН, а еще через несколько месяцев — в мае 1948 г. — между нашими двумя странами были установлены дипломатические отношения. И в том же году во время встречи в Париже министра иностранных дел СССР с премьер-министром Пакистана Лиакат Али-ханом впервые начал обсуждаться вопрос о налаживании торгово-экономических связей между нашими двумя странами. На первом этапе было принято решение об обмене торговыми делегациями и поставках Пакистану продовольственного зерна. Так что вполне закономерным было высказанное тогда публично мнение видного пакистанского экономиста Саджид Хуссейна о том, что «имеются большие возможности для развития экономических отношений с Россией, которая готова поставлять в Пакистан то, что ему насущно необходимо, а Пакистан готов поставлять в Россию излишки своего сырья»².

То, что на первом этапе социально-экономического развития пакистанского государства его связи (включая политические) с тогдашним Советским Союзом были весьма слабыми являлось вполне естественным. Совершенно корректным было явное тяготение Пакистана к налаживанию в первую очередь прочных связей с Соединенными Штатами, а также к развитию традиционных контактов с Великобританией. Причем это диктовалось в основном экономическими интересами пакистанского государства. Достаточно вспомнить слабый экономический потенциал, которым обладал Пакистан после получения независимости — невысокая обеспеченность полезными ископаемыми, сложное положение в основной отрасли экономики — сельском хозяйстве, слабое развитие промышленности, поскольку при разделе

в 1947 г. подавляющая часть промышленных предприятий осталась на территории современной Индии (весьма болезненным для Пакистана в этой связи была потеря им значительного числа обрабатывающих предприятий текстильной промышленности).

Кроме того, не следует забывать и о том, что Советский Союз в силу объективных причин (своей собственной экономической слабости) просто не был в состоянии предоставить даже малую толику того объема экономической помощи, которую оказывали Пакистану Соединенные штаты. Мы уже не говорим здесь о принципиальных различиях политических систем. Поэтому неудивительно, что, положив в основу функционирования национального хозяйства страны рыночную экономику, Пакистан обратился за помощью к развитым странам Западной Европы и Северной Америки. Тем не менее, даже в тот сложный период между нашими двумя странами начали налаживаться нормальные внешнеэкономические связи. На первом этапе это нашло свое отражение в торговле сельскохозяйственными товарами: СССР начал поставлять в Пакистан пшеницу, а мы получали взамен хлопок и джут³.

Кроме того, существенным сдерживающим фактором являлись напряженные политические отношения между нашими странами. После визита Н.С.Хрущева в Индию и Афганистан в 1955 г. Советский Союз занял твердую проиндийскую и проафганскую позицию соответственно по кашмирскому вопросу и по отношению к Пуштунистану. Неудивительно, что в памятной записке советского руководства, направленной в апреле 1958 г. правительству Пакистана, в жесткой форме говорилось, что советское правительство с сожалением вынуждено заявить, что по независящим от него причинам, отношения между СССР и Пакистаном оставляют желать много лучшего. Естественно, что эти отношения еще больше обострились после известного инцидента с американским самолетом-разведчиком У-2 1 мая 1960 г., стартовавшего с пакистанского аэродрома в Пешаваре и сбито советской ракетой недалеко от Свердловска.

Наконец, период 50-х годов оказался очень трудным десятилетием для Пакистана как с точки зрения сложной внутривнутриполитической обстановки в стране, так и с точки зрения напряженной внутренней экономической ситуации. В частности, рост ВВП едва превышал рост населения страны, а что касается сельского хозяйства, то прирост продукции этой отрасли даже отставал от увеличения численности населения страны. Неурожаи, следовавшие один за другим во второй половине 50-х годов, не только вели к необходимости увеличения импорта продовольствия, но, в конечном итоге, в условиях ограниченных запасов валюты обусловили уменьшение почти на треть ввоза капитальных товаров. Лишь промышленность развивалась быстрыми темпами, однако ее рост не мог компенсировать стагнацию в других

отраслях экономики Пакистана⁴. Следствием внутренних трудностей в развитии национального хозяйства страны явилось почти полное отсутствие прогресса и во внешнеэкономических связях, включая советско-пакистанские отношения. Достаточно сказать, что общий объем двустороннего товарооборота составил в 1950-1956 гг. лишь 250 млн. рублей, а в 1958 г. вообще упал до 17 млн. рублей.⁵

В этих условиях курс проведения рыночных реформ, который был взят правительством Мохаммеда Айюб-хана с прицелом на ускоренное экономическое развитие страны в 60-е годы, в сочетании с политической стабильностью принес ощутимые результаты. Неудивительно, что десятилетие правления Айюб-хана вошло в историю пакистанского государства под названием «золотой век». Реформы, которые провело правительство Айюб-хана в сфере экономики, дали мощный толчок развитию почти всех областей национального хозяйства страны. Весьма показательны в этой связи заметное превышение наметок второго пятилетнего плана на 1960-65 гг. по целому ряду показателей, в первую очередь по темпам роста ВВП⁶. Ниже в таблице 1 мы приводим информацию об основных макроэкономических параметрах по десятилетиям во второй половине XX в., которые помогут составить представление о состоянии экономики Пакистана, что являлось в немалой степени базой для развития как внешнеэкономических связей в целом, так и отношений с СССР, а затем и Россией.

Таблица 1

Среднегодовые темпы роста основных макроэкономических параметров, * %

	1950– 1960 гг.	1960– 1970 гг.	1970– 1980 гг.	1980– 1990 гг.	1990– 2000 гг.
ВВП	3,1	6,8	5,1	6,0	3,4
Сельское хозяйство	1,6	4,1	2,3	4,1	2,9
Обрабатывающая промышленность	7,7	9,9	4,2	7,9	3,9
в том числе:					
крупная	15,4	13,3	3,1	7,7	3,4
мелкая	2,3	2,9	7,3	8,4	5,3
Транспорт и связь	4,4	7,8	5,6	6,0	4,0
Сфера услуг	3,4	6,5	6,0	6,6	4,4
Население	2,4	2,9	3,0	3,1	2,6
Доход на душу населения	0,6	3,8	2,1	2,6	0,9

* Рассчитано по: Pakistan Economic Survey 1976-1977. Islamabad, 1977, Statistics, p. 9-10. Pakistan Economic Survey 1984-1985. Islamabad, 1985, Statistics, p. 17. Economic Survey 1995-96. Islamabad, 1996, Statistical Appendix, p. 28-29. Economic Survey 2003-2004. Islamabad, 2004, Statistical Appendix, p.2-3.

Существенное влияние на ускорение экономического развития Пакистана оказали благоприятные погодные условия, сложившиеся в первой половине 60-х годов, а также возросший приток иностранной помощи, за счет которой в немалой степени осуществлялось финансирование капиталовложений. Кроме того, были заметно сокращены размеры дефицитного финансирования. Но, пожалуй, основным фактором роста пакистанской экономики, особенно во второй половине 60-х годов, явились успехи «зеленой революции», в частности, внедрение высокоурожайных сортов пшеницы и риса и как результат — значительное увеличение сборов основных продовольственных культур. Это, в конечном итоге, предопределило постепенное изменение структуры внешнеторгового оборота из аграрной в аграрно-индустриальную, а именно: снижение доли экспорта в СССР сырьевых сельскохозяйственных культур (хлопок, джут) и возрастание удельного веса их полуобработанных форм (пряжа, изделия из джута и т.п.). Одновременно увеличивалась доля импорта в Пакистан советских сельскохозяйственных машин и оборудования для аграрной сферы.

Успехи экономического развития Пакистана в 60-е годы, в первую очередь высокие темпы экономического роста, а также сельского хозяйства и промышленности, привели к тому, что как в Пакистане, так и за его пределами заговорили о стратегии экономического развития, выбранной страной, как образцовой для большинства развивающихся государств, и о возможности применения пакистанской модели развития для других стран Азии. В рамках этой модели важной составляющей её практической реализации было и развитие и диверсификация внешнеэкономических связей, включая, естественно, и отношения с Советским Союзом. Именно к тому периоду относится установление стабильных торгово-экономических связей Пакистана с СССР.

Начало этому процессу было положено подписанием в 1961 г. соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве между нашими двумя странами в поисках нефти и газа (с одновременным предоставлением кредитной линии), которое неоднократно впоследствии продлевалось. Значение этого соглашения для Пакистана обусловливалось, в первую очередь, тем, что СССР не арендовал земли, на которых производилась разведка и, что самое главное, не претендовал на энергоносители, обнаруженные в ходе изыскательских работ. Кроме того, советская сторона взяла на себя обязательство подготовить в ходе геологоразведки национальные кадры в данной области, что и было выполнено. В ходе проведенных работ были обнаружены нефте- и газоносные структуры, разработка которых имела промышленное значение, открыты 5 месторождений газа и 2 — нефти.⁷ В свете некоторого потепления двусторонних отношений Советский Союз и

Пакистан заключили в июне 1964 г. соглашение о поставках в Пакистан советской сельскохозяйственной техники на общую сумму в 11 млн. долларов.

Существенное воздействие на ускорение двустороннего сотрудничества имели визит в СССР в апреле 1965 г. президента Пакистана Мохаммед Айюб-хана, продлившийся 8 дней, а также успешная посредническая миссия СССР в деле урегулирования индо-пакистанского вооруженного конфликта, произошедшего в 1965 г. (подписание Ташкентской декларации в начале 1966 г.). Несомненно, что развитие советско-пакистанских взаимоотношений в политической сфере определило расширение и экономических связей. В то время важной вехой на пути развития такого рода сотрудничества стало подписание в 1966 г. разработывавшегося уже не один год Соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве на 1966–1972 гг., обусловившее комплексное взаимовыгодное сотрудничество в энергетической, аграрной и коммуникационной сферах⁸.

Естественно, что, несмотря на определенный прогресс в двусторонних отношениях, Пакистан занимал крайне незначительное место во внешнеэкономических связях Советского Союза. Интересы СССР на этом направлении определялись, во-первых, стремлением расширять свои взаимоотношения с Индией и, во-вторых, неприкрытым желанием максимально противодействовать Соединенным Штатам в развитии их отношений с Пакистаном. Начиная со второй половины 50-х годов сначала советско-индийские, а затем российско-индийские отношения строились на базе общенационального консенсуса в обоих государствах, а сотрудничество в военной области практически полностью отвечало национальным интересам как Советского Союза (потом России), так и Индии. Здесь на первый план выступало то обстоятельство, что наступательная и оборонительная стратегия Дели в немалой степени основывалась на поставках советского вооружения и военной техники, что, естественно, полностью соответствовало интересам военно-промышленного комплекса СССР.⁹ Именно этот фактор определял (и определяет) уровень сотрудничества нашего государства с Пакистаном.

Нельзя не сказать и о том, что между Индией и нашей страной существовало (и существует) широкое взаимодействие и в политической сфере, причем, как правило, в ущерб национальным интересам Пакистана. По ведущим вопросам международных отношений сохранялась общность подходов или их близость. Но особенно важно то, что по главной проблеме индо-пакистанских отношений — кашмирской — СССР всегда поддерживал Индию, что однозначно крайне негативно воспринималось в Исламабаде. Одновременно Москва стремилась

закрывать глаза на ядерные разработки Дели и на ее жесткое неприятие Договора о всеобщем запрещении ядерных испытаний, а также Договора о нераспространении ядерного оружия. И это при том, что Пакистан был готов поставить свою подпись под этими договорами при условии, что и Индия предпримет аналогичные действия.

В этой связи, а также в силу некоторых других обстоятельств и в 70-е годы советско-пакистанское сотрудничество развивалось сравнительно медленными темпами, даже несмотря на то, что в тот период в Пакистане создавались предпосылки для большего сближения с Советским Союзом и определенного отхода от односторонней ориентации на США. Начало этому процессу было положено еще в конце 60-х годов в ходе визита в Пакистан в апреле 1968 г. Председателя Совета министров СССР А.Н.Косыгина и его переговоров с президентом Пакистана Ага Мохаммед Яхья-ханом. При этом одной из главных тем были именно перспективы торгово-экономического сотрудничества,¹⁰ что затем перешло в практическую плоскость. Это, в частности, нашло отражение в визитах в Москву первого заместителя министра иностранных дел Пакистана С.М.Юсуфа и его переговорах с министром внешней торговли, ГКЭС, другими советскими официальными лицами, принимавшими конкретные решения по вопросам двустороннего сотрудничества. Эти же вопросы были в центре внимания переговоров прибывшего в СССР в 1970 г. президента Пакистана Ага Мохаммед Яхья-хана, который встречался также и с руководством Госбанка, Банка внешней торговли и т.п.

Примечательно, что уже во время визита А.Н.Косыгина в Пакистан стороны начали на практическом уровне обсуждать вопрос о сооружении при непосредственном участии СССР, включая финансирование, крупного металлургического завода (любопытно, что по времени это совпало с отказом Пакистана продлить десятилетний лизинг на размещение стратегической американской базы вблизи Пешавара). Одновременно начались переговоры о расширении экономической помощи, содействии в реализации проектов по созданию теплоэлектростанций и прокладке высоковольтных линий электропередач, строительству радиостанций, предприятий по производству электрооборудования, дальнейшей разведке полезных ископаемых, сооружению железнодорожного и автодорожного моста на общую сумму около 600 млн. долларов.

Были также подписаны соглашения о товарообмене, культурном и научно-техническом сотрудничестве между двумя странами. И, наконец, Советский Союз поставил Пакистану на льготных условиях 12 вертолетов МИ-8 и 170 бронетранспортеров для перевозки личного армейского состава.¹¹ Неудивительно, что в тот период заметно вы-

росла доля Пакистана во внешнеторговом обороте СССР: если в 1960 г. она составляла 0,06% всего объема внешней торговли Советского Союза, то к 1970 г. увеличилась до 0,27% (позднее в 70-е годы этот параметр так и не смог подняться до указанного уровня, составив, например, в 1980 г. лишь 0,19%).¹²

Особо следует сказать, что главный объект двустороннего сотрудничества, остающийся таковым до сих пор — Карачинский металлургический завод — возник вовсе не на пустом месте и отнюдь не от настойчивого стремления Пакистана развивать взаимоотношения с СССР. Естественно, что отправной точкой здесь являлась острая потребность Пакистана в черных металлах и стали, производимых внутри страны. Однако в ходе продолжавшихся в 50-60-е годы переговоров с США (начиная со «стальной миссии» 1948 г.), последние не стремились к созданию национальной пакистанской металлургической базы, поскольку этот рынок был весьма притягателен для американских сталелитейных корпораций с точки зрения сбыта в Пакистане их продукции. МБРР под давлением США также отказался под теми или иными предлогами выделить кредит на строительство металлургического завода. Вашингтон приложил немало усилий к тому, чтобы расстроить планы концерна Круппа по содействию Пакистану в создании своей металлургической базы (германский концерн уже подготовил ТЭО такого проекта). Аналогично была использована конкурентная борьба между Францией и Японией за право создания в Пакистане металлургического производства замкнутого цикла. В этой ситуации, а также в условиях нарастания международной напряженности и продолжавшейся холодной войны было бы неразумно и нелогично для СССР не воспользоваться складывавшейся в конце 60-х годов ситуацией в указанной отрасли Пакистана и попытаться перехватить инициативу в деле упрочения позиций Советского Союза на южноазиатском континенте, что и было сделано в ходе упоминавшегося выше визита А.Н. Косыгина в Пакистан.

Вооруженный конфликт с Индией в конце 1971 г., результатом которого стала дезинтеграция Пакистана и образование на месте Восточного Пакистана независимого государства Бангладеш, приход к власти в стране правительства Зульфикар Али Бхутто, кардинальные экономические преобразования, призванные повысить роль госсектора в национальном хозяйстве Пакистана, — все это в совокупности затормозило как рост экономики, так и развитие внешнеэкономического сотрудничества. К тому же нельзя не учитывать то обстоятельство, что, будучи все еще неустойчивой и дезинтегрированной, социально-экономическая структура такой развивающейся страны, как Пакистан, была весьма податлива ко многим сильным воздействиям

как извне, так и внутри страны. Поэтому, говоря об условиях, в которых происходило развитие национального хозяйства в 70-е годы, едва ли можно представить худшую обстановку для экономического роста. Сложные погодные условия (наводнения в 1973, 1975 и 1976 гг., засуха в 1974 г.) привели к замедлению темпов воспроизводства в сельском хозяйстве: за время пребывания правительства З. А. Бхутто у власти (1972—1977 гг.) рост добавленной стоимости в этой отрасли экономики едва превысил 2% в среднем в год, что в условиях прироста населения в 3% в год означало падение среднедушевых размеров сельскохозяйственного производства. Разразившиеся в первой половине 70-х годов энергетический и валютно-финансовый кризисы привели к тому, что Пакистан, который был уже основательно втянут в орбиту мирового рыночного хозяйства и международного разделения труда, был вынужден значительную часть валютных резервов направить на закупки нефти и нефтепродуктов. Помимо сказанного следует учитывать и то обстоятельство, что проведение существенных преобразований в экономике (а тем более таких кардинальных, которые проводило правительство З. А. Бхутто — широкая национализация в промышленности и кредитной системе, ограничение деятельности частного сектора и т. д.) и изменение экономической политики привели к замедлению темпов экономического роста, снижению эффективности производства и капиталоотдачи. Поэтому в подобных условиях не были удивительны общий спад в экономике и даже стагнация, включая внешнеэкономические связи.¹³

Однако это в меньшей степени, чем другие страны, коснулось отношений с Советским Союзом. И в этом немаловажную роль сыграл официальный визит в СССР в марте 1972 г. тогдашнего лидера Пакистана Зульфикар Али Бхутто, в ходе которого был обсужден широкий круг вопросов, затрагивавших политические и экономические отношения между нашими странами. Показательна в этой связи его оценка итогов визита; им отмечалось, в частности, что главной целью визита было улучшение двусторонних отношений с «великим северным соседом», и эта цель была достигнута.¹⁴ Довольно конструктивным был и второй визит пакистанского премьера в октябре 1974 г., в ходе которого была достигнута договоренность о проведении регулярных консультаций по всем вопросам двусторонних отношений, включая экономические.¹⁵

Именно тогда стало реально выполняться подписанное еще в январе 1971 г. межправительственное соглашение о строительстве в Пакистане близ Карачи крупного металлургического завода мощностью 1 млн. стали в год. На сооружение этого предприятия СССР выделил тогда кредитную линию, которая погашалась поставками товаров

хлопковой группы, шерсти, риса, кожсырья и кожаных изделий, текстильными товарами и т.п. Советской стороной было также подготовлено технико-экономическое обоснование, поставлена основная часть необходимого оборудования, оказано содействие в подготовке квалифицированных кадров для работы на метзаводе.

Ввод в строй Пакистанского металлургического комбината в первой половине 80-х годов почти на 2/3 обеспечил потребности страны в черном металле и стали, дал ощутимый импульс развитию смежных отраслей, а также позволил в определенной степени сократить безработицу. На территории предприятия были построены также цементная фабрика, ремонтно-механические цеха по производству побочной продукции, тепловая электростанция, коксовая батарея для коксохимического и агломерационных цехов, сооружена доменная печь и т.д. Но уже буквально через несколько лет начались переговоры о возможности модернизации этого завода с целью увеличения его мощности, но об этом речь пойдет ниже.

Нет сомнений в том, что все сказанное выше дало определенный импульс росту в 70-е годы и торгового оборота между нашими странами, о чем свидетельствуют данные приводимой ниже таблицы. Однако объективности ради в ней же мы приводим и данные о доли СССР в общем объеме пакистанского экспорта и импорта, которая весьма незначительна (табл. 2).

Торговля между нашими странами тогда велась по трем основным направлениям: по стандартным товарообменным соглашениям, по торговому соглашению от 27 июня 1956 г. на СКВ и по кредитным соглашениям. В сфере развития двусторонних торговых отношений в то время действовали две противоположные тенденции. С одной стороны, неурегулированность финансовой задолженности Пакистана нашей стране создавала определенные препятствия на пути их роста, а с другой — проведенная в 1972 г. девальвация рупии способствовала улучшению состояния торгового баланса и валютно-финансового положения, поскольку была ликвидирована множественность курсов, отменена бонусная система и др.¹⁶ Для удобства конвертации рупии в доллары США приведем ниже таблицу курсов этих двух валют на протяжении всего периода независимости Пакистана вплоть до 2005 г. Здесь же отметим, что курс пакистанской рупии к евро составлял в марте 2005 г. 79,6 рупий за 1 евро (табл. 3).¹⁷

Следует подчеркнуть, что указанные выше различного рода трудности двусторонних отношений были довольно быстро урегулированы в ходе переговоров на высоком и высшем уровнях. Так было в ходе визитов в СССР в марте 1972 г. и в октябре 1974 г. президента Пакистана Зульфикар Али Бхутто (стороны договорились о восстанов-

Таблица 2
Советско-пакистанская торговля в 60-е — 80-е годы,* млн. рупий

Год	Экспорт в СССР	Импорт из СССР	Экспорт Пакистана, всего**	Импорт Пакистана, всего**	Доля СССР в пакистанском экспорте, %	Доля СССР в пакистанском импорте, %
1964/65	12	63	2395	5375	0,5	1,2
1965/66	80	68	2691	4208	3,0	1,6
1967/68	90	146	3070	4655	2,9	3,1
1968/69	109	142	3240	4897	3,4	2,9
1969/70	108	135	3271	5098	3,3	2,6
1973/74	181	256	10161	13479	1,8	1,9
1974/75	109	317	10286	20925	1,1	1,5
1976/77	469	195	11294	23012	4,2	0,8
1978/79	548	296	16925	36388	3,2	0,8
1979/80	512	424	23410	46929	2,2	0,9
1981/82	308	485	26270	59482	1,2	0,8
1983/84	551	983	37339	76707	1,5	1,3
1985/86	577	1168	49592	90946	1,2	1,3
1987/88	645	1895	78445	112551	0,8	1,7
1989/90	736	1510	92938	135904	0,8	1,1

*Исчислено по: Pakistan Economic Survey 1971-72, Islamabad, 1972, Statistical Section, p.69, 74-75. Economic Survey 1989-90, Islamabad, 1990, Statistical Appendix, p. 152, 168.

**Статистические данные по экспорту и импорту Пакистана до 1973/74 финансового года относятся к Пакистану в границах до 1971 г., т.е. включая бывший Восточный Пакистан.

лении и расширении торгово-экономических, научно-технических, культурных связей), регулярного обмена торговыми делегациями, постоянных контактов торгово-промышленных палат обеих стран.¹⁸ Немаловажное значение для пакистанской экономики имело и то, что выделенные кредиты погашались товарными поставками. В результате, в то время Пакистан имел положительное сальдо торгового баланса с СССР, что случалось крайне редко; в 1977 г., например, оно составило почти 270 млн. рупий.

Постепенно менялась и структура товарооборота, в частности, в советском экспорте после некоторого падения стала возрастать доля машино-технического оборудования (особенно оборудования для текстильной промышленности), средств транспорта, проката черных металлов, химических продуктов, товаров культурно-бытового назначения и т.д.

В экспорте из Пакистана в СССР также происходили некоторые изменения. В силу объективных причин (отделение Восточного Па-

Таблица 3

Курс рупии к доллару США в 1950-2005 гг.* (по средневзвешенному курсу)

Период	За 1 доллар США — рупий
1950—1955 гг.	3,3
1955—1972 гг.	4,76
1972 г. — февраль 1973 г.	11
1973—1982 гг. (с 1982 г. введен плавающий курс)	9,9
1982—1985 гг.	12-14
1985—1990 гг.	14-22
1991/92 г.	26,0
1993/94 г.	30,2
1995/96 г.	33,6
1997/98 г.	43,2
1999/2000 г.	51,8
2001/02 г.	61,4
2004/05 г.	59,7

* Составлено по: Economic Survey 2002-2003. Government of Pakistan. Islamabad, 2003, Statistical Appendix. p.94. Pakistan Economist. No. 44, November 1-7, 2004. The News International, March 11, 2005. Пакистанское общество: экономическое развитие и социальная структура. М., 1987, с.292.

кистана и образование Бангладеш в 1972 г.) прекратились поставки джута; исчез из номенклатуры экспортируемых товаров высококачественный рис сорта «басмати», который Пакистан стал поставлять на внешний рынок только за СКВ, а затем и шерсть. Имел тенденцию к снижению и экспорт Пакистаном хлопка-сырца. Наряду с этим возрастала доля готовых текстильных изделий, отличавшихся в целом хорошим качеством, а также хлопчатобумажных тканей. Советский Союз продолжал закупать и традиционные товары — ковры, кожаную, спортивную обувь, оправы для очков, медицинские инструменты, отличавшиеся высоким качеством.

В 70-е годы продолжалось сотрудничество и в других сферах экономики. Так, в 1976 г. была сдана в эксплуатацию построенная с нашей помощью самая мощная (по тем временам) в стране средневолновая радиостанция около Исламабада (1 мВт). Кроме того, советскими коротковолновыми и средневолновыми радиопередатчиками были укомплектованы радиостанции в Равалпинди и Кветте. Наконец, в различных городах страны действовали 8 небольших УКВ радиостанций местного значения, также укомплектованные советским электронным оборудованием.¹⁹

Здесь следует упомянуть о том, что двустороннее сотрудничество не ограничивалось торгово-экономической сферой, и это особенно

заметно проявилось именно в 70-е годы. Речь идет о советской гуманитарной помощи. И хотя такого рода помощь с большой натяжкой может быть «пристегнута» к торгово-экономическому сотрудничеству, тем не менее, как нам представляется, упомянуть о ней целесообразно. Естественно, что такого рода помощь оказывалась и ранее, а затем и в 90-е годы XX в., но именно в 70-е годы ее объем был наиболее заметен. Это обуславливалось упоминавшимися выше крайне неблагоприятными погодными условиями в тот период (наводнения, засухи), в связи с чем в Пакистан регулярно поступали продовольствие и медикаменты, как правило, через Красный крест. Например, в 1973 г. после сильного наводнения в Пакистане, когда СССР оказал существенную гуманитарную помощь, тогдашний председатель карачинского координационного комитета по оказанию помощи пострадавшим от наводнения подчеркнул, что «пакистанский народ искренне благодарит советских друзей и правительство СССР за эту гуманную помощь. Медикаменты, в которых испытывается острая нужда, будут немедленно направлены в районы стихийного бедствия».²⁰

В 80-е годы Пакистан продемонстрировал весьма существенный рост в своем социально-экономическом развитии. Относительная политическая стабильность, благоприятные погодные условия, увеличившийся приток внешней помощи, а также значительный рост валютных поступлений от пакистанцев, работавших за границей, активное внедрение новейшей технологии в целом ряде отраслей, в первую очередь в промышленности, привели, наряду с другими факторами, к тому, что темпы экономического роста превысили 6 % в среднем в год, а доход на душу населения увеличился к началу 90-х годов почти до 400 долл. Хорошие показатели были достигнуты в сельском хозяйстве и промышленности; так, среднегодовые темпы роста в агросфере превысили в 80-е годы 4%, а индустрии достигли почти 8% (см. Таблицу 1). К сожалению, стране практически не удалось снизить высокие темпы прироста населения, оставшиеся практически на прежнем уровне — 3% в среднем в год. Тем не менее, это не помешало Пакистану активизироваться во внешнеэкономической сфере — достаточно сказать, что общий объем товарооборота страны в 80-е годы вырос с 7 млрд. до 12 млрд. долл.²¹

Однако приходится, увы, с сожалением констатировать, что 80-е годы в значительной степени выпали из процесса расширения российско-пакистанских отношений, включая торгово-экономические. Общеизвестно, что главной причиной этого явилась грубая внешнеполитическая ошибка тогдашнего советского руководства и ввод советских войск в Афганистан, приведшие к трагедии афганского и советского народов. В тех условиях Пакистан, равно как и почти все мировое сообщество, выступил на стороне Афганистана, и практически война

против «ограниченного контингента советских войск» в Афганистане велась также и с территории пакистанской провинции СЗПП.

Здесь стоит повториться, что мы вовсе не ставим своей целью анализ внешнеполитической и внешнеэкономической ситуации в южно-азиатском регионе в тот период под углом зрения национальных интересов Советского Союза, поскольку, во-первых, эта тема уже не раз исследовалась российскими историками и политологами и, во-вторых, это просто выходит за рамки настоящей статьи. Отметим лишь, что полностью наши двусторонние экономические связи в то время отнюдь не прекратились, хотя и заметно уменьшились как по их объему, так и по сфере отраслевого охвата. Как уже отмечалось выше, в первой половине 80-х годов было, наконец, завершено сооружение Пакистанского металлургического комбината (крупнейшего в отрасли), и он был введен в строй, хотя и не вышел пока на полную мощность в 1,1 млн. тонн стали в год. Тем не менее, и это позволило тогда более, чем на 50% обеспечить потребности страны в стальном прокате. Кроме того, в 1983 г. между СССР и Пакистаном было достигнуто соглашение о строительстве тепловой электростанции Мултан-2 близ Муззафаргарха.

Не были свернуты в 80-е годы и торговые связи; более того, общий объем товарооборота в абсолютном исчислении даже несколько вырос, хотя и при расчетах этого параметра только в текущих ценах. Так, по данным официальной пакистанской статистики торговля с СССР увеличилась с 95 млн. долл. в 1980 г. (экспорт — 43 млн. и импорт — 52 млн. долл.) до 138 млн. долл. в 1990 г. (экспорт — 76 млн. и импорт — 62 млн. долл.).²² Однако доля Советского Союза в общем объеме товарооборота Пакистана с зарубежными странами продолжала занимать ничтожное место: 1,3% в 1980 г. и 1,2% в 1990 г.²³

Здесь следует отметить, что помимо политических причин существовали (как, впрочем, и ранее) и некоторые экономические факторы, негативно влиявшие на расширение торгово-экономических связей. Среди них — низкая конкурентоспособность многих советских товаров (даже производственного назначения, причем даже тех отраслей, где позиции СССР были сравнительно сильны), а также высокая степень бюрократизированности советской плановой системы. Последний фактор приводил, в свою очередь, к тому, что, например, в случае необходимости гибкого подхода к выполнению уже заключенных контрактов это требовало немалого числа новых согласований, сбора подписей, изменения сроков поставок в сторону увеличения и т.п. Не говоря уже об элементарном страхе советских чиновников перед необходимостью принятия практических решений и неудержимом стремлении перевалить этот процесс на других. Именно так, например, происходило при строительстве Карачинского металлур-

гического завода, когда пришлось сдвигать сроки его ввода в строй. Справедливости ради следует отметить, что зачастую и пакистанская сторона также не блистала оперативностью принимаемых решений.

Для ведения торговли и строительства двусторонних объектов сотрудничества Советский Союз регулярно предоставлял в тот период займы и кредиты Пакистану на условиях, которые едва ли можно назвать льготными — в среднем из расчета 5-6% годовых с амортизационным периодом 10-12 лет. В целом, общая сумма советских кредитов в 60-80-е годы превысила 1,1 млрд. долл. (в том числе в 60-е годы она составила 92 млн. долл., в 70-е — 603 млн. и в 80-е годы — 432 млн. долл.).²⁴

Следует отметить, что и 90-е годы, к сожалению, также были отмечены снижением уровня экономических взаимоотношений наших двух стран. И хотя, казалось бы, вывод советских войск из Афганистана в конце 80-х годов должен был бы устранить одно из основных политических препятствий на пути расширения российско-пакистанских связей, этого, увы, не произошло. И дело здесь отнюдь не только в поддержке Пакистаном крайне консервативного движения «Талибан» в соседнем Афганистане (что вызывало немалую тревогу российского руководства). Немаловажную роль сыграли ухудшение общеэкономической ситуации в нашей стране, а также начавшийся переход к рыночным отношениям, когда старые структуры, обеспечивавшие внешнеэкономическое сотрудничество, быстро разрушались, а новые либо еще практически отсутствовали, либо работали пока что малоэффективно.

Здесь мы полагаем целесообразным отойти от хронологического подхода к анализу наших двусторонних экономических отношений с Пакистаном и перейти к рассмотрению конкретных направлений сотрудничества в 90-е годы XX в. и в начале нынешнего столетия, поскольку, во-первых, они (отношения) продолжали идти на убыль и лишь с 2003 г. наметился явный взлет и, во-вторых, в последние годы четко обрисовались такого рода направления, которые, по всей видимости, и будут определять развитие двусторонних связей в кратко- и среднесрочной перспективе. Определенную роль во флуктуациях российско-пакистанского сотрудничества в тот период сыграла и крайне нестабильная внутривнутриполитическая обстановка в Пакистане, когда конкурирующие между собой Пакистанская народная партия и Пакистанская Мусульманская лига и в первую очередь их лидеры — Беназир Бхутто и Наваз Шариф были заняты в 90-е годы, в первую очередь, стремлением каждого обойти конкурента и прийти к власти, а социально-экономическое развитие страны и все, что с этим связано (включая международные экономические связи) оставалось на втором плане.

Неудивительно, что хаос, царивший в то десятилетие в стране,

довел буквально до белого каления военных и привел к характерному для Пакистана результату — приходу их к власти в государстве (октябрь 1999 г.). Справедливости ради нужно отметить, что глава военного режима Первез Мушарраф вовсе не отменил Конституцию, а лишь приостановил ее действие; равно как не были распущены и Высшие представительные органы — Парламент и Законодательные провинциальные собрания.²⁵ Отнюдь не исключено, что тогдашнее сложное положение дел в стране было одним из факторов (пусть и не главным), способствовавших приходу в 2004 г. на пост премьер-министра опытного «экономического лидера» — министра финансов и экономики Пакистана Шаукат Азиза.

В нашем распоряжении имеются данные официальной пакистанской статистики, характеризующие товарооборот между Россией и Пакистаном в 90-е — начале нынешнего столетия, которые приводятся ниже в таблице 4. Любопытно отметить, что, начиная с 2002-2003 финансового года ведущие пакистанские экономические издания (Pakistan Economic Survey, Pakistan Statistical Yearbook и т.п.) перестали выделять Россию в географической структуре внешней торговли. Есть все основания полагать, что это явилось следствием мизерного объема товарооборота между нашими двумя странами и отсутствием в этой связи смысла показывать его в сводных таблицах — наша страна оказалась в разделе «Прочие».

Таблица 4
Товарооборот между Россией и Пакистаном*, млн. рупий

Год	Товарооборот	Экспорт в Россию	Импорт из России
1990/91 (СССР)	2539	1283	1256
1991/92 (СССР)	5072	1519	3553
1992/93	2491	1174	1317
1993/94	2866	773	2093
1994/95	4780	408	4372
1995/96	4726	577	4149
1996/97	4463	1115	3348
1997/98	3112	1163	1949
1998/99	3124	259	2865
1999/2000	4833	177	4656
2000/01	4085	475	3610
2000/01 (июль — март)	3216	293	2923
2001/02 (июль — март)	4263	286	3977

* Составлено по: Economic Survey 2001-2002. Government of Pakistan. Islamabad, 2002, Statistical Appendix, p.92.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении этой таблицы, это заметное превышение импорта из России над пакистанским экспортом в нашу страну. Практически каждый финансовый год завершался в наших двусторонних торговых отношениях с отрицательным сальдо торгового баланса для Пакистана, что вызывало серьезную озабоченность его административных экономических структур, в первую очередь Министерства финансов и экономических дел.²⁶ Если же рассмотреть объем товарооборота в долларах (в текущих ценах), т.е. с учетом постоянного падения рупии по отношению к американской валюте то окажется, что имело место практически постоянное сокращение его размеров — 98 млн. долл. в 1992 г. (СССР), 83 млн. в 1994 г., 72 млн. в 1998 г., некоторый всплеск в 2000 г. — до 93 млн. долл. и вновь сокращение до 87 млн. долл. в 2002 г.²⁷

Любопытно привести для сравнения данные о внешней торговле Пакистана с его основным стратегическим противником — Индией. Несмотря на весьма напряженные взаимоотношения между двумя странами, объем их товарооборота составил, например, в 2002 г. 225 млн. долл. О ведущих экономических партнерах Пакистана — США, Великобритании, Германии, Японии — и говорить не приходится: в том же 2002 г. товарооборот с Соединенными Штатами составил 2,7 млрд. долл., с Великобританией — 934 млн. долл., с Германией — 823 млн., с Японией — 603 млн. долл.²⁸

Основной статьей российского экспорта в Пакистан по-прежнему являлись и являются машины и оборудование, доля которых в общем объеме экспорта, например, в 1996 году составила 56,1 млн. долларов; сюда включаются, прежде всего, металлургическое и энергетическое оборудование, тракторно-сборочные комплекты, дорожно-строительная техника и т.п. Среди других экспортных товаров следует отметить газетную бумагу, шины для тракторов и сельхозтехники, а также черные металлы. Однако объемы этих поставок весьма были невелики, что наглядно показывает приведенная ниже таблица 5.

Вместе с тем, анализ структуры российского экспорта в Пакистан и ее динамики наглядно свидетельствует об имеющихся заметных резервах у российских экспортеров. Принимая во внимание потребности развивающейся пакистанской экономики и объемы импортируемой продукции аналогичного профиля из других стран, можно сделать вывод о реальных возможностях повышения роли России на пакистанском рынке. Кроме того, здесь целесообразно учитывать то обстоятельство, что в большинстве случаев закупаемая на российском рынке такого рода продукция по стоимости ниже, чем у государств Западной Европы и Северной Америки и даже у ряда стран Юго-Восточной Азии, несмотря на более низкие транспортные издержки в по-

Таблица 5

Агрегированная структура российского экспорта в Пакистан*, млн. долл.

	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Черные металлы	8,85	11,7	3,2
Бумага газетная	—	0,71	1,47
Шины	0,15	—	0,72
Подшипники	—	0,272	0,455
Топливо	0,61	0,48	—
Синтетическое волокно	—	—	0,2
ВСЕГО	9,6	13,15	6,04

*Составлено на базе статистических данных Торгпредства России в Пакистане

следнем случае. Наконец, во многих случаях качество поставляемых в Пакистан российских товаров бывает выше (по сравнению с аналогичными из других государств), даже несмотря на хаос, царящий в российской экономике.

Интересная информация была подготовлена в свое время Торгпредством России в Пакистане относительно пакистанского экспорта в нашу страну в середине 90-х годов. Полагаем целесообразным привести ее в настоящей статье.

Таблица 6

Некоторые показатели пакистанского экспорта в Россию в 1994-1996 гг., млн. долларов

	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Поставки в счет погашения задолженности Пакистана по кредитам	—	2,13	3,8
Торговые операции по расчетам в СКВ	0,8	1,47	4,56
Топливо для заправки самолетов	2,0	3,5	1,4
Неорганизованная торговля (челноки)	12,0	7,0	3,5
Всего	14,8	14,6	13,26

*Составлено на базе статистических данных Торгпредства России в Пакистане

Даже беглый взгляд на приведенную статистику свидетельствует о явном присутствии неорганизованного российского импорта из Пакистана.²⁹ Параллельно имелись (и имеются) реальные возможности для поставок традиционных экспортных товаров, в первую очередь готовых изделий. Как и раньше, в России неизменным спросом пользуются пакистанские текстильные и кожаные изделия, ряд других потребительских товаров. Так что, существующий потенциал реально

может способствовать общему росту товарооборота между двумя странами. Особо следует подчеркнуть, что в ходе визита в нашу страну в феврале 2003 г. президента Пакистана Первез Мушаррафа обе стороны на высшем уровне отметили необходимость расширять торговые отношения между нашими государствами, подчеркнув крайне незначительный объем товарооборота, составлявший в тот период 83 млн. долл.³⁰

Если рассматривать не непосредственно торговое, а **торгово-экономическое сотрудничество**, то здесь вновь следует вернуться к упоминавшемуся выше Карачинскому металлургическому заводу. В данном случае речь идет о его модернизации. Уже в ноябре 1989 года было подписано межправительственное соглашение об оказании содействия в расширении мощности этого завода до 3 млн. тонн стали в год.³¹ (Позднее было принято решение провести модернизацию в два этапа; сначала увеличить мощность завода до 1,5 млн. тонн стали в год, а затем довести ее до 3 млн. тонн).

В 1992 году председатель государственной металлургической корпорации обратился с просьбой подтвердить предоставление Россией госкредита в 95 млн. долларов США. После рассмотрения этой просьбы Исламабада вышло в свет распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 октября 1992 г., обязывавшее МВЭС России подтвердить пакистанской стороне права и обязанности советской стороны. В конечном итоге, именно эта цифра стала в дальнейшем серьезным камнем преткновения в переговорах между двумя странами о модернизации завода. По мнению Исламабада, все расходы по модернизации должны оставаться в рамках этой суммы, в то время, как «Тяжпромэкспорт» настаивает на необходимости увеличения затрат за счет пакистанской стороны с учетом выросших за более, чем десятилетие цен на материалы, оборудование и услуги. Более того, по мнению, высказанному в конце 2003 г. тогдашним председателем корпорации «Пакистан стил» Мухаммадом Афзал Ханом, в ведении которой находился упомянутый комбинат, в случае непринятия Москвой этих условий к модернизации реально могут быть привлечены китайские специалисты.³²

Если говорить о **широкомасштабных перспективах российско-пакистанского торгово-экономического сотрудничества**, то здесь следует сказать о реальных возможностях налаживания наших связей *в сфере энергетики и ирригации*. Речь идет, во-первых, о потенциальном участии России в увеличении мощности уже сооруженной с нашей помощью ТЭС «Мултан» (третий и последний из запланированных двусторонним сотрудничеством энергоблоков был сдан в эксплуатацию в феврале 1995 г.). Во-вторых, на рассмотрении пакистанской стороны уже не один год находится технико-коммерческое предложение «Технопро-

мэкспорта» о сооружении двух энергоблоков мощностью по 210 МВт на ТЭС «Джамшоро». В-третьих, с октября 1996 года «Технопромэкспорт» совместно с пакистанской компанией «Ларанб» ведет разработку проекта по сооружению гидроузла в районе ТЭС «Мангла» с установкой четырех капсульных турбин общей мощностью 54 МВт. Предполагаемая стоимость проекта свыше 100 млн. долларов. Однако, по имеющимся в нашем распоряжении данным, каких-либо позитивных подвижек в этом отношении пока что не произошло. В-четвертых, весьма реально двустороннее сотрудничество в сфере ядерной энергетики под контролем МАГАТЭ, имея ввиду атомную электростанцию в районе г. Чашма.

Другим весьма перспективным направлением нашего сотрудничества может стать *участие в развитии ирригации и мелиорации*, учитывая то обстоятельство, что здесь Россией накоплен немалый опыт с применением достаточно современной техники. Имеется ввиду наше участие в реализации программы расширения орошаемых сельскохозяйственных земель в Пакистане, строительстве и реконструкции действующих ирригационных систем, мелиоративных работах. Эта программа предусматривает, в частности, модернизацию систем расходования воды на сельхозобъектах, ремонт имеющихся ирригационных сооружений с целью повышения их эффективности, строительство водоканалов и водной распределительной сети, строительство малых дамб.

Следует отметить, что российская сторона имеет некоторый опыт сотрудничества с Пакистаном в этой сфере. В 1990 г. тогдашнее в/о «Сельхозпромэкспорт» подписало контракт на сумму 152 млн. долларов на сооружение на коммерческих условиях ирригационной плотины «Мирани». Однако в 1992 году объединение отказалось от выполнения контракта ввиду того, что начало испытывать серьезные финансовые затруднения. Правопреемником контракта стал «Технопромэкспорт», подписавший с заказчиком соответствующее дополнение к генеральному контракту.

Еще одна крайне важная и очень перспективная сфера сотрудничества — *космос*. Она важна для Пакистана не только тем, что дает возможность приобщиться к высоким российским технологиям, связанным с исследованием космического пространства, спутниковыми телекоммуникациями, но самое главное — предоставляет пусть и небольшую, но все же возможность приблизиться на еще один шаг к наиболее заветной для Пакистана сфере двусторонних отношений — военно-техническому сотрудничеству (ВТС). Вместе с тем, и Россия заинтересована в сотрудничестве с Пакистаном в области освоения им космоса, что обусловлено, в первую очередь, возможностью получения от последнего финансовых средств.

Ведущую роль в сотрудничестве с Российским космическим агентством (РКА) играет пакистанская организация СУПАРКО (Комиссия по исследованию космоса и верхних слоев атмосферы), хотя в Пакистане имеются и другие организации, ведущие исследования в области космического пространства.³³ Вместе с тем, именно СУПАРКО стремится поддерживать на постоянной основе связи с российскими организациями, ведущими исследования космического пространства. Особенно это стало заметным после 1994 г., когда стали налаживаться контакты (помимо РКА) с Научно-производственным объединением имени Лавочкина, Научно-исследовательским институтом приборостроения (НИИКП), Научно-исследовательским институтом электромеханики (НИИЭМ) и некоторыми другими. Следует отметить, что СУПАРКО является головной исследовательской организацией, занимающейся созданием ракеты среднего радиуса действия «Шахин».³⁴

Одной из главных целей сотрудничества двух стран в освоении космоса является запуск пакистанских спутников с помощью российских ракет-носителей. В середине 90-х годов обе стороны подписали контракт на сумму в 8 млн. долл., в соответствии с которым Москва брала на себя обязательство вывести на орбиту пакистанский спутник «БАДР-2». 10 декабря 2001 г. этот контракт был выполнен, когда с космодрома «Байконур» российской ракетой-носителем «Зенит-2» этот спутник был успешно выведен на орбиту.³⁵ Члены присутствовавшей при запуске на Байконуре представительной пакистанской делегации (преимущественно военные) во главе с председателем СУПАРКО генерал-майором Раза Хуссейном высоко оценили помощь российской стороны в освоении Пакистаном космоса. Об этом позднее особо говорил и президент Пакистана Первез Мушарраф.³⁶

Сам спутник «БАДР-2», весом около 70 кг, предназначен для изучения верхних слоев атмосферы и телекоммуникационных связей. По мнению пакистанских специалистов, «продолжительность» его жизни сравнительно невелика — около 2-ух лет,³⁷ однако, по имеющимся в нашем распоряжении некоторым данным спутник по состоянию на конец 2004 г. еще функционировал на орбите.

Любопытно отметить, что после запуска этого спутника пакистанские официальные лица стали особо подчеркивать необходимость использования космического пространства исключительно в мирных целях. Так, министр науки и технологий Атта-ур-Рехман заявил, что «Пакистан всегда был, есть и будет последовательным сторонником принципов мирного использования космоса, и именно этому подчинена наша космическая программа».³⁸ Несомненно, что такого рода высказывания предназначены, в первую очередь, для индийской сто-

роны, с тем, чтобы призвать (если не сказать более — «принудить») ее к аналогичным заявлениям.

Следует отметить, что существует еще одно смежное направление двустороннего сотрудничества в области исследования космического пространства; речь идет о запусках с помощью российских ракет-носителей спутников зондирования земли с высокой (до 2-х метров) разрешающей способностью. Однако пока что дело ограничилось подписанным во второй половине 90-х годов Меморандумом о взаимопонимании, в соответствии с которым планировалось создание Россией (после утверждения соответствующих документов пакистанской стороной) такого спутника и его запуск в космос. Общая стоимость проекта должна была составить примерно 130 млн. долл. Параллельно Исламабад брал на себя обязательство кардинально модернизировать (либо построить заново) наземные станции управления и приема информации со спутников. Российским партнером СУПАРКО выступал Научно-исследовательский институт приборостроения (НИИКП). Однако пока что вопрос так и не переведен в практическую плоскость и по существу «завис» в воздухе.

И в заключение мы рассмотрим наиболее сложную и «чувствительную» сферу российско-пакистанских отношений — *военно-техническое сотрудничество (ВТС)*, уделив особое внимание этому вопросу в силу его малоизученности и настойчивости пакистанской стороны активно расширять такого рода связи. Сложность взаимоотношений двух стран в этой области обусловлена тем, что в ответ на настойчивость Исламабада Москва либо старается уходить от обсуждения такого рода вопросов, либо открыто говорит о том, что пока что «время для подобного сотрудничества не пришло», и необходимо сначала наладить нормальные торгово-экономические связи, а затем говорить о такой «сложной сфере сотрудничества как ВТС». Именно так произошло в ходе визита президента Пакистана Первез Мушаррафа в Россию в феврале 2003 г., а также в ходе переговоров тогдашнего министра иностранных дел РФ Игоря Иванова в Исламабаде в июне того же года. Эта тема затрагивалась и в беседе министра иностранных дел Пакистана Хуршид Махмуд Касури с его российским партнером в ходе визита главы пакистанского внешнеполитического ведомства в Москву в июле 2004 г.

Посол Пакистана в России Ифтикхар Муршед (2000-2005 гг.) не раз обращался к автору этих строк с просьбой рассмотреть возможность оказания посильного(!) содействия в деле расширения российско-пакистанского сотрудничества не только в торгово-экономической, но и военно-технической сфере. По его словам, на первом этапе Пакистан готов заключить контракты на приобретение истребителей

СУ-30 (и его модификаций), боевых вертолетов, танков, военно-морских катеров, аналогичных катерам типа «Талвар», проданных Индии и оснащенных самым современным электронным оборудованием, артиллерийских орудий и т.п. на сумму в 1-1,5 млрд. долл.

По всей видимости, настойчивое стремление Исламабада закупить российское вооружение обусловило непреодолимое желание задействовать все, даже лишь теоретически возможные каналы оказания содействия в деле налаживания широкомасштабного военно-технического сотрудничества. В беседах с нами посол сообщил, что, если Россия откажется от продажи вооружений Пакистану, последний все равно закупит необходимое ему оружие и скорее всего сделает это в США, но в таком случае Москва просто потеряет реальную возможность заключить миллиардную сделку.³⁹ Последовавшие за этим события подтвердили правоту посла. Не вдаваясь в подробности, отметим, что, например, в начале 2005 г. Пакистан подписал с США контракт на поставку 24 боевых вертолетов P-С3 Orion.⁴⁰

По нашему мнению, для России необходимо осуществлять реальное военно-техническое сотрудничество с Пакистаном, не взирая на свое стратегическое партнерство с Индией, поскольку расширение контактов в этой области с Исламабадом, как нам представляется, лежит в основе национальных интересов Москвы. Нельзя забывать и о том, что российская оборонная промышленность относится к тем немногим отраслям, продукция которых пока что еще конкурентоспособна на мировом рынке, и ее функционирование (включая возможность обеспечения занятости немалой части трудоспособного населения нашей страны) дает возможность расширить приток валюты в страну не только за счет примитивного экспорта сырья (в первую очередь нефти), а путем продажи за рубеж готовой высокотехнологичной продукции.

Все разговоры о том, что продажа оружия Пакистану нанесет непоправимый ущерб российско-индийским отношениям не имеют под собой реальной почвы. Во-первых, как уже отмечено выше, Москва просто обязана исходить из своих собственных интересов, а не подчинять свою национальную политику интересам других государств, пусть даже и таким стратегически важным партнерам как Индия.

Во-вторых, крайне целесообразно существенно диверсифицировать наши связи в области ВТС на азиатском направлении, а не замыкаться преимущественно на Индии. Процесс диверсификации в этой сфере идет, но идет крайне вяло. Да, можно упомянуть о подписании ряда Межправительственных соглашений со странами Юго-Восточной Азии (Малайзия, Индонезия, Таиланд) о поставках российских истребителей и вертолетов. Однако после трагедии, постигшей эти

страны в конце декабря 2004 г. (результатом чего стали гибель сотен тысяч людей и катастрофические разрушения после цунами), выполнение этих контрактов находится под сомнением. Планировалось, что Малайзия закупит 18 истребителей СУ-30МКМ на сумму около 900 млн. долл. и вертолетов Ми-171Ш стоимостью 71 млн. долл. Индонезия подписала соглашение о закупке вертолетов Ми-35П стоимостью 193 млн. долл. и была на пороге подписания контракта на покупку 12 истребителей СУ-30. Аналогично Таиланд был уже готов подписать соглашение о приобретении 6 истребителей СУ-30 МК.⁴¹ Но уже 7 января 2005 г. министр обороны Индонезии Ювано Сударсоно заявил, что вместо российских истребителей Су-30 Джакарта будет вынуждена закупить американские военно-транспортные самолеты «Геркулес» и вертолеты, необходимые для ликвидации последствий цунами, на общую сумму 890 млн. долл. В конечном итоге, предполагаемая сумма упущенной выгоды российского ОПК, по мнению экспертов, реально может составить до 1,5 млрд. долл. Это существенно для российского оборонного экспорта, так как, по заявлению главы Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (ФСВТС) Михаила Дмитриева, в 2004 году общая стоимость заграничных поставок вооружения составила 5,6-5,7 млрд. долл.⁴²

В-третьих, не следует забывать, что Индия, имея широкие связи с РФ в военно-технической сфере, тем не менее, активно развивает военно-техническое сотрудничество и с другими странами, в том числе и с США, даже если Вашингтон в этом табеле о рангах и не находится на первом месте. Достаточно сказать, что в ходе визита министра обороны США Дональда Рамсфелда в Индию в декабре 2004 г. последний прямо заявил, что Вашингтон «намерен установить более тесные связи с Индией в военной сфере, даже несмотря на обеспокоенность Дели американскими военными поставками Пакистану».⁴³

Кроме того, в 2003 г. Индия подписала широкомасштабное соглашение с Израилем о создании системы слежения АВАКС, где базовыми самолетами служат российские самолеты дальнего радиолокационного дозора, обнаружения и наведения А-50, а также ИЛ-76 (используемый примитивно — в качестве «носильщика»), а вся электронная «начинка» поступит из Тель-Авива. Очевидно, что основная часть платы за АВАКСы достанется Израилю.⁴⁴ Здесь же следует упомянуть о крупной военной сделке между двумя странами (на сумму в 1,1 млрд. долл.), в соответствии с которой Израиль поставил в Индию системы раннего воздушного обнаружения, который будут размещены вдоль всей границы с Пакистаном.⁴⁵

Говоря о зарубежных военных поставках России, нынешних (и будущих) закупках вооружения Индией (причем не только у России),

о реакции Москвы на запросы Пакистана о продаже российского оружия нельзя не привести высказывание опытного российского дипломата, бывшего посла СССР и России в Пакистане В.П.Якунина, который еще в 1997 г. отметил: «Что касается просьб Исламабада о продаже ему некоторых видов вооружений, то со стороны Москвы к этой проблеме в нынешней обстановке мог бы быть более сбалансированный подход, нежели полностью отрицательный, как это имеет место в настоящее время. При рассмотрении вопросов о возможном военно-техническом сотрудничестве с Пакистаном РФ не без пользы для себя как материальной, так и, само собой разумеется, политико-дипломатической, могла бы проявлять больший прагматизм». И далее: «Примечательно, что военно-техническое сотрудничество с Пакистаном США и других западных стран не мешает Индии продолжать аналогичное и иное сотрудничество с ними. В этой связи неубедительно звучат ссылки на то, что Индия-де откажется от закупок вооружений у России, если мы будем развивать военно-техническое сотрудничество с Пакистаном. Кроме того, даже если Россия удовлетворила бы все просьбы Пакистана о поставках вооружений, их масштабы и качественный характер ни в коей мере не шли бы в сравнение с уже ставшим традиционным военно-техническим сотрудничеством РФ с Индией, которая, думается, заинтересована в закупках российских вооружений не в меньшей степени, чем Россия в их продаже».⁴⁶

Возвращаясь к Пакистану следует отметить, что в своем военном (равно как и экономическом) сотрудничестве он традиционно ориентировался и продолжает ориентироваться на США. Естественно, это не исключало связей Исламабада и с европейскими государствами, в первую очередь Великобританией и Францией, а также азиатскими странами (Китай). Уже к середине 50-х годов минувшего столетия британская помощь стала вытесняться американской. В период 1954—1967 гг. США предоставили Пакистану военную помощь на сумму около 750 млн. долл.; основой столь значительных американских военных поставок явилось заключенное в 1959 г. двустороннее соглашение о взаимной обороне.

Определенное замедление военного сотрудничества Пакистана с США и Великобританией наступило после войны Индии с Китаем (1962 г.) и, конечно, существенное сокращение связей с этими государствами в сфере ВТС наблюдалось после военного конфликта 1965 года между Индией и Пакистаном, когда Вашингтон и Лондон объявили эмбарго на экспорт вооружения как в Индию, так и Пакистан. В тот период пакистанское руководство обратилось с просьбой поставить вооружение к Китаю, Советскому Союзу и ряду западноевропейских стран. Уже начиная с 1965 года половину ввозимого оружия

Пакистан стал получать из КНР. Общая сумма поставок китайского вооружения Исламабаду в 1964-1973 гг. составила 312 млн. долларов, причем большая его часть была предоставлена в начале 70-х годов. При этом поставлялась преимущественно советская или производимая на ее основе военная техника, в т. ч. самолеты МиГ-19 и танки Т-59. В 1981-1985 гг. стоимостной объем военного импорта из КНР достиг 350 млн. долларов. Но в последующие годы китайская сторона начала занимать более прагматичную позицию в вопросе ВТС с Пакистаном, и от поставок вооружений и технологий на льготных условиях Пекин стал постепенно переходить на сугубо коммерческие принципы подобных отношений с Исламабадом.

Однако в полной мере развернуться в этом направлении Китаю не удалось, поскольку, начиная с 1974 г. в связи с отменой Вашингтоном эмбарго на поставки Пакистану вооружений стало возрастать военно-техническое пакистано-американское сотрудничество, что, в свою очередь, привело (с учетом явно невыгодной для Пакистана коммерциализации китайских военных поставок) к постепенному сокращению активности Китая на пакистанском рынке вооружений. Несомненно, что серьезным прорывом на этом направлении стало широко озвученное в 70-е годы намерение США продать Пакистану 40 истребителей F-16.⁴⁷

В 80-е годы Пакистан вошел в пятерку крупнейших получателей американского вооружения (после Египта, Саудовской Аравии, Израиля и Тайваня); на него приходилось 5,8% всего объема экспорта оружия США.⁴⁸ Планировалось и дальше наращивать объемы пакистано-американского военно-технического сотрудничества, чему в немалой степени способствовала тогдашняя резко антисоветская позиция Исламабада относительно ситуации в Афганистане. Однако начиная с 1990 года контакты в военной области между Вашингтоном и Исламабадом начали резко сокращаться из-за принятия Конгрессом США «поправки Пресслера», запрещающей сотрудничество со странами, ведущими разработки в области оружия массового уничтожения и введения в этой связи эмбарго на оказание широкомасштабной военно-экономической помощи Пакистану и, в конечном итоге, были сведены практически к нулю (более того, после проведения Исламабадом в 1998 г. ядерных испытаний была приостановлена и экономическая помощь). Лишь после американской трагедии 11 сентября 2001 г. и последующего присоединения Пакистана к антитеррористической коалиции военная (и экономическая) помощь была возобновлена, хотя и не в прежних размерах; поставлялись преимущественно техника и вооружение, которые могли быть использованы в первую очередь при проведении антитеррористических акций.

Мы не случайно уделяем столь большое внимание военно-техническому сотрудничеству Пакистана с западными странами, в первую очередь, с США, хотя, на первый взгляд, этот сюжет, казалось бы, не имеет прямого отношения к теме статьи. Однако это не так. При всем благоволении Вашингтона к Исламабаду в последние годы (достаточно сказать, что США в начале 2005 г. списали Пакистану его внешний долг в размере 1,5 млрд. долл.,⁴⁹ а также то, что Конгресс предполагает одобрить в 2005 г. предложение Джорджа Буша о выделении в 2006 г. экономической помощи Исламабаду в размере 800 млн. долл.⁵⁰) США довольно осторожно подходят к продаже Пакистану современных видов вооружения. Так, несмотря на достигнутую в 2004 г. во время визита Первез Мушаррафа в США договоренность о покупке американских истребителей F-16 и более того — уже осуществленную оплату сделки, Вашингтон вплоть до начала 2005 г. не торопился поставить их в Пакистан.⁵¹ Известный пакистанский политолог, руководитель Института политических исследований (Исламабад) Первез Икбал Чима после завершения переговоров военных делегаций Пакистана и США в начале февраля 2005 г. заявил, что «этот раунд так и не привел к заметному прогрессу (в поставках вооружения — С.К.), несмотря на сделанные ранее позитивные обещания сотрудничества в этой сфере... и несмотря на то, что Пакистан, по словам США, является основным не НАТОвским союзником».⁵²

Неудивительно, что в подобных условиях Пакистан вновь обратил свой взор на Россию (как ранее обращал на СССР), вооружение которой по своим техническим характеристикам не уступает американскому, но при этом заметно дешевле.

Начало военно-техническому сотрудничеству Пакистана и СССР было положено в ходе визита в Пакистан в апреле 1968 г. тогдашнего Председателя Совета министров СССР А.Н.Косыгина, когда была достигнута принципиальная договоренность о необходимости развития связей в этой области. И уже в конце того же года в Москву для обсуждения конкретных сфер военного сотрудничества прибыли с официальным визитом высшие военные руководители Пакистана во главе с главнокомандующим пакистанской армией генералом Ага Мохаммедом Яхья-ханом.⁵³ А в марте следующего, 1969 г. Пакистан посетила советская военная делегация во главе с министром обороны СССР; делегацию принял президент страны, прошли конструктивные переговоры с главнокомандующими сухопутных войск, ВВС и ВМФ, результатом которых явилось подписание Соглашения о поставках Исламабаду танков, артиллерийских орудий, вертолетов МИ-8. Но уже летом того же года под сильным (если не сказать более — ультимативным) давлением Индии Советский Союз пошел на попятную и отказался от выполнения подписанного Соглашения.

Советское правительство уклонялось от обсуждения этой темы и в период нахождения у власти в Пакистане Зульф리카ра Али Бхутто, который пытался продемонстрировать некий «социалистический» имидж своей социально-экономической политики и завоевать таким путем определенную благосклонность Москвы как с точки зрения оказания Советским Союзом экономической помощи, так и возможности развивать ВТС. Особенно заметной стала такая «уклончивая» позиция СССР после подписания в августе 1971 г. советско-индийского Договора о мире, дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет, выполнение которого не было приостановлено даже несмотря на проведение Индией в мае 1974 г. своего первого ядерного испытания.⁵⁴ После военного переворота в Пакистане в 1977 г., а тем более ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. говорить о каком-либо двустороннем военном сотрудничестве, естественно, не приходится.

Стремление Исламабада импортировать российскую военную технику и вооружение более или менее наметилось в 90-е годы после прихода к власти в Пакистане гражданского правительства. Обозначился зондаж с пакистанской стороны (хотя и довольно слабый в силу объективных обстоятельств) возможностей закупки у России современных танков, бронетранспортеров, боевых машин пехоты и запасных частей к ним, самолетов МИГ-29, СУ-17, СУ-25, СУ-27, АН-30, вертолетов МИ-8 и МИ-17 в военном исполнении, а также различного электронного оборудования и боеприпасов.

К сожалению, отсутствие у России четкой политической концепции по одновременному развитию отношений с Пакистаном и Индией, в том числе и в военной области, вялый, а порой и откровенно незаинтересованный диалог между Москвой и Исламабадом, и самое главное — патологическая боязнь окрика со стороны Дели лишали (и лишают!) российскую сторону инициативы в столь деликатной сфере как российско-пакистанское ВТС. Хотя справедливости ради следует отметить поставки в 90-е годы Россией техники двойного назначения; речь идет о поставках 10-ти вертолетов Ми-17 в гражданском исполнении, а также тяжелых грузовиков. Один из весомых контрактов в этой сфере, как информировал СМИ руководитель армейской пресс-службы Ш.Султан, был заключен в июне 2004 г. с Казанским вертолетным заводом о поставке 12 вертолетов Ми-17 на сумму 51 млн. долл. (Любопытно отметить, что 11 вертолетов достались непосредственно министерству обороны, а еще один «забрал» себе губернатор Панджаба).⁵⁵

Наконец, по информации российских СМИ, летом 2004 г. власти Пакистана подписали контракт о поставке российских танков Т-90С производства Уралвагонзавода. Соглашение было, якобы, достигнуто

на выставке Russian Expo Arms 2004, проходившей в июле 2004 г. в Нижнем Тагиле. Об этом сообщил прессе исполнительный директор Союза предприятий военно-промышленного комплекса Свердловской области Виктор Батуев. Выставка на полигоне Института испытания металлов, расположенного между Екатеринбургом и Нижним Тагилом, проходила в указанном году уже в четвертый раз.⁵⁶

Однако такого рода «поставки» (если, конечно, информация СМИ соответствует истине) — это лишь капля в море пакистанских военных потребностей. Поэтому естественно, что Исламабад, в условиях конфронтации с Дели, даже несмотря на происходящие позитивные подвижки в их двусторонних отношениях, и под давлением острой необходимости обновления и наращивания своего военно-технического потенциала (в целом соотношение конвенциональных видов вооружения между Пакистаном и Индией составляет на протяжении многих лет как 1:3, и изменить этот параметр в свою пользу пока что Пакистану не удается), ищет (и находит!) других партнеров, располагающих вооружением советского и российского производства и готовых продать его Пакистану. Так, в 1996 г. Исламабадом был подписан контракт с Украиной на поставку 320 танков Т-82УД общей стоимостью 550 млн. долларов. Велись переговоры на закупку 125 мм снарядов, других видов продукции военного назначения,⁵⁷ которые были реализованы лишь частично.

Предложение, сделанное российской стороне во второй половине 90-х годов о продаже Исламабаду двух эскадрилий самолетов СУ-27, включая запасные части и наземное оборудование, могла принести Москве, как полагали пакистанские эксперты, не менее 1,5 млрд. долларов.⁵⁸ Более того, как считали в Пакистане, импорт военной техники из России (самолеты, танки, боеприпасы, ракетные комплексы и др.) уже к концу 90-х годов мог бы реально превысить 4 млрд. долларов.⁵⁹

К сожалению, такого рода возможности не были реализованы. В конечном итоге, инициативу здесь вновь перехватила Украина. Так, в 2001 г. Киев поставил в Пакистан 320 танков Т-84УД на общую сумму 615 млн. долларов. Цены такого уровня мировые производители ВПК считают демпинговыми. Для сравнения, контракт по поставкам в Индию 310 российских танков Т-90С составил около 800 млн. долларов. Правда, корректно сравнить технические характеристики украинских и российских танков весьма трудно, поскольку, по некоторым данным, 125-миллиметровые пушки были поставлены на пакистанские танки со снятых советских боевых машин Т-80, которые остались на Украине после распада СССР.⁶⁰

Еще одним шагом в этом направлении стало подписание с Украиной и Китаем контракта на производства собственного танка «Аль-Ха-

лид». Его производство уже начато на заводе тяжелой промышленности в Таксиле, недалеко от Исламабада. Украинский контракт на сумму 150 млн. долл. предусматривал поставки двигателей для 300 танков «Аль-Халид» в течение трех лет. Кроме того, украинский завод им. Малышева также планирует принять участие в совместном с Пакистаном и Китаем проекте «Аль-Зара» по модернизации находящихся на вооружении пакистанской армии 1200 китайских танков Т-59. Для этого украинский завод планировал поставить в Пакистан к концу 2003 года еще около 300 комплектов двигателей и трансмиссий. Если при президенте Леониде Кучме эти соглашения выполнялись «ни шатко, ни валко», с некоторой оглядкой на Россию, то после прихода к власти в Украине Виктора Ющенко и особенно Юлии Тимошенко есть основания полагать (с учетом их значительно большей отдаленности от Москвы по многим направлениям двусторонних взаимоотношений), что этот проект может активнее продвигаться по пути его реализации.

В свою очередь Китай поставил в Пакистан партию истребителей Ф-7МГ (аналог МИГ-21) и усилил его противоракетную оборону. В настоящее время налаживаются связи по производству пакистано-китайского военного самолета «Супер-7». Имеется информация, почерпнутая из пакистанских СМИ, что Китай намерен участвовать в ракетно-ядерных программах Пакистана; правда, при этом делается оговорка, что сотрудничество в атомной сфере ограничивается исключительно мирными программами.⁶¹ Общая сумма уже заключенных с КНР и Украиной контрактов на поставку вооружения и военной техники приближается к 1 млрд. долларов США.⁶² В условиях осторожности США по продажам оружия Пакистану и явном нежелании России участвовать в оборонном экспорте в Пакистан следует ожидать в обозримом будущем расширения военных связей Исламабада с Китаем и Украиной.

* * *

Проведенный анализ советско-пакистанского, а затем российско-пакистанского экономического сотрудничества, (развитие которого, естественно, тесно связано с существующим уровнем внешнеполитических контактов двух государств, равно, как и со складывающейся политической ситуацией на Южноазиатском субконтиненте) свидетельствует о существенных позитивных подвижках на этом направлении. Нет сомнений, что ведущую роль в этом в последние годы сыграл, как отмечалось выше, 3-х дневный визит в Москву в феврале 2003 г. президента Пакистана Первез Мушаррафа и последовавший за ним обмен визитами официальных делегаций, включая экономические.

Здесь следует упомянуть, во-первых, создание в ходе саммита Межправительственной комиссии по экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству, основная цель работы которой заключается в поиске путей расширения товарооборота между двумя странами как с точки зрения его количественного роста, так и диверсификации экспортно-импортных операций. Неудивительно, что после переговоров с Мушаррафом Путин заявил: «Мы с Президентом (Пакистана — С.К.) считаем, что ни уровень, ни масштаб взаимодействия в этой сфере, конечно, не отвечают нашим возможностям».⁶³

Во-вторых, была создана двусторонняя Рабочая группа по противодействию международному терроризму.

В-третьих, подписан Меморандум о модернизации Карачинского металлургического завода, который, как показано выше, в целом выполняется, несмотря на имевшиеся сложности на пути его реализации. Следует отметить, что в феврале 2005 г. Плановая комиссия Пакистана утвердила представленные компанией «Пакистан Стил» (управляющей всей деятельностью Карачинского металлургического завода) документы 1-й фазы его модернизации по увеличению мощности предприятия с 1,1 млн. т стали в год до 1,5 млн. т.⁶⁴

В-четвертых, подписана Программа сотрудничества в области науки, культуры и образования на 2003-2006 годы; даже несмотря на то, что эта программа носит преимущественно рамочный характер, тем не менее, в ней четко прописано, что «обе стороны будут содействовать развитию сотрудничества между Академиями наук двух стран, исследовательскими центрами и обмену учеными». (Одним из конкретных результатов реализации этой Программы стало подписание в августе 2004 г. долгосрочного Соглашения о сотрудничестве между Институтом востоковедения РАН и Институтом региональных исследований (Исламабад), предусматривающего обмен учеными, совместные публикации, обмен научными материалами и литературой и т.п.).

В-пятых, подписан Меморандум о сотрудничестве между Дипломакадемией МИД России и Академией дипломатической службы МИД Пакистана. Он предусматривает обмен студентами и некоторую совместную научную деятельность.

В-шестых, в ходе саммита между Министерствами внутренних дел России и Пакистана подписано Соглашение о сотрудничестве в области борьбы с нелегальным оборотом наркотиков, с оргпреступностью, транснациональной преступностью, обмена необходимой информацией, подготовки кадров. Правда, надо отметить, что это Соглашение носит рамочный характер и не содержит конкретных договоренностей (например, о численности подготавливаемых кадров, о том, где непосредственно они будут готовиться и т.п.). Также ничего не говорится

о конкретных метода борьбы с наркобизнесом; в частности, что, например, будет сделано, чтобы поставить заслон на пути проникновения наркотиков из Афганистана в СЗПП, поскольку немалая часть опиума-сырца перерабатывается в героин именно в Пакистане.

Хотя, на первый взгляд, перечень этих договоренностей может показаться внушительным, тем не менее, не следует переоценивать как подписание указанных выше документов, так и значение самого визита, носившего скорее «пробный» характер потенциального расширения двусторонних связей. Необходимо еще раз подчеркнуть, что Россия продолжает смотреть на соседа Пакистана — Индию — как на ведущего стратегического партнера в Южной Азии и, видимо, этот «взгляд» останется застывшим на таком уровне еще довольно длительное время. Неудивительно, что в беседе с генеральным директором ФГУП «Рособоронэкспорт» Сергеем Чемезовым 8 февраля 2005 г. В. Путин подчеркнул, что, в частности, все контракты на военные поставки должны обязательно заключаться с учетом мнения МИД России⁶⁵, читай — исходя из внешнеполитических приоритетов, а не российских национальных интересов, в том числе внутреннего характера.

С другой стороны, нельзя здесь не сделать одну существенную и весьма любопытную оговорку. В ходе проводившихся (кстати, весьма непростых) переговоров в декабре 2004 г. в Дели между министрами обороны Сергеем Ивановым и Пранабом Мукерджи дело дошло до того, что первый пригрозил своему индийскому коллеге, что, если не будут приняты российские условия продажи оружия Дели, то Москва пойдет на то, чтобы начать продавать его Пакистану. Эту информацию неоднократно передавали ведущие российские информационные агентства со ссылкой на неких анонимных генералов.⁶⁶

Мы весьма осторожно упоминаем в данной статье о такого рода заявлениях, но, тем не менее, отнюдь не исключено, что подобное высказывание российского министра «имело место быть» в действительности. Достаточно отметить тот факт, что в последние годы индийская сторона неоднократно высказывала явное недовольство по поводу низкого качества поставляемого Москвой вооружения (чем вызывала ее неприкрытое раздражение). Так, в 2003 г. информационное агентство Reuters со ссылкой на индийскую газету «Санди экспресс» передало такую информацию: «Индия отказалась принять новую партию истребителей российской холдинговой компании «Сухой», поскольку в сделанных ранее закупках часто возникают неполадки в двигателе. По данным газеты, руководство индийских ВВС даже предложило Министерству обороны приостановить дальнейшие выплаты занимающейся экспортом оружия компании «Росвооружение».⁶⁷

Возвращаясь к вопросу о расширении российско-пакистанского

сотрудничества, следует отметить количественный и качественный рост двустороннего обмена делегациями обоих государств. Уже в июне 2003 г. Пакистан посетил с коротким рабочим визитом тогдашний министр иностранных дел РФ Игорь Иванов; и хотя это было сделано по пути в Дели, тем не менее, в ходе бесед с президентом Пакистана Первез Мушаррафом, премьер-министром Зафарулла Ханом Джамали и пакистанским министром иностранных дел Хуршид Мехмуд Касури был обсужден широкий круг вопросов, включавших и торгово-экономическое сотрудничество: в области увеличения товарооборота, металлургии, нефте- газовой сфере, сельского хозяйства, освоения космоса и др.⁶⁸

Затем последовали визиты в Россию представительной пакистанской делегации аграрников во главе с министром сельского хозяйства Пакистана Яр Мохаммад Риндом (июль 2003 г), министра промышленности страны Лиакат Али Джатоя (сентябрь 2003 г.), делегации пакистанских бизнесменов во главе с председателем Комитета по развитию экспорта Пакистана (октябрь 2003 г.), парламентской делегации Пакистана в Москву во главе со спикером Национальной ассамблеи страны Чоудри Амир Хуссейном (октябрь 2003 г.), (который обсудил, в том числе, и вопросы расширения экономических связей), министра иностранных дел Пакистана Хуршид Мехмуд Касури в Россию (июль 2004 г.), в ходе которого акцент был сделан именно на торгово-экономическом сотрудничестве, визит в Пакистан в декабре 2004 г. делегации Государственной Думы (ГД) РФ во главе с заместителем Председателя ГД Н.Чилингаровым для участия в 5-ой Генеральной Ассамблее Ассоциации азиатских парламентов за мир (в ходе визита также обсуждались вопросы торгового сотрудничества), визит в декабре 2004 г. заместителя министра иностранных дел РФ С.И.Кисляка в Пакистан для участия в заседании российско-пакистанской консультативной группы по стратегической стабильности (состоялась также его встреча с министром Пакистана Х.М.Касури и госминистром иностранных дел М.Х.Бахтияром, где обсуждались в том числе и вопросы экономического сотрудничества), неоднократные визиты в Пакистан руководства ОАО «Газпром», основная цель которых заключалась в рассмотрении вопросов участия России в сооружении газопровода из Ирана в Пакистан с продолжением его в Индию⁶⁹, неоднократные визиты представителей «Тяжпромэкспорта» в Пакистан и пакистанской компании «Пакистан стил» в Россию для обсуждения текущих вопросов модернизации Карачинского металлургического завода, регулярные телефонные разговоры президентов двух государств и т.д.⁷⁰ Конечно, здесь перечислены далеко не все визиты как высокопоставленных официальных лиц, правительственных и иных делегаций (в

частности, не упомянуты регулярные межмидовские консультации), где в ходе переговоров или бесед в той или иной степени шла речь об экономических связях — на это просто не хватило бы места в настоящей статье. Главное в другом — налицо расширение двусторонних контактов во многих сферах взаимоотношений.

В конечном итоге, все сказанное выше наглядно свидетельствует о том, что российско-пакистанское широкомасштабное торгово-экономическое сотрудничество просто «обречено» на заметное расширение, и едва ли оно в перспективе скажется негативно на развитии российско-индийских связей (в том числе и в оборонной сфере); скорее всего, оно сгладит со временем острую неприязнь со стороны Дели к потенциальным регулярным контактам Москвы и Исламабада в оборонной области и — соответственно — поставкам в будущем российского вооружения Пакистану.

Примечания

- ¹ Достаточно сказать, что уже в ходе 12-го саммита СААРК (South Asian Association of Regional Cooperation), проходившего в начале января 2004 г. в Исламабаде, было высказано пожелание обеих сторон установить сотрудничество в области фармацевтики, науки и техники, восстановить железнодорожное и автобусное сообщение между двумя странами (а в ряде случаев наметить новые маршруты), открыть ряд новых авиалиний, была выражена готовность индийской стороны поставить Пакистану, в случае необходимости, продовольственное зерно и т.д. (“The Nation”. 5.01.2004; “Dawn”. 12.01.2004; “Dawn”. 17.02.2004).
- ² Hussain S. Pakistan Economics. Karachi, 1950. p. 134—135.
- ³ Karachi Commerce. 20.09.1952.
- ⁴ Подробнее см.: Жмуйда И.В. Внешнеэкономические связи Пакистана. М., 1981. Каменев С.Н. Экономический рост Пакистана. М., 1977.
- ⁵ СССР и Пакистан. М., 1984. С. 50—51.
- ⁶ Эти вопросы подробно исследованы в монографии В.Н.Москаленко «Проблемы современного Пакистана». М., 1970.
- ⁷ Жмуйда И.В. Внешнеэкономические связи Пакистана. М., 1981. С.143—144.
- ⁸ Naseem A. Pak-Soviet Relation 1947—1965. Lahore, 1989.
- ⁹ Подробнее см.: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. С. 328—344.
- ¹⁰ Правда. 31.05.1969.
- ¹¹ См.: Икбал В. Пакистано-российские отношения // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность (сборник статей памяти Ю.В.Ганковского). М., 2004.
- ¹² СССР и Пакистан. М., 1984. С. 148.
- ¹³ Подробнее см.: Пакистанское общество: экономическое развитие и социальная структура. М., 1987.
- ¹⁴ Bhutto Z.A. Speeches and Statements (December 20. 1971 — March 31, 1972), Karachi, 1972, p.41.
- ¹⁵ Правда. 27.10.1974.

- ¹⁶ Правда, и девальвация, с другой стороны, негативно сказалась на товарообороте с СССР, поскольку стала сокращаться доля товаров (в первую очередь хлопковой группы и джута), пользовавшихся повышенным спросом на мировом рынке и легко продававшихся за СКВ; одновременно Пакистан стремился продать Советскому Союзу те товары, которые пользовались меньшим спросом на мировом рынке, и которые намного труднее реализовывались за СКВ.
- ¹⁷ The News. March 11, 2005.
- ¹⁸ СССР и Пакистан. М., 1984, с. 168.
- ¹⁹ The Pakistan Times. 21.06.1976.
- ²⁰ Правда. 15.09.1973.
- ²¹ Economic Survey. Government of Pakistan. Islamabad, 1991, Statistical Appendix, p.162.
- ²² Исчислено по: Economic Survey. Government of Pakistan. Islamabad, 1991, Statistical Appendix, pp.162, 182–183.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Составлено по: Pakistan Statistical Yearbook 1995. Government of Pakistan. Karachi, 1995.
- ²⁵ Подробно эти вопросы рассмотрены в статье *Москаленко В.Н.* Политическая ситуация в Пакистане // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность (сборник статей памяти Ю.В.Ганковского). М., 2004. С. 50–60.
- ²⁶ Эта озабоченность наглядно проявилась во время визита президента Пакистана Первез Мушаррафа в Россию в феврале 2003 г., когда едва ли не главным пунктом переговоров с В.Путиным и тогдашним министром иностранных дел И.Ивановым стал вопрос о заметном расширении внешнеторговых связей наших двух государств.
- ²⁷ Исчислено по: Economic Survey 2001–2002. Government of Pakistan. Islamabad, 2002, Statistical Appendix, p.92. Economic Survey 2002–2003. Government of Pakistan. Islamabad, 2003, Statistical Appendix. p.94.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Подробно эти и ряд других вопросов, связанных с внешней торговлей между Россией и Пакистаном, рассмотрены в кандидатской диссертации Ю.Д.Яковлева «Проблемы экономического развития Пакистана в 90-е годы и его место в системе мирохозяйственных связей». М. 1998., защищенной им в Дипакадемии в том же году.
- ³⁰ Pak-Russia Economic Cooperation. President Musharraf's visit likely to enhance economic cooperation. By Amanulla Bashir // "Pakistan Economist". Jan 27 — Feb 02, 2003.
- ³¹ *Aslam S.M.* Pakistan Steel Mill. The expansion plan // "Pakistan Economist". February 03 — 09, 2003.
- ³² Из беседы автора с председателем корпорации «Пакистан стил» Мухаммад Афзал Ханом 24 октября 2003 г. в Карачи. Из бесед автора с заместителем председателя «Тяжпромэкспорта» М.А.Резниченко 24 октября 2003 г. в Карачи и 5 февраля 2004 г. в Москве.
- ³³ Совет по исследованию Космоса (СИК), Исполнительный комитет СИК, Национальный комитет Пакистана по связям с КОСПАР.
- ³⁴ The Nation. December 12, 2001.
- ³⁵ Dawn. December 11.2001.
- ³⁶ The News. December 12, 2001.
- ³⁷ The Nation. December 12, 2001.
- ³⁸ The News. December 12, 2001.

- ³⁹ Из бесед автора с послом Пакистана в России Ифтикхар Муршедом 20 августа 2003 г., 23 марта 2004 г., 9 июля 2004 г., 22 ноября 2004 г., 8 апреля 2005 г.
- ⁴⁰ The News. February 17, 2005.
- ⁴¹ Независимая газета. 12 января 2005 г.
- ⁴² Там же. Говоря о диверсификации российских экспортных военных поставок нельзя не упомянуть и о проникновении России на латиноамериканский рынок вооружения — подписан контракт на поставку Венесуэле около 100 тыс. автоматов Калашникова, хотя существует, по мнению Вашингтона, реальная опасность того, что эти автоматы могут попасть в руки экстремистских левых организаций (Интернет-сайт www.top.rbc.ru 11 февраля 2005 г.).
- ⁴³ US seeks stronger defence ties with India // "The News". December 10, 2004.
- ⁴⁴ Известия. 7 декабря 2004 г.
- ⁴⁵ The News. November 11, 2004.
- ⁴⁶ Якунин В. Понять партнера // Азия и Африка сегодня. 1997. № 8.
- ⁴⁷ Подробнее см.: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. С. 104—110.
- ⁴⁸ Специальный бюллетень. № 4 (268). ИВ АН СССР, М., 1990. С. 103—104.
- ⁴⁹ О списании пакистанского долга Соединенным Штатам в размере 1,5 млрд. долл. объявил во время своего визита в Пакистан высокопоставленный сотрудник министерства обороны США Дуглас Фейтч // "The News". February 4, 2005.
- ⁵⁰ The News. January 28, 2005. СССР и Пакистан. М., 1984. С. 50—51.
- ⁵¹ Shaikh S. Pak-US defence talks begin Thursday // "The News". February 1, 2005.
- ⁵² The News. February 11, 2005.
- ⁵³ В состав делегации входили представители сухопутных войск, ВВС и ВМФ // СССР и Пакистан. М., 1984. С. 100.
- ⁵⁴ Подробнее см.: Сотников В.И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях. М., 2003. С. 44—52.
- ⁵⁵ Радиостанция «Эхо Москвы». 17 мая 2004 г. Dawn. June 7, 2004.
- ⁵⁶ Интернет-сайт www.utro.ru. Выпуск 194 (1592). 12 июля 2004 г.
- ⁵⁷ Сегодня. 15. 03. 1997.
- ⁵⁸ The News, 6. 09. 1996.
- ⁵⁹ Dawn, 9. 04. 1997.
- ⁶⁰ Мухин В. От российского вооружения у Мушаррафа может закружиться голова. И, вполне возможно, он задумается о смене стратегических партнеров // www.strana.ru. 5 февраля 2003 г.
- ⁶¹ Pakistan Economist. December 31, 2001 — Jan 06, 2002.
- ⁶² Интернет-сайт www.strana.ru. 5 февраля 2003 г.
- ⁶³ Dawn. February 6, 2003.
- ⁶⁴ The News. February 11, 2005.
- ⁶⁵ Информационная программа НТВ «Сегодня», 8 февраля 2005 г. Аналогичная мысль проводилась президентом РФ в ходе его беседы с главой Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству Михаилом Дмитриевым 1 февраля 2005 г. (www.lenta.ru. 1.02.2005.).
- ⁶⁶ Плугатарёв И., Бабакин А. Москва принуждает Индию к расширению военного импорта // «Независимая газета». 7 декабря 2004 г.
- ⁶⁷ Мясников В. Индостан: «Сухие» вошли в штопор. В воздухе зависли полтора миллиарда долларов российского военного экспорта // Независимая газета. 16 декабря 2003 г.

- ⁶⁸ The News. June 16, 2003. Пресс-релиз Посольства Пакистана в РФ от 15 июня 2003 г.
- ⁶⁹ В феврале 2005 г. в ходе визита министра иностранных дел Индии Натвар Сингха в Пакистан он заявил о решении Индии согласиться с закупками иранского газа, но только на границе с Пакистаном, ничего не сказав, однако, об участии Дели в строительстве самого газопровода. Акцент при этом был сделан в первую очередь на обращении к мировому сообществу (включая власти Пакистана) помочь в обеспечении максимальной безопасности в поставках газа, в первую очередь, их непрерывности // "The News". February 19, 2005.
- ⁷⁰ Press-Release of the Embassy of Pakistan in the Russian Federation. Moscow, July 13, 2003. "The News". July 13, 2003. «Известия». 14 августа 2003 г. "Jatoi-Klebanov Talks: Pakistan — Russia Inter-Governmental Commission to Meet" // Press-Release of the Embassy of Pakistan in the Russian Federation. Moscow, September 24, 2003. "Russia — Pakistan Business Set to Grow" // Press-Release of the of Embassy Pakistan in the Russian Federation. Moscow, October 8, 2003. Шаповалов А., Лукьянов Ф. Чоудри Хуссейн: хочешь мира — запускай ракеты // Российская газета. 17 октября 2003 г. Андреев А. Пакистан проявляет интерес // Смысл. 2003. № 15—16. "Pak-Russia to expand economic, political, culturalities" // The News". July 9, 2004. Press-Release of the Embassy of Pakistan in the Russian Federation. Moscow, July 10, 2004. Интернет-сайт www.utro.ru. Выпуск 194 (1592). 12 июля 2004 г. Интернет-сайт www.infopak.gov.pk. 15.07.2004. "Dawn". July 21, 2004. "The News". September 10, 2004.

Пакистано-российские отношения: общие тенденции, главные препятствия и перспективы развития

Пакистано-российские отношения находились в состоянии застоя в течение длительного периода «холодной войны», особенно в 1979–1989 годы, когда при непосредственной поддержке Советского Союза велась война в Афганистане. Однако в последнее время в развитии отношений между двумя странами наметилось определенное потепление. Помимо таких актуальных проблем как сохранение безопасности в Южной Азии, борьба с международным терроризмом и нацоторговлей, все большее значение в двусторонних связях между Пакистаном и Россией начинает уделяться взаимовыгодному сотрудничеству в области экономики, торговли, совместных научных исследований (включая и область космического пространства).¹ Нельзя не отметить в этой связи, что подобное потепление в отношениях между Пакистаном и Россией происходит на фоне «разрядки напряженности» в Южной Азии. Визит пакистанского президента в Москву в феврале 2003 года внес существенный импульс в развитие двусторонних отношений между Пакистаном и Россией. Встреча Первеза Мушаррафа с президентом России Владимиром Путиным и другие контакты на разных уровнях позволили наметить реальные перспективы по выводу отношений на более высокий уровень.

«Мы начинаем новую эру дружбы между Пакистаном и Россией», — заявил Первез Мушарраф на пресс-конференции, затрагивая в беседе с журналистами широкий спектр проблем — от торговых двусторонних отношений до борьбы с международным терроризмом в лице Аль-Каиды. «Мы должны начать с чистого листа в наших двусторонних отношениях. Из прошлого мы должны взять все полезное и похоронить все плохое», — сказал президент Пакистана.²

Первез Мушарраф подчеркнул, что Пакистан и Россия не заключили никаких конкретных соглашений по поводу расширения довольно низкого объема торговли, однако выделили несколько областей перспективного сотрудничества. Одной из таких областей стала

металлургия. Две страны подписали Меморандум о взаимопонимании, который предусматривал предоставление приоритета российским компаниям в проекте модернизации металлургического завода в Карачи. Другой важной областью взаимовыгодного сотрудничества должна была стать нефтегазодобыча. Первез Мушарраф, в частности, пригласил российский «Газпром» принять участие в приватизации пакистанских нефтяных и газовых компаний. По словам президента Пакистана, двустороннее сотрудничество должно также включать космические технологии, в том числе запуск пакистанских спутников связи при помощи российских ракет. Он также добавил, что за структурой дальнейшего сотрудничества призвана следить объединенная межправительственная комиссия.³

В июле 2003 года визит в Пакистан нанес министр иностранных дел России Игорь Иванов. В беседах с министром иностранных дел Хуршидом Махмуд Касури и Первезом Мушаррафом затрагивалось российско-пакистанское взаимодействие в борьбе с международным терроризмом и афганской наркоугрозой, равно как и проблемы торгово-экономического сотрудничества.

Российский гость посетовал, что годовой объем торгового оборота в 100 млн. долларов явно не соответствует возможностям двух стран. В ответ Хуршид Махмуд Касури заметил, что интересы пакистанской стороны не ограничиваются модернизацией металлургического завода в Карачи. Россия, по его мнению, могла бы также рассчитывать на заказы по поставке сельскохозяйственной и строительной техники, а также на сотрудничество в области высоких технологий. Вместе с тем «прозрачные намеки пакистанцев на желание закупить у Москвы современное оружие наткнулись на вежливое сообщение российского министра о нежелании разрушать сложившиеся за долгие годы связи с Индией».⁴ В то же время Игорь Иванов подчеркнул, что Россия «будет всемерно содействовать диалогу между Дели и Исламабадом, в том числе опираясь на отношения, которые у нее имеются с Индией и складываются с Пакистаном». «В рамках этого диалога должны рассматриваться все проблемы, в том числе кашмирская», — добавил российский министр.

В июле 2004 года Москву с ответным визитом посетил министр иностранных дел Пакистана Хуршид Махмуд Касури. В ходе переговоров с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым и секретарем Совета безопасности Игорем Ивановым обсуждалась реализация договоренностей, достигнутых во время визита в Москву в феврале 2003 года Первеза Мушаррафа.

Наметившееся в последние годы более активное политическое сотрудничество между Пакистаном и Россией в результате встречи на

высшем уровне и выработки общих подходов по большинству международных проблем активизировали в определенной степени и экономические отношения. Обмен делегациями деловых кругов, представителей государственного и частного сектора также свидетельствуют о некотором оживлении торгово-экономических отношений в настоящее время. Тем более, что пакистанская сторона создает достаточно благоприятные условия для иностранных инвестиций — инвесторам предоставляются таможенные, налоговые и финансовые льготы.

Наиболее благоприятными направлениями в развитии экономических отношений и росте инвестиций в Пакистан являются три области, в которых уже имеется опыт плодотворного взаимовыгодного сотрудничества (нефтегазовый сектор, металлургия и космические исследования). Не случайно именно эти направления были названы приоритетными во время визита Первеза Мушаррафа в Москву в феврале 2003 года.

Наиболее перспективной для расширения двустороннего сотрудничества между Пакистаном и Россией является *нефтегазовая отрасль*, где намечается национализация Пакистанской корпорации нефти и газа. В этой отрасли уже имеются определенные сдвиги.

Наибольшие успехи были достигнуты в области исследований нефтяных и газовых месторождений на территории Пакистана, а также в его акваториальных водах. В июле 2003 года делегация «Газпрома» посетила Пакистан для того, чтобы исследовать возможности инвестиций в нефтегазовый сектор этой страны. Делегация посетила ведущие нефтяные и газовые компании в Исламабаде, Лахоре и Карачи, а также различные нефтяные месторождения. Позднее в Исламабаде был подписан Меморандум о взаимопонимании для сотрудничества в нефтегазовом секторе — документ явился итогом визита президента Мушаррафа в Россию в феврале 2003 года. В соответствии с принятым соглашением, «Газпром» взял на себя обязательства по исследованиям в прибрежных зонах Пакистана. Компания также намерена сотрудничать со своими пакистанскими коллегами и расширять сферу обслуживания в таких областях как геологоразведка, бурение, оценка ресурсов и составление подробных геотектонических карт. Особое внимание предполагается уделить разведке, разработке и развитию газовых месторождений в северных районах Пакистана.⁵

Помимо разработок национальных месторождений Пакистана, «Газпром» также был приглашен к сотрудничеству и в строительстве транснациональных газопроводов как в Пакистан, так и в Индию. Однако на этом, казалось бы взаимовыгодном поприще, препятствием выступил внешнеполитический фактор.

«Газпром» провел переговоры о своем участии в строительстве

газопровода Иран-Индия через территорию Пакистана, причем не только в исследовательских работах, но и в финансировании. В апреле-мае 2002 года делегация «Газпрома» посетила Иран, Индию, а затем и Пакистан с целью обсуждения участия России в строительстве иранского газопровода.

В ноябре 2002 года появились сообщения о том, что делегация «Газпрома» и Министерство нефти и природных ресурсов Пакистана подписали в Исламабаде Меморандум о взаимопонимании. В соответствии с этим документом, «Газпром» должен был провести предварительные исследования по предложенному российской компанией маршруту прокладки газопровода из Ирана через пакистанские прибрежные воды в Индию. Российский концерн был наделен правом вести переговоры по привлечению инвестиций в реализацию проекта.

После рассмотрения всех возможных вариантов, правительство Индии приняло решение, что газопровод будет прокладываться по «сухопутному» маршруту, то есть через территорию Пакистана. Решение Индии, однако, нельзя признать окончательным, поскольку в игру активно включились США. О том, что в Вашингтоне недовольны ходом переговоров между Ираном, Пакистаном и Индией по газопроводу, стало известно в марте 2005 года, когда посол США в Индии Дэвид Малфорд выразил сомнения в возможности такой сделки. Он напомнил, что переговоры о сворачивании иранской ядерной программы зашли в тупик.

16 апреля 2005 года президент Пакистана Первез Мушарраф прибыл в Нью-Дели с «неформальным визитом». В широкий круг проблем, которые Первез Мушарраф планировал обсудить со своими индийскими коллегами, было включено и строительство газопровода Иран-Пакистан-Индия протяженностью 2,6 тысяч км и стоимостью около 4 млрд. долларов. «Однако эта тема не афишировалась, чтобы не раздражать Вашингтон, не одобряющий этот проект».⁶

Другим важным проектом, в котором, по всей видимости, будут принимать участие некоторые российские компании (но вряд ли их возглавит «Газпром»), могло бы стать строительство туркменского или трансфганского газопровода (Туркменистан-Афганистан-Пакистан). Как сообщала в этой связи пакистанская газета «*Dawn*», «"Газпром" не только заинтересован принять участие в импорте природного газа из Ирана в Пакистан и далее в Индию, он также намерен по возможности вытеснить американский *Unocal* из трансфганского консорциума».⁷ Высказывается мнение, что для «Газпрома» важно, чтобы туркменский газ, который сейчас поставляется на внешние рынки только через российские газопроводы, не получил бы выход на южноазиатский рынок.

Естественно, что при разработке проектов как иранского, так и туркменского газопроводов Пакистан выступает не только как потенциальный потребитель газа, но и, что более существенно, как транзитная территория для поставок на индийский рынок. Пакистан, со своей стороны, отдает большее предпочтение туркменскому маршруту, тем более что в первоначальном варианте он планировался как поставщик газа непосредственно на пакистанский рынок (о продолжении трубы в сторону Индии вопрос откладывался на более отдаленную перспективу). Кроме того, с самого начала разработок проекта Пакистан принимал в нем довольно активное участие. Наконец, следует также принять во внимание тот факт, что параллельно с проектом газопровода из Туркменистана в будущем планировалось проложить довольно мощный нефтепровод — в качестве терминалов рассматривались пакистанские порты Гвадар, Омара и Пасни.⁸ Пакистан, с экономической точки зрения, не может не быть заинтересован в туркменском газопроводе, однако, видимо, рассчитывает на более крупных и надежных инвесторов в перспективе. Поскольку у Исламабада есть собственные стратегические расчеты в экспорте сжиженного газа (как собственного, так и импортируемого из Туркменистана) в Азиатско-Тихоокеанский регион, прежде всего в Китай и Японию, ему бы было намного выгоднее построить такой газопровод лет через пять, когда вступит в строй порт Гвадар.

По последним сведениям, Афганистан и Пакистан решили реанимировать проект строительства газопровода из Туркменистана в Пакистан и, возможно, в Индию через афганскую территорию. Такая договоренность была достигнута в марте 2005 года в ходе визита президента Афганистана Хамида Карзая в Исламабад, где он, в частности, провел переговоры по данному проекту с пакистанским премьер-министром Шаукатом Азизом. Ашхабад, со своей стороны, еще в январе 2005 года заявил, что технико-экономическое обоснование проекта уже готово, и строительство газопровода может начаться в 2006 году.⁹ Вопрос о том, какие российские компании согласятся принять участие в туркменском проекте, остается открытым.

Металлургия — другая сфера перспективного сотрудничества между Пакистаном и Россией. Главным направлением в приоритете развития экономических отношений по-прежнему остается расширение Карачинского металлургического завода, который был построен в 1970-80-е годы при помощи СССР.

Договоренность в этой области была достигнута между должностными лицами российской фирмы «Тяжпромэкспорт» и пакистанской делегацией во главе с Первезом Мушаррафом во время его визита в Москву, когда был подписан Меморандум о взаимопонимании.

Именно во время визита Первеза Мушаррафа было решено увеличить производственную мощность Карачинского завода почти в полтора раза — с 1.1 млн. тонн до 1.5 млн. тонн чугуна и стали в год. Администрация завода предоставила российским коллегам необходимую информацию по техническим и коммерческим предложениям относительно расширения производства. «Тяжпромэкспорт», со своей стороны, уже приступил к разработке и реализации комплексной программы по модернизации комбината. Для этих целей, согласно программе «Тяжпромэкспорта», необходимо ускорить выполнение заключенных контрактов по расширению, ремонту и модернизации существующих производственных мощностей. «Тяжпромэкспорт» обязался привлечь к активному участию в реализации проекта другие российские фирмы, разработать детальные чертежи и сметы по финансированию модернизации, а также согласился оказать посреднические услуги в поставках необходимых материалов и оборудования, недоступных на внутреннем рынке Пакистана.

В настоящее время проект расширения Карачинского металлургического завода находится на стадии конкретного изучения. Существуют планы приватизации комбината, однако пакистанская сторона пока задерживает объявление окончательного решения. Следует в этой связи отметить, что Россия может встретить в этой сфере весьма сильное соперничество со стороны Китая, который проявляет в последние годы повышенный интерес к пакистанской экономике (особенно к таким выгодным сферам вложения инвестиций, как крупные промышленные объекты и транспортная инфраструктура).

Следует также отметить, что впервые план расширения Карачинского комбината был представлен на рассмотрение пакистанского правительства еще в январе 1989 года, а одобрен в сентябре 1990 года. В тот период стоимость проекта оценивалась в 1.5 млрд. пакистанских рупий. Как пишет в этой связи пакистанская газета *“The News”*, «исполнители плана должны по-новому переоценить стоимость проекта, поскольку курс рупии к доллару существенно изменился за прошедшие годы». «Проект, который должен был быть закончен приблизительно десять лет назад, так и остался нереализованным из-за имущественных разногласий в правительстве, министерстве промышленности, предыдущих режимах».¹⁰

Возможно продолжение сотрудничества в области *космической связи и технологий*, которое кажется довольно перспективным, поскольку Россия намерена помогать Пакистану с созданием национальных средств космической разведки. Это должно быть отмечено в связи с тем, что Россия уже достигла определенного опыта с запуском пакистанских спутников связи «Бадар-2».

В сентябре 2001 года российский премьер-министр Михаил Касьянов подписал распоряжение № 1169-р, которое разрешило запуск пакистанского спутника «Бадар-2» ракетой-носителем «Зенит» с космодрома Байконур. По сведениям информированных источников, общая стоимость представляемых Пакистану «космических услуг» сравнительно невелика: контракт на запуск «Бадара-2», заключенный между «Росавиакосмосом» и пакистанской комиссией по исследованию космоса и верхних слоев атмосферы, оценивается в 800 тысяч долларов.¹¹ Дешевизна запланированного запуска объясняется тем, что «Бадар-2» принадлежит к классу малых космических аппаратов (весом менее 100 кг) и выводится на орбиту в качестве «попутного груза». Тем не менее для Исламабада в данном случае размер значения не имеет, поскольку он помогает Пакистану обрести статус «космической державы». Спутник был создан силами исключительно самих пакистанских ученых, а задачи, которые предстоит решать на орбите «Бадару-2», оговорены в контракте с Россией. Здесь фигурируют метеорологические наблюдения, фотосъемка и проверка надежности работы служб связи.

Пакистанская комиссия по исследованию космоса и верхних слоев атмосферы уже выяснила на переговорах с представителями «Росавиакосмоса» возможность разработки и постройки отечественными ракетно-космическими фирмами «спутника для дистанционного зондирования Земли с высокой разрешающей способностью». Предлагаемая пакистанской стороной ориентировочная стоимость этого проекта в 130 млн долларов (включая доставку спутника на орбиту) вполне устраивала Россию. Однако контракт об этом до сих пор пока не подписан: «Москву, судя по всему, несколько смущает, что главным объектом пакистанского космического зондирования может стать Индия».¹²

Важным направлением взаимного сотрудничества станет развитие информационных технологий и связи, о чем уже подписано соглашение. Приватизация этой сферы должна способствовать привлечению российского капитала. Кроме того, российская сторона должна активизировать работу 14 тысяч почтовых отделений на территории Пакистана, создав важный источник поступлений в казну (особенно за счет оплаты мобильной связи).

Военно-техническое сотрудничество теоретически может стать еще одним возможным взаимовыгодным направлением сотрудничества, которое без ущерба для общего баланса обычных вооружений между Индией и Пакистаном, могло бы достигать 500 млн. долларов в год. Пакистан стремится диверсифицировать свои военные связи и проявляет большой интерес к приобретению российской

техники. Москва пока очень осторожно подходит к вопросу о продаже Исламабаду оружия. Она не хочет осложнять свои отношения с Дели, который по традиции весьма нервно реагирует на любой шаг в российско-пакистанском военном сотрудничестве. Единственной сделкой, осуществленной в 90-е годы была поставка Пакистану 12 транспортных (без боевого снаряжения) вертолетов Ми-17. В настоящее время прояснились перспективы поставок еще двух партий вертолетов Ми-17, но о широком сотрудничестве в военной области речь пока не идет.

Возможны российские инвестиции в такие области как изучение водных ресурсов и морских богатств, океанография, производство биомассы, восстановительных источников энергии, включая солнечную; создание производств по коксованию угля (ибо запасы низкокачественного угля в Пакистане велики, а потребности в коксе значительны); строительство зернохранилищ, элеваторов, переработка фруктов; продолжение сотрудничества в создании сборочных предприятий; подготовка кадров и обмен специалистами; реклама и организация выставок для пропаганды достижений.

Наиболее вероятными сферами для пакистанских инвестиций являются торговые отношения, а также российские предприятия легкой промышленности (текстильные, обувные), гостиничное дело, предприятия, перепрофилированные из оборонных в частные промышленные компании, обладающие достаточно современной технологической базой. Однако на пути активизации пакистанских инвестиций в Россию стоят трудности, связанные с коррупцией, бюрократизмом, криминальной обстановкой в России, неуверенностью инвесторов в выполнении партнерами своих обязательств. Препятствиями также являются еще не устоявшиеся законодательства в налоговой, таможенной сферах, в системе перевода прибылей, сложности с материально-техническим снабжением предприятий.

Наметились, хотя и незначительные, изменения в росте товарооборота: в 1998 году он составлял всего 72 млн. долларов, в 2002 году — 90 млн. долларов, а в 2003 г. — 100 млн. долларов. В этой сфере у российской стороны есть перспективы. Основным препятствием для дальнейшего развития торговли является проблема набора как российской, так и пакистанской стороной товаров для обмена. Выгодным для российской стороны было бы инвестирование в экспортно-промышленные зоны Пакистана.

В заключении хотелось бы остановиться еще на одной области развития российско-пакистанских отношений. По итогам визита Первеза Мушаррафа в Москву была принята *Программа сотрудничества в области науки, культуры и образования на 2003-2006 годы*. О том, что реали-

зация Программы не стоит на месте, свидетельствует возрастающий с каждым годом обмен научными и культурными делегациями между Россией и Пакистаном, а также между городами двух стран (Москва, Калуга, Рязань; Исламабад, Карачи, Пешавар).

Весомый вклад в этом направлении принадлежит, в частности, Сектору Пакистана Института востоковедения РАН. Российские ученые-пакистановеды по мере своих возможностей пропагандируют особое значение Пакистана как в системе геополитических отношений, так и непосредственно во внешнеполитической ориентации России. Аналогичный повышенный интерес как непосредственно к России, так и к ее соседям по СНГ (особенно Центральноазиатскому региону) проявляют пакистанские ученые-политологи, историки, экономисты. Научный обмен в этой сфере не может не способствовать укреплению взаимопонимания между двумя государствами.

Такое повышенное внимание к Пакистану вообще и расширению с ним всестороннего сотрудничества проявляется не только российскими учеными, но также деловыми кругами, финансистами и представителями военно-промышленного комплекса России. Аналогичный повышенный интерес к России проявляют различные пакистанские государственные структуры, а также представители промышленного, торгового и финансового капитала, военные, студенты. Все они неуклонно выражают и подчеркивают свое стремление к расширению и активизации сотрудничества с Россией как в торгово-экономической, так и в военной, научной и культурной областях. Это выражается как непосредственно в частных беседах с их российскими коллегами, так и на страницах пакистанской прессы.

К сожалению, подобное стремление к развитию перспективных взаимовыгодных отношений с Пакистаном находится лишь на стадии зарождения в таких государственных структурах России, как например МИД, Внешторгбанк, «Рособоронэкспорт», «Газпром», «РАО ЕЭС России» и др. Даже российские СМИ не уделяют должного внимания обстановке как внутри Пакистана, так и вокруг него. И это несмотря на растущий интерес рядовых россиян к Востоку и исламу вообще, и к исламской демократии в Пакистане, в частности.

Однако, исходя из того факта, что повышенный интерес к двустороннему взаимовыгодному сотрудничеству растет как со стороны Пакистана, так и со стороны России, есть определенная надежда на то, что уже в ближайшее время российско-пакистанские отношения действительно перейдут в новую историческую плоскость, став примером политики, устремленной в будущее. Не вступая в противоречие с российско-индийскими отношениями и не ограничиваясь условными рамками совместной борьбы с международным терроризмом и

наркоторговлей, сотрудничество между Пакистаном и Россией должно на практике служить интересам народов двух государств.

Примечания

- ¹ Проблемам развития российско-пакистанских отношений, в том числе и в последние годы, посвящено немало работ российских и пакистанских авторов. См., например: *Белокреницкий В.Я.* Российско-пакистанские отношения в свете новой ситуации в регионе // Ближний и Средний Восток и современность. № 19, М., 2003. С.188—199; *Каменев С.Н.* Основные направления политики России в Центральной и Южной Азии // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность. Сборник статей памяти Ю.В.Ганковского. М., 2004. С. 61—86; *Икбал В.* Пакистано-российские отношения // Там же. С. 87—97.
- ² The Moscow Times, 7.02.2003.
- ³ The Moscow Times, 7.02.2003.
- ⁴ Время новостей, 16.07.2003.
- ⁵ Pakistan Observer, 18.07.2003.
- ⁶ Время новостей, 18.04.2005.
- ⁷ Dawn, 8.05.2002.
- ⁸ Деловой мир, 3.12.1996.
- ⁹ Время новостей, 28.03.2005.
- ¹⁰ The News, 22.03.2003.
- ¹¹ Время новостей, 4.09.2001.
- ¹² Время новостей, 4.09.2001.

О российских подходах к развитию отношений с Индией и Пакистаном

В ряду международных связей Советского Союза и России отношения с Индией и Пакистаном занимают особое место. Это объясняется не только стратегической важностью южноазиатского региона (в котором упомянутые государства играют «первую скрипку»), но и тем, что эти отношения изначально стали знаковыми для отечественной внешней политики, способствуя рождению определенных стереотипов, мифологии, укоренившейся в российском национальном сознании, и до сих пор несут на себе идеологическую нагрузку.

Стереотипы и традиции

«Дружба и сотрудничество» с Индией неизменно входили в число приоритетов Москвы. В подходах к двустороннему взаимодействию переплетались прагматизм, экономический расчет (которые, правда, не превалировали) и соображения более «высокого порядка». Пропагандировалась культурно-историческая и политическая близость двух крупнейших держав. После ухудшения отношений с Китаем в конце 50-х — начале 60-х гг. Индия заняла место главного азиатского партнера СССР. Сотрудничество с индийцами должно было символизировать «правильность» международной теории социализма, подразумевающей «естественный союз» социализма с развивающимися странами, Движением неприсоединения как краеугольный камень антиимпериалистического фронта.

Нью-Дели использовал особые отношения с Советским Союзом для развития национальной экономики, научно-технических возможностей, приобретения современных вооружений. Что до Москвы, то ее материальные «дивиденды» были менее ощутимы. Советское государство полагало, что политический выигрыш «стоит свеч» и компенсирует экономические и финансовые издержки. При этом закрывались глаза на то, что за рекламируемой «большой дружбой»

* Артем Юрьевич Рудницкий — доктор исторических наук.

скрывались существенные расхождения, касавшиеся, например, усиливавшегося со временем стремления Индии «дистанцироваться» от СССР в духе «стратегии равной удаленности» от великих держав, установки Нью-Дели на обладание ядерным оружием.

Что касается отношений с Пакистаном, то российским руководством и обществом они стереотипно воспринимались в русле известного тезиса: враг моего друга — мой враг. Сказывалось и то, что в годы «холодной войны» Пакистан превратился в близкого партнера Соединенных Штатов. Именно с пакистанской территории в 1960 г. стартовал самолет-разведчик «У-2», сбитый советской ракетой ПВО. В ходе пакистано-индийских войн 1965 и 1971 годов Москва однозначно симпатизировала Индии и де-факто поддерживала ее в кашмирском конфликте¹. Недоверие к пакистанцам как к «подручным американского империализма» усилилось в 80-е гг., в связи с войной в Афганистане.

Вместе с тем развивалось российско-пакистанское экономическое сотрудничество — в сфере электроэнергетики, металлургии, торговли. Карачинский металлургический завод по сей день остается одним из флагманов пакистанской тяжелой промышленности. Несмотря на противоречия, в Исламабаде не исключали политического сближения с Советским Союзом. Характерный штрих: в годы «афганского противостояния» пакистанский военный диктатор Зия-уль-хак с подчеркнутым вниманием относился к советским дипломатическим представителям, регулярно являлся в посольство СССР на государственные приемы.

Новые акценты: Индия

С начала 90-х гг. происходит прогрессирующее ослабление позиций России на обширном региональном пространстве от Ближнего, Среднего Востока до Южной и Северо-восточной Азии. Непосредственно на южноазиатском и центральноазиатском участках сказываются следующие факторы:

- 1) Социально-экономическая и политическая нестабильность во вновь созданных государствах Центральной Азии;
- 2) Активизация терроризма и связанного с ним исламского экстремизма;
- 3) незащищенность российской госграницы. Инфильтрация террористов, поставки и транзит наркотиков с территории Афганистана;
- 4) конфликт в Афганистане. Недостаточная эффективность попыток восстановить влияние России в этой стране, даже с учетом условий, сложившихся после 11 сентября 2001 г.
- 5) распространение ядерного оружия в регионе.

Российские связи с Индией в последние полтора десятилетия развивались неровно. В начале 90-х гг. они переживали ярко выраженный спад и взаимное охлаждение, связанные с тем, что после распада Советского Союза, в первые, самые трудные «посттоталитарные» годы, индийцы отнеслись к российскому государству весьма жестко, без всяких скидок. Это проявилось в отсутствии энтузиазма с их стороны в вопросе возвращения России долгов, в уменьшении заинтересованности Нью-Дели к сотрудничеству в целом. Без учета интересов Москвы Индия осуществила меры по либерализации торгово-экономического режима, приступила к переориентации на сотрудничество с Западом².

Россия приложила немало усилий, чтобы поднять двусторонние отношения на более высокий уровень (что, безусловно, явилось и большой заслугой отечественной дипломатии). Свою роль сыграл настрой на прагматичность, обоюдную выгоду, освобождение отношений от пропагандистской мишуры, когда постоянные заверения в любви мешали видеть реальные проблемы.

Сейчас Россия и Индия поддерживают стратегическое партнерство, следуют идентичным или схожим подходам по многим ведущим международным проблемам. Это касается концепции многополярного мира, поддержания международной безопасности, урегулирования региональных конфликтов, решения вопросов социального и экономического развития мира. Россия и Индия активно сотрудничают во многих международных организациях, в первую очередь в ООН³. В регионе оба государства являются участниками Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

Особо нужно отметить совместные усилия по борьбе с терроризмом, противодействию наркопроизводству и наркотрафику. Создана двусторонняя рабочая группа для подготовки и осуществления практических шагов в этой области, оба государства координируют и взаимно поддерживают свои инициативы в ООН. Это относится к индийскому проекту всеобъемлющей конвенции по международному терроризму и к недавно принятому российскому — конвенции по борьбе с актами ядерного терроризма.

В сфере экономики и финансов удается решать серьезные вопросы, включая погашение Индией своей задолженности⁴. Двусторонняя торговля в 2003 г. составила 3,3 млрд. долл., обе стороны намерены выйти к 2005 г. на уровень 5 млрд. Реализуются масштабные проекты долгосрочного характера: индийское участие в нефтедобыче («Сахалин-1», «Сахалин-3»), строительство в Индии АЭС «Куданкулам», разведка и добыча углеводородного сырья на шельфе в Бенгальском заливе. В декабре 2002 г. Россией и Индией была подписана Совмест-

ная Декларация об укреплении и наращивании экономического и научно-технического сотрудничества.

Вместе с тем, несмотря на отмеченные достижения, российско-индийские отношения едва ли можно назвать столь же надежным «якорем» российского влияния в регионе, каким они были в годы существования СССР.

Во-первых, Российской Федерации удалось лишь отчасти восстановить былой уровень сотрудничества (объем двусторонней торговли в 1990 г. составлял 5,5 млрд. долл.). Другие же партнеры Индии не восстанавливали «былую славу», а семимильными шагами продвигались вперед. Ныне Россия занимает только 10 место среди торговых партнеров Индии. Индийско-китайская торговля — для примера — превышает 20 млрд. долл.

Во-вторых, перспективы расширения торгово-экономического взаимодействия между Москвой и Нью-Дели трудно назвать многообещающими, несмотря на все официальные декларации. С обеих сторон в торговле преобладают товары сырьевой группы, и в ближайшее время данный «расклад» едва ли существенно изменится. Характерно, что российский посол в Индии В.Н. Трубников откровенно заявляет, что ключевое внимание в российско-индийских экономических отношениях должно быть сконцентрировано на продаже российских энергоносителей⁵.

Российская машиностроительная продукция все меньше устраивает индийцев, поскольку их собственная уже превосходит ее по качеству и цене. С советских времен в целом ряде отраслей промышленности, в особенности, в сфере высоких технологий Индия далеко обошла Россию. В этой связи наблюдается все больший крен индийских внешнеэкономических связей в сторону Запада, прежде всего — США, которые сегодня являются первым по значимости источником иностранных инвестиций в индийскую экономику.

Индия — огромная страна с населением более 1 млрд. человек, развивается более динамично, быстро (во многом, благодаря структурной перестройке экономики, в которой доминирует не сырьевой, а промышленный сектор, повышается удельный вес наукоемких отраслей) и главное — эффективнее, нежели Россия. По объему ВВП она занимает пятое место в мире после США, КНР, Японии и Германии. В России, между тем, рост экономики осуществляется, в основном, за счет старых отраслей, «без каких либо прогрессивных сдвигов» в ее структуре⁶.

Российские эксперты наряду с признанием очевидного факта, что Индия «была и остается основным стратегическим партнером Росси в макрорегионе», что партнерство двух государств «уверенно набирает

силу и размах»⁷, с сожалением констатируют и обратное: «Векторы движения двух стран по существу направлены в разные стороны. В таких условиях трудно говорить о серьезных перспективах сотрудничества, не считая регулярных политических контактов на высоком политическом уровне»⁸. Вдобавок отмечается «вялость», «недостаточная» активность обеих партнеров (Москвы и Нью-Дели), у которых не получается существенно ускорить двустороннее взаимодействие⁹.

Особого разговора требует российско-индийское военно-техническое сотрудничество (ВТС), наиболее динамичный компонент двусторонних отношений (развивается на основе долгосрочной программы на период до 2010 года). Помимо поставок передовых образцов оружия и военного оборудования, Россия предоставляет Нью-Дели лицензии на производство: например, многоцелевого истребителя СУ-30 МКИ, авиационных двигателей, танка Т-90С и т.д.¹⁰

Расширение ВТС коммерчески выгодно и по-своему логично — Россия реализует свое право на продажу вооружений как любое другое суверенное государство. Это сотрудничество базируется на деловой, прагматичной основе и не нуждается в каких-либо «фиговых листках» — вроде пропагандистских заявлений о том, что, мол, поставки оружия Нью-Дели не несут «в себе угрозу другим государствам», имеют «чётко выраженную позитивную, созидательную направленность» и помогают обеспечивать «мир и безопасности в Азии и на всей планете».¹¹

Развивая ВТС с Индией нельзя не принимать во внимание стремительный рост ее военных расходов (в ближайшее пятилетие — около 50 млрд. долл.), общую модернизацию и укрепление национальных вооруженных сил,¹² постоянную пропаганду образа Индии как великой державы. Важно учитывать и курс Нью-Дели на создание оружия массового уничтожения (ОМУ), включая полноценную ядерную триаду, во многом негативную позицию индийцев в отношении разоруженческих и нераспространенческих режимов, что объективно противоречит российским установкам на нераспространение ОМУ.

Ставка на ВТС может оказаться не вполне оправданной с политической точки зрения. Она способствует увеличению мощи крупного государства, которое на каком-то этапе, не исключено, явится не только региональным и глобальным партнером России, но и ее конкурентом.

Укрепление экономических, финансовых, научно-технических и военных возможностей Индии вносит новые моменты в ее поведение в международных делах. Нью-Дели все меньше удовлетворяют региональные рамки, он настойчиво заявляет о своей роли в глобальном измерении, стремится утвердить себя в качестве одного из ведущих международных игроков. «Усиливающаяся Индия, — пишет один из зарубежных исследователей, — будет стремиться к роли региональ-

ного гегемона, одновременно укрепляя свое влияние вне региона — в Северной, Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке», чтобы, в конце концов, обрести статус «великой державы».¹³

Вышесказанное наталкивает, по крайней мере, на два вывода: 1) российско-индийские отношения нуждаются в более энергичном, полнокровном и «агрессивном» развитии; 2) необходима диверсификация политики России в регионе, особенно с учетом увеличивающегося дисбаланса в уровнях ее экономического и технологического развития и Индии. Иными словами, желательнее не складывать «все яйца в одну корзину», а пойти по пути, которым уже следуют такие государства, расширяющее свое влияние в Южной и Центральной Азии, как США, КНР, Великобритания, Франция, Германия и др.

Главным в этой связи представляется динамичное, более глубокое и объемное сотрудничество с Пакистаном. Для этого требуется преодолеть известную односторонность прежних подходов (мол, добрых отношений с Дели абсолютно достаточно, с их помощью можно вывезти «весь региональный воз»), взаимное недоверие, стереотипы холодной войны и попытаться непредвзято подойти к отношениям со второй по величине, экономическому и политическому весу южноазиатской державой.

Новые акценты: Пакистан

Хотя Пакистан пока не занял своего места в привлекательном ряду «молодых индустриальных тигров», темпы его развития достаточно высоки (в среднем — 5–6%), оно набирает обороты не только в традиционных областях (сельское хозяйство, легкая, горнодобывающая промышленность), но также в строительстве, металлургии, машиностроении, сфере информационных технологий. Значимо и то, что Пакистан — одно из ведущих государств исламского мира (и единственная мусульманская страна, располагающая ракетно-ядерным оружием), играет важную роль в Движении неприсоединения, других международных организациях и форумах. Не следует недооценивать роль Исламабада в решении вопросов обеспечения региональной стабильности и безопасности, в урегулировании афганского конфликта, создании благоприятных условий для региональной экономической интеграции.

С начала 90-х годов не раз предпринимались попытки улучшить российско-пакистанские отношения. В декабре 1991 г. Пакистан посетил вице-президент РФ А.В.Руцкой, который предложил Исламабаду поставить современные системы оружия в обмен на товары народного потребления. В начале апреля 1993 года в Исламабаде побывал министр иностранных дел А. Козырев, также обещавший «про-

двинуть» ВТС. Был согласован и парафирован документ об основах отношений между Российской Федерацией и Пакистаном, подписаны другие документы.

Однако наметившаяся активизация сотрудничества застопорилась. Одной из причиной послужил курс Исламабада на поддержку талибов, открыто враждебно относившихся к России. Сближение с Пакистаном в конце декады (кульминация — визит в Москву премьер-министра Н.Шарифа в апреле 1999 г.) также оказалось недолговечным. После военного переворота (октябрь 1999 г.) с молчаливого одобрения пакистанских властей была организована антироссийская компания в СМИ, осуществлялся сбор средств в пользу «сражающейся Чечни», в Пакистан зачастили чеченские эмиссары. Исламабад отказался осудить «дипломатическую акцию» талибов, признавших «независимую Ичкерия». В торгово-экономической области пакистанцы не стремились к реализации намеченных проектов, в частности, отказались от выполнения соглашения по сборке в Синде¹⁴ российских малолитражных автомобилей.

Позитивные перемены обозначились в 2000–2001 гг., в особенности, после того как оба государства начали активно расширять свое взаимодействие в борьбе с международным терроризмом.¹⁵ Это сыграло роль катализатора в развитии двусторонних отношений в целом. Исламабад отказался от поддержки талибов, объявил о своей готовности уважать территориальную целостность и суверенитет России, рассматривать ситуацию в Чечне как сугубо внутреннее дело РФ, принял меры по недопущению антироссийских публикаций в прессе. Президент П.Мушарраф принялся всячески акцентировать важность России для Пакистана («Россия — великая держава, которая играет значительную роль в международных отношениях», и Исламабад «стремится к установлению с ней тесных и дружеских связей»¹⁶), ему всторили местные аналитики и эксперты¹⁷.

В феврале 2003 г. президент Пакистана П.Мушарраф посетил с визитом Москву, провел переговоры с В.Путиным. Была подчеркнута важность укрепления взаимовыгодного сотрудничества, прежде всего путем углубления тесного экономического взаимодействия и наращивания двусторонней торговли. В качестве ведущих направлений были определены такие области, как энергетика, металлургия, телекоммуникации, использование космических технологий, добыча и транспортировка нефти и газа. П.Мушарраф предложил России «выйти» к Аравийскому морю, используя тогда только строившийся новый пакистанский порт Гвадар.

В ходе саммита обозначилась близость Москвы и Исламабада по некоторым региональным и глобальным проблемам, включая со-

крашение стратегических вооружений (российско-американский договор СНП), недопущение гонки вооружений в космосе, борьбу с терроризмом и религиозным экстремизмом, незаконным оборотом ядерных материалов и наркотиков, транснациональной организованной преступностью. Российский и пакистанский руководители выступили против одностороннего применения силы или угрозы силой в нарушение Устава ООН, вмешательства во внутренние дела других государств, подтвердили необходимость продвижения к справедливому и равноправному глобальному политико-экономическому порядку, основанному на суверенном равенстве всех государств, демократических ценностях, верховенстве Устава ООН и международного права.

Время, прошедшее после саммита 2003 г., было отмечено активизацией политических контактов, сотрудничеством в ООН, в других международных организациях. Вместе с тем реального прорыва в двусторонних отношениях так и не произошло, сотрудничество не удалось поднять на качественно новый уровень. Причины заключались как в сохраняющихся расхождениях по некоторым международным вопросам (в том числе входящим в официально зафиксированные сферы сотрудничества), так и в «экономических нестыковках».

В российском руководстве нет уверенности, что пакистанские власти делают все от них зависящее для противодействия отрядам экстремистов (талибов, бандгрупп «Аль-Каиды» и Г.Хекматиара) в районах, примыкающих к афгано-пакистанской границе.¹⁸ Вызывают раздражение установка Исламабада на использование «умеренных талибов» (в том числе, высокопоставленных чиновников режима муллы Омара, нашедших убежище на пакистанской территории) в государственном управлении Афганистана, попытки убедить в целесообразности этого американцев и правительство Х.Карзая. В Москве также вызывает озабоченность ставка Исламабада на афганское пуштунское большинство в ущерб другим этническим слоям.

Помимо «афганских сюжетов», одним из пунктов расхождения в позициях сторон является проблема «трансграничного терроризма» в штате Джамму и Кашмир. Хотя активность экстремистов снижается по мере углубления разрядки в пакистано-индийских отношениях, акты террора продолжаются, и Москва — к неудовольствию Исламабада — обращает на это внимание.

Следующий камнем преткновения — установка Исламабада на укрепление своего ядерного потенциала. Вопреки стараниям Пакистана Москва не намерена санкционировать его ядерный статус путем ревизии ДНЯО¹⁹ и с недоверием относится к способности военного режима обеспечивать сохранность, безопасность и эффективный контроль над ракетно-ядерными средствами. Любые заявления²⁰ по этому поводу

крайне болезненно и враждебно воспринимаются правящими кругами в Исламабаде.²¹ Вместе с тем российские власти избегают слишком часто наступать пакистанцам на «большую мозоль», поскольку в контексте ядерной тематики неизбежно встает вопрос об индийском ОМУ.

Длительное время одним из яблок раздора в российско-пакистанских отношениях являлся, по сути, негативный подход Исламабада к российскому проекту конвенции ООН о борьбе с актами ядерного терроризма. На каком-то этапе Пакистан остался единственной страной, препятствовавшей принятию проекта: понадобилось вмешательство США, чтобы руководство П.Мушаррафа сняло свои возражения.

Существенно препятствовал улучшению двусторонних отношений и тот факт, что Россия давала традиционно отрицательный ответ на просьбы Пакистана о поставках вооружений²². Российские аргумент — мол, сначала нужно продвинуть сотрудничество в мирных областях, а потом уже переходить к ВТС — по-своему весом, однако для пакистанцев не представляется вполне убедительным. Те склонны искать объяснение, в первую очередь, в позиции Индии, которая «пытается воздействовать на российские подходы».

Политические «раздражители» неизбежно сказываются и на торгово-экономической сфере. Симптоматично, что не был реализован ключевой проект, который обсуждался на саммите 2003 г. В.Путиным и П.Мушаррафом и рассматривался как фактор, который позволит «вытянуть» сотрудничество в целом, придать ему новый импульс. Речь шла о приоритетном участии России в реконструкции Карачинского металлургического завода. Исламабадская бюрократия «скорректировала» обещание П.Мушаррафа, ссылаясь при этом на различные причины (смена директора завода, необходимость тендера «на общих основаниях»). В действительности же главную роль сыграло определенное разочарование пакистанцев общим ходом и перспективами двустороннего взаимодействия. В частности, речь шла о неудачных попытках нащупать новые ниши в освоении космических технологий²³.

Курс на Исламабад?

В результате в отношениях двух государств возникла своего рода пауза, связанная с необходимостью переоценки имеющихся возможностей развития сотрудничества. При этом и в Москве и в Исламабаде все чаще звучат пессимистические высказывания касательно возможностей в области двустороннего сотрудничества. В ходе встреч автора статьи с представителями пакистанского министерства иностранных дел, других ведомств, включая оборонные и разведывательные структуры, экспертами и политологами его собеседники выражали недовольство

«отсутствием подлинной заинтересованности» со стороны Москвы, которая-де не торопится подкреплять слова делами (в подтверждение делались ссылки на упоминавшуюся позицию по ВТС, на конкретные случаи затягивания технико-экономической проработки отдельных проектов и т.д.). Российские чиновники, со своей стороны, сетуют на отсутствие у пакистанцев «реального интереса» к сотрудничеству с Россией, воспринимая заверения Исламабада на этот счет как не более чем «политическую игру». В действительности, утверждает, пакистанцам, дескать, хватает США и Китая в качестве политических и экономических опор, и диверсифицировать систему своих основополагающих партнерских связей пакистанцы на деле не собираются.

Оставим за скобками вопрос о том, насколько сложившаяся ситуация отвечает интересам Пакистана, рассмотрим ее прежде всего под углом российских интересов. Подход, который нередко озвучивается российскими чиновниками, укладывается в рамки лаконичной формулы: «Нет и не надо». Подразумевается, что России Пакистан не так уж нужен, и если «там не желают», то здесь мы тоже преспокойно «проживем сами». К сожалению, с этой по-своему простой и ясной точкой зрения согласиться трудно.

Улучшение и интенсификация отношений с Пакистаном весьма существенны для восстановления и упрочения российского влияния в регионе Центральной и Южной Азии, а также на макрорегиональном пространстве — от Среднего Востока до Восточной Азии. Это — необходимое условие для повышения эффективности усилий России по обеспечению безопасности ее южных рубежей (прекращение состояния нестабильности, характерного для Центральной Азии, Афганистана и Южной Азии, урегулирование конфликтов в Афганистане и в Кашмире), для упрочения ее позиций в исламском мире.²⁴

Пакистанский фактор важен для утверждения торгово-экономических интересов России: имеется в виду как «наращивание оборотов» торговли, так и участие в масштабных региональных проектах. В особенности, это относится к планам перекачки углеводородных ресурсов через пакистанскую территорию (из Туркменистана и Ирана). Подключение к их реализации российских компаний позволит повысить общий уровень вовлечения России в региональные дела, ее авторитет и реальные возможности в регионе.

Сотрудничество с Пакистаном существенно в контексте развития процессов регионализма, экономической интеграции. До сих пор пространство Южной и Центральной Азии остается во многом аморфным, неконсолидированным вследствие имеющихся экономических, политических, этнических, религиозных и других противоречий. Отчасти именно поэтому главную роль в регионе часто играют

внешние державы (США, Китай, ЕС), а не региональные государства. Думается, Россия, как и большинство ее южных соседей, объективно заинтересована в усилении «локального фактора» в развитии региональной политики и экономики.

Таким образом, о целесообразности налаживания взаимопонимания и взаимодействия с Пакистаном говорит целый ряд факторов. На вопрос о том, нужен ли России Пакистан, ответ должен даваться однозначный — да, нужен. Настолько, что отношения с этим государством следует развивать, даже если официальный Исламабад в каких-то ситуациях демонстрирует свое равнодушие или необязательность. Россия не может позволить себе роскоши действовать по принципу «нет и не надо». Предпочтительнее иной принцип: «Надо, несмотря на обстоятельства».

В настоящее время сохраняются шансы «подстегнуть» российско-пакистанские отношения, прибавить заинтересованности обеим сторонам. Представляется оправданным следующее:

- 1 Активнее подключаться к реализации трубопроводных проектов, активизировать деятельность «Газпрома» и «Зарубежнефтегаза» на пакистанском направлении. Создать в этих корпорациях специальные рабочие группы, что перевело бы вопрос сотрудничества (обсуждаемый с Исламабадом уже более 4-х лет) в практическую плоскость.
- 2 Продолжить работу над проектами в аэрокосмической области.
- 3 Внести «практический» компонент в антитеррористическое сотрудничество с Пакистаном (обучение кадров, поставки на льготных условиях спецтехники и военного оборудования, включая наступательные вооружения).
- 4 Продолжить поставки вертолетов МИ-17, продумать возможности более широких поставок товаров двойного назначения.
- 5 Повысить вклад России в урегулировании кашмирского конфликта. Избегая роли посредника²⁵, предпринимать шаги на общественно-политическом уровне.²⁶
- 6 Рассмотреть возможность вступления России в Организацию экономического сотрудничества (ОЭС), в которой доминирует Пакистан. Позитивно отнестись к просьбе Пакистана о его включении в ШОС на правах наблюдателя.²⁷

Речь не идет о том, чтобы Россия на региональном направлении бросала все силы только «на Пакистан». С учетом реального соотношения сил и традиционных связей России, Индия неизбежно останется ее главным региональным партнером. Однако это не исключает диверсификации российской внешнеполитической стратегии в Южной и Центральной Азии, придания ей более сбалансированного и адекватного характера.

Примечания

- ¹ На советских и российских политических картах все спорные территории в области Кашмира обозначаются (и обозначались) как индийские.
- ² Об этом подробно написано В.Я.Белокреницким. См.: Китай в мировой политике. М., РОССПЭН, 2001. С. 368-369.
- ³ В рамках планируемой реформы ООН Россия поддерживает стремление Индии стать постоянным членом Совета безопасности этой организации.
- ⁴ Нью-Дели должен выплатить Москве в период до 2037 года около 2 млрд. долл.: в рупиях, через соответствующие поставки товаров, которые далеко не всегда устраивают Россию по ассортименту, качеству и ценам. На повестке дня — вопрос о возможности преобразовании рупийного долга в инвестиции в совместные проекты (НГ дипкурьер. 23 мая 2005).
- ⁵ Вячеслав Трубников: С Индией и Китаем у нас одинаковое восприятие мира // НГ Дипкурьер. 23 мая 2005.
- ⁶ См.: Россия и Индия: состояние и перспективы сотрудничества на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 10. С. 56—57.
- ⁷ См.: Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока. История и современность. Сборник памяти Ю.В.Ганковского. М., Научная книга. 2004. С. 74. Международная жизнь. 2004. №4-5. С. 144.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Верлинов Е. Улыбка южноазиатского тигра // Независимая газета. 3 февраля 2004. с. 11.
- ¹⁰ Со временем это может сделать индийцев самостоятельными производителями российских вооружений, ослабляя зависимость от Москвы, как от поставщика.
- ¹¹ К визиту Министра обороны России С.Б.Иванова в Индию. Сообщение пресс-службы министерства обороны России. 19.01.2004 // <http://mid.ru>.
- ¹² Вооруженные силы Индии — одни из самых многочисленных в мире (в Азии вторые после КНР), интенсивно наращивают свой боевой потенциал.
- ¹³ *Pardes M.S. Deducing India's grand strategy of regional hegemony from historical and conceptual perspectives // Institute of Defense and Strategic Studies. Singapore. April 2005. P. 55.*
- ¹⁴ Провинция Пакистана.
- ¹⁵ С декабря 2002 г. функционирует совместная рабочая группа по противодействию «новым угрозам и вызовам».
- ¹⁶ Коммерсант. 3 февраля 2003.
- ¹⁷ *Pitafi F.K. Re-evaluating Foreign Policy Parameters // The Nation Review. December 2, 2001.*
- ¹⁸ Выступая 7 февраля 2004 г. на 40-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности «Вопросы международной безопасности в контексте отношений Россия-НАТО», министр обороны России С.Б.Иванов указал на «частичное восстановление боевого потенциала движения талибов в Афганистане и Пакистане» // <http://mid.ru>.
- ¹⁹ Исламабад предлагает расширить число «официальных ядерных держав» за счет Пакистана, Индии и даже Израиля.
- ²⁰ Характерно высказывание С.Б.Иванова от 7 февраля 2004 г. о том, что ситуация вокруг Пакистана вызывает «определенное беспокойство»: «Мы уже давно и постоянно обращали внимание мирового сообщества на существующую опасность распространения ядерного материалов и отдельных компонентов ядерного оружия из этой страны. И только в по-

следнее время для многих стала очевидной весьма высокая вероятность получения из Пакистана ядерных материалов и компонентов различными странами и режимами, стремящимися стать обладателями ядерного оружия, а также экстремистскими и террористическими группировками, ставящими своей целью создание так называемой «грязной бомбы» // [http:// mid.ru](http://mid.ru).

- ²¹ В 2002 г., после очередного российского заявления по данному вопросу, Министр иностранных дел К.М.Касури указал на «разочарование» Исламабада позицией Москвы, которой, мол, следует уделять больше внимания обеспечению безопасности собственных ядерных объектов, а не «лезть в чужой огород» // Pakistan Foreign Ministry press-release, December 12, 2002; The News, Dectmber 2, 2002.
- ²² Москву не соблазняли обещания Исламабада затратить на их закупку 6-8 млрд. долл. в течение 2-3-х лет.
- ²³ Пакистан проявлял интерес к созданию с российской помощью спутника дистанционного зондирования земли.
- ²⁴ В частности, в рамках Организации «Исламская конференция», в деятельности которой стремится участвовать Россия.
- ²⁵ Россия учитывает позицию Индии, настаивающей на том, чтобы кашмирская тематика обсуждалась в рамках двустороннего диалога между Исламабадом и Нью-Дели.
- ²⁶ Российские эксперты не без оснований подчеркивают, что Россия располагает лучшими возможностями, по сравнению с какой-либо другой страной для содействия разрешению кашмирской проблемы. См. например: Профиль, 10 июня 2002.
- ²⁷ Этот вопрос может быть решен в русле общего расширения ШОС (среди государств, изъявивших желание участвовать в ее деятельности — Индия, Монголия, Иран).

Pakistan – Russia Relations: Economic Dimensions

Настоящая статья, подготовленная научным сотрудником Института региональных исследований (Исламабад, Пакистан), посвящена, как видно из названия, российско-пакистанским экономическим отношениям в начале первой декады нынешнего тысячелетия. Однако в действительности в ней рассматривается намного более широкий круг вопросов — политические и дипломатические отношения наших двух государств, культурные связи, деятельность Пакистана в международных, региональных и субрегиональных объединениях и ассоциациях (ОИК, СААРК, ЭКО, НАФТА и др.) и возможности участия в них России, связи Пакистана с государствами Центральной Азии и т.д. Возможно некоторые положения статьи носят спорный характер, однако они интересны для российского исследователя, поскольку отражают нетрадиционную точку зрения, в данном случае показывают своего рода «взгляд со стороны» на наши двусторонние отношения, которые всегда были объектом пристального внимания советских и российских ученых, политологов, дипломатов. Это тем более интересно, что в настоящем сборнике публикуются еще три статьи на почти аналогичную тему российских и пакистанского экспертов, что позволяет сравнить позиции исследователей двух стран, выявить расхождения и близость точек зрения.

Редакционная коллегия

---

* М. Ramzan Ali — Research Scholar, Institute of Regional Studies, Islamabad, Pakistan.

“We need better weapons than the hydrogen bomb, more perfect weapons than ballistic missiles or nuclear submarines, and this better weapon is peaceful cooperation “.

(Kennedy)¹

New Regional Economic Trends

Economic diplomacy has long been one of the essential constituents of international diplomacy and an effective method to foster bilateral and regional relationships. Trade and economic linkages serve as important foreign policy tools and have become crucial dimensions of world politics. Post cold world has witnessed new trade and economic trends. There is an undeniable international trend towards the formation of bilateral, regional and trans-regional groupings in the interest of faster economic growth and increased productivity through free trade and close economic cooperation among the states. The developed as well as developing countries are gradually realizing the compulsions of closer economic and trade ties as they cannot afford to ignore the trend if they wish to compete effectively at the regional and international levels and reap the benefits of enhanced cooperation. Although there are some prerequisites and conditions for the regional economic cooperation and integration characterized with common interests, trust, cultural affinities, economic complementarities, absence of serious disputes and geographical proximity yet the same are also kept aside in certain cases as the dictates of regional and global economic compulsions require immediate and rapid adjustments².

The regional economic cooperation and integration has not only become a fad and fashion but also a purpose and surviving strategy. The successful economic integration stories of EU and ASEAN and their expansion verifies the affectivity and productivity of the existing trend. The trend has yielded remarkable economic and trade gains despite the differences and disputes between the member states and this indicates that even past differences are not the obstacles or hindrances in the way of future cooperation. Pakistan and India despite their bilateral differences are in favour of strengthening the structures of SAARC and ARF. China and India despite their territorial disputes have made remarkable progress in bilateral trade and economic cooperation³.

Shanghai Cooperation Organization (SCO) that originally comprised five participating states: Russia, China, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan, having resolved border problems has emerged as an effective regional

organization. It so happened that states in the region share many interests and these include joint efforts in fighting terrorism and ensuring multilateral cooperation in political, economic and cultural spheres. The establishment of the SCO was officially announced at the Shanghai summit, in June 2001. Uzbekistan's accession in the SCO meant that the Shanghai process had formally moved outside the scope of matters related to the former Soviet-Chinese border: Uzbekistan does not border on the PRC while it has an entirely different set of common interests with members of the Shanghai Five. In particular its case is like that of Pakistan. Pakistan is also interested in reconstruction and stabilization of the tense situation in Afghanistan and destruction of terrorist bases there. Not surprisingly, a number of countries, in particular India and Mongolia have expressed interest to participate in some of SCO activities while Pakistan even formally applied to join it. Pakistan is an ideal candidate for SCO membership wherein China and Russia are two leading economies. The question of the organization's enlargement to take in states that do not even border on each other is yet to be taken⁴.

Pakistan is very hopeful to be a member of this regional entity. Keeping in view the changed economic and political conditions at regional and international levels both Pakistan and Russia despite their past differences have come closer to each other in recent years. This is particularly reflective in the high level contacts and state visits during the last five years. For the first time in decades, there are clear signs of a marked improvement in Pakistan-Russia relations with the two countries forging a partnership⁵ that was perhaps never expected in eighties and nineties.

While close Russia-India ties are unlikely to be complicated by Pakistan (unlike India's relationships with the U.S. and China) Russia has worked cooperatively with Pakistan too. For example, in January 2000, Russia announced that it would write-off close to \$60 million of Pakistan's debt, or about a third of the total. The total Pakistan owes to Russia is about \$175 million. Russia thus became the 12th member of the Paris Club to restructure or re-negotiate its debts with Pakistan⁶. The manifestation of increased confidence between the two countries was the establishment of a major working group — the Consultative Group on Strategic Stability — formalized in August 2002 and an agreement between the two countries to forge an alliance to tackle an issue considered a threat to the regional stability by both the countries. The first major advance in Pakistan-Russia ties was achieved in 2001 before the Sept 11 attacks on the United States. Islamabad successfully concluded an agreement with Moscow for the sale of 16 Russian Mi-17 military cargo helicopters in July 2001⁷. Since then, Pakistan and Russia have been engaged in pro-active diplomacy to improve bilateral ties.

There has been intense high-level interaction between the two countries with delegations going back and forth. Aziz Ahmed Khan, Pakistan's

Additional Secretary of the Ministry of Foreign Affairs, visited Moscow in January 2002 for consultations on trade, economic and political matters. The Russians conveyed to him their appreciation of the “bold steps” taken by President Gen. Pervez Musharraf on war against terror. A Russian business delegation also visited Pakistan in 2002 as a consequence of which a Pakistan-Russia Business Forum was created.

In August 2002, a Pakistan-Russia Business Council, comprising three richest Russians and three Pakistanis based in Moscow, was set up. The council, based in Moscow, can be a real catalyst for enhanced trade and economic relations between the two countries. Sources privy to the council formation say 30 Russian companies are ready to invest in Pakistan and 300 more have shown keen interest⁸. The joint business council targets a turnover of a billion dollars worth of trade and investment in the coming years. It promises a significant growth in the current low volume of trade between the two countries that stands at below 100 million dollars. The warming of Russia-Pakistan relations has not happened overnight. Two countries appear to have found more reasons to work together in the last five years than in the previous 50 years. This convergence of interest has materialized in a far more frequent exchange of high level official visits.

There is tremendous scope for Russian investment in various sectors in Pakistan. The Russian entrepreneurs and investors can come forward and discuss the possibility of investment and joint ventures in the fields of oil and gas, energy exploration, construction, engineering services, hotel industry and real estate development. Pakistan’s major cities like Lahore and Karachi have great demand for underground metro trains, new hotels, mega malls and shopping malls and housing sector development. Pakistan can not only welcome joint ventures but can also facilitate Russian investors in this regard. The tourism industry in Pakistan also has great potential for foreign investment in collaboration with the local people. The government has taken a number of measures to promote investment and announced various concessions to facilitate foreign investment.

Burying the psychological hangovers

To unfreeze Pakistan-Russian relations Pakistan’s President Musharraf sent his Inter Services Intelligence (ISI) Chief General Mahmood in 2001 to Moscow as his special interlocutor⁹. The discussions he held in Moscow were candid. Mahmood was mandated to hear out the Russian government’s complaints. Discussions revolved around Pakistan’s alleged support for “Islamic terrorism.” In the context where convenient invocation of short memories is the norm, factoring in the long and dark shadows of death, de-

struction and distortion that the 1979 Soviet Union invasion of Afghanistan had brought to Russia, it was a small step in the right direction to win the hearts of the Russians. Pakistan offered diplomatic and intelligence help to Moscow in dealing with the Taliban and the Chechen issue. In 2001 Pakistan also conducted a detailed study on the possible Chechen supporters located in Pakistan. The Russian KGB had sought information on three possible addresses where Chechen "rebels" were suspected of staying in Pakistan. Like his predecessor Nawaz Sharif, Musharraf too was keen to defuse tensions with Russia, to assert Pakistan's progressive and enlightened image of a responsible and law-abiding member of the international community. Most Russian concerns were investigated to the satisfaction of the Russians KGB¹⁰. Without signed memorandums the two intelligence agencies worked together on combating "terrorism." Islamabad nevertheless attempted to initiate direct dialogue between Afghanistan's Taliban government and Moscow. Among senior Russian delegations that visited Pakistan was the Russian Foreign Minister Igor Ivanov, Putin's advisor Yesterensky an expert on Central and South West Asia and a KGB delegation.

The manifestation of goodwill signals was realized from both sides and the indicators after the post Alma-Ata summit in the context of the Islamabad-Moscow growing relations were very positive. In a rare departure from established protocol, the Russian foreign minister Igor Ivanov sent his greetings to Pakistan's ambassador in Moscow Iftikhar Murshid through one of the deputy foreign ministers. The message conveyed was that "the pieces are at last in place to build Pakistan-Russia cooperation." It is now up to Islamabad to competently and energetically build on these 'pieces'¹¹.

As a result of historic February 2003 visit to Moscow by President Pervez Musharraf¹² and his past meetings with President Putin at Alma-Ata and Kuala-Lumpur helped a lot in burying the bitter past and psychological hangovers¹³. While commenting on the President's visit, the then spokesman of Pakistan, Maj. Gen. Rashid Qureshi expressed enthusiastic optimism and hoped the visit would help define new paths. The visit really proved a defining moment for the two sides as the one to one meeting between the two Presidents continued more than the scheduled duration and the two leaders came to know a lot about each other¹⁴. Emphasis remained on the overall changing geo-strategic realities in the region and the issues of common concern to both countries. The broad aspects of Russian and Pakistani relations also came under review¹⁵. Many observers in Pakistan termed the President Musharraf's visit to Russia as very important development. Some remained cautiously optimistic about the outcome of this visit. To some this was the right step in the right direction but it would take more than one presidential visit to improve the bilateral relations, to the level desired by Islamabad. One of the leading analysts of Pakistan, Lt Gen. (retd.) Talat Masood, was of the

opinion: «We need not raise too many expectations. It will definitely be a step forward for both countries to normalise relations and reduce past tensions. Of importance is the fact that these two presidents, both with a military background, give them good equation and this was apparent when they met briefly in the past»¹⁶.

Whereas analysts in Moscow viewed Musharraf's decision to reach out to Russia as a logical move as Islamabad seeks to reduce its strategic reliance on the United States and contest New Delhi's overwhelming sway in Moscow. Pakistan has a clear interest in courting Russia and obtaining some understanding over its conflict with India. It is a very useful visit, said Andrey Piontkovsky, Director of the Centre for Strategic Studies. It is difficult for Russia to shift the balance of its relationship with India and Pakistan when it is so unbalanced. The pro-Indian lobby in Russia is very strong and Russia is India's main arms supplier, Andrey Piontkovsky pointed out¹⁷.

Moscow's main interest lies in reaping commercial rewards from Musharraf's overtures, with bilateral trade turnover standing at only 100 million dollars in 2002. In 2004 the trade volume was 78 million dollars. Russia hopes to cooperate in aerospace, in particular the launch of Pakistan satellites aboard Russian rockets, and its energy giant "Gazprom" wants to participate in two major gas pipeline projects across Pakistan to India. Both Islamabad and Moscow have similar, though not exact, interests in new oil and gas pipelines across Pakistan. Moscow sees these pipelines as a way to preserve and enhance its influence and get involved in any new export routes from Central Asia. It logically prefers the pipeline routes passing from its own territories so as it can get maximum royalties. Islamabad sees Russian involvement as a way of strengthening the chances of project's success, and of reducing Indian resistance to having Pakistan as part of the energy supply corridor from Iran and Central Asia. During President Musharraf's visit Pakistan and Russia signed three agreements to enhance cultural and diplomatic ties and to resolve visa and immigration bottlenecks. A fourth agreement for debt rescheduling could not be finalized because of differing versions about the outstanding amount. During the talks, Pakistan also took up the issue to improve the trade balance between the two countries. In a US \$77 million annual trade volume the balance is in favour of Russia which ships US \$71 million goods to Pakistan. Musharraf said the trade deficit should be improved to make it more balanced for the two countries¹⁸.

The negotiations for the expansion of Pakistan Steel remained unsuccessful and then an agreement was reached between Pakistan and China on that count. Had this project signed between Pakistan and Russia, the bilateral trade volume would have touched a new height. Meanwhile, State-run grains agency Trading Corporation of Pakistan (TCP) planned to import 70,000 tonnes of Russian wheat in October 2004¹⁹. Russian and Ukrai-

nian specific import tenders were issued after Pakistan was satisfied with the quality of Russian wheat already received. The TCP had bought a total of 927,282 tonnes of wheat in two previous tenders, issued in August 2004 in line with a government decision to build strategic reserves. That included 150,000 tonnes of Russian wheat at an average price of \$198.30 per tonne C&F Karachi's port Qasim the lowest offered price when compared with the prices offered from Australia and the United States. Analysts said Pakistan's decision to issue another tender for Russian milling wheat indicates that the country was exploring cheap suppliers for quality wheat a market traditionally dominated by the United States and Australia.

Pakistan was very cautious in buying of Russian wheat in the past because "the grains were never imported previously in Pakistan." "The Switzerland-based Russian wheat firm had offered supplies of 300,000 tonnes of wheat at a price of around \$198 per tonne in the previous tender, but Pakistan only bought 150,000 tonne to check acceptability of the grains in its market. Pakistan expects attractive supply offers from the Russian exporters²⁰.

The two sides at the highest levels realized that past was past. Let bygone be bygone for the sake of future remarked a senior Russian official at Moscow. Pakistan's foreign secretary Riaz Khokar told in a press conference that Pakistan wants to open a new chapter of relations with Russia. "We would like to forget the past which saw many ups and downs in our relations which at times bordered on extreme animosity between the two and begin a new chapter, indeed, a new book in our relations"²¹. Professor Rybakov, director Institute of Oriental Studies in Moscow who had been to Pakistan in 1960s and enjoyed his days in the countryside appreciated the growing contacts between the two countries. Welcoming a Pakistani delegation in Moscow in August 2004 he remarked that it was a good time in Russia as their country was in its transitional phase. USSR was civilizationally stronger while Russia is like a newly born baby but it has a fantastic future lying ahead. Russia will soon have legs and it will stand honourably in the comity of nations. Both Pakistan and Russia need to have free and open discussions on all issues and explore joint ventures and projects²². Major General Jamshed Ayaz Khan (Retd), President Institute of Regional Studies (IRS) Islamabad, who visited Russia in August 2004, was of the opinion that it was an era of economics and trade and both Pakistan and Russia were required to move ahead and cooperate with each other. Pakistan is increasingly becoming a regional trade hub as it is located at the threshold of China, Central, South and Western Asia.

Professor Belokrenitsky, the head of Middle and Far East Section at Institute of Oriental Studies in Moscow (IOS) is of the view that there is great scope of bilateral trade between Pakistan and Russia. The scholars of the two countries should move ahead and contribute for a new era of friend-

ship between the two countries. The leading think tanks of the two countries should arrange a round table conference and then the proceedings and recommendations of the same should be sent to the two governments. That would reflect how the research community of the two countries thinks about the issues around them²³. Pakistan and Russia are both major players in war against terrorism but at the same time they also share concerns about America's unilateral policies in Middle East and Asia. Another important aspect of the Russian invitation to President Musharraf was to send a message to New Delhi that Moscow was not averse to building ties with its neighbours. The frigidity of Russia-India relations came to fore when President Putin, during his 2004 visit to Delhi, floated the idea of Indian UNSC membership sans veto power. The suggestion greatly annoyed the Indian leadership and led to a sort of Indian annoyance. It was after pressure from the Indian government — which had virtually failed to sell this idea to its people — that Putin had to come up with a revised version of his statement that appeased the Indians.

Mr. Gleb Ivashentsev, Director at the 2nd Department of Asia, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation is of the view that Pakistan is a very important country for Russia. We have seen an improvement of ties. We do not want to be the prisoners of past. In the last two years, both Pakistan and Russia have made significant progress in their bilateral ties. Both Pakistan and Russia despite some of their differences have similar approaches on various regional and international issues i.e. multilateralism, the role of UNO, Afghanistan, Iraq, Middle East and Afghanistan. Both are united for the reconstruction of Afghanistan and have shown demonstrated commitment against terror and terrorists. Mr. Gleb Ivashentsev told that the interaction and frequency of bilateral visits had broadened the outlook. Russia is interested to enhance the present volume of its trade with Pakistan. Russia has \$15 billions, \$3 billions and 1,5 billions trade volumes respectively with China, India and Iran. Russia also wants to sort out some commercial credits with Pakistani companies. Russian firms are also interested in oil and gas sector of Pakistan. The business community of the two countries should take bold initiatives and move ahead for enhanced bilateral trade²⁴.

As the World has seen a major transformation, there are common concerns and consensuses that are gradually evolved and they push the two nations to move ahead in avenues of trade and economic cooperation. In Afghanistan today both Russia and Pakistan are on the same side for a durable peace, stability and reconstruction of Afghanistan²⁵. Both are against all forms of extremism and terrorism and realize the need to share intelligence on terrorists and extremists and their networks. Pakistan with its clear and determined policy to combat militant activities has demonstrated its untiring endeavor to confront domestic hardliners and groups, aiming to curb their

militant activities in all their forms, despite the challenges associated with such an undertaking. Although extremist groups continue to remain active, Pakistan is seen as a state with no tolerance for terrorist activities. Al-Qaeda today is only a shadow of its past and it is because of Pakistan's commitment with war against terror. Pakistan remains committed to rooting out the evil of terrorism and extremism as it constitutes a lethal poison for its own state and society. It has suffered more than any country else in its commitment to the global war against terrorism²⁶. Pakistan is against the extremists and terrorists in Chechnya. Pakistan considers Chechnya as an integral part of Russia and that it cannot be compared to Kashmir, because the U.N. has recognized Kashmir as legally disputed territory, and this is not the case with Chechnya. Chechnya is also dissimilar because only Kashmir is a cause of dispute between two states²⁷.

Russia has never officially accused Pakistan of supporting the Chechen rebels. Riaz Hussain Khokhar, Pakistan's foreign secretary stressed that not a single citizen of Pakistan has been discovered among the foreign fighters in Chechnya²⁸. President Musharraf condemned the seizure in 2002 of hostages at a theatre in Moscow by a Chechen commando. Pakistan also officially condemned the train blast in August 2004 and school hostages in September 2004 in Beslan. President Pervez Musharraf and Prime Minister Shaukat Aziz condemned the act of terrorism in Russian school and expressed shock over the killing of more than 300 people, including children by hostage takers. "Pakistan strongly condemns the crime committed by terrorists and is confident that those responsible for this despicable act of terrorism will be brought to justice soon," a message from President Musharraf to his Russian counterpart Vladimir Putin quoted him as saying.

President Musharraf said he was shocked on hearing about the killings in North Osetia School. "Let me assure you, once again, that we stand together with you in the global war against international terrorism," he said. In a separate message to his Russian counterpart Mikhail Fradkov, Prime Minister Shaukat Aziz said: "Pakistan strongly condemns the barbaric crime committed by the hostage takers in which innocent children have died and hundreds of others have been injured²⁹."

Several Russian Scholars in Moscow especially at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow University's Institute of Asia and African Studies told the writer that terrorism was a common concern for both Pakistan and Russia and this has hindered economic growth and activities in the region as business community and potential investors need peaceful environment. Peace, security, economy, trade and business activities are interlinked with each other. The peaceful and friendly environment boosts and expedites economic activities. The scholars were of the view that durable peace in South, Central and Western Asia is the prerequisite for

a new economic dawn for the adjacent regions and for this the people must be given their social, political and economic rights to eradicate the roots of terrorism. Developing countries and their people need to be engaged in productive and constructive pursuits for the benefit of all. Otherwise, the goals of the deprived nations will remain divergent thus fuelling terrorist activity that needs to be reined in.

Effective control system does not just call for an elaborate law and order mechanism but for transformational socio-economic policy direction that would arrest the very supply of a human force posing a major security threat due to an absence of alternative avenues that would make life productively interesting on regional home ground. Due to economic and political weakness, the developing countries are unable to see the US in the eye and communicate their grievances to them. The developing world is caught in a dependency relationship with the West. This dependency is economic in nature as they are always dependent on rich nations for some kind of economic assistance or another. The weak regional governments focus on their own economic and political goals in their interactions with the West in general and the US in particular. Unless they build themselves up economically with a view to reducing their dependence on the developed countries in the West, they will not be in a position to build moral pressure on them on any global issue.

The absence of collective response from the regional countries has further complicated and side tracked the issue of terrorism. The terrorist response has displaced the issue from one of a secure Palestinian homeland to one of American homeland security that is now also the cause of all countries dependent on US assistance. The master donor of the world would have its own security concerns addressed first with Palestinian and other global issues pushed further on to the wayside. Economic backwardness and underdevelopment are potent sources of international terror, this is where President Bush traces the roots of terror to the backward socio-economic conditions prevailing in the Middle East and elsewhere. (See President Bush address at the Republican National Convention in September 2004).

There should be peaceful and negotiated settlement of the disputes. The research community appreciated Pakistan champions an enlightened and moderate version of Islam and President Pervez Musharraf's theory of Enlightened Moderation³⁰ has gained currency not only in the West but also in the larger parts of the Muslim world. Pakistan can really contribute in bringing Russia very closer to the heartland of Islamic countries. Pakistani Muslims are liked and appreciated as their larger majority follows a liberal, moderate and mystic tradition of Islam and they are quite different from extremist minority that believes in destruction and chaos³¹.

The change in Russian perceptions and priorities was also reflective in President Vladimir Putin's keynote address at a conference of Russia's am-

bassadors to 130 countries in Moscow in July 2004 when he described Russia's current international relations as heterogeneous and at a complicated phase of formation. It seems to be a lengthy process, which is largely uncertain and unpredictable. We are encountering serious challenges, but the dynamic situation gives us space for maneuver and initiative. We not only can go down stream or catch a departing train but also actively influence the formation of a new democratic world order. We should tie our policy of broadening relations with Asian and Pacific countries to the solution of our domestic problems and the development of the potential of Russia's Siberia and Far Eastern regions. Asia and the Pacific region are evolving into the most dynamic centre of the world economic development. It is important to have foreign political activities promote comprehensive development and modernization³².

Keeping in view the heterogeneous, uncertain and complicated task of foreign policy formation and to broaden its relations with Asian countries, Russian leadership is to embrace an even and all embracing comprehensive relationship not only with East Asia but also with other parts of Asia and catch a departing train for the realization and formation of a new democratic world order. Not only the US policy focus but also that of Russia is shifting from Europe to Asia. Central and Eastern Europe are no longer priorities because the countries there have "demonstrated significant advances in democracy and press freedoms. Money (and channels) (have) been re-directed away from so-called "low priority" audiences in Central and Eastern Europe to those in the Middle East (Western) and South Asia which are now considered "high priority"³³. American and Russian changing economic and strategic partnerships should also be seen in this context. The changed regional and global scenarios necessitate Russia to focus, expand and strengthen its ties with South and Western Asian countries and to cash the great bonanza of these lucrative markets for maximum trade and commercial activities. Russia and Pakistan both are required to nurture special relationship with each other. Pakistan is rapidly becoming regional trade hub between China, South, Central and Western Asia. Pakistan's economic and especially its foreign trade indicators have shown remarkable improvements in the previous four years³⁴.

Pakistan because of its moderate culture, trade potential and robust economy constitutes a stabilizing influence in the region. Pakistan for Russia is a preferred partner because of its more favorable geography and strong cultural, religious and political links with Central and Western Asia. Geographically blessed Pakistan cannot be bypassed or neglected by any major power in any future security, business or strategic calculus in South and Western Asia. Pragmatic and enlightened leaderships in both Pakistan and Russia can act as stabilizing factors for any future world order that is in tran-

sition. Pakistan's gradually growing ties with Moscow reflects the possibility and availability of opening new channels of future cooperation.

Past perceptions and images are changing and new alliances are taking place. Russian President Putin's historic and unique address on the occasion of tenth OIC summit in Malaysia in October 2003 made him very popular leader among the peace loving Muslims stretched over in more than five continents³⁵. In his speech, President Putin maintained that the vast majority of member countries of the OIC supported the initiative to develop relations with Russia and that Russia believed it not to be just a gesture but a farsighted and strategic decision³⁶. Attending his first summit meeting of the world's largest Muslim grouping, Russian President rejected suggestions that Islam was the root cause of international terrorism. "Russia's position is clear terrorism cannot be identified with any religion," Putin told leaders from 57 nations gathered for the summit in Malaysia's new capital, Putrajaya³⁷. Putin said Russia was keen on deepening its ties with the OIC, saying his country's participation would "add to the rich spectrum" of the OIC and introduce the voice of Russia's Muslims to the group. Russia, which has a Muslim population of about 20 million people, was invited to attend the OIC summit as a guest in August 2003. "After many decades when religious education was banned we now have more than 100 madrasahs (religious schools)," he said, adding that the number of mosques has also grown in the past decade from 870 to about 7,000. "Muslim believers form an inseparable part of the Russian nation," he said. "We believe that this religious harmony contributes to Russia's strength, values and prosperity". "The history of Russia refutes the widespread notion of an unavoidable conflict between Christianity and Islam," he said³⁸.

Regional Trade Agreements: New avenues of cooperation

These are times when big and small states are seeking free trade agreements with each other for profitable reasons. This is also a period in which regionalism is making a vigorous headway to combat the adverse impact of the swirling globalization. As the old protectionist barriers come down, both tariff and non-tariff barriers, in a world eager for larger exports, regionalism is being strengthened to make the economies of the countries richer³⁹. It is not only neighbours who are seeking free trade area agreements. Distant countries, too, are doing likewise. While the US seeks free trade agreements with some African countries, Singapore seeks the same with Pakistan and many other countries. India is hoping to achieve that through the South Asia Preferential Trade Area (SAFTA) within SAARC with its faltering steps. Thailand is now seeking a free trade area agreement with distant Mexico, which is a member of the North American Free Trade Area (NAFTA) com-

prising the US and Canada as well. Thailand hopes to send its goods into the US through Mexico. Thailand is now interested in a free trade area agreement with Pakistan as well. The regional economic cooperation and integration has not only become a fad and fashion but also a purpose and surviving strategy. The past few decades have seen a proliferation of what are known as Regional Trade Agreements (RTAs). RTAs are deals struck between groups of trading nations that feel they have common interests or mutual goals⁴⁰.

On the basis of reciprocity and to maximize trade and economic relations, Pakistan can offer Russia to join Economic Cooperation Organization (ECO) first as an observer and then as a permanent member as it was invited and included in the OIC. Russia's new image in Pakistan is positively appreciated. Pakistan's President Pervez Musharraf has developed a good equation, personal chemistry and relationship with President Putin⁴¹ and both the leaders can work together to get Russia inducted in ECO⁴².

Pakistan with the consultation of other members can extend the same opportunity to Russia and in return the latter can support former's induction in SCO. With maximum trade and economic cooperation with Central, Western and South Asian countries, Russia will be making a careful choice of the regional economic cooperation. Russia also fulfils the necessary conditions of cultural affinities, economic complementarities, absence of serious disputes and geographical proximity for the realization of regional economic integration especially with the ECO countries wherein Pakistan because of its geography and unique location is a key country and had developed more concrete contacts with Russia and Central Asian Republics⁴³.

Motivated and inspired by ASEAN model framework, the countries of South, Central and Western Asia are gradually realizing the importance of regional economic cooperation. These countries keeping in view their medium sized economies and immense trade potential are genuinely interested in regional economic cooperation and forums where they can participate and contribute for regional and global peace and prosperity and in this emerging facilitative atmosphere Russia can initiate intensive and extensive constructive engagement with the regional Muslim countries. The joint ECO Russia summit on ministerial level meetings can be scheduled to evolve a larger consensus on the future cooperation and consultation. With proper groundwork, the concerned parties may be able to evolve wider consensus on the transformation and modernization of the regional economies. As an observer in the ECO, the Russian Federation will have a legitimate concern and role and in this way economic, cultural and political cooperation can gain new boost. The regional actors and partners have better to give human consideration to the modernization and regionalization of their economies so as the hungry, deprived and depressed people of this part of the world can share the same values and goals of those living in the relatively advanced world⁴⁴.

Creating jobs and stable environments for people is more important. The primary focus of the regional partners should be on economic development of the region and for this they should generously invest in peoples, innovations, communications and institutions for the dream of a sustainable development. Russia because of its historical and favourable trade and business ties with the regional countries can gain a lot in return of its membership in the ECO fold.

Expanding Existing Economic Bridges: Divergences and Convergences

Together with Iran and Turkey, Pakistan has been a founder member of the Economic Cooperation Organization (ECO) since 1985 when it was established as a successor organization of the Regional Cooperation for Development. In 1992, the membership of the organization increased to ten when Afghanistan, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan joined it. Thus, currently the ECO encompasses a total population of over 350 million and an area of about seven million square kilometers⁴⁵. The ten-member ECO is as inactive today as the RCD was three decades ago. The total trade between ECO countries is only 1.3 percent of the world trade, which shows how small it is. Out of this measly total, Iran's share is \$113 million. Uzbekistan emerges as the best performer with \$166 million⁴⁶.

This abysmal performance is due to all sorts of non-cooperative barriers among the ten members, the biggest being the high tariffs levied by them against each other. Last year the ECO trade ministers vowed to lower their import duties to 15 percent in 8 years! This will be done at the rate of 10 percent every year⁴⁷. With Russia if included as its 11th member, ECO will be an organization to be reckoned with. The Russian Federation is the largest republic of the Commonwealth of Independent States. It occupies an area about one and four-fifths of the size of the United States and occupies most of Eastern Europe and North Asia. Russia stretches from the Baltic Sea in the west to the Pacific Ocean in the east and from the Arctic Ocean in the north to the Black Sea and the Caucasus, the Altai, and Sayan Mountains, and the Amur and Ussuri Rivers in the south. It is bordered by Norway and Finland in the northwest, Estonia, Latvia, Belarus, Ukraine, Poland, and Lithuania in the west, Georgia and Azerbaijan in the southwest, and Kazakhstan, Mongolia, China, and North Korea along the southern border⁴⁸.

Russia's inclusion in the ECO fold can bring immense trade and economic opportunities for the entire belt stretched from Europe to Asia. Recently Pakistan's exports witnessed sharp increase especially in Eastern Eu-

rope where Russian still has strong economic and political influence⁴⁹. With improved Pakistan- Russia and then ECO- Russia partnership, Moscow and Islamabad can act as two bridges between Asia and Europe for more trade and business activities. Afghanistan remained a main hurdle and a bone of contention between Pakistan and Russia in the past. But with the collapse of Taliban regime, the situation in Afghanistan is changed. There are new convergences that are taking place in the region. The evolving trade and economic linkages are positive in this regard. Pakistan can say it is making progress in ECO by citing its planned expansion of trade with Afghanistan and Iran. Here too big ifs dogged Pakistan's alternative vision, the real vision until recently being pro Taliban policies. When the 1990s dawned, Pakistan thought it would get Turkmenistan's gas to come through Afghanistan if the Taliban could only get all of Afghanistan under control. The Americans fell for it as it also fell for the great Caspian bonanza of cheap oil and gas. But the gas quickly turned into a mirage as the Taliban went to war with Central Asia as a whole and sent out their jihads to topple the secular rulers of Uzbekistan and Tajikistan⁵⁰.

This time, however, Pakistan has invested significantly in its post-2001 alternative vision. It is building the Gwadar deep-sea port to pick up the transit trade of Central Asia in competition with Iran. At the same time it has agreed to accept the Iranian and Turkmenistan's gas pipelines. There is visible thaw in Pakistan-Russia bilateral relationship and once Afghanistan becomes pacified enough for various trade routes to run through its territories and Pakistan and India succeed to the extent of allowing the Iranian gas pipeline to India as was reflected in Musharraf- Manmohan meeting in New-York in September, 2004, the regional trade and economic linkages will gain new boost⁵¹. Central, South and Western Asia together have immense geo-economic and geo-strategic significance for all the major powers including the United States, European Union, China and Russia and with the post 9/11 developments leading to national and regional transformations and orientations, it becomes imperative not only for Pakistan but also for Russia to revisit and reorient their policies to improve the regional and international atmospherics. The ECO countries and particularly Pakistan, Afghanistan and Iran along with Central Asia realize the significance of making concrete efforts to positively engage with the major powers like China and Russia as guarantors of peace, security and partners in development. This is the new perception and strategy in Islamabad, Tehran and Central Asian capitals. Turkey and Afghanistan at this stage will be less enthusiastic on the proposal but they can finally be willing at the later stage. (The former is NATO ally of the U.S.).

The region from Pakistan to Central Asia also falls in the Greater Middle East Initiative undertaken by the present Bush administration. There is con-

tinued and visible interest and concern from the U.S., China, Russia and the European Union for the adjoining regions especially after the events of September 2001. South and Central Asia cannot afford to become part of a 'benign neglect' syndrome, with attention being focused mainly on security and drug issues. Through early 2001, the regional organizations and governments including Russia had spoken of a new focus and their engagement in the region, but the larger focus was concentrated on 'war on terror'. The economic front was largely ignored. The new situation and developments in the region require assertive regional engagement in regional framework and that be based on trade and economic linkages. The new regional policy should be based on the idea of use of soft power and influence. The doctrines of pre-emptive strikes⁵² (announced by the United States and later Russia) and unilateral war against terrorism will be unsuccessful without addressing the root causes of terrorism.

Combating terrorism requires a comprehensive strategy that focuses on its root causes. Political and economic deprivation usually leads to bloody violence. It is also important to guard against the abuse of the label of terrorism. It should not be allowed to justify state oppression of people demanding their fundamental and inalienable rights, including the right to self-determination. There is a need for differentiating between terrorism and legitimate freedom movements and there is a need to evolve a clear legal definition of terrorism. No religion and neither Islam nor Christianity sanctions violence against innocent people and it will be a grave mistake to ascribe terrorism to any religion. Intolerance and extremism have no place in any religion. The West especially the United States, EU and Russia must play their legitimate role and address the causes of Muslim frustration and deprivation. The collective regional spirit and mechanism is required to wipe out the problem. Only military means and 'hard power' and mere interventions are not the solution. In the worst case scenario, only the collective regional response and consensus should lead to 'pre-emption' and intervention to stifle regional problems as they occur.

For Pakistan, the ECO with Russia in its fold should be the obvious choice for regional economic integration. Indeed, Pakistan must pay equal attention to the ECO as it has done over the past few years in case of SAA-RC. To start with, Pakistan's Foreign Office must strengthen the wing which deals with the ECO. So must also other ministries dealing with the ECO, particularly the Planning Division which services the Regional Planning Council, the highest planning organ of the ECO. This is necessary to redesign and evaluate the ECO affairs and to develop a long-term vision of the organization keeping in view the regional trade and commercial activities⁵³.

The concerned ministries and departments can be activated and must take immediate steps for the solid and scientific institutional growth of the

ECO. Pakistan can also offer to hold the next ECO summit in Pakistan after the Dushanbe summit in September 2004. The last summit hosted by Pakistan was in 1995⁵⁴. The Treaty of Izmir, the basic charter of the ECO stresses for sustainable economic development of the member states and raising the standard of living and the quality of life of its peoples. It also lays for promotion of regional cooperation in economic, social, cultural, technical and scientific fields and then the progressive removal of trade barriers and expansion of intra-regional trade. The Charter also calls for the development of transport and communications infrastructure and the development of the agricultural and industrial potentials as well as the human and natural resources, particularly the energy resources of the region. The charter objectives reflect the current domestic and regional development priorities of the member countries and communicate their desire to maximize regional cooperation and reap the benefits of trade and economic activities. And if the Russian Federation is also included the trade and business prospects of the adjoining regions would be doubly multiplied. The ECO has a vast potential for the expansion of regional economic cooperation as it is based on the solid foundation of cultural affinities, economic complementarities, geographical proximity and absence of serious disputes among its members. The ECO region is also endowed with enormous human and natural resources awaiting development. Regional economic cooperation can supplement the efforts at national levels for rapid economic growth. The route to faster economic growth and increased productivity, however, lies through free trade among its member states leading to better allocation of resources according to the principle of comparative advantage and to economies of large-scale production and maximum cooperation on humanitarian grounds. A recent study undertaken by the ECO secretariat suggests that all the member states, including Pakistan, would gain substantially in the form of increased intra-regional trade and higher productivity through free trade among themselves⁵⁵.

Cultural and Trade Linkages

If one looks at the past history of the expanded ECO region one is struck by the historical and cultural bonds which link its constituent states and peoples with Russia. The peoples of the region derive inspiration from the rich cultural heritage. The names of Saadi, Haafiz, Rumi, Attar, Omar Khayam, Bu Ali Sina, Razi, Ghazali, Al-Farabi, Al-Bayruni, Al-Khwarazmi, Nasir ai-Din Tusi, (Leo) Tolstoi and Iqbal just to quote a few, should be familiar to anybody in the region having a passing knowledge of the region's history⁵⁶. Russia being the immediate neighbour had historical and intellectual links with the ECO countries. In his recent visit to Russia, the writer was amazed

to see celebrated Russian scholars and intellectuals speaking Urdu, Persian and Arabic so eloquently⁵⁷. All the ECO countries have common familiarity with Russian writers and philosophers. From its earliest history Russia possessed a literature that was handed down by tradition from generation to generation.

It was not before the seventeenth century that this literature took a written form. The collection and retranslation of Russian works were made in the ECO countries with great love and care. In the nineteenth century, Russian literature freed itself from the yoke of foreign imitation, perfected the language, making it a most adequate means for the expression of the highest conceptions of the mind and the most delicate affections of the heart, and through a number of men of genius, won a place of honour in the history of universal literature. The Russian literature from the death of Alexander II to the present day is essentially one of novels. The novel, in view of the severity of Russian censorship, seems to be the most adequate literary channel for the diffusion of political, social, and moral theories⁵⁸.

The most salient character of all the writers of the reign of Alexander II, and of more recent times by the force of his genius and the sharpness of his psychological analysis, was Count Lyeff (Leo) Tolstoi, born at Iasnaia Poliana, 28 Aug., 1828; died in Astapovo, 20 Nov., 1910. He inaugurated his literary career by the publication of his autobiographical memoirs, which appeared in the "Sovremennik" of St. Petersburg in 1852; they are a masterpiece of psychological analysis of the mind of a child. This work was followed by "Adolescence", "Youth", "The Cossacks", and "Recollections of Sevastopol", all of which are filled with horror of the sights he beheld at Sevastopol. But the masterpieces among his novels are "War and Peace" and "Resurrection". Tolstoi was the genius, whose works became very popular all over the world⁵⁹. Russian novels gained immense popularity in progressive literary and intellectual circles of the countries like Pakistan, Iran and Afghanistan along with Central Asian Republics where translations were made in Persian, Turkish and Urdu languages. Renowned Pakistani poet Faiz Ahmad Faiz was given prestigious "Lenin Peace Award" in 1962. This award was considered to be equivalent of the Nobel Prize in Russia. Lenin Peace Award reflected the deep literary and intellectual channels existed between Pakistan and Russia over the years.

Dr. Ludmila A. Vasilieva, a versatile writer and critic translated into Russian language the works of several Pakistani poets. Faiz's melodious diction, his exotic imagery and his ethereal style and his love for masses made him very popular in Russia as a poet of people. He, in his poems, treats a topic like socialist revolution as if he is singing the praises of a charming beloved. In this lies not only the significance but the mystery of his overwhelming popularity as a poet, remarked a Russian literary figure. One finds some

creative and brilliant brains in Russian Institute of Oriental Studies who are exploring and reinterpreting the literary, cultural, historical and commercial links between Russia and its adjacent regions. Faiz's *Naqsh-e-Faryaadi*, *Dast-e-Saba*, *Zindaan Nama*, *Sar-e-Waadi-e-Sina*, *Shaam-e-Shahr-e-Yaaraan* and *Meray Dil Meray Musafir* were shown and discussed in literary circles. The way Russian scholars and intellectuals talked about Faiz and Iqbal reflected their love and inspiration for Pakistani poets of universal repute. Dr. Ludmila Vasilieva and several other Russian scholars stressed the need for converting these historical, literary and intellectual links between the two countries into a durable economic and political partnership. Another scholar pointed out the new perception and trend in Russian foreign policy circles that deters it from having hegemonic or expansionist designs. Modern Russia is different from the former Soviet Union. It believes in equality and sovereignty of the states and stands for a multipolar world. Russia wants to enhance and diversify its trade, commercial and economic links with the regional countries and its current international relations are heterogeneous and at a complicated phase of new formation. There is no major political or economic divergence between Russia and its adjacent neighbouring countries in Central and South Asia, especially on the question of regional trade, economic cooperation and collaboration.

Experience in economic cooperation shows that unlike the Commonwealth of the Independent States CIS where global political ideas often ran far ahead of cooperation on the practical levels, the SCO or to that matter ECO are moving in opposite direction: from bottom to top, from specific bilateral practice to broader and multilateral forums. Equality and mutual benefit; conformity to the rules of market economics and international practice; stage by stage movement, the setting of realistic tasks combined with elaboration of effective mechanisms and combination of multilateral and bilateral cooperation are some fundamental principles that are being followed in the regional context of ECO and SCO. All ECO countries particularly Afghanistan, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan and Iran have favorable trade and economic relationship with Russia. Pakistan — Russia trade volume is also expected to increase after the recent high level contacts and exchange of delegations between the two countries. Russia's trade volume with Iran is \$1.5 billion, with Pakistan \$100 million. Turkey is another important country with whom Russia has friendly and favourable trade relations. Russia was the fourth largest market for Turkish exports in 2001. Imports into Turkey came from the following key markets: the EU (44.8%), USA (7.4%), Russia (7.1%), Algeria (2.8%), China (2.5%), Ukraine (2.3%). Turkey with \$204.7 billion GDP, Iran with \$110.4 billion, Pakistan with \$73.2 billion GDP, Uzbekistan with \$12.8 billion and Azerbaijan with \$3.7 billion are some emerging and rising regional

economies⁶⁰. The existing trade ties can be expedited by respective chambers of commerce and industries and on this front Afghanistan, Azerbaijan, Iran, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Pakistan, Tajikistan and Turkey are already making substantial progress. Russia, already, having favourable trade links with these countries can take fresh initiatives on this count. The respective chambers can consider various some proposals for developing new mechanism and modalities for better trade interaction.

Setting the Dynamics of Regional Economic Dialogue “Aside from the economic benefits of regional cooperation, dialogue and sustained cooperation among neighboring countries builds interdependence and mutual trust,” says Richard Vokes, Director of the South Asia Regional Department’s Operations Coordination Division at Asian Development Bank. “Regional cooperation is vital in maintaining peace and security, which are necessary for sustained economic growth and development”⁶¹. The opportunity for economic cooperation among South and Central Asian countries was opened up by recent progress towards peace in Afghanistan. A peaceful and stable Afghanistan offers the possibility of a southern route from these countries to the Arabian Sea. ADB will also help facilitate subregional cooperation between Afghanistan, Pakistan, and Central Asian and other countries through a technical assistance (TA) grant of US\$600,000⁶². The TA will provide opportunities for cooperative dialogue between Afghanistan, Pakistan, and their neighbors in Central Asia, and help them identify and prioritize projects or programs for subregional cooperation, focusing on the transport and trade sectors. The TA builds on the findings of two small-scale TA grants that assessed Afghanistan’s and Pakistan’s potential for regional economic cooperation, and on the results of the ADB-hosted first Central and South Asia Transport and Trade Forum (CSATTF) Ministerial Conference, held in Manila in August 2003 and attended by Afghanistan, Pakistan, Tajikistan, Uzbekistan, and Iran as an observer. Being a landlocked country, Afghanistan needs regional economic ties with neighbors for its economic and social development. In addition, Pakistan, Afghanistan’s main trading partner, provides a shorter route to the Karachi port and the newly developing port in Gwadar for Central Asian countries. Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan, which all share borders with Afghanistan, are also interested in cooperation with their southern neighbors — Afghanistan, Pakistan, and Iran — to gain access to seaports for their produce. Tajikistan and Uzbekistan are also active participants in ADB’s Central Asian Regional Economic Cooperation (CAREC) program. While Turkmenistan did not attend the first Ministerial Conference, it expressed its intention to attend the second Ministerial Conference scheduled in May 2004. Iran, while not a member of ADB, showed a keen interest in subregional economic cooperation during the CSATTF Ministerial Conference. Iran is one of Afghanistan’s major

trading partners and investors, and can provide access to deep-sea ports⁶³. ADB is also actively supporting the Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan Gas Pipeline project. This pattern of regional and sub-regional cooperation can gain phenomenal successes if Russia also becomes an active trade and economic partner in the regional framework of ECO and agrees to the new economic and strategic dynamics. The recent EU enlargement can also open new opportunities for Russia and the adjacent regions. Russia is well positioned to take advantage of the EU enlargement, given its geographical proximity to the expanding markets and traditional market links. EU enlargement gives Russia direct access to a more open, larger, harmonized EU market of some 450 million people. To cash this great market Russia needs sustainable partnerships with regional entities and blocks.

Permanent and enhanced trade and cultural relations between Russia, South, Central and Western Asia and the Caucasus are of great significance. Enhanced trade can be an effective catalyst for the long term viability of the institutions of democracy and the economic strength that will bolster these countries. Economic prosperity, civil rights and liberties are an extension of a democratic society, and in turn ameliorate internal strife and dissatisfaction that can lead to extremism, evil and terror. By reaching out to regional nations and opening their markets, the countries will collectively deploy their entrepreneurship as a weapon to help solidify the foundations of democracy, civil liberty, human rights, and economic prosperity. Increased and improved economic relations with the ECO countries will also strengthen Russia's relationship with regional countries.

A long term institutionalized partnership with ECO countries and especially with Pakistan would cost Russia nothing. It would have much to gain from the certainty created in its trade and economic relationship with these countries. Russia owns immense fossil fuel reserves which could flow towards East and West. Kazakhstan, Turkmenistan, Uzbekistan and Azerbaijan are also valuable sources of oil. Kyrgyzstan has made impressive progress in making market reforms since its days as a Soviet Republic, which can provide fertile ground for regional and international investment. Turkey and Iran are also making significant progress towards market reforms. Regional peace, stability and security are also in the best interest of Russia too. If Afghanistan and Central Asian Republics continue suffering from internal strife caused by corruption, narcotics and extremist fundamentalism, the entire region will have to face the consequences. Kyrgyzstan, Afghanistan, Pakistan, Turkey and Uzbekistan's governments are currently targets of the terrorist organizations. Tajikistan is especially vulnerable in this regard, as the flow of narcotics and refugees from Afghanistan, its neighbor to the South, have weakened that nation and if this mixed syndrome of narcotics and terrorism sustains, not only Russia but also the entire region will be at

a lethal flash point. ECO nations are in dire need of Russian assistance and cooperation. Russia has deep historical and political links with these nations and it is time to engage this region through trade and economic linkages and help bolster the democratic architecture gradually taking roots in this part. Reciprocal access to markets, elimination of trade barriers and technological and investment flows will send the clear signal that the region stretched from South, West and Central Asia encompassing Russia is the new economic zone of prosperity.

Fortunately, the ECO member states also have the advantage of economic complementarities to initiate and expand regional economic cooperation. Just to give a few examples, while some of them like Azerbaijan, Iran, Kazakhstan and Turkmenistan are oil/gas-producing and exporting countries, others like Pakistan and Turkey are oil/gas importers. Similarly, while Kazakhstan and Pakistan are exporters of agricultural products like wheat or rice, others like Iran are importers of these commodities. Some of the ECO members are rich in mineral deposits of different types while others are regular importers of those minerals⁶⁴. The geographical proximity and the absence of serious disputes like the Kashmir dispute between Pakistan and India should act as catalytic factors in facilitating regional cooperation among the ECO members. The successful experience of the European Union clearly shows the advantage of political will and determination if the objective is to move towards economic integration among the constituent states through the elimination of trade barriers, the expansion of regional cooperation in various economic fields and the harmonization of economic and monetary policies. As the process of regional economic cooperation proceeds apace and sets new trends and records, it increasingly impinges on political, social and cultural fields. Serious political or economic or cultural differences and different world-views among the member states of a regional economic grouping can slow down the process of regional economic cooperation and integration. Fortunately ECO countries have no serious disputes among themselves. The Russian leadership can give a helping and facilitating hand to the ECO countries by providing them easy access to its vast market and in return can cash the lucrative markets of South, Central and Western Asia in the coming years of free trade regimes.

Admittedly, the ECO has so far failed to realize its full potential since its expansion in 1992. The conflict in Afghanistan during most of the intervening period was a major obstacle blocking the progress towards regional economic cooperation. There was also some inevitable delay because of the time needed to lay down the institutional framework required for achieving the objectives of cooperation. The past differences between the centrally planned economies of the Central Asian Republics and those of the founder member states also slowed down the process of regional economic coopera-

tion. The inexperience of the member states and their bureaucracies in undertaking regional economic cooperation and their lack of comprehension of the rationale of the ECO were other factors holding up the progress of the organization⁶⁵. Finally, the member states generally did not give the required attention and political support to the grouping while complaining about its ineffectiveness. More recently things have started moving in the right direction. In July 2003, the ECO trade agreement (ECOTA), which aims at lowering the maximum tariffs within the region to 15 per cent over a period of eight years, was signed by the ECO Trade Ministers in Islamabad.

The transit transport framework agreement which would facilitate transportation in the region is likely to come into operation in the near future⁶⁶. Efforts to harmonize the custom regulations and the economic policies of the member states are in hand. Besides, over the past few years the ECO has started the practice of holding periodically ministerial meetings relating to such sectors as trade, energy, transportation, agriculture, environment, etc. These would provide a fresh impetus and necessary technical input to programmes of regional cooperation in various economic sectors. Finally, the situation in Afghanistan, hopefully, would improve opening up fresh possibilities of regional cooperation. Last year, the ECO council of foreign ministers (COM) established an Eminent Persons Group (EPG) to submit recommendations for improving the efficiency and effectiveness of the organization⁶⁷. The EPG in its report finalized in May, 2004, made a comprehensive set of recommendations for the consideration of the COM at its Dushanbe meeting held in September, 2004. Among other things, it recommended the adoption of an ECO vision statement for 2015, the total dismantling of tariff and non-tariff trade barriers among the ECO member states by 2015 to increase the level of intra-regional trade from six per cent to 20 per cent, increased frequency of the summit and COM meetings, greater attention to the priority sectors of trade, transport and energy, the completion of the missing road and railway links within the ECO region and the reorganization of the ECO secretariat to make it efficient and dynamic. The EPG report received the due consideration from its members⁶⁸. Pakistan's Prime Minister Shaukat Aziz in his address on the occasion of 8th ECO summit in Dushanbe offered an action plan. Terming his action plan a set of coordinated measures, he emphasized first for result-oriented policies in ECO. Delay in implementation should be eliminated and a proper implementation mechanism should be devised by member states; two, the ECO Trade Agreement, Transit Transport Agreement and the ECO Trade and Development Bank must be operationalised at the earliest; three, a coordinated strategy should be evolved to develop cross-border road arteries; fourth, the member countries should fully utilize the dynamism and initiative of the private sector, and fifth, linkages with other regional economic blocs should be developed on priority⁶⁹.

Here lies the place and space for Russia to come forward and avail the immense trade and economic potential lying ahead. Globalization is a process characterized not only by the easy flow of copious amounts of capital and technological know-how across national frontiers and the large increase in international commerce. It is also marked by the rapid exchange of information about world events. The news of what happens in one part of the globe is transmitted instantaneously to all other parts⁷⁰. Globalization has given rise to intense competition. Only the fittest will survive and those who can reap rich rewards. Globalization has resulted in a uni-directional penetration of world markets and in many instances it has meant more for those who already had much and less for those who had little. The ECO states along with Russia can harness their resources, as regional and inter-regional cooperation is the key to unlocking the tremendous potential of regional growth and prosperity.

Pakistan particularly, with its geographic proximity to the Central Asia and Western Asia, is poised to play a role for regional linkages, peace and prosperity. Pakistan's capital is closer to many of central Asian cities than to some of its own. Pakistan has also offered these countries the shortest route to the sea, as it has put in place all relevant services, which range from transport and trade to business and joint ventures, from banking and insurance to technical expertise. It is also developing additional infrastructure facilities, which would serve both bilateral and transit trade with Russia, China and Central Asia with Gwadar port nearing completion⁷¹.

Pakistan is gradually becoming regional trade hub. Located at the confluence of South, West and Central Asia⁷², it provides the safest, shortest and cheapest trade route for Afghanistan, Russia and Central Asian States. Pakistan has also immense trade and commercial opportunities for Gulf, China and India. Gwadar and Karachi ports make Pakistan the lucrative regional trade hub. A free market in South Asia by January 1, 2006 (as agreed by 12th SAARC Conference) will be like a miracle, but if that first miracle happens then it will beget even more miraculous offspring and Central and West Asia will definitely be emulating the model where again Pakistan is to play the role of a creative catalyst for regional trade and prosperity. An economic union will gradually be best guaranteed by a common strategic vision.

Optimism is a much-derided sentiment. Many parts of the developing world now exhibit the characteristics of mature and developed economies. The first transformation occurred as a result of the economic take-off in the small countries of East Asia and now the same can be repeated in South, Central and West Asia with some collective and concrete efforts by the regional actors. Despite a lot of rhetoric about Asian solidarity in the late 1940s and early 1950s, it never materialized, thanks to the impact of Cold War politics. There was little commercial cooperation among the Asian countries

and their trade linkages were oriented outwards. Today that vision of Asian solidarity or in other words maximum trade and business interactions are being realized in an unexpected way through increased economic cooperation.

The dramatic growth of the Asian economies in the last few decades and increasing integration between them has resulted in many new far-reaching ideas being discussed today. These include the creation of an Asian economic community and a common currency for Asia, similar to the Euro. The dream of a single Asian currency still seems to be a distant dream but in the regional context of ECO a blue print for maximum economic and trade interaction can be easily drawn and implemented.

Conclusion: Pakistan, Russia & ECO

Russia can also be a factor of peace in the region by helping to restore traditional and non-traditional military and trade balance in South and Central Asia. As post 9/11 developments demonstrate that security calculus is transformed and now India, a traditional Russian ally has tilted towards The United States. The United States is trying to have even and friendly ties with both Pakistan and India. Both are being cajoled and engaged. This new situation also calls for change in Russian regional priorities and strategies. Pakistan expects that conventional Russian military weapons should also be sold to her along with India. President Musharraf wants to develop far stronger trading relations with Russia. BBC correspondent Paul Anderson says this is partly to reduce Pakistan's dependence on the United States, partly to counterbalance Russia's diplomatic and military relations with India⁷³.

Business and commerce are gradually becoming new weapon and instruments of power. There is a paradigm shift. Competition has moved into the economic area, with concerns about the building of stable national economies which are open to global trade and financial flows, but resilient to regional or global financial shock. Russia enjoys relative and unique degree of independence from U.S. foreign policy, in part through balancing military and non-military options, and in part by a conscious policy of engaging EU and East Asia economically. Today, though the U.S. is the only superpower, it still has to deal with the concerns of several regional and major powers that wish to retain relative independence in the international system.

There may be some divergences and convergences between Pakistan and Russia but the convergences outweigh divergences. Several ECO as well as Central Asian states still suffer from ongoing national and human insecurity. ECO has not been fully utilized. Its efforts are not truly strategic to meet the future needs of the region, but are driven by economic and trade responses to particular problems and interests. The convergences and divergences in

foreign and security policies comprise both a major problem and potential future agenda for reform. In the changed regional context of post 9/11 developments and under the over all influence of enhanced presence in South, Central and Western Asia, the US has emerged as a major extra-regional power. The US has also established bases and access rights in Central, South and Western Asia. Two sets of objectives underline the US counter-terrorism activism in South Asia- one is to hunt down the Al-Qaeda fugitives particularly in the Afghanistan-Pakistan border areas and to eliminate their possible linkages with regional interests⁷⁴. The second objective relates to the overall thrust of US foreign policy in the post 9/11 context.

Therefore the global war against terrorism needs to be looked at, at least in parts, as an instrument of the overall US strategic approach to the world order. In pursuance of this objective, the US has preferred to pick up allies and partners wherever needed. The US activism in South and Central Asia, in this respect, reflects both the dimensions of the overall US strategy. Russia along with Pakistan and other ECO countries can harness the potential of the regional political economy in its urge to restructure the world order, particularly the Asian order so as to ensure and reinforce a multipolar world⁷⁵.

Pakistan's unique strategic location and being situated at the threshold of Central, Western and South Asia and then its close geographical proximity with China makes it an enviable and crucial partner for any future security calculus. In this blessed geographical context Russia needs Pakistan's help and collaboration on several fronts. The nations making up ECO economic zone are blessed with abundant natural resources, advanced technology, capital reserves, and huge labor forces; if these nations supplement each other in a rational manner, this area has the potential to become a major economic zone.

The regionalization itself and regional organizations are recognized trends for maximizing trade and commercial activities. The regional organizations help improve economic development and reduce conflicts. EU, NAFTA and ASEAN are highly successful experiences in this regard. The trend of regionalism is also visible in Iranian foreign policy. Iran attaches great importance to Central Asia on the basis of its history, culture and solidarity. Iranian engagement in multilateral regional cooperation in Central Asia other than ECO is reflective in its attempts to design A Caspian Sea Cooperation Organization. The same desire is visible in Turkish and Pakistani policy circles. Different models of integration verses cooperation, however, will need to be addressed, if a comprehensive regional framework is to be created. Maximization of regional cooperation will be an effective response to the challenges of globalization. In the backdrop of regional and global trade trends, ECO can act as a stabilizing and harmonizing regional catalyst for economic cooperation. Redesigned, enlarged and reformed ECO

should primarily act for trade and economic integration but at the same time it should have a vision to be translated and function as a regional security organization too in the times to come if the participant countries deem it necessary to do. If EU, ASEAN and to some extent SCO can moderate relations between major and small powers through the creation of a multilateral institution, the same can also be done by ECO in its own sphere of influence. The future collaboration can also demonstrate a strong commitment to liberal institutional values. ECO could be dedicated to dialogues and consultations that would anticipate and resolve business, trade and security problems that may have a region-wide impact. The strengthening and expansion of ECO will reflect a wider convergence of views and interests among regional states in Asia and beyond. Russia particularly is required to alleviate regional concerns and take the regional ECO countries into confidence. ECO possesses the capability and credibility to create a genuinely multilateral institution that can attract broad regional participation. The ASEAN states address security issues and disputes through consultation and dialogue rather than through conventional collective security arrangements and formal mechanisms for settling disputes. This approach is pragmatic, gradual and collegial. Cooperation is constructed by consensus and compromise brokered at times through third party mediation.

Emphasis is placed on building comfort levels. Process is personalized. Success is measured in terms of the quality of the atmospherics between the political leadership of states. The better the atmospherics the more the prospects of avoiding conflict. This style had been successful in reducing bilateral tensions within ASEAN and the same approach can be adopted by ECO countries.

On the pattern of ASEAN, ECO can also work to foster economic, political and security cooperation in South, Central and Western Asia. It can also contribute for improving the atmospherics of regional relations. ASEAN did not seek to challenge or supplant existing balance of power structures, or bilateral relationships. Indeed ASEAN sought to promote from the outset. To maintain peace and security ASEAN-ARF type's structures are very useful and creative in South, West and Central Asia too. ECO can function smoothly and actively for equal trade and business opportunities in the region. It can also contribute for defusing tension and friction if any arises. ECO in the evolving atmospherics can also act as a balancing and stabilizing catalyst.

The ECO countries recognize the potential of Russia in an atmosphere of peace and trade. Of the major strategic and economic issues facing the regional countries is to increase the national and regional competitiveness of their economies as the combination of low-cost products and high-volume exports from China and Europe in a whole range of sectors becomes a wor-

risome threat. The major dimensions of the security challenges in the region are socio-economic and to ensure freedom from hunger and the provision of relief to the masses who suffer from sharp income disparities it becomes imperative to work collectively. If Russia decides to cooperate meaningfully with the ECO countries as a partner, the objectives of the organization can easily and speedily be achieved. The relations between states can only be undertaken through bilateral and multilateral relationships. States need mutual trust and understanding.

Indeed ECO states conduct intensive diplomatic discourse with each other and with Russia both bilaterally and multilaterally. Many ECO countries along with Russia are part of many international forums. It is this pragmatic liberal approach to multilateralism that can now work wonders and help in developing new models of cooperation in Central, South and Western Asia. The time has come to initiate a frank, open and fearless exchange of views on prevailing regional security issues. Substantive dialogue and discussions on national and regional perspectives of business, trade and security can be facilitated. In this way the countries will be contributing positively in defusing tensions and improving regional atmospherics. Today a new strategic vision is required by the regional countries in South, Central and Western Asia. This strategic vision for the future can be spelt out in the shape of a Concept Paper. The Concept Paper should set out gradual and evolutionary approaches to preserve and enhance security and prosperity in Asia. The Concept Paper should work from the general assumption that the trade and economic cooperation should proceed from a firm foundation bound by consensus. For the realization of the strategic vision, intensive and extensive efforts are to be undertaken by respective governments and organizations and especially regional think tanks can be tasked to undertake this heavier responsibility. Russia's relative edge in scientific advancement, industrialization and its geographical proximity to the ECO countries can immensely work for the realization of regional prosperity. If Russia joins ECO and offers its expertise in different areas, it will contribute to the development of its immediate neighbouring nations that again are full of resources and potential and will prove its ideal and preferred partners for the realization of a multipolar world that is latter's cherished dream and yet to be realised.

Notes and References

- ¹ Cooperation is the Best weapon, International Affairs, See also quotes by President Kennedy
- ² Javid Husain, Does Pakistan need the ECO? — Dawn, July 8, 2004
- ³ Pakistan and India despite their bilateral differences have signed South Asian Free Trade Area that will be effective from January 2006. Both are serious in strengthening the structure of SAARC. China and India despite their territorial

- disputes have made remarkable progress in bilateral trade and economic cooperation. Their bilateral trade has reached to 8 billion dollars.
- ⁴ The question of the SCO's enlargement is very important but it is yet to be taken. A number of countries have expressed interest to participate in some of SCO activities while Pakistan has applied to join it. Pakistan is an ideal candidate for SCO membership as it has very close ties with all SCO countries.
  - ⁵ Pakistan-Russia ties improve Dawn, September 17, 2002. See also <http://dawn.com/2002/09/17/top7.htm>
  - ⁶ Saty P Limaya, India-East Asia Relations: India's Latest Asian Incarnation See also <http://www.csis.org/pacfor/cc/003Qoa.html>
  - ⁷ Pakistan-Russia ties improve op.cit.
  - ⁸ Ibid
  - ⁹ Nasim Zehra, Pakistan-Russia ties scale new heights — Gulf News, June 16, 2002
  - ¹⁰ Ibid
  - ¹¹ Ibid
  - ¹² President Musharraf visited Russia from February 3- 6 2003
  - ¹³ Some Pakistani academicians like Dr. Ijaz Hussain, former dean, Quaid-e-Azam University Islamabad and Professor Zafar Mehdi of the PAF- KIET Karachi are of the view that there exist psychological hangovers of the past between Pakistan and Russia and the same can be removed with bold political, commercial, trade and economic initiatives.
  - ¹⁴ Brigadier Sohail Tirmizi, Pakistan's defence attache at Moscow termed President Musharraf's visit to Moscow as a mile stone and a right step in the right direction. Dr. Sergey Kamenev and Vladimir Sotnikov of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences told the writer that the visit was highly successful for the beginning of a new era of friendship. The writer visited Moscow and Saint's Petersburg from 8th -15th August.
  - ¹⁵ Mariana Babar, Musharraf's Moscow visit to define new paths. The News, Islamabad, 1 February 2003.
  - ¹⁶ Rizwan Zeb, Russia and South Asia, Regional Studies, Vol. 2, Spring 2004
  - ¹⁷ Ibid
  - ¹⁸ Ibid
  - ¹⁹ Tender for 70,000 tons Russian wheat soon, The News October 5, 2004
  - ²⁰ Ibid
  - ²¹ Pakistan, Russia to sign four accords: Musharraf's visit, Dawn, February 2, 2003
  - ²² See the detailed report of Institute of Regional Studies (IRS) Delegation's visit to Russia from 8th to 15th August 2004.
  - ²³ Ibid
  - ²⁴ Ibid
  - ²⁵ Interview with Brigadier Bashir Ahmad, Senior Fellow at the Institute of Regional Studies Islamabad
  - ²⁶ Based on personal interviews with various sections of society. There was general consensus among the research and security community in Pakistan that the country had suffered more than any country else in its commitment to the global war against terrorism.
  - ²⁷ Aleksander Lomanov, V Pakistani Yadernoe Oruzie v bolshei Bezopasnosti, Chem v Rossii {Nuclear weapons are better protected in Pakistan than in Russia}, Vremia Novostei{ Newstime}(Moscow), January 23, 2003. As quoted by Martin Malek in Asian Survey, Vol. xliv.No.3, May/ June 2004
  - ²⁸ Ibid
  - ²⁹ Dawn, September 5, 2004
  - ³⁰ President Pervez Musharraf's theory of Enlightened Moderation has gained

- greater popularity especially in the larger parts of the Muslim world. Arab and non-Arab Muslim think tanks have appreciated and welcomed the initiative taken by President Musharraf. Some of the think tanks in Jordan, Pakistan, Saudi Arabia and Malaysia arranged special talks on the theory and its doctrinal aspects.
- ³¹ Based on the detailed interviews with Russian scholars at Moscow and Saint Petersburg
- ³² Putin to expand ties with Asian countries — Daily Times, July 14, 2004
- ³³ <http://www.islamonline.net/english/news/2003-02/04/article10.shtml>
- ³⁴ Pakistan has shown remarkable economic growth in the previous four years. Recorded rise in exports, per capita income, foreign exchange reserve and foreign remittances have been appreciated by the local and international financial institutions. See president Musharraf speech in New York on September 21, 2004
- ³⁵ President Putin was invited to the 10th OIC summit in Malaysia in October 2003. In his speech, Putin maintained that the vast majority of member countries of the organization supported the initiative to develop relations with the OIC, and that Russia believed it not to be just a gesture but a farsighted and strategic decision. See Putin's address to the 10th Summit of the OIC, IPRI Fact File (Islamabad)
- ³⁶ Ibid
- ³⁷ Putin rejects Islam, terrorism link — The News, October 17, 2003
- ³⁸ Ibid
- ³⁹ Sultan Ahmed, ECO too slow in pace, Dawn September 23, 2004
- ⁴⁰ Ibid
- ⁴¹ Several Pakistani diplomats and Russian scholars endorse and acknowledge the personal chemistry and element of personal diplomacy in improved Pakistan-Russian relations.
- ⁴² Op.cit. See the detailed report of Institute of Regional Studies (IRS) Delegation's visit to Russia from 8th to 15th August 2004.
- ⁴³ Pakistan has developed bilateral diplomatic, trade and economic ties with CARs and had been successful in maintaining and sustaining them over the years.
- ⁴⁴ The gap between rich and poor has reached unprecedented levels and the same can be bridged by human considerations and maximum cooperation among nations.
- ⁴⁵ Javid Husain opcit
- ⁴⁶ Daily Times, September 16, 2004
- ⁴⁷ Ibid
- ⁴⁸ <http://www.infoplease.com/ipa/A0107909.html>, accessed on September 26, 2004
- ⁴⁹ See Export Promotion Bureau (EPB) website for the details and indicators [http://www.epb.gov.pk/epb/jsp/product_targets\(03-04\).jsp](http://www.epb.gov.pk/epb/jsp/product_targets(03-04).jsp)
- ⁵⁰ Op. cit, Daily Times, September 16, 2004
- ⁵¹ Musharraf and Manmohan Singh agreed to discuss the Iranian gas pipeline project in their first ever meeting. Instead of keeping the confidence-building measures a hostage of one linkage or the other, both have resolved to implement all categories of CBMs on the table, besides agreeing to the gas pipeline in the larger context of economic relations. Could there be a better outcome? See the News, September 27, 2004.
- ⁵² Pre-emptive strikes justified: Russia, Russia's Defence Minister Sergei Ivanov said that Moscow and Washington speak a common language on fighting terror, and defended Russia's right to deal pre-emptive strikes on terrorist bases abroad in the wake of the school hostage seizure. See <http://www.smh.com.au/articles/2004/09/13/1094927465392.html>?accessed on September 28, 2004

⁵³ Javid Husain opcit

⁵⁴ Ibid

⁵⁵ Ibid

⁵⁶ Ibid

⁵⁷ Professor Rostislav B. Rybakov, Rector of the Oriental University and Director of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences was familiar with South Asian culture, languages and literature. His wife was professor of Arabic. Professor Sergey Kamenev and Dr. Vladimir Sotnikov were more familiar with the regional politics and economics despite having working knowledge of regional languages. Dr. Y.N. Haliullin, of the International Eurasia Economic Academy was another scholar who was an expert of the regional languages and politics. Dr. Ludmila A. Vasilieva, Ph.D Urdu Literature who is also a versatile writer, translator and poetess and then Dr. (Ms.) Marina Morozova and several other scholars at Moscow University, Saint-Petersburg University and Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

⁵⁸ <http://www.newadvent.org/cathen/13265a.htm>

⁵⁹ Ibid

⁶⁰ <http://cf.heritage.org/index2004test/country2.cfm?id=Russia>. Accessed on September 28, 2004

⁶¹ <http://www.afgha.com/?af=article&sid=41651>. Accessed on September 28, 2004

⁶² Ibid

⁶³ Ibid

⁶⁴ Javid Husain, Opcit.

⁶⁵ Ibid

⁶⁶ Ibid

⁶⁷ Ibid

⁶⁸ Ibid

⁶⁹ See the speech of Shaukat Aziz delivered at Dushanbe

⁷⁰ Dawn, September 28, 2004

⁷¹ Shaukat Aziz, Opcit

⁷² Yashwant Sinha speech

⁷³ Pakistan woos Russia, http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/2721723.stm accessed on October 6, 2004

⁷⁴ Umma Singh

⁷⁵ Ibid

⁷⁶ http://www.vuw.ac.nz/css/docs/working_papers/WP11.html

M. A. Mateen Khan (Пакусман)*, Afsheen Awan (Пакусман)

Diversity in Action: India Pakistan Conflict Resolution in Post Cold War Period (1990-2002)

Abstract

Nation-states system believes diplomacy as a formal and exclusive activity. It is expressed in the form of official speeches, defense white papers, and highly structured diplomatic etiquette. Government-to-government exchange, however, is not the only method by which the objectives of diplomacy could be achieved. In many case it is not a sufficient vehicle to help nations enhance their multilateral relations. In South Asia, Track Two Diplomacy (T-II) — otherwise known as “private-citizen diplomacy” — emerged in 90’s in a peculiar and distinct form. Paralleling the formal dialogues that are held in the region, T-II was evolved into a plethora of multilateral exchanges designed to help governments deal with issues ranging from economic cooperation to peacekeeping and conflict prevention.

1. Introduction

In post Cold War period, South Asian politics remained captive of suspicion; belligerency and arms build up while international community witnessed a rapid change towards stability, peace, fostering human rights, regional integration and above all human developments. Process of negotiations between states was developed and encouraged in order to resolve outstanding conflicts through peacekeeping, promotion of human rights and globalization. The process was filled with dialogues between nation states and people through, Confidence Building Measures (CBM’s), diplomatic initiatives, Track two diplomacy, etc. But in the context of India-Pakistan relations its utility and outcome remained limited due to various historical animosities and mistrust.

---

* Mohammed Abdul Mateen Khan — Foreign Service of Pakistan and Ph.D. scholar Quid-e-Azam University, Islamabad. Afsheen Awan — M.A (DDS), Fatima Jinnah University, Rawalpindi.

Track II diplomacy is a non-governmental, informal, and unofficial form of conflict resolution by citizen groups and is aimed at de-escalating conflict by reducing anger, fear, and tension and by improving communication and mutual understanding.¹ It is different than traditional diplomacy, which is power-based, formal, and often rigid form of official interaction between instructed representatives of sovereign nations. Track II in today's world may be a "benign cover"² for governments to vet new policies, but has conflict-management utility and not merely a dialogue for dialogue's sake. At the very least, it creates a positive atmosphere that is also conducive to the formation of regional identity. Peacekeeping negotiations in South Africa, Middle East, and Sri-Lanka are cited as some examples to curtail the levels of conflict through such efforts.

Many non-official contacts and forums became prominent in discussions on India-Pakistan relations and Security of South Asia in the decade of 1990's. They either proclaimed to be part of Track II Diplomacy or bracketed as such. Perhaps it was the atmosphere created by non-official contacts in 90's that Thornton considered the conclusion of Lahore declaration as the beginning of a new era in South Asia³. Efforts of such forums came to a stand still in 1999 after the Kargil episode. Period between 2000 and 2001 was of strained relations; build up of armies at the borders, active international involvement to diffuse the tension and the calming down of sentiments after repeated interventions by the world leaders.

This paper attempts to gather data on notable Track-II contacts from 1990 to 2002 in South Asia relate it with theoretical framework, examine its efficacy and relate it with recent developments. After the introduction theoretical views and methodology to deal with the conflict are discussed. Next section provides data on the process of non-official contacts between India and Pakistan. Fourth section is description and the fifth brings in the efficacy of the process with views of keen observers on the Track II Diplomacy between India and Pakistan. Limitations, conclusion and the relevance with the current situation are in the end.

2. Dealing with the conflict

Haas describes the Track II diplomacy as an "epistemic community": "a network of professionals with recognized expertise and competence in a particular domain and an authoritative claim to policy-relevant knowledge within that domain." For Haas, it is the high degree of uncertainty arising from the operating environment of governments that gives rise to the need for an epistemic community such as T-II. It provides invaluable information in an anarchic international system. For Robert O'Neil, T-II is "a network

of officials and non-official experts who can pool information and discuss their apprehensions and estimates of dangers, before beginning to evolve consensus policy recommendations to their governments⁴.

Saunders (1996:421) viewed T-II as a practice conceiving of the process of diplomacy quite broadly and advocating a place for the work within a complex mix of diplomatic efforts. He concedes that there are some things that only government can do, such as negotiations and binding agreements however, there are others that only citizens outside government can do, such as to change the human relationships. He categorizes the diplomatic relations between official and unofficial channels while they are inter-linked and overlapped.

Theory of building human bonds states that relationship changes when groups discover that they need each other. It leads to mutual involvement and responsibility.⁵ Dialogues bring to surface real fears, misperception and interests and can establish ground for mutual respect; it also produces insight into how groups can interact so as to change their relationship. The ultimate purpose of dialogue is finding some common ground not domination of one view over another or even total agreement, it created picture of overall relationship that affect capacities to serve important interest. It is also a finding process, a connection or a bridge across what divides the groups in conflict.⁶ T-II emphasizes that dialogue is vital for building trust between communities in conflict, particularly when it is used at a grass-roots level.

It is a general perception that only governments write treatise, but it is a reality that only human beings or citizens, outside government can transform conflictual relationship between people into peaceful settlements. But only people cannot do this alone, some initiatives by governments facilitate bringing the people together. For peace and building civil society their purposes for coming together may be manifold ranging from recreational to civic improvement, but always they strengthened the habit of talking about common interests and worked together when necessary to achieve common purposes. When people are convinced that they need no war or conflict and think about maintaining peace for that purpose government should be involved.⁷

T-II could not be thought of as a replacement for Track One, but rather as an indispensable preparation for and adjunct to them. Ideally, T-II paves the way for Track One negotiations and agreements by encouraging governments to recognize and utilize crucial information and insights obtained. In the process a mediator or third party also plays an active role. Mediator help people reach agreements, rebuild relationships, and search permanent solutions to the disputes. However, mediation is different ballgame altogether.

Media in Pakistan viewed that protracted negotiation process is required to bring peace and friendship between India and Pakistan.⁸ For Arif (1997) T-II Diplomacy is a way to promote peace and stability globally and regionally. He wrote interlocutors 'help in promoting public understanding on vital

issues concerning peace and security, disarmament and arms control'. In addition, the efforts also help in promoting economic links between states as the international relations are increasingly being affected by trade links. Adding to it Rehman (2001) views that the purpose of T-II Diplomacy is to reduce the wrong perception that may increase the chances of an accidental nuclear war in the South Asian region. He however, concedes that it is hard without official support putting responsibility of the success or failure on the governments.

The importance of involving the NGO lobby in the initiatives is vital, this would go a long way in strengthening the conflict resolution process as new and untried ideas could be tried in an organized forum. Sometimes, when governments found politically costly to engage in dialogues with each other then NGO might be called upon to fill the gap. Actually the failure of well-publicized intergovernmental dialogues could be counterproductive, whereas dialogue undertaken by NGOs could take place without publicity. And NGO often work closely with common people and enjoy credibility, Governments are bound by political expediencies, but NGOs may not be constrained by such limitations. Strong presence of the NGO community also demonstrates the will and willingness of the people in power in their search for lasting peace.⁹

It may be kept in mind that India and Pakistan had a long history of people living together, though states, despite being neighbors, remained the most hostile ones. The relationship emanated from the beginning, the opposition of Indian leadership to the creation of Pakistan, subsequent obstacles in the handling of partition affairs, Kashmir issue, water issues etc. They entangled into a number of wars and conflicts. At the same time they agreed on a reasonable number of CBMs that were successful in reducing tensions. They resolved different conflicts through negotiations. The point to note is that official diplomacy in this case has been working in reducing tension, building trust and enhancing cooperation. And one may not bypass its presence and importance in examining the conflict resolution. A brief discussion on the forums and their activities which were noted as promoting T-II during the period is in the next section.

3. Prominent initiatives in South Asia in the 90's

When one examines the process of T-II in this region, it is noted that there were many forums that were institutionalized and had a tinge of official linkages. Such institutions were:

South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC): South Asian states committed themselves to regional co-operation in 1985 by launching SAARC.¹⁰ Within its framework, the integrated programme of Action served

a key component for regional interaction. Originally it was limited to only five areas; Agriculture, Health and Population, Meteorology, Telecommunications and Rural Development. Subsequently, number of technical committees grew to include postal services, sports and arts, culture, science and technology, transport, women in development, prevention of drug trafficking and drug abuse, education, tourism and environment.

While SAARC summits and meetings of ancillary bodies provided direct contact between leaders and officials, many platforms were made available to promote people to people contacts. Non-governmental bodies and their role in bringing about regional co-operation were recognized by SAARC. There emerged a number of organizations working on specific areas of co-operation in South Asia, under the umbrella of SAARC including:

SAARC Chamber of Commerce and industry: It was established in 1989 by an agreement of SAARC. Member states and their apex businesses, the chambers seek to bring about greater economic cooperation in South Asia. It organizes seminars on areas of preferential trade in South Asia and also provides inputs to South Asian commerce and industries.

SAARC Law: Established in 1991 it comprises a network of more than 1500 reputable lawyers, judges and legal activists from member states. SAARC law has five affiliated country chapters in Bangladesh, India, Nepal, Pakistan and Sri Lanka. It also spread knowledge on regional legal systems among the legal communities and commissioned a number of papers, published in SAARC Law magazine.

SAARC Association of Speakers and Parliamentarians: It holds an annual conference for speakers and elected representatives and provides opportunities for politicians of the region to interact informally while the formal agenda is restricted to legislative procedures and other technical issues.

Brief nature and the activities of other forums that represented a kind of semi official tint or otherwise are as follow:

South Asian Media Association (SAMA): It was formed in December 1991; it consisted of prominent editors, journalists, scholars and filmmakers, media activists and artists of the region. Editors and journalists represent the press from indigenous language journals as well as by the English language media. It aims at addressing ways in which the media can help resolve conflicts within the nation states of South Asia and to suggest how the media can ensure improved implementation of measures and proposals already agreed upon in previous occasions. SAMA projects include seminars; workshops study tours and research activities.

The Regional Center for Strategic Studies (RCSS): RCSS based in Colombo was set up in 1992, as a networking and research institute for strategic and security in South Asia. It aims to build linkages between South Asian and other scholars and institutions working on security issues and to encourage

and sponsor research. Among the specific South Asian issues that RCSS has focused on are conception of national security, weapons proliferation, problems of governance confidence building and conflict resolutions and CBMs. RCSS annually holds a residential Summer Workshop on Security, Technology and Arms Control for youth. It also conducts the Winter Workshop for young South Asian academics and journalists dealing with Security and Conflict issues pertaining to the environment, refugees and ethnicity.

South Asian Human Rights Documentation Center: It was established in 1989 in New Delhi. The center maintains an informal network of partner human rights organizations in other South Asian countries with which it attempts to develop common approaches to human rights issues. Among the problems that the center and its partners address are prisoners' exchanges between South Asian countries, children's rights, communalism, labor rights and women's rights. The centre produces a number of publications. (Ibid)

Bangladesh Institute for International and Strategic Studies (BIISS): BIISS formed in 1978, is a Dhaka based research organization that was active in the field of foreign policy, military strategy and regional security issues. It aims to promote and encourage independent research on international affairs and strategic studies. It has published a series of research papers. It started a Regional Peacekeeping Training Center in February 1998.

Center for Policy Research (CPR): CPR established in 1973 is based in New Delhi. It studied national policy issues to help develop a body of knowledge about policy making in India and to suggest alternative policy options. CPR had a number of retired military and civil servants on its panel who are involved in research activities. It publishes a newsletter and organizes conferences and seminars.

Center for Policy Dialogue (CPD): CPD was established in November 1993 with the objective of making the people of Bangladesh conscious of policy issues affecting their lives and the future of the country. It aims to create a national climate for public discussions on policy issues with a view to building a broad based support for national issues. The CPD has organized national, regional and international dialogues.

Institutes for Peace and Conflict Studies (IPCS): Based in New Delhi, IPCS was established in August 1996. Its objectives included to discern alternate approaches to security that is relevant to India and the world. It published its research finding through participation in policy debates and interaction with the media. It also held seminars and discussions with prominent scholars to exchange views and opinions. Its seminars included the South Asian Futures Conference held in March 1998 in Islamabad and in New Delhi. Other important seminars included the one held on Global Security and Nuclear Disarmament in March 1998 that included participants from UK, USA, Israel, India, Pakistan and Russia.

Institute for Defense Studies and Analysis (IDSA): IDSA was established in 1965 in New Delhi. It specialized in research and analysis dealing with military strategy balance and force structures, as well as the defense industry and industrial base. It aims to initiate discussion and research on problems of national security, methods of warfare and related issues and their impact on Indian society, politics and economics. It also served as an intellectuals meeting ground for retired defense personnel interested in the issues.

Institute for Strategic Studies (ISS): ISS was founded in 1973 in Islamabad. It aims at promoting informed debate on vital strategic and allied issues affecting Pakistan, South Asia and Islamic world. It also deals with issues relating to low-level intensity conflicts, terrorism and role of religion in peace and war. ISS also organized workshops on related subjects.

The T-II initiative that pronounced them as emerging from grass root levels with the support of NGO's and disassociated themselves from official policies, but provided some ideas to the governments for the resolution of disputes are as follows:

The Coalition for Action on South Asian Cooperation (CASAC): CASAC was established in 1994 after a meeting in Khatmandu on regional cooperation. It became a nucleus of journalists, academics, businesspersons, non-profit organizations, politicians. In 1995, in Maldives its agenda was out that included building cooperation in environment, media, economics and human rights. It was termed as an attempt to fortify ongoing dialogues in SAARC, by promoting awareness of that organization.¹¹ Main objectives of it were described as (1) Promote South Asian Economic Community, (2) Improvement of political understanding, (3) Environmentally sustainable development, (4) Cultural cooperation among people, (5) Cooperation in the area of infrastructure, (6) Social cohesion and gender balance, and (7) Media cooperation.

International Center for Ethnic Studies (ICES): ICES, was established in 1992. It focused on research and analysis, especially in the field of ethnic and communal conflicts in South Asia. It also addresses issues of human rights, peace and security. Its projects included mission to South Asian countries for the monitoring of elections, a joint South Asian project on women's participation in governance, and a project on solutions to some of the ethnic and bilateral conflicts. The organization published a journal and occasional papers.

International Center for Peace Initiatives (ICPI): ICPI is engaged in the exploration of peaceful solutions to violent conflicts at global, regional and national levels. It is also involved in research, public discourse and informal consultations with parties to a given conflict that may be addressed by the center.

Political Capacity Building for Peace Making: It was launched by the international Center for Peace Initiatives, along with Parliamentarians for Global

Action, a US based organization. It held its first workshop in Khatmandu in 1994 and the second workshop in the Maldives in May 1995. The third workshop was held in New Delhi in October 1996, under the auspices of the coalition for action on South Asian Co-operation.

Conflict Resolution through Co-operation in Energy and Environment: It held the meeting of Indians, Pakistani, Nepalese teams of two politicians and two experts from each country to develop concrete proposals for co-operation in oil and natural gas, hydro-electricity and renewable energy. A planning workshop was held in Singapore in December 1995, which concluded with the creation of technical teams in the areas of natural gas pipeline, hydro-power, renewable energy and energy efficiency, toxic waste management. Follow up workshops were organized in Stockholm, India and Pakistan.

Neemrana Initiatives: It was initiated by USIS and served as a forum, in which former diplomats, military personnel and academics from India and Pakistan met on regular basis to discuss contentious issues. There were American moderators in the talks that cover wide-ranging issues from trade and commerce, to Kashmir and their possible solutions. Number of rounds of discussion has since been held, with meeting venues alternating between two countries and discussions have covered issues such a trade, media and Kashmir. USIS organized a series of 'traveling Seminars' from 1992 in different cities of India and Pakistan. The seminars focused on the Role of Media in both countries, as well as exchanges of columns and articles between journalist from India and Pakistan.¹²

South Asian Editors Forum: This was initiated at a workshop of indigenous and regional language editors from India, Pakistan and Sri Lanka in June 1999. A small working group from each of three countries was set up to work out the modalities. Its first project was to put together the guideline for promoting a South Asian ethos for the press.

Pakistan-India Peoples Forum for Peace and Democracy: A group of activists, trade unionists and intellectuals seek to use its mass base to pressurize the Indian and Pakistan's government to improve their relations. In India, the forum has regional chapters in Bombay, Patna, Delhi, Varansi, Madras (chennai) and Hyderabad. In Pakistan, it has chapters in Karachi, Lahore, Quetta, Peshawar, Islamabad and Hyderabad. It held conventions in which Kashmir issue was intensively debated. The national chapters in both India and Pakistan have been active in keeping the media informed and held regional meetings.

Pakistan India Business Initiatives: Besides the efforts made by the SAARC chambers, a number of private initiatives had been undertaken to bring together Indian and Pakistani businessmen. Asia Society held another meeting in Dubai in December 1998.

Eastern Himalayan Rivers Study: The Trans-boundary Waters Discussions constituted a forum in India, Nepal and Bangladesh to discuss common ap-

proaches to water resource development and water sharing in the Ganga-Brahmaputra-Barak river system. Several meetings were held between 1990 and 1994 to discuss issues of flood control, renewable energy generation, irrigation, soil erosion and environmental degradation in the riparian area of the eastern Himalayas. Last round of meetings was held in July 1998 in New Delhi.

4. Description of the process

It is believed that the process of T-II in South Asia was first promoted by United States Information Service (USIS) in 1990. It conducted a series of WorldNet dialogs for Indian and Pakistani intellectuals and experts on nuclear nonproliferation, confidence building and regional economic cooperation. Former bureaucrats and generals were chosen since they were thought to have influence with policy makers, as participants.¹³ Parallel to it, a series of 'nonofficial contacts' started between India and Pakistan with official nod in 1991.¹⁴ Summer School was also a prominent effort to engage leaders and opinion makers in the discussions related to security and arms control.

Traveling Seminars were arranged by USIS in different cities in India and Pakistan. It also involved younger academics, businesspersons and journalists. The Seminars were to create a favorable climate to promote bilateral cooperation, increase domestic understandings of the conflict and the will to resolve them. It also discussed trade, education, role of media. The 1998 round of the 'Traveling Seminar' were based on monitoring technologies for air and water pollution.

Shanghai Initiatives was organized by Center for American Studies at Fudan University (China), Centre for Policy Research (India), and Federation of American Scientists (USA). Its meetings were held in Shanghai in 1994, Goa (India) in 1995 and in Islamabad in 1997. Experts from US, China, Pakistan and India were invited. It was a multilateral initiative for regional cooperation; China is said to have pursued the policy of a peaceful settlement of Kashmir issue. Its discussion mainly focused on security issues including nuclear non-proliferation and missile production.¹⁵

Pakistan India Peoples forum for peace and Democracy (PIFPD), held a number of meetings involving hundreds of delegates from each country. The Forum attempted to link up a network of grassroots organizations; women groups, environmentalists, peace groups, trade unions, human right activists, artists, professionals and academics. Its resolutions talked about security concern of two countries including Kashmir.¹⁶ The aims and objectives of this forum were the promotion of peace between India and Pakistan through people to people initiatives and the promotion of democracy.

Atomic explosions in 1998 drastically changed South Asia's security sce-

nario. India and Pakistan recognized the importance of conflict control and agreed on the Lahore declaration after the official recognition on the need for ending the animosity. Consequently the activity of non-government organizations and think tanks stepped up. And it was expressed that the time had come for both India and Pakistan to pour out their old mindsets and to look at creative and pragmatic alternatives to settle their outstanding disputes. However, mid-2000, led both countries to the Kargil episode where hostilities peaked giving a set back to non-official channels as well.

A meeting of "Citizens Commission" was held in December 2000 at Katmandu. It composed of personalities of international status from the seven SAARC countries¹⁷. It stressed the major role and responsibility of civil society in creating a favorable opinion for promotion of regional cooperation and commits itself to acting as an advocacy group for promoting the welfare of the people of the region. Its objectives were: (a) Increase public awareness and importance of South Asian cooperation and intensify cooperation in the next decade and beyond, (b) Harness the resources of civil society and expand its role in promoting cooperation in South Asia, (c) Facilitate the task of the opinion, policy and decision makers on South Asian issue, and (d) Carry out an objective evaluation of progress of regional cooperation.¹⁸

On 14 January 2001, a meeting held between Delhi Policy Group (DPG) and Islamabad Policy Research Institute (IPRI) to discuss Nuclear Risk. The participants concluded that the process of dialogue on Nuclear Restraint and Risk Reduction in South Asia should continue as an ongoing process and there was a need to expand communications at multi-tiered levels to reduce the risk of conflict due misperceptions.

From 8-11 August 2001 the 'People to People Dialogues for Peace and Prosperity' (PPDPP), was held at Panchgani, under the sponsorship of US-based Foundation for Human and Economic Development (FHED) and the Pragati Foundation. Panchgani Declaration identified five areas; options for Kashmir solution, Business promotion, Inner transformation for Peace, Utilizing Peace for Holistic and Sustainable development and the role of democratic institutions in promoting peaceful coexistence.¹⁹ It urged all combatants in the state of Jammu and Kashmir to renounce violence and context called upon the Governments to rein in the guns and provide an atmosphere in Kashmir in which the value of human life and dignity was upheld.

The Kashmir issue has been discussed on many occasions in many different forums but no acceptable solution could emerge.²⁰ In June 2000, a seminar was organized by the 'Jammu and Kashmir Federation of civil Society Organization'. It was an opportunity that people from both sides met and interacted with number of Kashmiri personalities and discussed the situation in Kashmir. Non-official contacts were endeavors to build mutual trust and will for cooperation. Inclusion of Kashmiri participants was an innovation

in the 'Neemrana process', and a welcome gesture from advocates of T-II diplomacy. These initiatives subscribe to the view that besides the governments of India and Pakistan, the people of Kashmir must be a part of final understanding that may be reached with regard to the future of the state.

4. Efficacy of Track II forums

Proclaimed objectives of the initiatives described above were to explore for peace, friendship and cooperativeness in South Asia. There was a general assessment that the T-II processes had made some progress in generating consciousness between India and Pakistan by late 90's. Some argue that when government negotiation had bogged down then Track II created a positive context for new initiatives by multiplying contacts between citizens of the countries.²¹ Others argued that the work of these organizations and institutions is commendable but these interactions were not enough and there was need for more regular and frequent efforts in this regard. So, it is vital that the political leaders of South Asia meet and discuss the future of the region more often.

SAARC generated an awareness of commonality and the process of mutual consultations²² by; (1) Exploring alternatives for conflict management at a non-government level, (2) Acting as informal channels for exploring policy options without committing the governments, (3) Influencing public discussion on regional issues, (4) Prompting government actions by calling public attention to problems, (5) Lowering barriers between officials and citizens, especially on economic issues, (6) Creating new connections among research institutes in the region and (7) Serving as a formative influence ground for those individuals who would later play leading national role.

Neemrana Process" (1991) and "Traveling Seminars" (1992) were described as initiators of the process and played positive role to precede Track Two Diplomacy. In an analysis of the Neemrana dialog, Shah (1997) however, pointed out that it proved difficult for the participants to depart much from the official positions of their countries. Shah also suggested that it was a mistake to keep the content of the discussion secret since one of the functions of Track II diplomacy is to inform and sensitize the public. But, in spite of criticism, it did help start a dialog where there was none before.²³

Askari in his analysis of the process in South Asia noted the biggest hurdle in the way of a tension-free relationship between India and Pakistan is the distorted perception, which has been fostered by vested interests on both sides.²⁴ They are the results mostly of lack of contact and communication at the people-to-people level which would dissipate if formal and informal exchanges of visits by non-officials are allowed to continue. The 'Panchgani

Declaration' has also succeeded to make a relax environment for Kashmiri participants. The overall spirit fostered was one of resolving issues in a manner that would consolidate peace and promote the prosperity, well-being and democratic rights of all the people.²⁵

Discussion of conflict in South Asia is incomplete without mentioning the Kashmir dispute between India and Pakistan. And most energies of the Track II Diplomacy in this region were spent to analyze, understand and resolve the Kashmir issue. Many writers in the subcontinent remained upbeat about the process until the situation in the region took a serious turn with the declaration of being nuclear powers by both countries. After nuclear explosion in 1998, there came a change in the strategic relationship. It made war almost unimaginable as the people and leaders realized the horrors of nuclear war. Does it convince them to solve the problem through negotiations and look for stable peaceful relations?

6. Limitations of T-II

Unlike Europe where NGOs are playing an important role in the society, the situation in South Asia is different. Track II Diplomacy and NGOs are relatively new in this region. Due to limitations it was observed that while continuous pursuit of indirect contacts were the result of the efforts of NGOs in the region they did not expand their scope and cooperation in the society. Consequently for many their efforts were just a time wasting activity. Their activities being given restrictive media coverage to alley the impression that governments were involved in secret talks remained suspicious.

Most of the time leaders of India and Pakistan got involved in public diplomacy for their internal political reasons.²⁶ Media thus could not play a constructive role in this exercise. The media can also be a powerful bridge if it could get away from merely reporting official and political stories. According to Pratap, Track II and CBMs have shown how close and friendly people of India and Pakistan can be; but this is known only to the participants, if the media were to highlight this, then the masses would get to know the real situation. Governments in both countries maintain significant control over media. Bias reporting and coverage of media in all Indo-Pak conflicts is observable.

Kashmir is a central tension issues between India and Pakistan. After nuclear explosion from both sides the Kashmir problem had been receiving far greater international attention, but both countries should realize there is no military solution either and no one expects an easy solution to this highly complex problem. However it needs to be addressed seriously and sincerely, for which lines of communication must be maintained with all parties to the dispute.²⁷

Besides the lack of mass support for T-II forums, it was also common for the governments to snub the research findings culled from the dialogues. There has not been a neat and seamless, working relationship between the public and private sectors on certain key issues. As pointed out by Mazari²⁸ an environment where suspicion and mistrust rule, the transparency of the official diplomacy also brought a new tone into the Pakistan-India relationship. The result had been a divergence of norms and security expectations as a result the acclaimed 'humane approach' of flexible consensus.

Oppositions in both countries generally take the line that various diplomatic terms like confidence-building measures, state and track-two diplomacy are being used to befool the people, and no worthwhile outcome of these talks could be forthcoming. Whenever we have had bilateral talks, we have achieved nothing except exchanges of cultural troupes, little respite for travelers, some visa relaxation or some memorandums of understanding on trade. On the other hand, T-II activists claim that people raise their expectations after every meeting without taking note of the fact that this process to fill the communication gap and explore the common grounds.

7. Conclusion

Track II Diplomacy was conceived to solve dispute through negotiations and people to people contact. Track II Diplomacy has played a significant role from many years during and after the cold war. Dartmouth Conferences, Camp David Accord, Inter Tajiks settlements etc are the successful examples of nonofficial contacts. Perhaps the most essential feature of T-II diplomacy is that it is essentially a joint process of analysis and reflection: participants are free to think aloud, to propose creative solutions, and to anticipate difficulties. It is a parallel to the formal dialogues and a supplement to government efforts to deal with issues ranging from economic cooperation to peacekeeping and conflict prevention.

India and Pakistan have had many bilateral agreements and a record of effective implementation record. There have also been significant efforts to build understandings and confidence with the help of CBMs. They also had a good record of diplomatic relations as neighboring countries. Given the practical nature of T-II, it is not surprising that it has flourished harmoniously alongside T-1. If one wants to understand the entire complexion of South Asia, it would be a mistake to avoid the role of T-II, especially the ideas and suggestions that come from this informal track before they reach the formal one. An immediate outburst of civilian contacts after the official restrictions end has been visible.

It has been observed in South Asia that these dialogues are generally con-

ducted in academically oriented conferences throughout the entire regions and are sustained by scholars and political analysts who work in various semi-governmental think tanks. Historic cultural and ethnic understandings prevailing between the peoples of two countries make it crucial to recognize the conduct of diplomacy would not only limit to official contacts. It had similarities with other conflict prone regions where, T-II or "private-citizen diplomacy" had been a vehicle to help nations enhance their multilateral relations.

The emergence of literature that call for the normalcy in the region asking both states to change the path of conflict offer a hope for the success of non-governmental efforts.²⁹ The writings of former army personnel in Pakistan calling for a rapprochement with India lead the policy makers to review their stances and look for more options. Though there have been views that secret, backdoor diplomacy, including Track-II efforts that have been funded by third parties like the US, and closed-door deals, have caused harm to the country's national interests, as well as increasing suspicions between the government and civil society³⁰.

Most academics circles point out that T-II effort should be directed to issues that have otherwise been pushed out of formal diplomatic circles--either because of governmental uncertainty on how to proceed with sensitive discussions, or because of a lack of professional expertise. Such issues were needed to be discussed and analyzed by private specialists. But in South Asia the case is little different. Most of the efforts were concentrated on the hot conflicts of the region and hence the dialogue could not avoid the images of partisan. Scholars most of the time could not move beyond the official positions and imaginative ideas were not included in the outcome.

It is difficult of make significant conclusion after the collection of above stated data on the process. There remains a need for detailed studies on different aspects of the relationship based on cognitive and empirical parameters. This study is limited to the collection of relevant data and hence results are inconclusive. The number of actors in the process is large and the examination of each and every activity that is needed to test the variables for necessary results is lacking.

8. In retrospect

The notion of improved Indo-Pakistan relations has been proven wrong so often that the premium has been on cynicism and pessimism³¹. Recent thaw in relations between India and Pakistan has once again brought the hope that a progress towards peace would be made and the people of south Asia would be able to concentrate on development and prosperity necessary to re-take their valued position in the world. However, the slow down of the movement

towards peace has again resurfaced the issue if the people themselves were needed to take some extraordinary decisions through direct links to bring back peace in the region. 2004 witnessed a resurgence of such activities. Many delegations who visited India or Pakistan, during and after the visits expressed the hope for a positive change in relations. This optimism remained despite the fact that no serious progress has been achieved on core issues.

After nuclear tests by both countries in 1998, relationship took a new turn needing for military stability to avoid any mishap due to miscalculation by leaders triggering a catastrophe. It may however, be noted that 'military stability will not be achieved without political stability'.³² And political stability needed civilian role and participation that is not a directed one but emanating from the aspirations of the teeming millions of South Asia. These masses have a vision of their own that brought successes to end colonialism and put the region at a high level of competitiveness. They know that to get legitimate political space is to find the strength of mind and courage to stay ahead of state establishments.

Non-governmental contacts express the wishes and desires of people of both sides to establish understanding and participation. Civil dialogues on serious issues are exploratory in nature and provide a set of options for those who make and change policies. The forums established by governments to talk are not part of the Track-II and should not a misleading factor in this exercise. They represent the part of secret negotiations between ruling factions and serve the interests of real politic and not people. However, real politic remain a distinct and paramount character of today's world and the role of T-II remains misty.

Notes

¹ McDonald, 991:202-204.

² Phrase used by Ralph Cossa, a leading US T-II participant, cit. *Asia's Informal Diplomacy, Track Two Discussion and Regionalism*, Kim Beng Phar, <http://hir.harvard.edu/articles/index.html?id=998&page=8>

³ Thornton, in Baxter, Craig and Kennedy, Charles H., *Pakistan 2000*, Oxford University Press, 2001

⁴ Haass as cit. by Kim Beng Phar, *Asia's Informal Diplomacy Track Two Discussion and Regionalism*, The Strait Times, Singapore.

⁵ Saunders, 1999.

⁶ Dawn, 15.4.1997

⁷ While track I is assigned to governments Track II is an unofficial, non-governmental, analytical, policy-oriented, problem-solving effort by skilled, educated, experienced and informed private citizens interacting with private citizens. It has been further subdivided into three tracks called Track Three, Track Four, and Track Five:

- Track Three: Businessman-to-businessman, private sector, free enterprise, multinational corporation interactions.

- Track Four: Citizen-to-citizen exchange programs of all kinds, such as scientific, cultural, academic, educational, student, film, music, and art, sports, and youth exchange.
  - Track Five: Media-to-media based efforts designed to expose and educate large segments of the population in conflict to the philosophy, ideas, culture and needs of the other national, society, or ethnic group with who they are in conflict.
- ⁸ Dawn, 24.3.2001 and Also see media's role in the context of India-Pakistan relations in 'Globalization, Media and the Kashmir Dispute' by Maria Sultan who wrote "Media can repress or liberate, unite or fragment a society, as well as promote or hold back social progress. This makes media an extremely powerful tool, a catalyst of social, structural and cultural changes. Given the power and transformative potential of the mass media, the question of whose reality is presented, who owns it and whose interests it serves, become central to a critical discussion of the impact of the media in conflict dynamics and resolution". www.ISSI\strategic_studies\2000\no_4\article\3a.htm
- ⁹ Futehally, 1996.
- ¹⁰ Pakistan, India, Bangladesh, Nepal, Bhutan, Maldives and Sri Lanka are members.
- ¹¹ Niaz A. Naik, in his interview. He also stated that there have been repeated calls from this forum on the need for CBMs since a conflict free region was essential for economic, political and social development of the region and there was a need for Track II Diplomacy as the first step.
- ¹² Niaz A. Naik, in his interview.
- ¹³ For some it was an effort by the US to expand its influence in the region.
- ¹⁴ Niaz A. Naik, in his interview Stated 'Two members from India and two members from Pakistan met in Washington unofficially. It was broadcast linking and sponsored by USIS. It was named "Neemrana Process"
- ¹⁵ News 23 Feb. 1997
- ¹⁶ Ramdas, 2000, p2
- ¹⁷ Notable participants in this Commission were: from Pakistan Ms Asma Jehangir, Mr. Sarraj Aziz and Niaz A Naik and from India Dr. Manmohan Singh and Prof. Amartya Sen. participated.
- ¹⁸ Citizen Commission Report, 2000.
- ¹⁹ Bhatta, 2000
- ²⁰ This dispute is among the ones listed by Haass as 'conflicts unending' in 'Conflicts Unending', Richard Haass, New Haven: Yale University Press, 1990.
- ²¹ Parvez Iqbal Cheema, President IPRI, in his personal interview on the subject.
- ²² Behera, 1997, pp28-31.
- ²³ As asserted by Niaz A. Naik in his personal interview.
- ²⁴ M.H. Askari, Obstacles to Normalization: The Dawn, 21 1997. Also his views in South Asia as seen by Pakistan make a point, http://www.southasianmedia.net/Magazine/Journal/seenby_pakistan.htm.
- ²⁵ http://www.chowk.com/show_article.cgi?aid=00001327&channel=gulberg
- ²⁶ Khaled Ahmed in his article discusses the negative role of nationalism in South Asia that forces governments to intervene for the 'good' of people. <http://www.southasianmedia.net/Magazine/Journal/hindrances.htm>
- ²⁷ http://www.southasianmedia.net/Magazine/Journal/kashmir_pakindia.htm
- ²⁸ Shireen M. Mazari, Pakistan-India Relations after Agra, Comments, She points out Mr. Naik's assertions in interviews, such as the one to BBC TV, that he had official sanction from the Sharif government, raises the issue of whether his backdoor diplomacy then could actually be termed a "Track-II" effort. www.ISSI\strategic_studies\2001\no_3\comment\1c.htm

- ²⁹ For example, Durrani M. A., (2001), *India and Pakistan, 'Cost of Conflict and the Benefits of Peace'*, New York: Oxford University Press, wrote on "the futility and grave risks of militarization, the heavy cost of the adversarial relationship and the multiple benefits of cooperation", and 'draw attention to the existing bedrock of deep-rooted cultural and racial ties between the two nations, which can facilitate an honest effort to reduce the equally deep-rooted mistrust that has been created by certain historical experiences and misguided propaganda'.
- ³⁰ Shireen M. Mazari, *Pakistan-India Relations After Agra*, Comments, [www:\ISSI\strategic_studies\2001\no_3\comment\1c.htm](http://www.ISSI.org/strategic_studies/2001/no_3/comment/1c.htm)
- ³¹ Huma Fakhra, Jean-Pierre Lehmann, *a Thaw in South Asia? — Part II*, Yale Global, 27 December 2004, <http://yaleglobal.yale.edu/display.article?id=5073> (They argued that a confluence of international and domestic pressures may finally be pushing India and Pakistan towards a compromise)
- ³² Hussain, S. Rifaat, *Missile race in South Asia*, *South Asian Journal*, vol.3 2004. P-72.

References

1. Behera, Navnita Chadha, "*A Report on the State of Non-Official dialogues on Peace, Security and Cooperation in South Asia*", North York, Ontario: University of Toronto-York University, 1997.
2. Bhatti, Dr. Maqbool Ahmed, "The Spirit Of Panchgani", 2001.
3. B.Raman, *South Asia analysis group* 18.03.2003, Track two diplomacy and Pakistan.
4. Coalition for Action on South Asian Cooperation CASAC, *International Conference on South Asia 2010: Challenges and Opportunities*, 1999.
5. Chataway, Cynthia J. (1999), 'The Evolution of Diplomacy: Coordinating Track I and II', Dorn, A. Walter (ed), *World for a New Millennium*, Political, Cultural and spiritual Approaches to Building Peace, London, Macmillan Press.
6. Durrani, Major General @ Mahmud Ali, (2001), *India and Pakistan, the Cost of Conflict and the Benefits of Peace*, New York: Oxford University Press.
7. Futehally, Ilmas, (1996), *Appropriate Mechanism for Confidence Building and Conflict Resolution*. Workshop paper.
8. Khatmandu, Citizens Commission for South Asia, 2000. Report
9. Hagerty, Devin T, *Kashmir and Nuclear Question Revisited*, in Craig, Baxter (ed) *Pakistan 2000*.
10. Lahiry, Sujit: 'CBMs and Regional Cooperation between India and Pakistan', *Peace Studies* 2000, 7(6), p63
11. Manchnada, Rita (1999), 'Role of NGOs in Regional Dialogues', Banerjee, Dipankar (ed) *Confidence Building Measure in South Asia*, Sri Lanka: RCSS.
12. Masood, Talat; 'The Politics of Security-Shaping the Future', *South Asian Survey*, 1999, 6(2) p299.
13. McDonald John W, (1991) 'Further Exploration of Track Two Diplomacy', Louis Kreisberg and Stuart J. Thorson (ed), in *Timing the De-Escalation of International Conflicts*, Syracuse University Press.
14. Makovsky, D. (1996), *Making Peace with the PLO*, Westview Press.
15. McDonald, John W and Notter, James (1995), *The Multi Track Diplomacy*, Washington. Center for the study of foreign affairs. www.usia.gov/topical/pol/mandonald.htm.
16. Maritime Institute of Malaysia (MIMA), *Workshop on Confidence and Co-operation in South Asian Water*, 29-31 January 2001. Press Release.

17. Manchanda, Rita (1999), 'Role of NGOs in Regional Dialogues', Banerjee, Dipankar (ed) Confidence Building Measure in South Asia, Sri Lanka: RCSS.
18. Naik, Niaz A; 'SAARC-From Association to Community: Prospects and problems', South Asian Survey, 1999, 6(2), p340
19. 20. Pratap, Anita (1999) 'Role of Media,' Banerjee, Dipankar (ed) Confidence Building Measures in South Asia, Sri Lanka: RCSS
20. Rafique, Najam: 'SAARC-From Conflicting Culture to Cooperative Community', South Asian Survey, 1999, 6(2), p323.
21. Ramdas, Admiral L, Peace Initiatives In South Asia Mission 2000.
22. Thapa, Surya Bahadur, (1999), 'The Future of South Asian Cooperation: A Partnership for the Twenty-first Century', South Asian Survey-6 (2)
23. SAARC summit: New Delhi and Islamabad "Break the Ice", (12 January 2004).
24. Sarwar, Beena, "One big peace party", www.jang.com.pk
25. Saeed, mohsin, "they are human like us", www.jang.com.pk
26. Saunder, Harold. H, (1999), The Public Peace Process, New York, St. Martin's Press
27. The Dawn, "India and Pakistan should live like good neighbors", (24 March 2001).
28. The Dawn, "Track II is a wise Option", Arif, Khalid Mehmood. (30 March 1997).
29. The Frontier Post, "Track II Dialogues", (26 February 1997).
30. The Frontier Post, "Track II diplomacy gain\s momentum", (28 November 2000).
31. The Frontier Post, "Track II diplomacy", Rehman, Fakhar, (11 January 2001).
32. The Nation, "Track II Diplomacy", (17 July 1997).
33. The Nation, "Dialogue to resolve the core issues", Butt, Khalid, (16 February 1999).
34. The Nation, "Track II diplomacy key to Indo-Pak truce", (5 December 2000).
35. The News, "Track II Talks Resume to Promote Understanding", Shaikh, Shakil. (23 February 1997).
36. The News, "Conflict Resolution and CBMs", Umer, Gen ® Ghulam, (15 July 2001).
37. Track diplomacy vital to dialogue, says Kasuri, www.jang.com.pk (28 august 2003)

Пакистан и Китай: курс на добрососедство и сотрудничество (90-е — начало 2000-х годов)

Отношения Пакистана с Китаем на протяжении четырех десятилетий являются стабильными, дружественными, охватывают политическую, военную, торгово-экономическую, культурную и другие сферы.

Традиционно дружественный характер пакистано-китайских отношений определяется широкой взаимной заинтересованностью в этом двух государств. Многоплановое сотрудничество с Китаем укрепляет внешнеполитические позиции Пакистана, в особенности на региональном уровне (в том числе в сложном процессе налаживания пакистано-индийских отношений на современном этапе).

Сотрудничество с мощным восточным соседом расширяет возможности Пакистана в маневрировании в его непростых взаимоотношениях с США. Важное значение сотрудничества с Китаем для укрепления внешнеполитических позиций Пакистана, решения его проблем в экономической, военной и других сферах сохранилось и в условиях активизации пакистано-американских отношений в начале нынешнего века (после десятилетней их стагнации в 90-е годы). Это четко обозначил президент Пакистана П. Мушарраф во время визита в Пекин 20-24 декабря 2001 г., приуроченного к празднованию 50-й годовщины установления дипломатических отношений между двумя государствами. П. Мушарраф убеждал руководство КНР и общественно-политические круги КНР в том, что в новых геополитических условиях тесные дружественные отношения с Китаем, как и раньше, являются краеугольным камнем внешней политики Пакистана¹. Исламабад и впоследствии прилагал усилия к тому, чтобы развеять опасения Пекина, связанные с активизацией пакистано-американских контактов².

---

* Раила Мухсиновна Мукиджанова — ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук.

Исламабад поддерживает позицию Пекина по чувствительным для него территориальным и внутриполитическим проблемам. Так, отвергая формулу «двух Китаев», в свое время введенную в международную практику западными политиками, руководство Пакистана рассматривает Тайвань как неотъемлемую часть территории КНР; аналогичную позицию оно всегда занимало и в вопросе о Тибете.

В свою очередь, Китай заинтересован в поддержке на международной арене со стороны такого крупного азиатского государства, как Пакистан; при этом учитываются его дружественные отношения с большинством государств Западной Азии, где КНР имеет экономические и политические интересы, активная деятельность и возросший авторитет Исламабада в ОИК. Главное же, сотрудничество с Пакистаном расширяет возможности Китая по оказанию влияния на геополитическую ситуацию в Южной Азии, что важно для китайской стороны даже в условиях нормализации ее отношений с Индией. Стабильные многоплановые отношения с Пакистаном вписываются в проводимый на современном этапе курс китайского руководства по созданию дружественного окружения вдоль границ страны в целях обеспечения устойчивого развития ее экономики³. В этих условиях для Китая возрастает значение также экономического сотрудничества с Пакистаном, ранее по существу отодвинутого на второй план геополитическими интересами сторон.

Пакистан сопределен с одним из наиболее взрывоопасных регионов КНР, каким является Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). Отношения добрососедства и сотрудничества с Пакистаном обеспечивают тесное взаимодействие властей двух стран по пресечению поддержки пакистанскими исламистами сил, выступающих за независимость Синьцзяна.

Реакция китайской стороны на сдвиг в отношениях Пакистана с США отражает прагматизм ее внешней политики: избегая трений с Исламабадом, Пекин в соответствии со своими интересами продолжает сотрудничество с ним в политико-дипломатической, экономической, военной и других сферах. Китай активно поддержал придание Пакистану статуса наблюдателя в «Шанхайской организации сотрудничества», членами которой являются, наряду с КНР, Россия и четыре государства Центральной Азии (одновременно аналогичный статус получили также Индия и Иран). КНР оказывает Пакистану содействие в укреплении контактов со странами АСЕАН, включая участие в экономическом форуме этой региональной организации⁴.

Поскольку в основе дружественных пакистано-китайских отношений лежат долговременные, первостепенной важности интересы

сторон, эти отношения имеют устойчивый характер. На них почти не сказывались внутривнутриполитические катаклизмы в обеих странах, смена руководства и т.д., что дает основание государственным деятелям Пакистана и Китая подчеркивать «уникальный», «особый» характер межгосударственных отношений. Важной чертой пакистано-китайских отношений, во многом определяющей их стабильность, является своего рода деидеологизация сотрудничества между двумя странами. Китайское руководство придерживается гибкой и осторожной линии в вопросах, связанных с внутривнутриполитическими проблемами Пакистана. В отличие от политики Китая по отношению к некоторым другим странам Азии, в Пакистане оно никогда не поддерживало активно антиправительственные элементы, даже если они и объявляли себя пропекинскими. Исходя из собственных геополитических интересов, китайское руководство неизменно ориентируется на ту группировку имущей верхушки пакистанского общества, которая в данный момент находится у власти, демонстрируя поддержку проводимого ею внешне- и внутривнутриполитического курса.

Пакистанские государственные деятели, со своей стороны, скрупулезно воздерживаются от каких-либо критических оценок внутреннего положения Китая, события, происходящие в этой стране, как правило, освещаются средствами массовой информации Пакистана в соответствии с той интерпретацией, которая дается официальными представителями КНР.

Курс на развитие стабильных дружеских отношений с Китаем пользуется поддержкой широкого спектра политических сил Пакистана (в основном исключение составляют радикальные религиозно-политические организации и в первую очередь «Джамаат-и ислами»). Позитивное отношение к сотрудничеству с КНР крупных общенациональных политических партий и организаций, среди военных и бюрократической прослойки пакистанского общества основывается на признании этого государства влиятельной, сильной в военном и политическом плане державой, взаимодействии с которой на международной арене и в особенности в зоне геополитических интересов Пакистана является одним из важных внешних факторов обеспечения его государственного суверенитета и территориальной целостности.

Взаимодействие в обеспечении региональной стабильности

Важная цель, которую Пакистан традиционно ставит в отношениях с Китаем — обеспечение поддержки в противостоянии с Индией, сохранила свою актуальность. Взаимоотношения двух ведущих государств Южной Азии по-прежнему находятся в фокусе внимания Пекина, при этом его подход к конфликту между Пакистаном и Индией претерпел существенные изменения на протяжении 90-х годов. Неурегулированность пакистано-индийских отношений препятствует реализации стратегической задачи внешней политики КНР, заключающейся, как отмечалось выше, в создании пояса добрососедства и сотрудничества по периметру ее границ в целях обеспечения благоприятных внешних условий для развития экономики и укрепления внутривнутриполитической стабильности. Более того, власти Китая осознают, что усиление исламского радикализма в Кашмире по мере затягивания спора между Индией и Пакистаном чревато негативным влиянием на ситуацию в СУАР.

Проводя курс на нормализацию отношений с Индией, китайские руководители воздерживаются от заявлений и действий в поддержку позиции Пакистана, которые могли бы послужить для Дели основанием обвинить Пекин во вмешательстве во внутренние дела Индии. Этот сдвиг в отношении Китая к пакистано-индийским противоречиям особенно заметен, когда дело касается кашмирской проблемы: вместо прежней поддержки Пакистана китайская сторона проявляет стремление избежать оценки сложной политической ситуации в индийском штате Джамму и Кашмир, концентрируя внимание на необходимости урегулирования пакистано-индийских отношений путем переговоров.

Во время неоднократного обострения пакистано-индийских отношений, вплоть до вооруженных столкновений в районе линии контроля в Кашмире, китайское руководство, призывая враждующие стороны к прекращению противостояния, предлагало свое посредничество в урегулировании конфликта. Это имело место, например, в период вооруженного конфликта в Каргиле (май-июль 1999 г.). В разгар военных действий Пекин посетили с краткосрочными визитами министры иностранных дел Пакистана и Индии. Так, 11 июня состоялась встреча главы внешнеполитического ведомства Пакистана с председателем Всекитайского Народного Собрания Ли Пэном, призвавшим пакистанскую сторону проявить сдержанность и решить спор путем переговоров, не допуская осложнения ситуации в регионе. Аналогичные рекомендации были высказаны и министру иностранных дел Индии, прибывшему в Пекин следом за пакистанским коллегой. (Визит состоялся 14-16 июня 1999 г.)⁵.

Находясь в Алма-Ате в связи с участием в саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (июнь 2002 г.), председатель КНР Цзянь Цзэминь поочередно провел встречи с президентом Пакистана П. Мушаррафом и премьер-министром Индии Л.Б. Ваджпай. Глава КНР призвал пакистанскую и индийскую стороны ослабить напряженность в отношениях, встав на путь урегулирования существующих спорных проблем посредством переговоров в целях обеспечения мира и стабильности в регионе⁶.

Проблема урегулирования пакистано-индийских отношений обсуждалась также во время визита П. Мушаррафа в Пекин в начале ноября 2003 г., в том числе на его переговорах с вновь избранным председателем КНР Ху Цзиньтао. Впоследствии китайские руководители неоднократно выражали удовлетворение по поводу прогресса в пакистано-индийских отношениях.

В начале 90-х годов в пакистано-китайских отношениях возник новый аспект, вызванный усилением влияния ислама на политическую жизнь Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и некоторых провинций Китая, где мусульмане составляют значительную часть жителей. Учитывая религиозные чувства мусульманского населения и его тяготение к связям с внешним миром на конфессиональной основе, китайское правительство разрешило контакты между представителями населяющих КНР мусульманских народов и их пакистанскими единоверцами. Это позволило наладить обмен делегациями мусульманских священнослужителей; пакистанская сторона стала оказывать содействие в организации паломничества — хаджа в Саудовскую Аравию группам китайских мусульман. Власти двух стран заключили соглашение о том, что в Пакистан будут направляться молодые китайские мусульмане для стажировки в Международном исламском университете (г. Исламабад)⁷.

Оживление контактов по конфессиональной линии между мусульманским населением двух стран создало сложности в отношениях Исламабада с Пекином. Китайская сторона направила представление пакистанским властям по поводу того, что «Джамаат-и ислами» вела в СУАР подпольную работу по подогреванию антиправительственных настроений, которые вылились в массовые волнения в 1991 г.; в причастности к этим событиям она обвинила также межвойсковую разведку Пакистана. (Исламабад категорически отверг это обвинение⁸). Вопрос о нелегальных контактах между представителями мусульманской молодежи СУАР и пакистанских партий и организаций фундаменталистского толка находится в поле зрения властей обеих стран⁹. Государственные деятели Пакистана неоднократно заявляли о том, что продолжат сотрудничество с китайскими властями в борьбе с

террористической деятельностью «Исламского движения Восточного Туркестана». (Такое заявление было сделано, например, министром иностранных дел Х.М. Касури во время визита в КНР в апреле 2004 г.)¹⁰. Официальные представители Китая, в свою очередь, выражали удовлетворение усилиями, предпринимаемыми пакистанской стороной в борьбе против терроризма, в том числе в отношении боевиков «Исламского движения Восточного Туркестана»¹¹.

В условиях активизации деятельности «Аль-Каиды» и других международных экстремистских организаций и группировок на современном этапе Исламабад укрепляет взаимодействие с китайской стороной в борьбе с терроризмом. Эта проблема была предметом обсуждения во время визита президента П. Мушаррафа в Пекин в ноябре 2003 г. В ноябре же 2003 г. Пакистан и Китай подписали двустороннее соглашение о взаимной экстрадиции лиц, связанных с криминальной деятельностью (наркоторговлей, похищением людей и т.д.)¹².

В апреле 2004 г. состоялись переговоры руководителей органов внутренних дел двух стран об укреплении взаимодействия в борьбе с экстремизмом и терроризмом; для оперативного решения вопросов, связанных с реализацией вышеупомянутого соглашения 2003 г., была создана совместная рабочая группа¹³. В июле того же года министр внутренних дел Пакистана и его китайский коллега договорились о выработке совместной стратегии борьбы против терроризма. Во время переговоров была достигнута также договоренность об укреплении сотрудничества в пресечении незаконного оборота наркотиков, контрабандной торговли, отмывания денег и других трансграничных преступлений¹⁴.

В августе 2004 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе состоялись первые в практике взаимоотношений Исламабада и Пекина пакистано-китайские антитеррористические учения «Дружба-2004», во время которых были задействованы сухопутные войска и авиация.

Исламабад и Пекин приложили усилия для того, чтобы не вызвать осложнений во взаимоотношениях из-за инцидентов, жертвами которых в 2004 г. стали китайские граждане, работавшие в Пакистане. 3 мая 2004 г. в Белуджистане в результате террористического акта погибли 3 китайских инженеров и были ранены 11 человек, в том числе 9 граждан Китая, занятых на строительстве морского порта в Гвадаре. (Взрыв был осуществлен белуджскими националистами). В октябре того же года были похищены два китайских инженера, работавших на строительстве плотины, сооружаемой с помощью Китая ГЭС в Южном Вазиристане; несмотря на принятые пакистанскими властями меры, один из них погиб.

Китайская сторона не стала омрачать отношения с Исламабадом, удовлетворившись заверениями властей Пакистана в том, что будут приняты необходимые меры для обеспечения безопасности граждан Китая. Председатель КНР Ху Цзиньтао заявил о том, что его страна окажет помощь Пакистану в реализации проектов развития и «ни один инцидент не может оказать влияние на наши прочные и сердечные отношения»¹⁵.

В 90-е годы, как и в предшествующее десятилетие, в центре пакистано-китайских отношений находилась также афганская проблема. Во второй половине 90-х годов нарастало расхождение интересов сторон по вопросу о путях урегулирования ситуации в Афганистане. Исламабад оказывал поддержку движению «Талибан». Пекин же был серьезно обеспокоен перспективой утверждения у власти в соседнем Афганистане исламских радикалов, тем более, что сложились тесные связи между талибами и «Исламским движением Восточного Туркестана», выступающим за отделение Синьцзяна от Китая. Разгром талибов в результате антитеррористической операции в Афганистане, содействие которой оказал Исламабад, устранил потенциальную возможность серьезного осложнения китайско-пакистанских отношений. Исламабад и Пекин осуществляют контакты по вопросам политического урегулирования в Афганистане и восстановления его экономики.

Сотрудничество в военной и ядерной сферах

Связи между двумя странами по военной линии имеют три основных компонента: регулярные контакты между военными деятелями высокого ранга, поставки китайского вооружения и содействие Китая в развитии военной промышленности Пакистана. КНР поставляет технику и другое вооружение практически для всех основных родов войск Пакистана. Роль Китая в укреплении пакистанской армии тесно увязана с его содействием развитию военной промышленности Пакистана. Так, в структуру созданного при содействии китайской стороны Комплекса тяжелого машиностроения в Таксиле (провинция Панджаб) входит завод по капитальному ремонту танков «Т-59» китайского производства, находящихся на вооружении пакистанской армии. В 1999 г. на заводе началось серийное производство средних танков «Аль-Халид», модель которых разработана совместно китайскими и пакистанскими специалистами на базе «Т-59»¹⁶. Сотрудничество сторон по модификации танка «Т-59» имело продолжение: в начале нынешнего десятилетия была создана усовершенствованная

модель среднего танка, получившая название «Аль-Зарар». Первая партия боевых машин нового образца поступила на вооружение пакистанской армии в начале 2004 г.¹⁷.

На предприятиях авиационного комплекса по сборке и ремонту боевых и учебных самолетов в Камре, наряду с техническим обслуживанием приобретенных у Китая самолетов, осуществляется производство совместного пакистано-китайского тренировочного самолета «Каракорум-8» («К-8»). В 1994 г. военно-воздушные силы Пакистана получили первую партию самолетов этого типа. Впоследствии был налажен также выпуск экспортного варианта самолета «К-8»¹⁸.

В 90-е годы началась реализация совместной пакистано-китайской программы создания истребителя-перехватчика среднего радиуса действия «Джи-Ф-17», получившего название «Thunder». Первый испытательный полет нового военного самолета состоялся в августе 2003 г.; серийное производство намечено начать в конце 2006 г.¹⁹. По оценке пакистанских специалистов, эта модель истребителя, оснащенного авионикой и вооружением совместного китайско-пакистанского производства, по некоторым параметрам превосходит имеющиеся у Пакистана американские самолеты «Ф-16»²⁰.

Сфера военно-технического сотрудничества Пакистана с Китаем охватывает и другие рода войск, в том числе военно-морские силы. Так, в апреле 2005 г. был заключен контракт о строительстве 4 фрегатов «Ф-22П» для Пакистана.

Осенью 2003 г. состоялись учения военно-морских сил двух стран в Восточно-Китайском море. (Позже учения провели также военно-морские силы Китая и Индии).

Пакистан сотрудничает с Китаем в осуществлении своей ядерной программы. Китайская сторона оказала широкое содействие строительству АЭС в г. Чашме (в 225 км к югу от Исламабада). Первый и второй энергоблоки были приняты в эксплуатацию соответственно в 1999 и в июле 2003 гг. Во время визита президента Пакистана П. Мушаррафа в КНР в ноябре 2003 г. была достигнута договоренность о сотрудничестве в строительстве в Чашме третьего энергоблока АЭС той же мощности (300 МВт), которую имеет вторая очередь станции. Соглашение по этому вопросу было подписано позже — весной 2004 г. Предполагается что строящийся энергоблок, как и первая и вторая очереди АЭС в Чашме, будет открыт для инспекций со стороны МАГАТЭ²¹.

Несмотря на заверения Исламабада и Пекина об исключительно мирных целях сотрудничества в ядерной области, длительное их взаимодействие в военной сфере и помощь китайской стороны развитию

пакистанской ядерной энергетики стали основанием для подозрений в официальных кругах США относительно причастности китайских специалистов к реализации планов Исламабада по созданию собственной ядерной бомбы (в частности, к возобновлению производства обогащенного урана). Сообщения на этот счет появились в западных — главным образом, американских — средствах массовой информации. (Особую остроту этой проблеме придало то, что вопрос о создании Пакистаном ядерного оружия является предметом его разногласий с США с середины 70-х годов).

Несмотря на давление на Пекин со стороны Вашингтона, премьер-министр Пакистана Наваз Шариф во время его визита в Китай в марте 1991 г. получил заверение китайской стороны в том, что она выполнит взятые на себя обязательства в отношении строительства станции в Чашме. В августе 1993 г. США ввели торгово-экономические санкции против Пакистана и Китая в связи с подозрениями о продаже китайской стороной Исламабаду компонентов нескольких типов ракет средней дальности, в том числе М-11, которые, как полагают в Вашингтоне, способны нести ядерные боеголовки.

Во второй половине 90-х годов вновь обострились противоречия между Вашингтоном, с одной стороны, и Пекином и Исламабадом, с другой, также в связи с пакистано-китайским сотрудничеством в ядерной области. Американская сторона подозревала Китай в продаже Пакистану 5000 кольцевых магнитов для использования в газовых центрифугах засекающего завода в Кахуте в целях обогащения урана до уровня ядерного топлива для бомб²².

Соединенные Штаты пригрозили Китаю новыми серьезными санкциями. (В случае введения они были бы направлены против китайских проектов в области атомной энергетики и, более того, могли затронуть все американские проекты в Китае, стоимость которых превышала 10 млрд. долл.). 11 мая 1996 г. Китай принял на себя обязательство не передавать ядерную технологию Пакистану. Пакистанские официальные лица также категорически отвергли сообщения о поставках китайских кольцевых магнитов. (По версии Исламабада и Пекина, осуществлялись лишь поставки оборудования для сооружаемой в Чашме атомной электростанции).

Реакция Пекина на осуществленные Индией и затем Пакистаном испытания ядерных устройств в мае 1998 г. была негативной. Вместе с тем, как обоснованно отметил российский исследователь ядерной проблемы в отношениях двух ведущих государств Южной Азии В. Сотников, «осуждение Китаем индийских взрывов прозвучало более жестко, чем аналогичное осуждение пакистанских испытаний»²³. Несколько позже, в августе того же 1998 г., во время беседы с председа-

телем Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил Пакистана генералом Джехангиром Караматом, находившимся с визитом в Китае, глава правительства КНР Чжу Жунцзы заявил, что ядерную гонку в Южной Азии начала Индия, Пакистан был вынужден ответить на вызов²⁴.

Несмотря на давление со стороны Вашингтона, обвинявшего Пекин в передаче Исламабаду ракетно-ядерных технологий, Пакистан с помощью Китая осуществил разработку и освоил производство баллистических ракет меньшей и средней дальности серий «Хатф», «Шахин», РСД «Гхори» и др. (Подобные обвинения неоднократно подкреплялись американскими санкциями в отношении китайских и пакистанских компаний, связанных с исследованиями в сфере ракетно-ядерных технологий)²⁵.

Торгово-экономические связи

Важной сферой пакистано-китайских отношений являются торговля и экономическое сотрудничество. Товарооборот между двумя странами превысил 2 млрд. долл. в 2002/03 г. и 2,4 млрд. долл. в 2004 г., при этом большая часть товарообмена приходится на долю Гонконга. Пакистан имеет устойчивый дефицит, несмотря на то, что китайская сторона периодически повышает объем закупок пакистанского хлопка²⁶. Вместе с тем, поскольку Пакистан испытывает серьезные трудности с экспортом товаров в страны Запада, его власти и деловые круги придают большое значение возможности сбыта на китайском рынке такой продукции, как хлопок-волокно и хлопчатобумажная пряжа, и ткани, кожевенные изделия, хромовая руда, некоторые виды химикатов, спортивные товары, морепродукты. Для пакистанской стороны исключительно важно и то, что, экспортируя товары в Пакистан (продукцию химической промышленности, машины, скобяные изделия, бумагу, лекарства, предметы широкого потребления и др.), Китай предоставляет товарные кредиты на льготных условиях.

Общий объем займов Китая Пакистану к концу 90-х годов составил 650 млн. долл. Наиболее крупный из них — 200 млн. долл. — Пекин предоставил по просьбе пакистанского правительства для пополнения резко сократившихся валютных резервов страны в 1997 г.. В 1998 г. Пакистан получил еще один заем в объеме 150 млн. для уменьшения дефицита платежного баланса²⁷. В январе 2000 г. стороны заключили соглашение о реструктуризации пакистанского долга Китаю, накопившегося к концу декабря 1999 г.; платежи по займам продлены до 2010-2019 гг. В 2004 г. китайское правительство согласилось открыть

Пакистану кредитную линию в объеме 500 млн. долл. в Экспортно-импортном банке КНР в целях расширения торгово-экономических связей между двумя странами²⁸.

Технико-экономическое сотрудничество с Китаем охватывает такие ключевые отрасли пакистанской экономики, как тяжелое машиностроение, горнодобывающая промышленность, производство строительных материалов, энергетика, инфраструктура и некоторые другие. Наряду с крупными объектами, при участии китайской стороны построено или строится значительное число средних и малых промышленных предприятий как в государственном, так и в частном секторе. Китай оказывает содействие развитию аграрного сектора, социальной сферы и др. (включая подготовку кадров).

Китайские компании участвуют в разработке месторождений полезных ископаемых в Пакистане. Так, на Саиндакском месторождении меди и серебра в Белуджистане занято около 300 китайских инженерно-технических специалистов и рабочих²⁹. (Проектная мощность предприятия — 20 тыс. т. медной руды в год). Китайские компании участвуют в освоении крупных месторождений угля в Синде, на базе которых предполагается построить 2 теплоэлектростанции по 300 МВт каждая; ввод в строй намечен на 2009 г.³⁰.

С целью привлечения инвестиций пакистанские власти создают особые промышленные зоны для китайских предпринимателей. (Одна из них находится в Карачи). По данным на начало 2005 г., в Пакистане действовали 60 китайских компаний, вложивших средства в такие отрасли экономики, как нефтегазовая, добыча полезных ископаемых, энергетика, машиностроение, инфраструктура, телекоммуникации и некоторые другие. В целом же объем китайских инвестиций в Пакистане пока еще невелик. Например, в 2002/03 г. приток китайских инвестиций составил немногим более 5 млн. долл. (Общий же объем китайских инвестиций не превышал 20 млн. долл.)³¹. С 2003 г. наметилась тенденция к усилению заинтересованности китайских государственных, а также частных компаний во вложении капиталов в экономику Пакистана.

В начале нынешнего десятилетия Китай существенно активизировал свое сотрудничество с Пакистаном в развитии его инфраструктуры. Один из крупных проектов, в реализации которого участвует Китай, — строительство многофункционального портового комплекса в Гвадаре (Макранское побережье Белуджистана). Китайское правительство приняло на себя обязательство выделить для строительства первой очереди глубоководного морского порта в Гвадаре 198 млн. долл. в виде займов и субсидий, что составляет 4/5 предусмотренных проектом расходов; при общей стоимости проекта

248 млн. долл. пакистанское правительство вложило 50 млн. долл.³². Строительство первой очереди порта в Гвадаре в основном завершено в середине 2005 г. Китайская сторона проявляет интерес также к участию в сооружении автомагистрали, связывающей Карачи с Гвадаром и другими пакистанскими морскими портами на Макранском побережье.

Китай оказывает Пакистану финансовое и технологическое содействие в модернизации его железнодорожной системы. Подписанный в феврале 2003 г. меморандум о взаимопонимании предполагает, что основная часть затрат в этой сфере (около 90%) будет покрыта за счет кредитов Экспортно-импортного банка КНР. В декабре того же года представители двух стран подписали соглашение об открытии в Экспортно-импортном банке КНР кредитной линии в объеме 400 млн. долл. для финансирования реконструкции железных дорог Пакистана, включая расходы на обновление подвижного состава³³.

Контракты, связанные с реализацией указанного проекта, получили китайские компании. Они ведут ремонтно-строительные работы. Из КНР поступает железнодорожное оборудование, включая локомотивы, грузовые и пассажирские вагоны³⁴. Китайская сторона оказывает содействие Пакистану в подготовке кадров, в налаживании производства некоторых видов железнодорожного оборудования³⁵.

Китайские компании проявляют заинтересованность в сотрудничестве с пакистанским капиталом в сфере автомобилестроения. Так, весной 2004 г. было подписано соглашение о совместном строительстве завода по производству автобусов в пакистанском портовом городе Касиме.

Технико-экономическое сотрудничество с КНР имеет важное значение не только для гражданских секторов экономического развития Пакистана. Ряд построенных при содействии китайской стороны крупных промышленных предприятий, выпускающих продукцию преимущественно для гражданских секторов экономики, как и некоторые объекты инфраструктуры, обслуживают и потребности вооруженных сил. Как упомянуто выше, например, на предприятиях Комплекса тяжелого машиностроения в Таксиле выполняются также военные заказы. Введенное в эксплуатацию в 1978 г. Каракорумское шоссе имеет как экономическое (пока еще ограниченное), так и военно-стратегическое значение для Пакистана. Его строительство положило начало пакистано-китайскому сотрудничеству в создании сети автогужевых дорог в глубинных районах так называемых Северных территорий Пакистана, граничащих с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая. Каракорумское шоссе — основная автома-

гистраль, обеспечивающая относительно надежную наземную связь частей пакистанской армии, размещенных на Северных территориях, с основной территорией страны. В районе строящегося портового комплекса в Гвадаре намечено создать также базу пакистанских военно-морских сил. В рамках сотрудничества Пакистана и Китая в военно-политической сфере она может представить интерес для китайской стороны, тем более, что прецедент взаимодействия флотов двух стран создан совместными военно-морскими учениями, которые состоялись в 2003 г.

***

Курс Пакистана на укрепление дружественных отношений с Китаем имеет долговременную перспективу. Это определяется вышеуказанными основными чертами взаимоотношений двух стран — традиционной стабильностью и многоплановостью сфер сотрудничества, готовностью и способностью Китая (в пределах его собственных национальных интересов и возможностей) оказывать политическую поддержку, технико-экономическую и военную помощь в решении актуальных для Пакистана проблем. Намерение Исламабада и Пекина расширить многоплановое сотрудничество было подтверждено во время визита главы правительства КНР Вэнь Цзябао в Пакистан в апреле 2005 г. Итогом обсуждения широкого круга вопросов двусторонних отношений и актуальных региональных и мировых проблем стало подписание пакета из 22 документов и в первую очередь Договора о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве между Китайской Народной Республикой и Исламской Республикой Пакистан. Подписанные тогда же соглашения и меморандумы о взаимопонимании направлены на усиление взаимодействия сторон в политической и военной сферах (в том числе в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом), в области образования и науки, в торгово-экономическом сотрудничестве и т.д.³⁶

Отношения стратегического партнерства с Китаем являются для Пакистана важным фактором усиления его позиций в затяжном процессе перехода от конфронтации с Индией к налаживанию взаимоотношений на принципах добрососедства. Значение китайского вектора внешней политики Пакистана выходит за рамки его интересов в Южной Азии. Стабильное многоплановое сотрудничество с КНР укрепляет положение Пакистана в его подверженных колебаниям отношениях с США. В соответствии с курсом руководства КНР на обеспечение мощного подъема экономики страны возрастает значение экономического аспекта пакистано-китайских отношений.

Расширяя связи с Пакистаном в этой сфере, китайская сторона может также оказать содействие своему южноазиатскому партнеру в реализации его растущих экономических интересов в Юго-Восточной Азии.

Примечания

¹ Pakistan Observer, 22.12.2001.

² Так, находясь с визитом в Пекине, министр иностранных дел Пакистана Х.М. Касури объяснил предоставление Пакистану статуса «главного союзника США, не являющегося членом НАТО», стремлением Вашингтона облегчить решение вопроса о поставках американского вооружения, подчеркнув, что решение американской стороны не означает военного альянса между двумя странами. (The News International, 11.04.2004).

³ Hu Shisheng. China's South Asia Policy and its Regional Impact — Major Powers and South Asia. Islamabad, 2003, p. 318-319.

⁴ В случае, если в будущем государства — члены ШОС договорятся о расширении организации, в частности, за счет стран Южной Азии, очевидно, будет принято решение об одновременном принятии в нее Пакистана и Индии.

⁵ The News International, 12.06, 16.06.1999.

⁶ Dawn, 04.06.2002.

⁷ По имеющимся данным, в 1997 г. в религиозных учебных заведениях Пакистана обучалось около 300 китайских мусульман. (Dawn, 27.06.1997).

⁸ Herald, 1993, № 2, p. 32.

⁹ Так, в декабре 1996 г. власти Гилгита арестовали группу молодых мусульман из СУАР, нелегально проникших на пакистанскую территорию, и по требованию китайских властей депортировали их в Китай. Отвечая на вопрос журналистов об их дальнейшей судьбе, министр иностранных дел Пакистана Г. Айюб Хан заявил, что она неизвестна пакистанской стороне, это внутреннее дело властей КНР и «Пакистан строго придерживается невмешательства во внутренние дела других стран». (Dawn, 27.06.1997).

¹⁰ The News International, 10.04.2004.

¹¹ Nation, 17.09.2003.

¹² The News International, 04.11.2003.

¹³ Nation, 17.04.2004.

¹⁴ Ibid., 15.07.2004.

¹⁵ Dawn, 30.10.2004.

¹⁶ Ibid., 9.08.1999.

¹⁷ Ibid., 02.03.2004.

¹⁸ Pakistan Observer, 27.02.2004.

¹⁹ Daily Mail, 22.09.2003; The News International, 11.04.2004.

²⁰ Nation, 17.04.2004.

²¹ Pakistan Economic Survey. 2003-04. Islamabad, 2004, p. 173.

²² См. подробнее: В.Я. Белокрыцкий, В.Н. Москаленко, Т.Л. Шаумян. Южная Азия в мировой политике. М., 2003, с. 229-232.

- ²³ В.И. Сотников. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях. М., 2003, с. 119.
- ²⁴ Dawn, 27.08.1998.
- ²⁵ Dawn, 02.09.2001; The News International, 09.06.2002. Пекин категорически отвергает обвинения американской стороны в содействии Исламабаду в сфере ракетно-ядерных технологий.
- ²⁶ Dawn, 08.04.2004. Так, пассив Пакистана в торговле с КНР составил 865,6 млн. долл. в 2004 г. (Ibid., 05.04.2005).
- ²⁷ The News International, 10.07.1997; Dawn, 23.03.1998.
- ²⁸ Nation, 23.07.2004.
- ²⁹ Dawn, 27.12.2003.
- ³⁰ Pakistan Economic Survey. 2003-2004, p. 179; Dawn, 27.10.2004.
- ³¹ The News International, 04.12.2003.
- ³² Основной контракт на сооружение порта был подписан с китайской стороной в марте 2002 г.
- ³³ The News International, 21.12.2003.
- ³⁴ Pakistan Economic Survey. 2003-04, p. 147.
- ³⁵ Dawn, 07.04.2004.
- ³⁶ В частности, китайская сторона приняла на себя обязательство оказать помощь Пакистану в объеме 350 млн. долл. для строительства очередного энергоблока атомной электростанции в Чашме. (Daily Times, 06.04.2005).

Mohammad A. M. Khan (Пакусман)*

Terrorism Engulfs Pakistan: A study of the growth of internal terrorism in Pakistan 1972-92**

I. Introduction

Terrorism in today's world is described as a most serious threat to international peace and security.¹ Pakistan has its role in combating terrorism as well as its victim.² Pakistani society has deep rooted links with all of its aspects. On one side there are serious efforts at governmental and societal levels to fight it through armed and civilian forces and restructuring of the legal, political and social systems. Parallel to it there are people who have faced serious consequences of its spread and operations in the shape of social, political and economic costs. And then there have been elements and forces in the country and its neighborhood that are considered as allies of terrorists.

There are serious international concerns and involvement on this issue that has significant relevance with Pakistan. It linked to the country's political, ethnic, economic and social systems that had been in turmoil since early 70's. As early as the decade of 1980 the analysts on Pakistan had observed that the country «will be fortunate if it survives as a political entity in the coming years».³ This might have been an overstatement but it was a quite close to reality as well in view of serious ethnic, political and religious divisions. At the time it was breeding ground for all known kinds of terrorism with all known kinds of groups involved in it. In this period there have been nationalist movements, political dissidents, left wings, right wings, surrogates of foreign governments, influence of neighboring countries' movements and religious fundamentalist movements in the country.

It may however, be noted that in the last part of the decade of 80's, terrorism was not the only issue tearing apart the country. Realities were indeed

---

* Mohammed Abdul Mateen Khan — Foreign Service of Pakistan and Ph.D. scholar Quid-e-Azam University, Islamabad.

** Study has been extracted from a paper presented by the author in School for Advanced International Studies, John Hopkins University, Washington D.C. in December 1991.

harsh for Pakistan.⁴ Severe economic and cultural pressures had made it very difficult for any government to manage the country. Every regime yields ground in perpetual strife with an ever-expanding array of conflicting opposition forces. The government's foreign relations strategy, to support Afghans in their fight against Soviet occupation, for example, complicated matters generating more opposition from within and without. These circumstances were directly relevant to the issue of terrorism.

Significant amount of work has been done to explore the roots and causes of internal terrorisms and its broadening domain. This paper is an attempt to look into the causes of terrorism, its growth, its severity and reactions to it in Pakistan in the decades of 70's and 80. This period has been taken for investigation for obvious reasons.⁵ After introduction, politics and terrorism in general are discussed attempting to find relate it with causes; ethnic, religious, political, economic and foreign, amplifying terrorism. In the next section methods and impact of terrorism, counter-terrorism and the relevance of deprivation theory are discussed. In the end some findings are presented and offering conclusion. For brevity, recent discussion on terrorism is not included.

II. Politics, Government Repression and Terrorism

Since 1958, Pakistan has been governed by small group of leaders whose authority is upheld by the armed and security forces.⁶ Pakistanis, though never liked the military rulers, but often disillusioned by the corrupt politicians have most of the time accepted it as a fait a comply. But they have never been like those societies, which uphold traditional approach to relations between rulers and ruled.⁷ Those who demand and fight for political process in Pakistan and the grant of basic rights for the people are never in minority and often pro-democracy movements have shaken the existing junta.⁸

The government and terrorism after 1971

In 1972, once country was divided and the government was handed over to the leader of the party, who had got majority in this part of the united country, during the 1970 elections, the first wave of the terrorism came from the government itself. Bhutto who had acquired the positions of Martial Administrator and President, refused to allow civil liberties despite making it a major issue in his election manifesto. The first victims were the dissidents of his party⁹. This was the beginning of the State terrorism, in a state which had recently seen the separation of one of its provinces after a bloody chaos. It was done by ruling party members and supported by the government machinery. All dissident of the party were dealt with harsh treatment, including killings, arrests, disap-

pearance, arson, damage of property and so on. Many of the victims left the party or were tamed.

The second target was the opposition parties whose leaders faced similar tactics by state machinery for terrorism in such situations. The press was the third victim, and had to limit its activities, after an amendment in the constitution made virtually impossible for journalists to write against the policies of the government¹⁰. The public in general was victim of the economic repression and almost all industries, by mid of 1977 were nationalized. To get employment, the easy option thus became to get one's name on the list of the party membership, a kind of forced participation.

Many political observers in Pakistan ascribe Bhutto's rule as one of the Modern Dictatorship or Popular Tyrant, whose characteristics were similar as explained by Barry Rubin.¹¹ In Pakistani's views Bhutto, who got his education in the West followed Machiavelli's injunctions to obtain power and subsequently to prolong it¹². Bhutto departed with the impressions of one of those controversial figures in history, whose tenure was small and general public remained unaware of his tactics to stick to power, and the content of the terrorism in it. He followed the pattern of playing off with the great powers (US, Soviet Union, and China) like other Third World leaders¹³, and controlled the army through his loyalists, who ultimately replaced him.

One can hardly pinpoint any terrorism, other than done by the government during this period (1972-1976). However, two movements are worth mentioning. One became active in 1974 in Baluchistan, when Bhutto, dissolved the governments of the opposition parties in two of the four provinces claiming that they were working for the disintegration of the country, a usual charge to take action against opposition. Baluchi leaders, disenchanted by the central authority, took out guns on the hope of winning some concessions¹⁴. The central government initiated a military action and many of the dissidents had to leave the country and went to Afghanistan and former USSR. This movement was the biggest challenge to the country, since it paved the way more ethnic nationalist movements.

The other was a movement by religious fundamentalist leaders against the Ahmedis. This will to be discussed in latter part of the paper.

The period from 1977 to 1985 was of Zia's Martial Law, in which actors changed roles. Now the victim was Bhutto's political party. But it did not only remain a victim since it started resisted and its tactics became as a terrorist sponsored organization. Its major act was hijacking of PIA plane in 1981. The plane was taken to Kabul and subsequently to Syria. The hijackers demanded the release of 55 activists of PPP, who were released, sent to Damascus in exchange for the plane and passengers¹⁵. During this period, ethnic movement in Sind for Sindu-desh emerged (to be discussed in detail in subsequent section).

Another community, which represents 40 percent of Sind's population and controls big cities, organized itself on ethnic grounds (Muhajar Qaumi Movement). They were from the people who had migrated from India at different times and were called Mohajars and had settled in Sind. They had not been assimilated in the mainstream of Sindhi politics, and thus had different political aims¹⁶. They saw success of the Sindhi's demands as erosion of their privileges and being sidelined. As a result, the province of Sind saw worst violence in 80's. This was a struggle between the MQM and the Sindhi extremists to gain control of the province.

In Zia's period country witnessed less repression from the government, notwithstanding political repression. He was conscious of his regime's legality and thus prone to the quality exoneration. Although his foes had successfully run campaigns in the western press against him, his long stay in power can be interpreted as Jeans Kirkpatrick had remarked for other dictators, «through their long tenures, they brought relative domestic tranquility, allowed their people to maintain their customary life styles, increased national wealth, and were friendly to the West».¹⁷

The period from 1985-92 saw three elected governments, death of Ziaul Haq and with it the end of Martial Law, in 1988. The violence in Sind did not subside even after the 1985 elections when, Jenejo, a Sindhi fellow, was nominated as Prime Minister. He was, perhaps one of the most honest politician the country had ever seen. But, this was also one of his main weaknesses. He did not render any concessions to 'fellow Sindhis', which in his view were not justified. The violence continued and in 1988 his government was dissolved. The elections in 1988 brought daughter of Bhutto, Benazir, as Prime Minister, but violence in Sind continued. Her political alliance with MQM lasted for few months, which was formed in the hope that it would bring regional normalcy.

The Sindhi hard-liners, who had allied with Bhutto in '88 elections, continued demanding the exodus of non-sindhis from the province and constitutional superiority of Sindhis. Bhutto lost support in other provinces as well. She tried to control the situation with payoffs, but got severe resistance from establishments. Her demands to use armed forces in the Sind province to curb violence were rejected by the army chiefs. All chaos finally followed and caused the termination of her government in 1990.

The next interim and then the elected government of Nawaz Sharif handed over Sindh to one of the feudal leader, who was known for repressive tactics. They included short term measures like repression and payoffs with medications, but offer no permanent solutions. Within days, he was able to get the support of the MQM and the province was projected as 'managed', not that the root causes had been eliminated. The discussion on the country's politics leads to the study of ethnic politics, one of the main elements in this study.

Ethnic Violence

The most contemporary writings on Pakistan consider ethnic conflicts as the most damaging for the country's future. Ethnic turmoil is caused by multitude of factors. For nationalist writers it is the sinister and conspiratorial forces often guided by a 'foreign hand' (Afghanistan and India as claimed by Pakistani governments) which are aimed at the weakening or eventual dismemberment of the state. However, this view found many opponents who rested their case on following reasoning:

- Inter-ethnic tensions were to a large extent sustained and magnified by the self-serving actions of the country's ruling class, a coalition of feudal landlords, militarists, and bureaucracy who ruled with only the most meager reference to the popular will.
- Vulnerability to foreign penetration and exploitation of ethnic structures were largely result of the reckless foreign alignments chosen by the country's ruling class to bolster itself against pressures for domestic political reform.
- The cure for Pakistan's ethnic ailment lay mainly in the expansion of democratic political institutions as well as in the devolution of powers to the regional level.¹⁸

Despite these varying convictions the problem of ethnicity in Pakistan is complex, and somewhat paradoxical.

Dimensions of Ethnic Problem

Various studies have explained this phenomenon in disparate manners. To comprehend it one needs to look it from historical developments as well. Since its independence in 1947, the political system of Pakistan has been limited to a small portion of population. Within that system, governments ranged from personalized dictatorships to institutionalized military rule, with occasional forays into limited form of democracy. The economic policies ranged from mercantilism to laissez faire to state capitalism. But, outside the system, a different reality prevailed. It has been sometimes individualistic and entrepreneurial, but often feudalism. Country's efforts to meld these distinctive patterns and components in ways that could enhance stability, predictability, and improved access to economic and political resources, has unfortunately resulted into more strength for the feudalism and not to the masses¹⁹.

This predicament led to either the creation of revolutionary type of regional organizations, or the conversion of small regional parties to adopt more extreme agendas. For example in Karachi MQM emerged, mainly to protect the rights of Muhajars (immigrants), in the wake of Sindhi nationalism. In Sind, Jaye-Sind Tehreek (Supreme Sind Movement) has changed its stand many times to portray itself many times as anti-nationalist, asking au-

tonomy, and others as bargaining agents within the framework. At different times this movement may behave as revolutionary with socialist ideas like Peru's Sendero Luminoso²⁰. But generally, it has behaved as Spanish Separatism²¹ (Basque movement). They have not been able to get popular votes in any of the elections held, and thus their behavior is erratic like we find in other comparable regional movements.

We may ascribe violence or terrorism to the political phenomenon, but the study is not completed if some socio-economic issues are not looked into, which are generally considered as the root causes of the ethnic movements in Pakistan.

The continuing appeal of ethno-nationalism the secession of Pakistan's Bengali speaking east wing in the 1971 war failed to bring complete resolution of the country's long standing dispute over the terms of national integration; instead it shifted the focus of debate to the west. The demands of the provinces for constitutional guarantees to the devolution of powers to the provinces were conceded in the constitution promulgated in 1973. However, the genuine federalism was quickly aborted. Ethnic movement started in Baluchistan, as earlier discussed and was put down by the army.

In Sind however, one finds more severe ethnic strife, which erupted in 1972 on the basis of language and then after 1977 coup against Bhutto. Later ethnic disputes became severe and deadly and many a times army had to be given control of Karachi and Hyderabad, two main cities of the province to bring in normalcy with iron hand. These disputes were partly related to the ethnic reasons and partly due to general socio-economic despondency.

The demographic element Sind's deeply troubled landscape — urban and rural — dramatizes the impact of the underlying demographic element on patterns of inter-ethnic relations everywhere in Pakistan²². The international and intra-regional migration changed the pre-independence ethnic complexion. In 1981 census, almost 10 million (11% of total population in Pakistan) were listed as internal migrants. Most were in Punjab, 63.4 percent and in Sind, 27.9 percent. But in Sind, where it was 14.6 percent of the population, majority (85 percent) was from other provinces and countries, unlike Punjab. It contributed most to ethnic mix in Sind. Sindhi felt this would reduce their number to minority in their province in future and thus control.

Uneven Development Ongoing demographic changes are only one element of the ethnic problem. They often stimulate the expression of grievances that stem from other, often deep-seated sources, such as the uneven development of country's four provinces. The rural Sind like other rural of the country remained backward and economically disadvantageous and under the control of feudalists. While its big cities Karachi and Hyderabad that had more of immigrants were prosperous. Its 69% population remained depended on Agriculture, against the national figure of 35%. Education rate in rural Sind

was 15.6% against Karachi, which had 50.8%, in 1981. Only 14.5 of the rural population had got electricity by 1984 and many areas remained deprived of water.

The development priorities in Pakistan have been made according to the preferences of the establishments that control the central government, irrespective of the needs. There have been periods when the local governments were allocated more funds to take care of their needs and undertake small development projects. But Sindhis charge that, rural Sind was neglected and money was spent only in Karachi and other few cities of the province, where majority of the immigrants lived.

Unequal representation in governmental structure Backwardness relative to prosperous urban centers that were mostly in Punjab, and Karachi contributed to ethnic discontent in the rural Sind. Sindhi frustration was already rife when Bhutto came to power in the 1970s; but the rise of a charismatic and populist fellow Sindhi to the premiership served to assuage it. In fact, the collapse of Bhutto regime in 1977 probably fell hardest on the Sind. With only sparse representation in military, Sindhis rely more than other groups in Pakistan on quota politics to gain access to institutional power and, thus, to the opportunity to alter their condition. In this sense, martial law has always exacted a higher penalty from the Sind than from other provinces, with the exception of Baluchistan. The indigenous Baluch tribesmen, not the tribal leaders, have had equally meager representation in the bureaucracy and military.

One may also find some extreme explanations of the poverty in the country. In a society where the direct and indirect beneficiaries of military spending may account for as much as 10 percent of Pakistani household, where military agreements with Pakistan's Arab benefactors enable tens of thousands of military in all grades to serve routinely in lucrative postings in the Middle East, where preferential hiring of retired military officers is standard practice mandated by law, and where senior military officers often retire into choice public sector appointments such handicaps for both, the Baluchis and the Sindhis are not inconsequential.²³

External De-stabilization is usually blamed by Pakistan for instigating ethnic violence.²⁴ The reasons for wanting to shift responsibility for domestic strife to a «hidden hand» are usually plain enough; after all, scape-goating is a time-honored device in international relations. Unfortunately, allegations of foreign interference are very difficult to authenticate and hard evidence is almost never made available. For a number of reasons, however, the threat of external interference in Pakistan's domestic ethnic problems should not be dismissed.

First Pakistan's most likely adversaries (India, Afghanistan, and Soviet Union until 1988) have had clear and powerful motives to interfere. They

were all alarmed by Pakistan's increasing military ties with the US²⁵. Afghanistan and India are fearful of Pakistan's support of dissident groups in neighboring states. Pakistan's ethnic minority are attractive target, for coercive diplomacy, retaliation or to weaken the regime. And then there remained remnants of the Afghan 'Jehad' in the country who were not taken back by their governments, to urge and organize the movements for the restoration and establishment of 'pious' governments.

Second Pakistan remains vulnerable to external interference. All provinces share long and easily penetrated borders with either India or Afghanistan. There are certainly heavily armed and politically disaffected elements with histories of violent governmental activity. Thirdly, history suggests that Pakistan's adversaries have from time to time succumbed to the temptation to exploit Pakistan's domestic ethnic problems to their own advantage. This was patently the case in the months following the outbreak of civil war in East Pakistan in March 1971, when India became heavily involved in clandestine support of Bengali separatists.

The involvement of other governments in ethnic nationalist movements and inter-ethnic strife can be demonstrated by two examples. In 1974, government confiscated the diplomatic bags of the Iraqi embassy, destined to Baluchistan. At that time, Baluch nationalist movement was involved in guerilla kind of war. And, in 1986, when the severity of inter-ethnic friction was at its peak in Karachi, government had to arrest manager of the Libyan airlines, holding diplomatic immunity, and was subsequently allowed to leave country. He was involved in providing weapons to both the fighting factions. Moreover, he had been involved in many of the murders which, subsequently led to the spread of the violence.

Islamic Terrorism

Emergence of Islamic radicalism in Pakistan in 1980's was part of the universal trend. Of course in the case of Pakistan, Islam has a special role as the *raison d'être* of the state and the only apparent glue holding together ethnic groups²⁶. But it has comparable expressions like other societies, reflecting increasing skepticism about ability of technological civilization to produce a happier world. Like other countries, in Pakistan, it has specific material and ideological roots. In the eyes of the leaders of the Islamic movement, the secular philosophy borrowed from the west, the imported alien institutions of Europe, and the association with and inevitable dependence on foreign powers are responsible for the malaise of the Muslims. The society therefore needs to return to its old ways and the shelter of the eternal truth of Allah²⁷.

To achieve these goals, the parties claiming to make struggle for the supremacy of Islam have had different strategies. Most of them had been through the rules of politics. It involved both propagation and active participation in

political life. This active participation in political life and mostly their support of democracy has helped them to remain within the chains of society. Thus most of such movements have been on moderate lines²⁸. Their struggle no doubt have always shaken the existing incumbent in the government, but the intensity of the opposition has been mild and mostly non-violent unlike ethnic and nationalist movements. However, on two occasions, these parties were involved in active violence, against Ahmedis, in 1953 and 1973.²⁹

The more violent issue in religion has, however, been Sectarianism, which has claimed lives almost every year in Pakistan and is more relevant to our study. Otherwise, examination of Islamic tradition in this country shows that the «dogmatism and narrow mindedness» which West associates with «Muslim extremists are not in accord with the cosmopolitan and tolerant brand of Islam which evolved in this territory»³⁰. It is also relevant with the observation that «the power of clerical hierarchy had declined over the centuries as local beliefs and compromises with custom eroded religious orthodoxy.»³¹ Modern communication helped the clergy to regain its power. And the conflict has positive relationship with power which became the main objective of religious leaders as well.

Religious Sectarianism

Terrorism was closely associated with the religious sectarianism, and intensity wise a new phenomenon. The wave of inter-sect violence claimed scores of life since it exploded in mid '80s. For many this sectarianism had replaced ethnicity as country's most significant divisive force. The resurgence of religious intolerance was evident from the pamphlets, stickers, proliferation of cassettes inciting faithful to violence and the canonization of ever growing list of martyrs.³²

This new wave of sectarianism was quite distinct from the kind of inter-religious strife that the country had witnessed in the past³³. The traditional Shia-Sunni tension during the month of Moharram, often leading to bloodshed and violence, was of a different nature to the organized violence of today. Disputes over what seem to outsiders to be pretty doctrinal differences have always been the bane of the mullah's brand of Islam. Like medieval Christian theologians, engaging in endless debates over the number of angels that can occupy the head of a pin, Pakistan's mullahs have frequently taken up cudgels against one another on the most trivial of pretexts.

It was the success of the religious lobby in getting the Ahmedis declared non Muslims, in 1974 that gave them their first taste of blood.³⁴ Later, several explosive elements were added to what was always a potentially volatile situation. Guns became as much a part of the scene as daggers once were. More significantly, there was a deep politicization of various sects, and nation-wide organizations claiming to represent Shias and Sunnis sprung up.

The consequence of these changes was alarming: in the past, as local skirmishes between the two groups would remain localized, or, at worst spread to neighboring areas. But this development, the possibility of trouble in one area ending up engulfing the whole country was ever-present.

Geographical distribution of sectarianism underwent a radical change in 80's. Earlier it was the larger cities that were considered the most volatile trouble-spots but tensions became more in the rural and backward areas. It demonstrates the relationship of conflict with poverty, backwardness, and deprivations. Three events had significant impact on the direction 'religious politics' took in the country: Zia's Islamization policies, the Iranian revolution and the Afghan war.

The fall of Bhutto, under the pressure of an opposition dominated by religious forces, gave the fundamentalists a new confidence. The Islamization policies of Zia set the institutional foundations for the new brand of religious extremism³⁵. The period saw the establishment of zakat and usher committees, the rapid construction of mosques, the stipend and grants to religious organizations and individuals, and the state support and patronage - - through zakat and other means -- all helped boost the power of the mullah. In fact Zia was trying to create his own political constituency, and somewhat following Egyptian system of controlling religion.³⁶

But what happened, that Mullah who was never taken seriously as a contender of local power, assertively arrived on the scene of politics. He became the part of religious bureaucracy, with a power base. The second and equally important event of the nascent fundamentalist force was the Iranian revolution. Khomeini's success in Iran, not only inspired Shias in Pakistan and helped politicize them, but also produced a severe backlash. The revolution sent the shock waves running through the conservative monarchies of the Gulf and Saudi Arabia, as well as other secular anti-Iran states.

Every sign of Shia militancy was exploited by Pro-Saudi and Pro-Iraqi groups of Pakistan to collect more and more funds from abroad. Iran started funding and directing the activities of Shias, and Iranian diplomats were accused of meddling the internal affairs of the country. The Afghan crisis further injected the money, arms and a strong ideological fervor to the new class of religious leaders. The massive injections of funds and arms for the mujahideen, and humanitarian aid to the refugees, served as a convenient cover for certain countries to dole out money to their fundamentalist allies in Pakistan

In bordering town Parachinar³⁷, where Shias had a majority, began to fear that influx of refugees may tilt the balance of power in favor of Sunnis, became irritable and looked toward extreme Shia organizations for help. Clashes began between two groups. In 1987, TNFJ (Tehrik-e- Nifaz Fiqh Jafria) chief, Ariful Hussaini was murdered. The TNFJ accused the govern-

ment of Zia and his military governor of the province, Mr. Fazle-Haq being behind the conspiracy³⁸. (Mr. Fazle Haq was murdered in Oct. 1991 in revenge) There were also accusations that Iraq, which was then engaged in a bloody war with Iran, managed the murder.

The Iranian revolution had a mysterious impact on the shape of Shia leadership in Pakistan. Prior to Khomeini, the Shia leadership was in the hands of Zakirs (a Shia local spiritual imam), who would basically acquire followers through their controlled gatherings during Moharram (a lunar calendar month, when Imam Hussain, grandson of Mohammed was killed by Yazid, in the battle for Muslim monarchy, and a holy month for Shias). Shia organizations in those days were mainly concerned with the ritual and organizational aspects of Moharram and the leadership was, by and large, apolitical as far as larger domestic and international issues were concerned. The revolution in Iran strengthened the hands of maulvis of mosques, at the expense of zakirs.

The old zakirs found themselves all but irrelevant in this new atmosphere. They were ousted by a new generation of young and zealous pro Khomeini maulvis from the Northern areas of Parachinar. With this takeover by a new generation, the tenor of the speeches began to change, and a much more political atmosphere was evident at Shia congregations. Now Moharram became a political opportunity and the direction was militancy.

This change set alarms bells ringing in several quarters. The Zia regime, struggling for legitimacy, had already had a run-in with the Shias over islamization policy. The Shia suspected the General of trying to impose the majority Hanafi Fiqh on the entire country. The proposals for deducting zakat compulsorily from all citizens became the rallying point for an organized Shia campaign. The mammoth 1981 demonstration in Islamabad assumed an ominous shape for Zia's regime, which was faced with disciplined force that could provoke a major bloodbath. The agitation saw the formation of the TNFJ a party that saw itself as representing the country's Shia.

The martial law regime was forced to climb down over the proposal, exempting Shias from zakat. The new militant Shia politics had been born, and had tasted its first victory. And unlike the old zakirs, who were easily controllable by the administration, the new ideologically committed leadership was not overpowered by old fashioned law and order tactics.

This inter-nationalization of sectarian politics added a whole new dimension to the situation. A great deal was now at stake for all the parties involved in religious politics. During the clash between the government and militant Shias in the 1980, the country saw the emergence of new fundamentalist Sunni organizations. These were ideologically opposed to the Brelvis. Brelvis traditionally were more ritual minded and less doctrinally disposed to anti-Shiaism. They had significant appeal in rural as well as urban areas.

Their origin is in Indian Sufism, rather than puritanical following of Islamic teachings originated from Arab³⁹. The Sunni fundamentalists consider their faith polluted with un-Islamic ceremonies.

Initially it was in Karachi, but subsequently found better appeal in the south-western Punjab, where traditionally political leadership was in the hands of Syed landlords⁴⁰. This was a political challenge to the leaders who had never seen opposition to their politics, despite that majority in their areas were of Sunnis. In Jhang,⁴¹ formation of Sunni organizations and their political militancy was thus more driven from the political and economic needs of the Sunnis and the trader class than religious fervor.

The construction of Madrassahs (schools based on religious education, like Al-Azhar university of Cairo) continued in 1980s' funded partly from the zakat distributions of the government, but mostly from the help of Arab donors (Iranian donations for Shias). The madrassahs provided street power to the religious groups. Their students are frequently seen at demonstrations, most notably during the anti-west agitation, pro Shariat bill rallies and the attacks on newspaper offices. The decade therefore witnessed the strengthening of the power of fundamentalist groups — giving them an institutional and financial backing they once lacked. Having built up an infrastructure, the religious groups were able to mount political challenge — something the people of Pakistan had always denied them at the ballot box.

The religious terrorism in Pakistan, however, can not be interpreted on the lines of the model by Moshe Amon⁴². Though it is true that some followers may think that they are «righteous and enlightened because they are able to recognize that the world is corrupted» and it «induces them to break the law in order to bring down the evil system».⁴³ In Pakistan, many of the fundamentalist supporters are motivated by religious 'guilt' as explained in the words of Barry Rubin, that, 'since they were born in a Muslim country but did not able to contribute for their religion, and thus, had to act fast'. But again, majority in the country is exploited by the local leaders who either belonged to the old feudal elite, lose elections and take revenge from the occupant of the office, by creating unrest in the area, or they have sponsored money from political parties, which in turn get it from many sources.⁴⁴

External Factors

The *international terrorism* is also linked to the internal terrorism of ethnicity and sectarianism. Moreover, Pakistan could not immune itself from the Middle Eastern politics. The hijacking of Pan Am plane in Karachi in 1986 was related to the terrorist activities in Kuwait, and hostages in Lebanon. Earlier, in 1978-80, government had restricted the movements of Palestinian in the country, who were involved in cooperating with AL-Zulifqar (PPP) group against Zia regime. Palestinians had their own reasons to dis-

credit Zia, who was military adviser to the King of Jordan during the clashes of Jordanian military and Palestinians in 1970.

But it was war in Afghanistan which intensified in the mid-80, and Pakistan became the target of almost daily terrorist bombings.⁴⁵ There is very little doubt that these attacks were Soviet/Afghan in origin, that they were intended as reprisals for Pakistan's support of the Afghan resistance forces, and that they had as one of their paramount objectives in the undermining of the Afghan resistance by fostering ill will between the refugee population and its Pakistani hosts.

It is easy to ascribe terrorist motivations to world communist aggression⁴⁶, or to some fundamental regimes, but in reality it is extremely complicated issue. For example in some cases participation may be inspired by the psychology of group dynamics or individual personalities. But certainly in Pakistan's case, foreign powers were able to get close to these groups, or these groups were able to find some kind of foreign logistic support. For example, many times the bombs used were of the technology ascribed to the communist countries.⁴⁷

Elements of Drug Trade and Lawlessness

These two elements are considered partly responsible for the terrorist activities during the last decade. In Pakistan drug production is controlled by tribal area leaders bordering Afghanistan. It is a lucrative business, thus many influential people got involved in the trade. They have penetrated in many state institutions and exercise powerful influence. They have political control⁴⁸, and in many areas control transportation sector.

The drug traffickers' primary goal is to continue their profitable business undisturbed; they do not overthrow or destroy the social order that nurtures them. But they do seek to eliminate with systematic thoroughness all those highly placed functionaries and important private citizens --including government officials, politicians, police officers, judges, journalists-- or any other persons who oppose them. Karachi (being only port Pakistan has) is attractive for drug dealers and they have resisted violently to any effort to control their activities.

This issue has its linkages with the international terrorism, and many actors are involved in it. As in other areas,⁴⁹ terrorists in Pakistan have substantially benefited from the drug trade. Their share has been significant and instead of collecting small monies by robbing people, they can earn millions. Drug dealers have used Sindh's rural areas as their hideouts, leaving an investigator working on issues of kidnapping or murders, in bewilderment, if the crimes were related to the nationalist movement or were acts of drug lords.

Drug dealers, smuggling from Afghanistan and bordering areas, have many times faced organized resistance in Karachi. The MQM, an ethnic organization of Muhajars, which procure its popularity by social works

and philanthropic activities beside nationalists' demands, has many times declared challenge against the drug proliferation. According to the MQM, the ethnic community (Pathans), which belong to the northern parts of the country, and control transport sector in Karachi, is involved in it. Their attacks on the dens of drug suppliers in the Pathan localities have often resulted into massive ethnic violence between the two communities.

The *general lawlessness* can be ascribed to a situation of anarchy, when the criminals can have a free hand in the wake of the inter-communal strife. This is part of the game and often very difficult to identify, especially when the law controlling authorities are poorly equipped.

III. Methods, Impact and Fight against Terrorism

Methods

Kidnapping for political purposes and the extortion of ransom has been practiced since time immemorial⁵⁰. The Sindhi Separatism's movement adopted this strategy and ran it ruthlessly for many years. The robberies of the banks and government properties were secondary targets. Initially the victim was the business class of Karachi and it continued for long time. Almost all the victim's relatives succumbed to the demands and preferred not to bring country's administration in. Deals were made through mediation. Whether the money was used by the nationalist movement or not, it is certain that many local political leaders got their share for mediation⁵¹.

The business community in the meanwhile arranged their own security network. The kidnappers then changed the targets. From collection of ransom on the roads, they abducted governmental officials, and foreign students or workers. Chinese and Japanese, have, so far been their victims, who were in the rural areas working on developmental projects.

It is an interesting question that, what did these people do with the money they got. It was not used to make new members, or to propagate their cause. There is hardly any evidence of using this money to acquire popular support. It was however, used to create sphere of influence. But again the question is if the cooperation at rural level to these people was the result of their ruthlessness or it was got through payoffs. The government administration, in any way got kickbacks.

It is well recognized that these people usually have sources of information in police, who collaborate with them either because they are sympathizers or because they are paid. In view of prevalence of low wage structure in the country, the second reason finds more appeal. If nationalist's tendencies were the guiding principle, then there is more argument in favor of the presence of sympathizers in administrative machinery⁵².

In the case of the terrorism related with religion, the methods have been the murders of the opponent's leaders and workers, often by placing bombs in the gatherings. It resulted into chain reactions and continuous revenge. Moreover, one killing may result into mass violence, and thus is an attractive method for opposition to use such incidents to discredit the incumbent government.

Impact

If we look three cases of terrorism, the hijacking by Al-Zulifqar, in 1981, the kidnapping by Sindhi extremists and murders on sectarian basis, their effectiveness has been for very short periods of time. After getting initial attraction and sympathy, it loses the general public's support after some time. The beneficiary has been most of the time government. Zia's government was strengthened with the incident of plane hijacking in 1981, and PPP lost its mass support, with the result that this party could arrange the next anti-Zia movement in late 1983. At this time, it was one of the bloodiest movements, but it characterized itself with Sindhi nationalism, a disdained phenomenon in other parts of the country, and Zia was controlling the situation within a few weeks time.

The Sindhi nationalist movement's activities have gone in the hands of criminals and almost all nationalist leaders deny any link with dacoits or kidnappers. It suggests the application of the model which states that, the members of rank and file decide themselves to engage in terrorist activities and such decisions are not made at any party's central command. But this movement has certain relationship with political developments in the country. One its activities are lessened, whenever, Prime Minister from Sind is installed, e.g., in 1972, 1985 and in 1988. But this reduction in activities has always been temporary. This shows its tendencies toward radicalism or the resolve to fight the existing system.

Deprivation and Terrorism

The province of Sind, the South-western Punjab, rural areas of NWFP, Baluchistan and tribal areas of Pakistan have relatively been more deprived than urban and industrial centers of the country. Those who consider deprivation as one of the causes of terrorism may use deprivation theory to explain terrorism in Pakistan. Deprivation leads to frustration, which in turn produces aggression when pent up hostility against perceived aggressor is released by an immediate stimulus (McPhail, 1971). A gap between expected and achieved welfare on some dimensions produces the collective discontent that generates violence. Deprivation theory applies to the development of social movements because the latter are an exemplar of a major type of social movement (Duval and Stohl, 1983).

The researchers on Pakistan, also some referred in this paper, agree on the presence of deprivation in the country. It may be political, economic, or social. And it is held to account for political violence in Pakistan. Not only sociologists, but politicians also endorse this reasoning. The statements of political leaders, the manifestos of the political parties, all pledge for the provision of basic necessities. They promise for employment, for housing, for education and health facilities, and so on. Nonetheless, all promises are without any solid programs, leading to the subsequent discontentment of masses with every incumbent government.

Like any analysis, the deprivation theory needs to be tested further to see the relationship of terrorism and the level of deprivation. Without deep study, one can not come up with specific answers, though generally, it can be considered as a relevant factor.

Counter-terrorism

The goals of internal terrorism in Pakistan during the period under investigation can be generalized as:

- To win the short term objective, such as political mileage or wealth,
- To de-stabilize the government,
- To arouse repression by the authorities, to alienate the masses from the government, and to drive large number of them into alliance,
- A frequent objective was to sow inter-communal hatred and conflict, and,
- It had been used to eliminate the leadership of the opposing forces.

The methods and strategies adopted by the terrorists and questioning by some of them, who were arrested revealed some interesting facts⁵³. These elements suggest how much the terrorism in Pakistan had been affected by the general trend in the world⁵⁴. Majority of the people involved were said to have education up to the university level. Some of them were dropouts, but most of them managed degrees. Some of them had widely traveled.

During their studies in the cities, they developed contacts with the revolutionary movements. The left oriented organizations called themselves as 'progressive' and distributed posters of Che-Guvera and other revolutionary leaders. Generally they believed capitalists as enemies of society. Right winger had their own gods and goals for worship. Those who did it for wealth did not kidnap a person without collecting all kinds of information about the victim, about his relatives, his wealth and suggested him on, how to tell his relatives to arrange cash.

Government's response varied from submission to ruthless repression. As happens in other societies, police forces, applying traditional methods were unable to «cope with terrorist's activities»⁵⁵. The government was supposed to proclaim a determination to uphold the Rule of Law, and authority. But

Zia regime in 1980 onwards had faced difficulty in claiming its legitimacy. The strategies, therefore it adopted were more directed to getting political benefits to the government and not to the people. It did not quell the terrorists and their collaborators, rather pursued the policy of compromise. For example, in the case of PIA hijacking in 1981, all the demanded prisoners were released; the government was satisfied with winning the moral war.

In case of Sind, as long as general violence was not erupted in 1983, government tried to stay outside the incidents of kidnapping and dacoities. These were dealt at the local level. The federal government used media to denounce the terrorists. There was no clear cut and consistent policy even after 1983, though some legal provisions were introduced raising the level of sentences. It used to be 7 years imprisonment, if charges of kidnapping for monetary rewards were proved. It was raised to ten years in 1985 and to life imprisonment in 1987, and in the cases of children it was converted to death sentence in 1983.

However, there have been periods of serious police and military actions. Their durations remained short due to the fear that prolonged presence of army in these areas was politically harmful. Since army was in control, the strategies used were similar to the «two wars» strategy⁵⁶. This doctrine prescribes the harmonization of two distinctive kinds of campaign by counter-insurgency forces: (1) the military and security war to identify, isolate and destroy the revolutionary forces, their leaders, logistic support, and lines of communication; (2) the political, ideological and psychological war to sustain and strengthen the base of popular support behind the government and hence to render the terrorists politically isolated and vulnerable.

But as mentioned earlier, no effective policy has ever been employed to counter any kind of terrorism and most of the time it was left to the local administration or to the local politicians to 'handle' the situation.

IV. Conclusion

Many analysts of that period had pointed the following factors that limited the capability to counter the emerging internal security challenges;

- Press and accountability are weak and a terrorist activity is news for one day only and is not made an issue,
- Many criminal acts do not come within the priorities of society, since the targets in most of the cases were the 'rich' businessmen who did not enjoy common man's sympathies due to serious income inequalities,
- Administration is polarized and no-committal due to many reasons, one of them is low wage structure, and secondly corruption,

- Political leaders and rulers are involved with kick-backs from all levels and some of them getting benefit out of terrorism,
- Terrorists finding sanctuary in the rural strongholds of feudal politicians, and
- Many central governments lacking broad based legitimacy and the subordinates do not feel restricted in many cases, to tyrannize the masses.

For many observers, the country at the time was struggling for identity crisis and thus the mass violence was not an extraordinary disturbing element. It is difficult to ascribe terrorism to the failure of government, or the presence of nationalist feelings in the masses. The friction is bound to be present when different nationalities try to live in one country and also have severe economic backwardness. But it is again, a tiny spark suffocated in the debris, which a terrorism analyst is to look into. These are often restricted elements, which tyrannize the whole neighborhood. They may justify their actions on the grounds, hard to negate, but the methods they use, degenerate the society's formation.

In the period under review and subsequently, terrorism was an ordeal to the staggering economy, resulting into more hardships to the masses which, the revolutionaries/nationalists claimed to lessen. It limited the economic and social activities to daytime only. The transport system, business community and industry, all have to limit their working hours with reduced production and employment. This disenchantment was intensified and the teeming millions suffered, due to ignorance, powerlessness, and with no fault of theirs. All institutions needed to be reformed, not by makeup but at the level of surgery. There could be two options either through democratic process or revolution. First option is halted by the ruling elite in the efforts to curb the second course.

There are certain shortcomings in the above study. They mainly relate to the support of arguments with statistical data. The inclusion of it would have strengthened the efficacy of the findings. The recent surge of the phenomenon all over the world has given it a new direction and the task of examining internal threats and remedies associated with the criminal activities are to be sorted out by governments with internal systems. Analysis of factors for example, the political and rights situations in the tribal areas of Pakistan would have led the study unmanageable.

In retrospect

As one could observe the current measure being taken by counter terrorism forces are mostly linked with the change of social, political and legal arrangements in Pakistan, one should not be surprised to the links established in the above discussion between terrorism and the values and norms of the

society. There is a realization that the political social and legal systems of the country lacked certain factors that led the spread of this menace internally as well as beyond boundaries. As Waseem notes,⁵⁷ it was considered after the elections of 2002 to bring the religious leaders in the mainstream politics by recognizing their electoral power but various factors militated against them.

In any case the dealing with terrorism in its entirety needs serious measures. Be it Pakistan or any other part of the world. There is a need to understand the bifurcation of the social system, allowing all the social forces to capture the political imagination and modifying the basic social reforms within the ruling elite.⁵⁸ This is a process and not a static event.

Notes

- ¹ According to Wikipedia, the encyclopedia, terrorism is a controversial term with multiple definitions. One definition means a violent action targetting civilians exclusively. Another definition is the use or threatened use of violence for the purpose of creating fear in order to achieve a political, religious, or ideological goal. Under the second definition, the targets of terrorist acts can be anyone, including civilians, government officials, military personnel, or people serving the interests of governments. <http://en.wikipedia.org/wiki/Terrorism>.
- ² For role of Pakistan in the war against terrorism pl. ref. http://www.adl.org/Terror/tu/tu_1103_pakistan.asp, the article titled Pakistan: Friend or Foe of the United States.
- ³ In Ted Carpenter study, 1987, <http://www.cato.org/testimony/ct-tc031397.html>.
- ⁴ <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/3453.htm>.
- ⁵ There is need to examine the issue for the period since the measure being taken today in fighting the terrorism are mostly aimed at revising the structure built during this period.
- ⁶ The four democratic governments during this period were not independent democracies. Bhutto assumed the powers of chief martial law administrator in 1971 and used army's help many times. Junejo, in 1985 was the product of non party polls arranged by President Zia, and more powers were kept by the President. Even Benazir Bhutto in 1988 accepted the premiership while surrendering many powers to the army and the President.
- ⁷ For details: Ami Ayalon, «Regime Opposition and Terrorism in Egypt», in *The politics of Terrorism*, edited by Barry Rubin. FPI 1988.
- ⁸ This discussion will lead us far away from our topic. The movements were in, 1964, 1968-69, Bangladesh movement and its independence in 1971, 1973, 1977, 1981, 1983 and 1986.
- ⁹ Unfortunately, most of them believed in democratic norms and had disagreed with Bhutto's authoritarian style. Some of them had socialist ideas for economic reforms, but most of them believed in democratic process. Latter on, Bhutto was charged with murder and then hanged; the murder was of the father of the one of the leaders of these groups.
- ¹⁰ The constitution which was adopted in 1973 was amended 7 times during the period of 73-mid 77, and every amendment reduced the civil liberties.
- ¹¹ Rubin, Barry, *Modern Dictators*, McGraw-Hill Book Co. 1987, pp.11-34.

- ¹² Zafar, S. M. Bhutto and Machiavelli, 1978, Publishers United, Lahore.
- ¹³ Rubin, Barry, *Modern Dictators*, p-157.
- ¹⁴ It is always difficult to justify the claims of the Baluch movement on human grounds. The hold of tribal leaders in the area and their exploitation of the poor masses and control of resources was the situation never liked by liberal democrats of the country. Therefore, they did not get general sympathy for the movement, which lost its appeal very soon.
- ¹⁵ Bhutto sons with the support of Afghan government at the time were main actors in this incident. One of them died in France. The other son of Bhutto lives in Syria, where he has married. Those who investigate on the matter, states informally, that Bhutto's second wife, Nusrat, belongs to the Ismaili family of Iran, whose ancestors were once known 'Assassins', the term referred many times in the study of terrorism history.
- ¹⁶ Burki, J. B. analyzes the objectives of three Muslim communities who campaigned for independent nation, in his book titled, *Pakistan; The Continuing Search for Nationhood*, Westview Press, Oxford, 1991, P. 215-217. His assertion is that Mohajars (the Immigrants) from Central India had the objectives to find a way for due share in the government and the economy. Whereas, the Muslims of Punjab and Sind were more concerned about the dominant role of Hindus in the ownership of lands and businesses.
- ¹⁷ As quoted Barry Rubin in *Modern Dictators*, pp 344-345 Above all, his role for Afghanistan also brought for him international prestige.
- ¹⁸ Arguments given by M. Ayoob, «Dateline Pakistan: A passage to anarchy?» Foreign Policy No. 59 (Summer 1985): 154-173.
- ¹⁹ Hussain, Akmal. 1989. Political Economy of Pakistan. Feroze Sons. Karachi.
- ²⁰ There have been similarities, with the characteristics of Sendero Luminoso, discussed in «Terrorism As a Revolutionary Strategy» in *The Politics of Terrorism*, edited by Barry Rubin.
- ²¹ For details please see «Spanish separatism: ETA's threat to Basque Democracy, by Peter Janke, in *Contemporary Terrorism*, edited by Gutteridge, FOF Publications, New York, 1986.
- ²² Amin, Tahir. 1988, *Nationalist Movements in Sindh*, Institute of Policy Studies, Islamabad.
- ²³ For details on the issue of strength of military in Pakistan, please see Rodney W. Jones, «The Military and Security in Pakistan,» in *Zia's Pakistan: Politics and stability in a front-line states*, edited by Craig Baxter (Lahore: Vanguard, 1985): 70-77 and Hasan Askari Rizvi, «*The Military and Politics in Pakistan: 1947-86*», Konark Publishers, Delhi, 1988.
- ²⁴ For details see Wirsing, «Dilemmas in the US-Pakistan Security Relationship,» Asian Affairs 11:2 (summer 1984): 12-39.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Keddie, Nikki R. P-15.
- ²⁷ As described by Barry Rubin in his book *Modern dictators*.
- ²⁸ It is more of the pattern followed by Muslim Brothers in Egypt, with some lesser degree of violence.
- ²⁹ Ahmedis call themselves as a Muslim sect, but they also claim to have prophet in the 20th century who, refined their religion. The Islamic leaders thus, consider their faith as of non-Muslim.
- ³⁰ This is the conclusion of Urs Schoettli in his essay *Islam and Pakistan's Search for Identity*, in Swiss Review of World Affairs, Dec. 1988, Zurich.
- ³¹ Rubin, Barry. p.23.
- ³² The daily Nation, Lahore, Oct. 1989.

- ³³ The divisions and the different sects and their disparate views for the Muslims of Pakistan are discussed in detail by Hamza Alavi, in *Pakistan and Islam; Ethnicity and Ideology in the Middle East and Pakistan*, ed. Fred Halliday and Hamza Alavi. Monthly Review Press, New York, 1988.
- ³⁴ Incidentally it was the anti-Ahmedi agitation of 1953 that paved the way for the first bout of martial law in the country.
- ³⁵ Esposito, John L. *Islam Ideology and Politics in Pakistan*, in «The State, Religion and Ethnic Politics», ed. by Ali Banuazizi and Myron Weiner, Syracuse University Press, 1986. P.363.
- ³⁶ Khaled Ahmed, *Islamic Extremism in Pakistan*, *South Asian journal*, vol. 2 , 2003 http://www.southasianmedia.net/Magazine/Journal/islamicextremism_pakistan.htm.
- ³⁷ This town borders with Afghanistan from three sides. It had traditional land routes with Afghanistan. It was the presence of majority Shia in this town which, brought it under British control instead of Afghanistan, and thus became part of Pakistan.
- ³⁸ Mr. Ariful-Hussaini was becoming as an Ayatollah in Pakistan, with a strong and well organized movement. His disappearance was no doubt helpful to the then government to control the Shia militancy in the country. The crash of Zia's plane in 1988 is also associated with a shia militant co-pilot of the plane. But it is said that investigation on these line will intensify the inter-sectarian conflict.
- ³⁹ Hamza Alavi.
- ⁴⁰ In these areas, feudal landlords have always controlled the political leadership. These feudal never allowed socio-economic developmental projects for the area, and kept the masses poor and dependent. Majority of the feudal call themselves as SYEDS, the inheritors of Mohammed, who for uneducated people were subject to worship. On this misperception and the popularity of Sufism in the Islam of the region these feudal have exploited the masses since centuries. Incidentally, the present Ambassador of the Pakistan to the US, Syeda Abida also belongs to the same group. Her family has ruled the politics of Jhang for the last hundred years.
- ⁴¹ It is one of the oldest districts in Punjab and religious conflict between Shia and Sunni emanated from here.
- ⁴² For details please see Moshe Amon, «*Religion and Terrorism -- A Romantic Model of Secular Gnosticism*», in «The Rationalization of Terrorism», edited by David C. Rapoport and Yonah Alexander, University Press of America, MD. 1982.
- ⁴³ Ibid pp 81.
- ⁴⁴ These sources have been Iraq, Iran, Saudia and many private Arab donors. PLO is also blamed to have distributed money for some terrorist activities, which went in the hands of fundamentalism.
- ⁴⁵ In 1987, reportedly there were 263 persons killed and 1.370 injured in 289 terror bombings in Pakistan. Newspaper reports.
- ⁴⁶ As Martha Granshaw states in her article «Is International Terrorism State Sponsored?» in *International Terrorism*, edited by Charles W. Kegley, Jr., Macmillan, London, 1990. pp 163-169.
- ⁴⁷ Taken from daily, Dawn, Karachi, dated 17th Jan. 1988.
- ⁴⁸ They have not created their own political organizations as we find in other cases, e.g., in Columbia as discussed in *Drug Trafficking and Terrorism in Columbia*, by Suzanne B. D. Lassen in «The Politics of Counter Terrorism», edited by Barry Rubin, 1990, p.107-36. Though there may be many similarities with this kind of terrorism internationally and in Pakistan. But how much politicians have been benefited from these people and their money? It can be only guessed, since

Politicians do not reveal the sources of their income in public, but it is generally believed to be substantial.

- ⁴⁹ For details on this issue please see Walter Laqueur, *Age of terrorism*, P. 291-294.
- ⁵⁰ Laqueur, Walter. P. 113.
- ⁵¹ The daily *Nation*, Lahore, Dec. 18, 1988.
- ⁵² As is described in the Sociology of Terrorism, in *The Age of Terrorism*, by Walter Laqueur, Little Brown and company, Boston, 1987, P-110.
- ⁵³ Taken from a report published on the subject in daily 'Dawn', Karachi of 5th August 1991.
- ⁵⁴ Many similarities can be established after reading Wendy L. DuBoe's article «Why Western Terrorists Join and Quit» in *The Politics of Counter-Terrorism*, edited by Barry Rubin. 1990.
- ⁵⁵ Laqueur, Walters. P. 133.
- ⁵⁶ Details have been provided by Paul Wilkinson, in «Terrorism versus Liberal Democracy: The Problems Of Response» in *Contemporary terrorism*, edited by William Gutteridge, FOF Publications, 1986.
- ⁵⁷ Dr. M. Waseem, *Pakistan: Beyond Election*, *South Asian Journal*, vol. 5, 2004, **It was not done. He notes that** A counter argument questioned whether it was better to co-opt the Islamic groups and make them part of the system rather than let them lose for street agitation. It was suggested that the experience of working under the guidance of the westernized military and bureaucratic elites would tame the Islamist's raw instinct for revolt against modernity. But the perceived results of General Zia's policy of accommodation of Islamist groups in the government in the 1980s in terms of sectarian terrorism and a gross decline of liberal and progressive forces in the country militated against this argument. http://www.southasianmedia.net/Magazine/Journal/beyond_elections.htm.
- ⁵⁸ Mustafa Kamal Pasha in *Neo-liberal Recipe and Pakistan* has pointed out these three elements. *South Asia Journal* vol. 5, 2004, http://www.southasianmedia.net/Magazine/Journal/neoliberal_pakistan.htm. Also see Beenish Hafeez, *Understanding and Combating Terrorism in South Asia*, *Regional Studies*, Vol.XXII, No.2 Spring 2004, Institute of Regional Studies, Islamabad.

О некоторых проблемах Пакистана и их изучении

Занимаясь значительный период своей жизни пакистановедением, хотелось бы сделать небольшой обзор некоторых основных вопросов развития этого государства, их решения, отдельных недостатков, их причин.

Прежде всего следует отметить, что история Пакистана довольно хорошо изучена и у нас, и за рубежом¹. В отечественной науке о Пакистане, которая насчитывает сотни книг и несколько тысяч статей, затронуты практически все сферы жизни и деятельности пакистанского общества. Методологический подход к изучению пакистанской действительности, его содержательная направленность долгие годы определялись у нас господствующей в стране политико-идеологической доктриной. В силу этого некоторые события и явления не получали объективной оценки, которая искажалась в угоду теоретических догм или политической конъюнктуры. Так, исключительно большая роль придавалась «базису», экономическим отношениям, которые представлялись как определяющие всю жизнь общества. Сколько-нибудь значительные политические события, коими так богата история развивающихся стран, объяснялась главным образом некими сдвигами в социально-классовой структуре правящего блока. Но поскольку таких событий в истории Пакистана было предостаточно, то через какое-то время стало трудно находить соответствующие классовые формулировки. Разумеется, не следует и преуменьшать значимость базисных и социально-классовых явлений в развитии общества. В Пакистане, как и в других бывших колониях, эти факторы играли важную роль в исторической эволюции государства. Следует, например, иметь в виду, что религиозно-культурная конфронтация двух основных общин в Индостане, приведшая к созданию Пакистана, совпадала с их социально-классовым противостоянием (пакистанские крестьяне-мусульмане и индусские помещики и ростовщики).

---

* Владимир Николаевич Москаленко — главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук.

Пакистан с самого начала своего существования находился в конфликте с другой бывшей колонией в Южной Азии — Индией (этот конфликт — старейший в мире после Второй мировой войны). Для противостояния своему могущественному сопернику Пакистан после недолгого первоначального периода «пассивного нейтралитета», стал развивать военно-политические отношения с США, вступил в созданные западными державами блоки СЕАТО и СЕНТО, а в 60-е годы, в период обострения китайско-советских и китайско-индийских отношений, начал развивать широкие коалиционные связи с КНР. Этого было достаточно, чтобы Пакистан у нас надолго сохранял негативный образ. К этому надо добавить, что в Пакистане неоднократно брала власть армия. В те времена, если пришедший к власти военный руководитель не заявлял о своей «приверженности социализму» (чего не делали все главы военных режимов в Пакистане), то он рассматривался у нас как диктатор, душитель демократических свобод, ставленник американского империализма. Естественно, это тоже ухудшало для нас имидж Пакистана. Поэтому оценка деятельности военных, стоявших у кормила политической власти в Пакистане в течение почти половины периода его существования, не была в наших работах всесторонней; некоторые положительные акции или замалчивались, или трактовались в негативном духе.

Крайне важным для изучения Пакистана является проблема периодизации его истории. Естественно, она зависит от того, какой принцип может быть избран для решения этого вопроса. Фактор социально-экономического развития для случая с Пакистаном явно непригоден. Для освободившихся стран «несоциалистической ориентации» важной была смена первоначального периода жесткого огосударствления экономики дальнейшим этапом ослабления вмешательства государства в экономическую жизнь страны, развития рыночных отношений, роста частного сектора. Такая смена в социально-экономических устоях оказывала серьезное влияние на все сферы деятельности общества. В Пакистане подобный ход социально-экономического развития был разорван. В первое десятилетие здесь, как и в других бывших колониях, активно развивался госсектор. С изменением политического режима в 1958 г. началось усиленное развитие частнохозяйственной деятельности, хотя условия для масштабного ограничения госсектора еще далеко не были созданы. Данный ход социально-экономического развития, занявший почти 20 лет, был прерван в середине 70-х гг. широкими радикальными реформами, направленными на ограничение частного сектора, что тоже было уже несвоевременно. Реформы правительства З. А. Бхутто задевали интересы значительного круга собственников, созданного за предшеству-

ющий период интенсивного развития частнохозяйственной деятельности. Оппозиция и сопротивление не только крупных, но и средних и мелких собственников содействовали краху режима З. А. Бхутто.

В основу периодизации пакистанской истории можно положить развитие внешней политики государства. Этот процесс делится на три периода — короткое первоначальное время «пассивного нейтралитета», который затем перерос в приверженность блоковой политике; в 70-е гг. Пакистан отошел от этой политики, вышел из военных блоков и вступил в Движение неприсоединения. Но эти изменения в большей мере определялись положением на международной арене, борьбой двух мировых систем, сдвигами в политике иностранных государств. Поэтому внешнеполитические перемены Пакистана лишь в небольшой степени определялись внутривнутриполитическими событиями и так же мало на них влияли.

Из внутренней жизни пакистанского общества для ее периодизации можно было бы взять такой фактор, как конфессионально-идеологический. Тогда история Пакистана в самой общей форме делилась бы на два периода. Примерно первую половину времени существования пакистанского государства ведущую роль в стране играл национально-демократический фактор, что вполне объяснимо для периода национальной эйфории, последовавшей за победой в освободительной борьбе и созданием «своего» государства. Сильными были и национально-демократические движения основных народностей за расширение провинциальной автономии. Особенно важным элементом в подобной ситуации была обстановка в восточной провинции Пакистана, отделенной от западной 1500 километрами индийской территории. Страна «двух крыльев» была соединена лишь одним звеном — общностью религии. Однако в отличие от полиэтнического Западного Пакистана в Восточном почти все население было представлено бенгальцами. Они сразу же повели борьбу за свои национальные интересы, расширение автономных прав. Постепенно эта борьба приобретала сепаратистский характер, становилась движением за отделение от Пакистана, что и произошло в 1971 г. не без влияния Индии. На месте бывшего Восточного Пакистана было создано независимое государство Бангладеш («страна бенгальцев»). Объединяющая сила — ислам — уступила натиску бенгальского национализма.

В Западном Пакистане, который и представляет современный Пакистан, с тех пор началось укрепление позиций ислама. Национальные движения в стране стали слабеть, на смену этнонациональному сепаратизму пришел исламский интегризм². И хотя внутри него шла острая борьба различных направлений, в отношении национальных территорий ислам действовал как объединяющая сила. По всей ви-

димости, вопрос о возможности раскола страны по национальному признаку ныне снят с политической повестки дня Пакистана. Конечно, полностью отрицать такую возможность, видимо, не следует. Уже сейчас в Белуджистане и Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) развернулось сильное антиправительственное движение с применением оружия, вызванное политикой центра по подавлению исламских экстремистских группировок внутри страны и участием Исламабада в руководимой США антитеррористической кампании в Афганистане. При дальнейшем обострении этих процессов и поддержке со стороны международного терроризма судьба этих пакистанских провинций может сложиться по-иному. Но даже в случае их выхода из Пакистана это будет уже не результатом национального сепаратизма; в его основе будут лежать противоречия внутриисламского характера, стремление крайних фундаменталистских сил отделиться от умеренных.

Настоящий «исламский бум» происходил в середине 70-х — начале 80-х годов. На его основе происходило укрепление политической роли ислама, рост фундаментализма, экстремизма и наконец терроризма. Тяжелое материальное положение широких масс населения способствовало этому процессу. Существенным было и влияние внешнего фактора: достаточно упомянуть исламскую революцию в Иране, движение муджахедов, а затем — талибов в Афганистане, напряженность в отношениях с Индией, отсутствие каких-либо компромиссных решений по кашмирской проблеме. Исламисты добились невиданного успеха на всеобщих выборах в октябре 2002 г. — блок шести фундаменталистских партий вошел в тройку лидеров в нижней палате парламента, а в верхней добился второго места.

Думается однако, что рассмотренный идеологический фактор вряд ли может быть положен в основу периодизации истории Пакистана. Слишком большие временные периоды, которые будут братья при таком подходе, а также основное внимание конфессиональной проблематике неизбежно оставят в тени важные политические события, напрямую не связанные с религией. Между тем, именно политическое развитие, борьба за власть, смена государственно-политического руководства, эволюция политической системы играли в Пакистане, как и во многих других развивающихся странах, центральную роль в общей эволюции государства. Крупные государственно-политические изменения влекли за собой изменения и в социально-экономической политике, и положения в сфере идеологии, и до некоторой степени внешнеполитического курса.

Поэтому основным принципом периодизации пакистанской истории целесообразнее всего избрать политический фактор, но,

естественно, не в изолированном виде, а в тесной связи с остальными важными явлениями пакистанской действительности. Разумеется, и этот принцип не лишен недостатков. Прежде всего, в этом случае периодизация истории Пакистана приобретает довольно дробный характер. И процесс этот продолжается. По-видимому, в недалеком будущем придется задуматься о другом принципе периодизации истории государства.

Появление Пакистана — одно из интереснейших и противоречивых явлений в истории Южной Азии. Действительно, в период подъема национально-освободительного движения в колониальном мире, когда во имя общей цели — достижения независимости в афро-азиатских странах объединялись различные этнические, социальные и конфессиональные силы, в период торжества государственного национализма, в Индостане появляется государство, созданное на основе религии. И это — в части земного шара с древнейшей цивилизацией, где различные территориальные районы, представители многих религий и этносов сосуществовали вместе сотни лет, а в период британского владычества все эти районы составляли части единого государственного и хозяйственного механизма. Как же все-таки произошел раскол Индии? Какова роль каждого участника этой драмы? И можно ли было ее избежать? На эти вопросы уже десятки лет пытаются ответить специалисты по Южной Азии. Собран и проанализирован огромный материал, сделаны интересные выводы. Существует множество мнений и суждений на этот счет. Однако некоторые моменты остаются до конца не выясненными. В связи с этим хотелось бы высказать несколько замечаний. Особый интерес вызывает рассмотрение крупных довольно давно прошедших событий и явлений. Временная отдаленность и уже имеющаяся определенная результативность позволяют полнее и глубже оценить причинность этих явлений. Здесь конечно, прежде всего имеется в виду комплекс проблем, связанных с образованием Пакистана.

Прежде всего надо подчеркнуть, что борьба мусульман Индостана за «свое» государство была не только, и даже не столько религиозным течением, сколько политической и социальной борьбой отставшего в своем развитии крупного сегмента индийского общества (25% населения страны) за улучшение жизненных условий и расширение прав этой общины. Важными были требования социально-экономического и политического характера, требования улучшения правового положения, изменения состояния народного образования, культуры, духовной жизни.

Определенным доказательством важности, если не приоритета политического в тогдашнем мусульманском движении, служит сама фи-

гура его руководителя. По признанию современников, исследователей жизни и деятельности М. А. Джинны, он был европеизированным и не очень религиозным человеком. Некоторые авторы идут довольно далеко в раскрытии этих черт М. А. Джинны: «Он пил, ел свинину, тщательно брился, редко посещал мечети по пятницам. Его политический противник Ганди знал больше аятов из священной книги мусульман, чем он. К тому же, он был не в состоянии произнести более чем несколько фраз на традиционном языке мусульман — урду»³. И хотя здесь вряд ли все соответствует действительности (так, например, М. А. Джинна именно по религиозным соображениям противился браку своей дочери с парсом, который потом принял христианство⁴), трудно представить себе в нынешнем мусульманском мире руководителя такого типа. Но именно потому, что в то время религиозный фанатизм еще не достиг высокой степени, а само мусульманское движение было направлено по сути на достижение социальных и политических целей, М.А.Джинна, который был прирожденным политическим деятелем харизматического плана, способным увлечь за собой массы, сумел возглавить борьбу мусульман за создание «своего» государства. И если он сделал много для движения мусульман Индостана, то и это движение сделало для Джинны немало, превратив скромного адвоката в неукротимого политического лидера, который привел индийских мусульман к созданию собственного государства и заслужившего почетный титул «Каид-и Азам» — «Великий лидер».

Руководители движения мусульман обещали в новом государстве обеспечить увеличение доходов населения, ускоренное развитие промышленности, обеспечение занятости населения, улучшение положения в сельском хозяйстве. В резолюции, принятой в 1943 г. на ежегодной сессии Мусульманской лиги, содержалось требование проведения в будущем независимом государстве реформы аграрной системы, стабилизации арендной платы, защиты прав арендаторов, уменьшения ростовщической задолженности крестьян⁵.

М. А. Джинна выступал за широкое привлечение женщин к решению общегосударственных задач. Еще в 1942 г. он указывал: «Ни одна нация не сможет добиться какого-либо прогресса без участия женщин»⁶.

Руководитель движения за Пакистан неустанно подчеркивал, что новое государство будет основываться на принципах социальной справедливости и «исламского социализма», что предусматривает равенство людей, равные возможности для каждого. Он объявлял себя противником такого развития, когда богатый становится богаче, а бедный — беднее. Широко известны слова М. А. Джинны о том, что он не хотел бы такого Пакистана, в котором люди подвергаются эксплуатации и не могут питаться даже один раз в день⁷. Решение про-

блемы бедности М. А. Джинна рассматривал не только с точки зрения морали и гуманизма, но и в плане обеспечения прочности государства. «Государство, — подчеркивал он, — только тогда будет сильным, единым и процветающим, если оно обеспечит благосостояние народа, особенно широких масс и бедных»⁸.

Пакистан представлялся как демократическая исламская федеративная республика, где равные права будут обеспечены всем гражданам, независимо от вероисповедания, расы, касты и т. д. Возможность теократии не допускалась. Внутри него будут царить мир и согласие, мирными и дружественными будут отношения со всеми странами.

Таким образом, Пакистан стал «золотой мечтой» мусульман Индостана. Каждый социальный сектор общества рассчитывал на определенные выгоды. Мусульманская буржуазия надеялась избавиться от конкуренции со стороны более сильного индусского бизнеса; помещики видели возможность покончить с индусским ростовщицеством, а также играть ведущую политическую роль в государстве; крестьяне думали освободиться от ярма индусских и сикхских ростовщиков и помещиков и получить земли последних; интеллигенция, отодвинутая своими индусскими собратьями по цеху, мечтала выйти на первые роли. Широкие массы просто рассчитывали на улучшение положения в «своем» государстве.

Общий поток всех этих движений достиг к началу 40-х годов прошлого столетия такой массовой силы, что остановить его стало невозможно. Создание Пакистана было предreshено.

В научной литературе продолжается спор по вопросу о неизбежности раскола Индии⁹. Конечно, с течением времени число противников этой точки зрения убывает (разумеется, острота пакистано-индийских напряжений на всем протяжении существования этих стран, рост в них фундаментализма, ослабление секуляризма и т. д. «работают» на идею раздела Британской Индии). Однако надо отметить, что многие сторонники такого вывода все же не принимают его безусловно и полностью, допускают возможность (при определенных условиях) альтернатив такому решению проблемы. Так, профессор МГУ А. Л. Сафронова смягчает формулировку ответа, заявляя, что раздел Индии «был, очевидно (подчеркнуто мною. — В. М.), исторически неизбежен»¹⁰. Автор интересной и содержательной статьи «Была ли альтернатива разделу Британской Индии» Л. А. Черешнева (зав. кафедрой всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета), отвечая на этот вопрос отрицательно, все же допускает возможность противоположного решения при наличии ряда условий. Среди них, например, «проявление большей готовности лидеров

ИНК и Мусульманской лиги к диалогу и компромиссу», противопоставление колониальной армии «планам исламских сепаратистов» и другие такого же рода условия¹¹. Но ведь сам раздел — свидетельство и результат того, что все эти условия тогда не были, да и не могли быть выполнены. Именно поэтому раздел и произошел. И никакого другого варианта с конца 30-х годов уже и быть не могло.

Видный деятель Индийского национального конгресса мусульманин А. К. Азад, выступавший против раздела Индии, свою книгу «Индия добивается свободы» (опубликована в 1959 г.) заканчивает такими словами: «Некоторые люди считают, что то, что произошло, было неизбежно. Другие так же твердо убеждены в том, что то, что произошло, есть зло, которого можно было избежать. Сказать, кто из них прав, на сегодняшний день невозможно. Лишь история решит, поступили ли мы правильно и мудро, согласившись на раздел»¹². Думается, что более чем полувековая история событий, прошедших после 1947 г., показала правильность такого решения — трудно, даже немислимо представить себе Индию с нынешней территорией Пакистана в ее составе. Когда-то, в середине 40-х годов, Дж. Неру писал в сердцах: «Лучше иметь Пакистан, лишь бы только держать Джинну подальше»¹³. А каково было бы иметь в Индии и то, и другое?

Кроме внутренних причин, росту мусульманского национализма, самоидентификации мусульман содействовали и внешние факторы, главные из них — политика Индийского национального конгресса (ИНК) и колониальных властей. ИНК, который считал себя представителем всего индийского народа, долгое время вообще «не замечал» Мусульманской лиги, а затем не признавал ее конфессиональный характер. Многие действия ИНК носили индуистский характер, или по крайней мере могли быть расценены как таковые. Большой вред наносили радикалистские элементы внутри Конгресса и вне его, деятельность и пропаганда которых носила проиндуистский характер, что использовалось мусульманской пропагандой для того, чтобы бросить тень на весь ИНК.

Некоторые действия самого Конгресса вызывали негодование мусульман. Так, ИНК всегда выступал в защиту священных для индусов коров. А после успешных выборов в 1937 г. конгрессиистские правительства в провинциях придали этому общественному движению юридический характер — убой коров был запрещен под страхом уголовного преследования. Национальным гимном был признан гимн «Банде матарам», где патриотические мотивы облечены в индуистские формы. Игнорировались язык урду, арабская и персидская литературы. В армии и школах были приняты хинди и английский языки. В 1937 г. после отмеченного выше успеха на выборах Дж. Неру

заявил, что в Индии только две силы — Конгресс и британская администрация, и больше нет. На что М. А. Джинна ответил, что «есть и третья сила — мусульмане»¹⁴. Вообще, поскольку социальные и национальные противоречия в стране приняли религиозную окраску, то любое сколько-нибудь значительное событие в индийском обществе усиливало межконфессиональный антагонизм. Так случилось даже в результате антиимпериалистического антифеодалного движения мопла, поскольку крестьяне были мусульманами, а помещики и ростовщики — индусами.

Картину межобщинных отношений в политике хорошо характеризует судьба самых видных мусульманских общественных деятелей, таких как Саид Ахмад Хан, Мухаммад Икбал и Мухаммад Али Джинна. В первый период своей общественно-политической деятельности они выступали как патриоты Индии, сторонники индусско-мусульманского единства и совместной борьбы с колониальным игом (Джинну, например, называли «посланником индусско-мусульманского единства»). Однако поварившись в политическом котле межобщинных отношений, они изменили свои взгляды на прямо противоположные, стали активными сторонниками сепаратистского движения на религиозной основе.

Что касается роли колониальных властей в межконфессиональных отношениях, то, взяв курс на покровительство мусульманской общины как более отсталой в развитии и малочисленной по сравнению с индусским населением, англичане предпринимали шаги, которые (даже независимо от желания властей) осложняли межконфессиональные отношения в стране. Это особенно видно на примере системы выборов. Заявляя о стремлении обеспечить более справедливое распределение мест в представительных органах, правительство ввело в 1909 г. систему голосования по куриям, при этом мусульманам предоставлялось мест больше, чем это соответствовало их численности. Из общего числа всех мест в провинциальных законодательных собраниях мусульманская курия получила около 30%. Состав временного правительства на период перехода к независимости Индии формировался из представителей основных религиозных общин на следующей основе: 40% мест отводилось индусам, 40% — мусульманам и 20% — «малым» конфессиям (сикхам, парсам, христианам и т. д.)¹⁵.

Большой ущерб индусско-мусульманским отношениям нанес раздел в 1905 г. Бенгалии по религиозному признаку (репетиция действий в 1947 г.). Такой же ущерб был и от воссоединения Бенгалии в 1911 г., когда уже свыклись с существованием «двух Бенгалий». Нарушение нового статус-кво имело такие же негативные последствия, как и ломка старого. Думается даже, что если бы раздел Бенгалии сохранился, и

более того, проведен был и в других районах колонии, прежде всего в Пенджабе, то, возможно, появился бы шанс избежать «большого раздела». При таком развитии событий, во-первых, была бы прервана постоянная эскалация требований Мусульманской лиги, а, во-вторых, проблемой внутреннего раздела Индии непосредственно пришлось бы заниматься англичанам, которые в 1947 г., умыв руки, наблюдали за всем происходящим со стороны.

Таковы три основные источника процесса, приведшего к расколу Индии. Думается, что из триады — Мусульманская лига, ИНК и колониальные власти — решающую роль сыграл первый элемент. Но и ответственность других участников драмы — весьма значительна.

Примечания

- ¹ См., например: «Энциклопедия Пакистана». М., 1998. С. 573—593 (Очерк пакистановедения). *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* Очерк развития отечественного пакистановедения // Бюллетень общества востоковедов РАН». М.: ИВ РАН. 2002. № 11. С. 89—97.
- ² *Москаленко В.Н.* Исламский радикализм и этнический регионализм в Пакистане // Ислам на современном Востоке: регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии. М., 2004.
- ³ Цит. по: *Плешов О.В. М. А. Джинна — основоположник пакистанского государства* // Бюллетень общества востоковедов РАН». М.: ИВ РАН. 2002. № 11. С. 15.
- ⁴ *Уолперт С.* Джинна — творец Пакистана. М., 1997. С. 10.
- ⁵ *Pakistan Movement: Historic Documents.* Karachi, 1968. P. 328.
- ⁶ Цит. по: «Dawn». Karachi, 11.09.1977.
- ⁷ *Foundations of Pakistan.* Karachi, 1970. Vol. 2. P. 424—425.
- ⁸ *Quaid-i-Azam Mahomed Ali Jinnah. Speeches Governor-General of Pakistan. 1947—1948.* Karachi, 1962. P. 8.
- ⁹ Россия — Индия: перспективы регионального сотрудничества. М., 2000. С. 165—181; «Азия и Африка сегодня». М., 1998. № 2. С. 64—69.
- ¹⁰ Политическая история государств Азии и Северной Африки. XX век. М., 1996. Т. 1. С. 203.
- ¹¹ Россия — Индия: перспективы... С. 179.
- ¹² *Азад А.К.* Индия добивается свободы. М., 1961. С. 319.
- ¹³ *Selected Works of Jawaharlal Nehru.* New Delhi, 1976. Vol. 13. P. 324.
- ¹⁴ *Икбал В.* Политическое видение М.А. Джинны // Бюллетень общества востоковедов РАН». М.: ИВ РАН. 2002. № 11. С. 35.
- ¹⁵ *Ганковский Ю.В., Полонская Л.Р.* История Пакистана. М., 1961. С. 65, 96.

Значение промышленных и экспортных зон в экономике Пакистана

Для Пакистана характерны существенные региональные диспропорции в экономике. Уже в первые годы независимого развития государство делало попытки сократить и не допустить дальнейшего обострения этих диспропорций. Опыт Пакистана показывает, что развитие отсталых районов не может быть стимулировано только за счет налоговых льгот, предоставляемых предпринимателям. Для стимулирования развития промышленности в целом и в отсталых районах в особенности, для более рационального ее размещения в Пакистане принимаются различные формы и методы косвенного и прямого воздействия на производительные силы¹.

Если косвенные меры воздействия состоят в создании благоприятного климата в отсталых районах через налоговую и финансовую систему, то прямые выражаются в организации промышленных колоний (парков), специальных промышленных зон, зон переработки экспортных товаров, минипромышленных зон в сельских слаборазвитых районах.

Наиболее развитой формой развития инфраструктуры, влияющей на развитие и размещение промышленности, является создание промышленных колоний, которые привлекают частный капитал в малоосвоенные промышленные районы. На начало 1996 г. их насчитывалось 64, а первые колонии появились в Пакистане между 1953 и 1955 гг. и первоначально не преследовали цели децентрализации промышленности. Их целью в то время было создание наилучших удобств для развития промышленности и получение частными предпринимателями наибольших прибылей. Поэтому они были организованы в наиболее выгодных для этого центрах — в Карачи, Хайдарабаде.

Суть создания промышленных колоний состоит в том, что государство через инвестиционные корпорации, которые получают от

---

* Ирина Викторовна Жмуйда — старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук.

него долгосрочные займы, покупает большие участки земли, главным образом в непосредственной близости или на окраинах городов, и создает там инфраструктуру, строит склады, производственные помещения, после чего сдает в аренду участки для предприятий. Наиболее крупной является карачинская колония — СИТЕ, занимающая площадь 4 тыс. акров. На ней расположено более 500 предприятий с 55 тыс. рабочих. Помимо промышленных колоний для средней и мелкой промышленности, создаются колонии и для крупной, а иногда для той и другой вместе. В последнем случае «для крупных предприятий может оказаться более экономичным поручать вспомогательные операции мелким фирмам, расположенным в колонии. Благодаря территориальной близости субконтрактные операции могут развиваться между предприятиями, занятыми производством запасных частей и других важных компонентов. Рост мелких предприятий вокруг крупных объектов может систематически поощряться потребностью в производстве некоторых вспомогательных продуктов для крупной фабричной промышленности»².

К концу третьего пятилетнего плана в Западном Пакистане было создано 17 промышленных колоний: 8 — для крупной промышленности (в Карачи, Хайдарабаде, Наушахре, Рахимияр Хане, Саргодхе, Суккуре, Мултане и Джелуме) и 9 — для мелкой.

На начало 80-х годов территориально колонии распределялись следующим образом: в Пенджабе было сооружено 6 промышленных колоний в Гуджранвале, Сиалкоте, Лахоре, Гуджрате, Бахавалпуре и Джелуме и 5 колоний находилось в стадии строительства, в том числе в Саргоде, Фейсалабаде, Сахивале и др. В Синде были построены 3 колонии в Суккуре, Ларкане и Мирпурхасе. В СЗПП завершилось строительство колоний в Пешаваре, Калабате, Дераисмаилхане, Мардане, Банну и Абботабаде. Всего одна колония создана в Кветте, где на территории 17,4 га расположено 30 предприятий и занято более 400 человек³.

Промышленные колонии получили некоторое развитие в Пакистане, но их создание встречалось с целым рядом трудностей. Они оказались более привлекательными для крупных предприятий. Чтобы ускорить создание средних и мелких предприятий, было разрешено организовывать их на территории, предназначенной для крупной фабрично-заводской промышленности, и наоборот.

Для Пакистана роль мелкой промышленности значительна: она дает 5% ВВП, крупная — 20%, что казалось бы немного, но при этом в ней занято около 80% промышленных рабочих. Она дает 30% всех экспортных поступлений, а ее доля в экспорте промышленных изделий составляет 30%⁴.

Наибольшей трудностью при создании колоний является покупка земли, так как частные владельцы зачастую затягивают продажу нужного «блока» (участка земли). Много сложностей возникает из-за неувязок с городскими и районными плановыми организациями. Для начала функционирования колонии необходимо организовать производственную инфраструктуру, обеспечить предприятия рабочей силой и подготовить квалифицированные кадры, создать жилищный фонд, произвести некоторые изменения в местной налоговой политике и т. д. Все это сопряжено с большими затратами, отчего организация колоний, как правило, задерживается и отстает от планов ввода их в строй. Поскольку стоимость земли, инфраструктуры и ряда других услуг складывается на все предприятия колонии, аренда участков (особенно для небольших предприятий, несмотря даже на ряд льгот) оказывается не под силу мелким предпринимателям. Примером может служить создание Джамрудской колонии средней промышленности на окраине Пешавара. Хотя на ее организацию было израсходовано более 4,5 млн. рупий, на территории колонии создано всего два предприятия — одно по производству мебели, другое — по производству электропроводов и кабеля, причем последнее почти сразу же закрылось. В начале 70-х годов проводилось обследование причин слабого развития этой колонии. Многие считали, что это было вызвано высокой арендной платой за участки для строительства предприятий.

В это же время в том же Пешаваре по дороге на г. Кохат быстро росла колония мелкой промышленности. Она занимала территорию в 54 акра. Работы по ее организации проводились Корпорацией промышленного развития Западного Пакистана. Стоимость работ оценивалась в 2,35 млн. рупий. На ее территории создавалось 15 различных производств, включая производство сельскохозяйственных орудий, пряжи, трикотажа, отбеливания и набивки тканей, производство ковров, одеял, кожаной обуви, кожаных, латунных и медных изделий, мебели, деревянных игрушек, шелковых тканей и вышивок, резьбы по мрамору и его шлифовке, консервирования фруктов, производство сахара-кхандсари и кондитерских изделий. Кроме того, здесь же предполагалось организовать показательный центр по производству сельскохозяйственного оборудования, центры по оказанию помощи ручным ткачам и по развитию мелкой промышленности. Следует отметить, что большинство производств оказывались взаимосвязанными, т. е. корпорация стремилась развить комбинирование предприятий.

Создание промышленных колоний в небольших, второстепенных городах способствовало постепенному рассредоточению промышленности из крупных городов (быстрый рост некоторых городов, и осо-

бенно Карачи, выдвинул ряд крайне острых проблем, породил «проблему Карачи») и снижению чрезмерной городской агломерации.

Вопрос о недопущении последней и концентрации в городах промышленности имеет немаловажное значение в региональной политике развивающихся стран. Конечно, предприятия, созданные в больших городах, получают ряд преимуществ — им легче построить и арендовать помещения, легче обеспечить предприятие оборотным капиталом, квалифицированными кадрами, у них лучше обеспеченность инфраструктурой и т. д.⁵

В 90-е годы новые зоны практически не создавались, велось развитие уже существовавших. Однако, в начале нового тысячелетия создание зон активизировалось. Так, в августе 2004 г. вблизи Лахора была заложена промышленная зона Сундар. Первая фаза зоны будет расположена на 1500 акрах и будет оформлена официально к июню 2005 года. Зона будет обеспечивать предпринимателей электричеством, водой, вывозом отходов, оптическими средствами для телефонной связи, факсом, интернетом, дренажом, канализацией и дорогами. Прототипом этой зоны являются промышленные зоны в Таиланде, Малайзии и Сингапуре. «Неуспех развития прежних зон объяснялся тем, что у промышленников никогда не интересовались их требованиями и трудностями», — заявил Шохсин Саед, глава Пенджабской компании по развитию промышленных колоний и управлению. Общая стоимость колонии оценивается в 2,5 млрд. рупий⁶.

Правительство уже выделило 1,3 млрд. рупий указанной компании на ее развитие и на возрождение промышленной зоны в Мултани и зоны Каед-е-Азам в Кот Лакхпате. Новая зона, что очень важно, предоставит 10 тыс. рабочих мест и доведет их до 60 тыс. в ближайшие три года. Уже предоставляются к продаже 286 участков размером от 0,5 до 5 акров за 2,6—3 млн. рупий⁷. Промышленная зона в Сундаре, предполагается, привлечет около 30 млрд. рупий⁸.

В агропромышленном городе Фейсалабаде Компания по развитию промышленных зон и управлению создает центр трикотажа.

В 2003 г. пакистанская пресса широко обсуждала создание большого комплекса вблизи порта Гвадар на берегу Аравийского моря. Здесь предполагается создать промышленную зону, зону экспортной переработки, зону отелей, жилой район и аэропорт. Принимать участие в осуществлении будут китайский капитал, Азиатский банк развития, который координирует свою деятельность с правительствами Туркмении, Таджикистана, Узбекистана и Афганистана.

Китайская компания активно включилась в создание первой фазы портовых служб стоимостью 250 млн. долларов, из которых 198 млн. уже выделены китайской стороной⁹. Вторая фаза стоимостью 500 млн.

долл. была запланирована на начало 2005 г. В создании нового порта принимает участие правительство Омана, которое выделило грант в 100 млн. долларов в течение 5 лет¹⁰. Дальнейшее развитие провинции Белуджистан связывается с созданием порта Гвадар, промышленной и экспортно-перерабатывающей зоны и т. д.

Одной из новых форм капиталистического разделения труда и вывоза капитала являются экспортные зоны. В Пакистане они называются зонами переработки экспортных товаров (Export processing Zone). Несмотря на обилие названий («зоны торговли», «свободного предпринимательства» и т. д.), суть их одна — создание анклавов, слабо связанных с остальной частью экономики страны, на территории которой они образованы. Как правило, они создаются вблизи портов, аэропортов, куда ввозится беспошлинное сырье и полуфабрикаты для последующей переработки и экспорта.

Более или менее активно пока функционирует зона в Карачи, хотя санкционированы подобные зоны в Лахоре, Пешаваре и других городах. Однако ни торговые, ни промышленные, ни инвестиционные преимущества не способствуют пока их быстрому росту. Взять хотя бы Карачинскую зону, одобренную к освоению еще в 1975 г. Помимо иностранных инвесторов разрешено также вкладывать свои капиталы и пакистанцам, работающим за рубежом. Они пользуются, как и иностранцы, многочисленными налоговыми, таможенными и прочими льготами. Карачинская зона оснащена инфраструктурным снабжением: водой, электричеством, газом, телекоммуникацией и т. д.

На конец 1994 г. в ней было санкционировано к строительству 150 объектов стоимостью 170 млн. долларов в области машиностроения, удобрений, металлопродукции, химических товаров, автомобильных агрегатов, электроприборов и электроники, бумаги, полиграфии и упаковочных материалов, трикотажа, драгоценностей, точных приборов и т. д.

Из указанных 150 объектов 68 работают и еще 35 начинают работать, остальные находятся в различной стадии готовности. На работающих предприятиях занято 5180 человек, а стоимость импорта товаров на середину 1992 г. составила 165 млн. долларов. Инвестиции в зону сделаны компаниями из Канады, Голландии, Гонконга, Ирана, Кувейта, Японии, Омана, Турции, Англии, Германии и др.¹¹

Предприятия в зоне, как правило, трудоемкие, частично сборочные. На них осуществляются в большинстве своем промежуточные операции, конечные звенья которых находятся в развитых странах.

Признавая первостепенное значение развития промышленности в отсталых районах и более рациональное ее размещение, правящие круги страны понимают, что в этом им помогут иностранные инве-

стиции. С этой целью создаются 12 специальных промышленных зон, три из которых в Панджабе и Синде, одна близ порта Касим, по 2 в СЗПП и Белуджистане и по одной в Северных территориях и Азад Кашмире. Отрасли, создаваемые с участием иностранного капитала в этих зонах, получают многочисленные льготы. Среди них освобождение на 10 лет от подоходного налога, начиная с момента начала коммерческого производства; полное освобождение от налога на продажи на импортируемое комплектное оборудование и машины при условии, что аккредитив был открыт до 30 июня 1996 г.; те объекты, которые начали коммерческую деятельность до 30 июня 1999 г., и если аккредитив был открыт до 30 июня 1996 г., будут получать 25%-ную скидку таможенных пошлин на продукцию в течение 8 лет и при условии, что стоимость объекта превысит 10 млн. долларов, а число занятых — 100 человек. Помимо еще многих фискальных стимулов, предприятия получают кредитные льготы, а также льготы в трудовых отношениях. Правительство несет ответственность за обеспечение предприятий в зонах электричеством, газом, телекоммуникационными возможностями, водой, дорогами и т. д.

Новым направлением в развитии экспортно-промышленных зон является переработка сельскохозяйственного сырья и производство трикотажа на мелких и средних предприятиях. А в районе Карачи и Фейсалабада создаются быстрыми темпами Текстильные экспортно-промышленные зоны, первая из которых будет создана вблизи порта Касим, и основными направлениями ее деятельности будут отбеливание, обработка и окончательная подготовка к экспорту. Зона будет оснащена современными видами инфраструктуры и обеспечит работой не менее 80 тыс. человек. Подсчитано, что экспортные поступления от ее деятельности составят в год около 2,5 млн. долл.¹² Определенное удовлетворение владельцам предприятий в экспортных зонах принесло решение правительства разрешить иметь электрогенераторы, т. к. часты перебои в снабжении электричеством¹³.

Расширившиеся пакистано-афганские торговые отношения после ликвидации режима талибов дали толчок для создания свободных промышленных зон около Торкама и Чамана. Пакистанская сторона предложила оказывать финансовые и технические услуги для развития промышленных зон. Большие надежды возлагаются на строительство сети дорог от Гвадара до Чамана, облегчающих транзитную торговлю в Афганистан. В 2003 г. товарооборот между двумя странами достиг 270 млн. долларов¹⁴.

В зонах вводятся определенные ограничения на создание предприятий таких отраслей, как производство оружия и боеприпасов; печатание денежных знаков; производство радиоактивных веществ;

спирта, кроме промышленного; сахара, муки, табака растительного масла и пластиковых мешков, пива; хлопкоочистительных и прядильных производств; прокат металла, сборка автомобилей; производство цемента.

Особое внимание правящие круги Пакистана уделяли различным мерам по развитию мелкой промышленности. На всепакистанской конференции кустарной и мелкой промышленности в Лахоре еще в 1962 г. было принято решение о создании Западнопакистанской корпорации мелкой промышленности, которая оформилась в организацию в 1965 году. Ныне за рост и размещение мелкой промышленности отвечают соответствующие органы в каждой провинции. Все они создали собственные Корпорации (Советы) мелкой промышленности. Одной из главных целей их деятельности является создание промышленных колоний в городах.

Кроме того, в Пенджабе и Синде минипромышленные зоны созданы, чтобы помогать увеличивать доходы крестьян. Центры ковровой промышленности, мелкие мастерские созданы в засушливых районах провинции, но функционируют они недостаточно активно.

Помимо этого правительство Пакистана обнародовало новый пакет мер для сельской индустриализации, которая включает все сельские районы в рамках программы Сельского промышленного развития, кроме промышленных колоний в Хабе, Нуриабаде, Чуниане, Хаттаре и Гадуне и территорий в радиусе 10 км от них; муниципальные границы Карачи и 40-километровую зону вокруг; муниципальные границы Лахора и 30-километровую зону вокруг этих границ; столичную территорию Исламабад и т. д.¹⁵

Поощряя развитие экспортных зон на территории Пакистана, правящие круги ставят перед собой следующие цели: во-первых, это увеличение притока иностранной валюты, хотя доля зон в стране в целом невелика, но имеет перспективы; во-вторых, это расширение занятости в промышленности; в-третьих, установление связей между предприятиями зон и остальной экономикой и, наконец, это привлечение высоких технологий, повышение квалификации рабочей силы.

Большая часть рабочей силы экспортных и промышленных зон проходит минимальную профессиональную подготовку. Особенно большой критике подверглась деятельность Технических образовательных и обучающих органов в Пенджабе, которые управляли 13 сервисными центрами мелкой промышленности, где было сосредоточено 6100 мелких и средних предприятий. Анализ деятельности этих Технических образовательных органов показал, что работают они неудовлетворительно. Так, был закрыт сервисный центр спортивных товаров в городе Сиалкот. А ведь под управлением этого центра нахо-

дилось 1500 объектов. Также был закрыт центр кожевенной промышленности в Касуре, основанный в 1989 г.

Плохое руководство предприятиями частного сектора влияет на прибыльность этих отраслей мелкой и средней промышленности. Однако, деятельность Пакистанской корпорации мелкой промышленности дает положительные результаты, т. к. помимо повышения квалификации рабочих происходит рост крупных самостоятельных предприятий¹⁶.

Хотя из сказанного выше кажется, что проблеме размещения и рассредоточения промышленности вообще и особенно в отсталых районах придавалось и придается большое значение, государству так и не удалось должным образом разработать соотношение между стимулированием промышленного развития в отсталых, периферийных районах и всемерным поощрением частнохозяйственной деятельности в уже развитых центрах, что создает рост диспропорций в территориальном развитии экономики, увеличение социально-политических проблем и перетекание стоимостей из отсталых районов в быстро развивающиеся.

Примечания

¹ *Hyder M. S. Economics of Pakistan. P. 105.*

² *Matin A. Industrialization of N-W. F.P., Peshawar, 1970. P. 38; Жмуйда И. В. Промышленность Пакистана. М., 1976. С. 72—84.*

³ *Pakistan Economic Survey 1981/82, 1989. P. 50, 55, 56.*

⁴ *Hyder M. S. Economics of Pakistan, с. 124; The News, 3.01.2000.*

⁵ *Dawn, 21.01.1989.*

⁶ *Pakistan Observer, 23.06.2004.*

⁷ *Daily Mail, 20.07.2003.*

⁸ *The News, 24.10.2004.*

⁹ *The News, May, 2003.*

¹⁰ *The News, 29.04.2003.*

¹¹ *Muslim, 27.03.1995; Hyder M. S. Economics of Pakistan. P. 386.*

¹² *Daily Mail, 23.12.2003.*

¹³ *Dawn, 18.05.2003.*

¹⁴ *The News, 23.04.2003.*

¹⁵ *West Pakistan Small Industries Corporation. Responsibilities. Functions. Lahore. P. 5—7.*

¹⁶ *The News, 7.12.2000.*

Пакистан. Транспортные проекты и международное сотрудничество

С начала нового века экономика Пакистана переживает два направления в своем развитии. С одной стороны, правительство Пакистана пытается развивать национальное хозяйство, опираясь на внутренние ресурсы. Так, например, природный газ традиционно имеет большое значение на внутреннем рынке. Его запасы достаточно большие и оцениваются в 600 млрд. куб. м при среднегодовой добыче 23–24 млрд. куб. метров.¹ Доля промышленного производства в ВВП Пакистана достигает 19%.² В стране имеются различные отрасли тяжелой и базовой промышленности (металлургия, машиностроение, обрабатывающая промышленность и др.) С другой стороны, пакистанская экономика испытывает финансовые вливания из-за рубежа.

С конца XX века в стране спроектирована программа «Пакистан-2010 год», в которой запланирован рост ВВП на 7,4 % в год, доход на душу населения — 5,2%. В последующее время предполагается расширять различные современные отрасли промышленности (биотехнологию, оптику, производство компьютеров и др.) К началу XXI века Пакистан обладает уже достаточно развитой транспортной инфраструктурой, без которой построение экономики невозможно. *Пакистанские железные дороги* представляют собой хорошо развитую систему путей, соединяющую фактически все области страны с севера на юг и с востока на запад. Пакистанская железнодорожная сеть, включая узкоколейные ветки, составляет 10.095 км, имеется 737 железнодорожных станций. Подвижной состав насчитывает 596 локомотивов, 32 тыс. грузовых вагонов. До последнего времени железные дороги страны целиком принадлежали государству. В связи с новыми планами правительства в стране активно поощряется участие частного капитала в железнодорожном секторе, производстве оборудования и в системе перевозки грузов и пассажиров. С этой целью создана

---

* Людмила Борисовна Аристова — старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук.

правительственная Комиссия по приватизации, работающая в Исламабаде и привлекающая частный капитал в железнодорожную отрасль. Железнодорожный транспорт Пакистана пока является одним из основных видов транспорта, но его доля в общем объеме перевозок постепенно снижается, уступая место автомобильному и воздушным перевозкам. В последние годы значительно увеличились контакты Пакистана в секторе международного сотрудничества. В частности, пакистанское правительство подписало соглашение с Сирией (2001 г.) «О содействии в восстановлении, модернизации и развитии железнодорожной сети Сирии». Компания «Пакистанские железные дороги» окажет содействие сирийской стороне в данном проекте. В соответствии с документом, подписанным министром путей сообщения Пакистана и министром транспорта Сирии, достигнута договоренность о сотрудничестве Пакистана в предоставлении Сирии специалистов по ремонту железнодорожных путей и подвижного состава, оценке существующих дорожных проблем, состоянию рельсовых путей, железнодорожных станций, наличия действующих мощностей по ремонту и производству подвижного состава. Оценки позволяют выработать условия оказания помощи Сирии по максимально низким тарифам и способствуют улучшению состояния железнодорожного хозяйства страны.

Между правительствами Пакистана и соседнего Афганистана обсуждается давняя версия проведения железнодорожной линии по территории Афганистана. Геополитическое положение страны между Европой и Азией, между двумя мировыми центрами торговли и деловой активности предполагает особое место Афганистана и Пакистана в развитии евроазиатских связей и расширения транспортной сферы. Дорога в будущем сможет стать частью международной трансазиатской линии, связующей страны Южной Азии и Европы. Пока осуществление такого плана является проблематичным, что объясняется нестабильностью обстановки на территории Афганистана и опасением международных организаций и частных компаний вкладывать финансовые средства в этот проект. Проведение железнодорожных линий по территории Афганистана, а также автомобильных путей, трубопроводов свяжет источники сырья и потребителей во многих странах мира, удешевит доставку товаров из целого ряда стран Азии и Европы, предоставит новые финансовые средства от транзита и Афганистану, и Пакистану.

Учитывая все изложенное, в Афганистане была создана правительственная комиссия, занимающаяся разработкой схемы железнодорожных линий по территории страны. Кроме российских специалистов проектирующих работы на севере Афганистана, в работе задействованы специалисты из Пакистана. По сведениям Департамента

по связям с общественностью ОАО «Российские железные дороги», на встрече с министром транспорта Афганистана Саид Мухаммадом Али Джавидом российское руководство железных дорог подтвердило свое намерение в подготовке плана строительства железных дорог по территории страны. Для «Афганистана, где почти отсутствует железнодорожное сообщение, строительство железных дорог является необходимым элементом развития экономики страны».³

Первую в истории Афганистана железную дорогу предполагается построить при поддержке Пакистана и финансовой помощи США к 2008 году.⁴ Железнодорожная ветка, план которой уже подготовлен, свяжет пакистанский город Чаман с афганским Кандагаром. Прокладка магистрали начнется после утверждения плана строительства и его оценки правительством Пакистана. Железнодорожная ветка будет способствовать не столько расширению торговли двух стран, сколько осуществлению транзитных перевозок между государствами Центральной Азии и Южной Азии, а также с Европой. Одновременно в Пакистане рассматривается проект строительства железной дороги между пограничным пунктом Торхам и афганским Джелалабадом.⁵

В последние годы значительное развитие в Пакистане получил *воздушный транспорт*. Пакистан связан со многими странами мира через 5 международных аэропортов: Карачи, Исламабад, Лахор, Пешавар, Кветта. Карачи является самым современным аэропортом страны. Основная авиакомпания — «Пакистанские международные авиалинии» (Pakistan International Airways (ПИА)). С целью создания хорошо развитой инфраструктуры воздушного транспорта правительство Пакистана в своей новой национальной политике в сфере авиации предусматривает возведение новых аэропортов, их оборудование новой техникой и обслуживание. В этой области значительную помощь Пакистану окажут японские банки. Пакистанская сторона всячески приветствует участие частного сектора в строительстве аэропортов. Потребности перевозок внутренних и международных авиалиний выполняют ряд частных авиакомпаний, получивших такое право наряду с государственной компанией ПИА. В отношении иностранных авиакомпаний государство продолжает политику максимально эффективной степени их обслуживания. Политика «открытых дверей» через соответствующие соглашения, взаимодействие с большим числом стран и их авиакомпаниями приносит успех. К настоящему времени заключено взаимовыгодное соглашение по обслуживанию иностранных авиакомпаний с 91 страной. Согласно этим документам множество авиалиний проходит теперь через северные ворота Пакистана (Лахор, Исламабад, Пешавар) — всего более чем через 30 городов и населенных пунктов в пределах Пакистана. «Пакистанские между-

народные авиалинии» используют услуги авиакомпаний в 45 городах 36 стран мира. Государственная политика Пакистана в сфере авиации открывает инвестиционные возможности в систему приватизации и модернизацию своих аэропортов. Отмена исключительной роли государства в сфере воздушного транспорта Пакистана положительно повлияла на значительный рост внутренних перевозок. Более низкие тарифы за провоз грузов и пассажиров повысили объемы перевозок в направлении Карачи-Исламабад, Карачи-Лахор.

Возросла роль частных авиакомпаний и на внутренних, и на международных линиях. В рынок авиации вошли три частные компании — Аэро Азия, Бходжа Эйр и Шахин Эйр Интернэйшнэл. Предполагается вхождение новых фирм. В настоящее время на территории Пакистана работают 35 международных авиалиний. Правительственная политика «открытого неба» принесла благоприятные результаты (рост грузооборота, числа рейсов). Увеличены рейсы в государства Центральной Азии и России.

Заметные перемены происходят в сфере *автомобильного транспорта* страны. В Пакистане имеется, по оценке 2000 года⁶, 1188000 км автомобильных дорог, из которых 7112 км — федеральные трассы, включая 9 национальных шоссе и одну автостраду Лахор—Исламабад (м-2). В настоящее время проводятся работы по улучшению состояния автодорог и возведению новых. С помощью Южно-корейской фирмы (предоставлен 1 млрд. долл.) была построена первая часть (333 км) пакистанской автострады Лахор-Исламабад (м-2), соединившая северные районы Пакистана и юг страны (до порта Гвадар). Завершены работы по улучшению автодорог Исламабад-Пешавар (м-1) с помощью турецкой фирмы Bayindir, которая обеспечивала 50% стоимости работ в виде кредита. С помощью Банка Токио финансируются работы на трассе Пинди Бхаттиан — Фейсалабад (м-3) и Карачи- Хайдарабад (м-9). Каракорумское шоссе, являющееся исторически международным «шелковым» путем, также модернизируется (713 км) до границы с Китаем. Дорога в конечном счете позволит проводить более быстрые потоки движения от морских портов Карачи и Гвадар к границам государств Центральной Азии.⁷

Среди автомобильного парка страны огромное число транспортных средств является хорошей рекламой японской фирмы «Тойота», машины которой преобладают над всеми остальными. Большая часть парка таких машин представляет собой музейную редкость и будет использоваться еще многие годы. Машины украшаются от самых скромных наклеек с бахромой и картинками до таблиц и плакатов с лозунгами и лампочками. Огромное количество такси, автобусов, мотоциклов, мопедов оборудуется специальными поручнями, лестница-

ми и подножками для того, чтобы часть людей могла удобно «висеть» снаружи транспортного средства. Даже самый маленький маршрутный мотороллер, вмещающий двух человек, оснащен, как фирменный поезд, картинками и бахромой.

Морской транспорт для Пакистана имеет важнейшее значение. Почти вся внешняя торговля страны многие десятилетия связана с морскими перевозками. Пакистан имеет два главных порта, обслуживающих 803943 кв. км внутренних районов помимо предложения услуг для Афганистана, у которого нет выхода к морю. Порт Карачи имеет 28 общих грузовых причала и три нефтяных. У контейнерного терминала в 600 м длины построен причал, который уже функционирует в Западной секции порта. Он способен обрабатывать до 300 тыс тонн грузов в год. Терминал оборудован тремя порталными подъемными кранами, имеет площадь в 136 тыс. кв. метров. Продолжаются работы во втором контейнерном терминале Восточной секции порта. Порт также оборудован двумя контейнерами мобильного телефона, необходимого для работы с подъемными кранами. В порту¹—4 причалы рассчитаны на обработку 18 млн. тонн грузов, включая примерно 7 млн. тонн жидкого груза. Карачинский порт оборудован открытыми и закрытыми хранилищами для транзитных грузов и контейнерами с эффективными средствами безопасности и противопожарной системой. В безопасности хранятся и оптовые грузы, отправляемые на экспорт. С помощью Всемирного Банка разработана программа на 20-летний период развития порта с учетом будущих требований в торговле.

Другой порт *Касим*, расположенный примерно в 50 км на юго-восток от Карачи стал полностью эксплуатационным в 1983 году. Его портовые сооружения включают многоцелевой терминал на 1400 м разделенный на 7 мест (200 м каждый). Причалы 1—4 могут разместить суда водоизмещением до 25 тыс. дедвейтов. Причалы 5—7 рассчитаны на 35 тыс. дедвейтов. Имеется причал для приема железной руды и угля, которые направляются на сталеплавильное предприятие, находящееся неподалеку. В порту Касим возведен также один нефтяной терминал, построенный частным сектором. Порт Касим имеет ежегодный грузооборот примерно 7,2 млн. тонн, из которых 3 млн. тонн являются жидким грузом. Порт Карачи и порт Касим связаны сетью железнодорожных и автодорожных линий с национальными шоссе и железными дорогами.

Морские перевозки осуществляет Пакистанская Национальная Судоходная корпорация (PNSC). В настоящее время 90,2% ее собственности принадлежит государству. Имеется 22 судна (сухогрузы) и один танкер. Для расширения деятельности компании правительство Пакистана выпустило 35 лицензий для частного сектора, но пока лишь две частные компании — «Звезды Тримарана» и «Мильвалла»

участвуют в перевозке пакистанских грузов. Первая компания имеет один танкер. Другая — одно маленькое судно. Хотя только суда двух компаний ходят под пакистанским флагом, в частном секторе множество компаний работает под флагами других стран. Из-за малых возможностей национальный флот Пакистана перевозит только 10% сухих грузов и 25% жидких.

У Пакистана, как и у его соседей (Афганистана и государств Центральной Азии) не ослабевает интерес к *международным нефте- и газопроводам*. Целый ряд лет определенный интерес вызывал проект строительства газопровода от месторождений в Туркменистане. Проект предполагал его прокладку по территории Афганистана и далее в Пакистан с возможным выходом на Индию с протяженностью 1,6 тыс. км. По территории Туркменистана она составила бы 430 км, по Афганистану — 670 км и по Пакистану — 500 км. Предполагается строительство терминалов на побережье Аравийского моря в портовых стоянках Гвадар, Пасни и Омара. По данному газопроводу мог бы пойти газ из Амударьинского, Ферганского и Тургайского месторождений. Однако проект не имеет поддержки соседних стран в первую очередь из-за нехватки финансовых средств и политических интересов.

В настоящее время могут быть использованы старые системы нефтепроводов, существующие еще с советских времен, с присоединением новых. В данной системе трубопроводов заинтересованы не только страны, где добывается нефть, но и соседние с ними — Казахстан и Россия. Последние могли бы экспортировать свою нефть из казахстанских месторождений и западносибирских по уже имеющимся путям — трубопроводу Сургут—Омск—Павлодар—Чимкент.

Интерес к развитию транспортной сферы в Пакистане, Афганистане и странах Центральной Азии в большой степени был проявлен в выступлениях представителей этих стран на Международной конференции «Центральная Азия, Афганистан и Южная Азия. Международная торговля и интеграция», состоявшейся в Бишкеке в мае 2004 г.⁸

При быстрорастущей экономике стран Юго-Восточной Азии спрос на энергоносители и углеводородное сырье будет расти. Поставки этого сырья принесли бы существенные валютные доходы, как странам — экспортерам, так и транзитным регионам, где проходят транспортные пути по доставке сырья.

- ¹ Пакистан, Страны Южной Азии и Среднего Востока. История и современность. Сб. памяти Ю.В. Ганковского. М., 2004 . С. 135.
- ² Вооруженные силы и военная экономика стран Азии. М., 2003. С. 139.
- ³ Автотрансинфо. 4.09.2001.
- ⁴ Магистраль XXI век. 2004. №1. С. 2.
- ⁵ РИА «Новости».
- ⁶ Автотрансинфо, 04.09.2002.
- ⁷ Магистраль XXI век. 2004. №1. С. 20.
- ⁸ Oxford Analytica Russia (CIS Daily Brief may 2004) Humayn Hamiadzada.
- ⁹ Материалы прессы «The News». February 23, 2005. «Pakistan Observer», March 11, 2005. «The Economist», September 28, 2002.

Телекоммуникационный бум в Пакистане: первые итоги и перспективы

11 ноября 2004 г. правительство Пакистана приняло решение о продаже 26% Пакистанской Телекоммуникационной компании (PTCL), и с этого дня начался отсчет времени, в течение которого объявляется аукцион, назначается дата его проведения, разрабатывается пакет документов, определяются сроки подачи заявлений компаний, первоначальная сумма залога, проводятся официальные организационные мероприятия и т.д. Следует отметить, что это уже третий крупный тендер за последний год в области телекоммуникации.

Заявление о частичной приватизации PTCL было сделано Министром по приватизации Пакистана, доктором Абдул Хафиз Шейх/ Dr Abdul Hafeez Shaikh и Министром по информационным технологиям, Аваис Легхари/ Awais Leghari.

«Схема и график трансакции, конечно, амбициозные, но вполне достижимые», заявил Абдул Хафиз, и «правительство Пакистана планирует провести открытый тендер с приглашением заинтересованных сторон. Продажа доли PTCL будет иметь значительное влияние на экономику в ближайшем будущем в целом, и на телекоммуникационный сектор, в частности». Он также высказал «оптимистичные предположения о значительных поступлениях инвестиций в казну страны»¹. И этому есть немало веских причин.

Надо отметить, что только ленивый в Пакистане не писал о состоянии дел в телекоммуникационном секторе в средствах массовой информации. В 2004 году впервые были проведены международные тендеры на покупку лицензий с правом предоставления услуг мобильной и фиксированной связи в стране. После более чем десяти лет стагнации в данном секторе экономики, подобные события имели вдвойне ошеломляющий успех!

---

* Наталья Алексеевна Замараева — научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

В апреле 2004 г. две лицензии на мобильную связь были проданы по беспрецедентной цене — \$291 млн. каждая. Еще к 2005 г. Пакистан уже заработан на трех видах различных лицензий колоссальные деньги.

Подобные мощные инвестиции в целом ведут к экономическому подъему отрасли, и как следствие к снижению тарифов на услуги связи, предоставлению свободного подключения, наконец, стимулируют конкуренцию и т.д. В целом способствуют экономической активности в стране.

Председатель Телекоммуникационного Совета Пакистана/ РТА, генерал — лейтенант Шарзада Алам Малик /Sharzada Alam Malik подчеркивал, что «в настоящее время мы наблюдаем настоящую революцию в телекоммуникационном секторе. Она началась с выдачи двух лицензий на предоставление услуг мобильной связи в Пакистане. Мы ожидаем очень интересное и захватывающее время, когда телекоммуникационный сектор в Пакистане будет расти значительными темпами»².

Подчеркивая нацеленность РТА на дальнейшее становление сектора, он заявлял, что «наша основная задача следить за тем, чтобы сектор развивался, а конкуренция была открытой и честной. Инвесторы стремятся увеличить финансовую прибыль, а клиенты предъявляют претензии по поводу высоких цен на местные звонки. Наша обязанность соблюдать баланс. Многие высказывались против предоставления новых лицензий на мобильную связь, но я подчеркивал, что количество не имеет решающего значения. Важен тип игрока. Если игрок достаточно большой, стремится инвестировать и имеет значительный опыт и агрессивен настроен на развитие рынка, этого достаточно...»³, заявил Председатель РТА, генерал — лейтенант Шарзада Алам Малик.

Исходя из вышеизложенного, основные задачи РТА сводились к следующему: разработать открытую систему проведения аукционов на предоставление лицензий мобильной и фиксированной связи, а также на предоставление радиочастот.

Выполняя функции руководящего ведомства, РТА в то же время дистанцируется от контрольных функций, так как его основной целью является защита интересов в первую очередь пользователей и бизнесменов, а во-вторых, поддержание баланса между разработкой и реализацией политики правительства в телекоммуникационном секторе.

Регулирующий орган играет важную роль в предоставлении информации о телекоммуникациях и технологиях во всем мире, которые становятся одним из решающих секторов, идущих навстречу социально-экономическому развитию страны.

Ожидается, что две иностранные компании, Al-Warid Telecom (Объединенные Арабские Эмираты) и Telenor (Норвегия), выигравшие тендеры, станут основными компонентами индустрии, когда реально войдут на рынок уже в 2005 году⁴.

Прежде всего следует подчеркнуть, что до недавнего прошлого сектор мобильной связи развивался в Пакистане в отсутствие какой-либо политики регулирования и апробированных правил предоставления лицензий, контроля за компаниями-операторами, социальной и юридической защитой пользователей и т.д. В подобных условиях он существовал в течение десятилетия⁵.

В целом становление телекоммуникационного сектора в Пакистане проходило, конечно, крайне медленно по сравнению с другими странами Азиатского континента. Период так называемой «стагнации демократии Беназир Бхутто — Наваз Шариф» затянуло проведение необходимых реформ как в данной отрасли, так и в целом в экономике страны.

Поэтому и продажа лицензий в 2004 г., привлечение инвестиций, последовавший общий подъем рынка и т.д. стал возможен благодаря предложенной политике дерегулирования отрасли или иными словами были разработаны основные правила и процедуры процесса приватизации телекоммуникационного сектора в Пакистане.

Уместно привести хронологию становления телекоммуникационного сектора Пакистана. В год образования Пакистана, 1947 г., в стране насчитывалось около 14,000 телефонных линий. Первая крупная инициатива государства была предпринята в 1962 г., когда был создан Департамент телеграфа и телефона / T&T.

В 1990 г. департамент был преобразован в Телекоммуникационную корпорацию Пакистана (Pakistan Telecommunication Corporation) — РТС), которая в свою очередь в 1996 г. была реорганизована и разделена на пять самостоятельных подразделений: Телекоммуникационный Совет Пакистана/ Pakistan Telecommunication Authority (PTA), Национальная телекоммуникационная корпорация/ the National Telecommunication Corporation (NTC), Совет по предоставлению частот/ the Frequency Allocation Board (FAB), Телекоммуникационная компания Пакистана /the Pakistan Telecommunication Company Limited (PTCL) и Трест Работодателей Телекоммуникационного сектора Пакистана/the Pakistan Telecommunication Employees Trust (PTET).

1992 — Выход на рынок связи компании Милликом/ Millicom.

1994 — Участие частного сектора в Телекоммуникационной компании Пакистана/ PTCL (таксофоны).

1996 — Акт 1996 г. о реорганизации телекоммуникационного сектора, согласно которому PTCL разделена на несколько составляющих:

PTCL, NTC, PTA, FAB, PTET. PTCL получила лицензию сроком на 25 лет на фиксированную связь.

2002 — Окончание монополии PTCL.

1998 — Четвертая лицензия мобильной связи выдана компании Ю-фон/ Ufone, дочернему подразделению PTCL.

2000 — Лицензирование кабельного телевидения.

2003 — Срок монополии PTCL истек в январе 2003 г.

2003 — Политика дерегулирования фиксированной связи объявлена в июле 2003 г. (Подробнее см. Н.А.Замараева «Телекоммуникационный сектор в Пакистане» в сб. «Телекоммуникационный сектор в Пакистане», Ближний Восток и современность. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. Сборник статей, № 23 — 2004 г.).

2004 — Первая политика в области мобильной связи объявлена в январе 2004 года. Две лицензии мобильной связи выданы компаниям Telenor и Al-Warid Telecom.

Выданы лицензии на фиксированную связь. В 2004 г. PTA как независимый регулятор предоставил 12 лицензий на дальнюю международную/ междугородную связь и 98 лицензий на местную связь 31 частным компаниям, получив в казну \$ 6 млн. и \$ 0.8 млн. соответственно⁶.

Аналитики полагают, что клиентская база на беспроводную местную связь достигнет 1.8 млн. пользователей к концу 2004 г.

В целом реформы, стартовавшие десять лет назад, когда и был образован Телекоммуникационный Совет Пакистана, основной задачей ставили:

- разработку политики дерегулирования телекоммуникационного сектора экономики и предоставление наиболее легкого доступа для любого желающего;
- разработку инвестиционного механизма как для местных, так и для иностранных инвесторов.

С точки зрения рыночных отношений становление телекоммуникационного сектора прошло через несколько этапов:

1991г. — наличие единственного доминирующего игрока на рынке — компания Мобилинк/ Mobillink.

2000 г. — зарождения конкуренции.

2004 г. — развитие конкурентной среды на рынке.

И уже сегодня можно сказать, что телекоммуникационный сектор прошел через решающий и очень трудный этап своего развития.

В настоящее время он вступил в стадию, когда в целом сектор уходит из-под прямого государственного регулирования и переходит к дерегулированной стадии, т.е. к конкуренции на рынке.

Основные положения политики дерегулирования:

- универсальные рамки действия для существующих и новых держателей лицензий мобильной связи, такие как сроки их действия и условия;
- спектр действия;
- обязательства;
- стандарты качества обслуживания;
- формы работы и т.д.

Новые лицензии также должны отвечать требованиям Всеобщего сервисного Фонда/ Universal Service Fund (BSF). С другой стороны разработанная политика обязывает держателей лицензий предоставлять лучшее качество и совершенствовать набор предлагаемых услуг⁷.

Представляя политику дерегулирования в области телекоммуникаций, министр информационных технологий федерального правительства Пакистана, Аваис Легхари, подчеркивал, что она «является прочной основой для блестящего будущего и всего передового в секторе, что служит интересам нации: широкое покрытие, высокая плотность телекоммуникаций, дополнительные услуги для потребителей, признание прав и прерогатив компаний — операторов, обязательность соблюдения ими политики регулирования»⁸. При разработке политики во внимание принималась мировая практика и новейшие технические достижения. В качестве финансовых консультантов привлекались такие известные компании, как JP Morgan и Goldman Sachs international.

Забегая вперед, следует отметить, что в целом слова министра оправдались. Более того, при прогнозировании стоимости лицензии на мобильную связь незадолго до проведения аукциона еще весной 2004 г., даже аналитики занижали ее уровень практически втрое.

Налицо и феноменальные инвестиции, полученные за короткий срок. Что не скажешь о других сегментах рынка. В целом правительство проводит агрессивную политику в деле привлечения частного капитала в быстро растущий телекоммуникационный сектор, а сумма инвестиций по подсчетам аналитиков в ближайшей перспективе составит от \$4 до \$5 млрд. В свою очередь это будет способствовать стабильности экономического развития страны в целом и сделает телекоммуникационные услуги более доступными для населения, даже для тех, кто живет в отдаленных уголках Пакистана.

Официальные лица отмечают, тендеры были проведены четко, открыто и с соблюдением всех официальных формальностей. РТА объявила об аукционе и в ответ получила предложения от 33 компаний, так называемые «Выражения заинтересованности», в числе которых были хорошо знакомые на международной арене имена компаний, такие как SingTekl, Malaysia Telecom, Telenor, а также известные пакистанские компании — Engro, Rupali, Dewan, Gatron, Fauji Foundation, WorldCall,

девять из которых заплатили по \$10 млн. в качестве возвратного залога за участие в финальном аукционе. Из этих девяти были отобраны пять — TeleNor, Spell (Fauji Foundations consortium), Al Warid и Telenor. В результате лицензии получили две последние компании⁹.

Но вернемся к основной теме нашей статьи. Что же убедило правительство Пакистана вновь пойти на открытый аукцион и осенью 2004 г. выставить в данном случае 26% государственной телекоммуникационной компании?

Именно проводимая правительством Программа реформ и реструктуризации экономики позволила PTCL стать привлекательной для покупателей, и это в свою очередь приносит значительные дивиденды как для правительства, для самой компании, так и для народа Пакистана.

Как уже упоминалось, проводимые сегодня реформы начались еще десять лет назад с создания Телекоммуникационного совета Пакистана/ РТА, основного регулирующего органа отрасли. Главная его задача заключалась в разработке политики дерегулирования телекоммуникационного сектора экономики и привлечении как местных, так и иностранных инвесторов. Ответственность за разработку указанной политики была возложена на министерство информационных технологий и телекоммуникации, в то время как РТА несет ответственность за развитие и реализацию этой политики, а такой орган как FAB/ Frequency Agency регулирует распределение частот между компаниями-операторами. Следует отметить, что основные положения политики дерегулирования Пакистана схожи в общих чертах с аналогичными документам в странах региона.¹⁰

«Выдача лицензий не такое уж большое дело, хотя, конечно значительное, и проведено в стране впервые. Но самым важным и значительным является сохранение на рынке 70—80% уже существующих компаний. Если же они проиграют, то их исчезновение негативно повлияет на развитие телекоммуникационного рынка, на экономику, на каждого жителя страны. Поэтому основная задача РТА заключается в создании равных условий для всех участников рынка, включая таких гигантов как PTCL и Mobillink», заявил председатель РТА Шавхзада Алам/ Shahzada Alam.¹¹

Основной целью РТА является проведение в жизнь программы регулирования телекоммуникационного сектора, и основной обязанностью было и остается в настоящий момент предоставление доступа в телекоммуникационный сектор для любого желающего, качественные услуги в области телекоммуникаций и право выбора компании-оператора.

Начиная с 2002 г., РТА проделала огромную работу, которая позволила разработать открытую систему аукционов на лицензии в мобильной и фиксированной связи и предоставлении радиочастот.

Иен Вилльямс/ Iain Williams, Исполнительный Директор компании Instafone уже несколько лет работает в компании, блестяще знает ситуацию в телекоммуникационном сообществе и к его авторитетному мнению прислушиваются. Он считает, что «основная причина развития рынка заключается в регулируемой политике, проводимой по отношению к сектору». «Налицо чистая экономика, никто еще три года назад не мог делать деньги. Компании начали делать деньги только после представления СРР. Если у компании нет денег, она не может инвестировать в развитие. В период, когда внедрялось СРР, количество абонентов насчитывало всего 300 тысяч. В основном отмечается рост клиентской базы у опытных операторов. Он начался в момент, когда компании начали зарабатывать деньги»¹².

Число пользователей несомненно коснется и сельской местности, где плотность проникновения связи значительно ниже по сравнению с городскими районами. Политика развития мобильной связи 2004 г. разработана таким образом, чтобы значительное количество инвестиций было направлено именно в сельские районы. И примером служит предоставление лицензий и частот фиксированной связи, охватывающей все 14 регионов страны. Пригородные районы и все деревни в ближайшее время будут оснащены местной беспроводной связью, которая в свою очередь предоставит возможность проложить линии для международной телефонной сети.

Технология беспроводной системы является такой же, которая применяется и в системе мобильной связи во всем мире, с единственной разницей, что радиус действия ее ограничен только 20 км от основной станции.

В период реализации первой фазы, сельские районы, такие, как Худиан Хас/ Khudian Khas, Кот Радха Кишан/ Kot Radha Kishan и Паттоки в районе Касур/ Pattoki of district Kasur, Басирпур/ Basirpur, Депалпур/ Depalpur, Хавели/ Лаха/ Haveli Lakha, Раджовал/ Rajowal, Окара/ Okara, Ренала Хурд в районе Окара/ Renala Khurd of district Okara, Ариф Вариа/ Arif Waia, Пакпаттан Чичаватни/ Pakpattan Chichawatni, Сахивал/ Sahiwal, Бург Вала/ Burg Wala, Нур Шах в районе Сахивал/ Noor Shah of district Sahiwal; Садвала/ Syedwala, Шейх Хлпура/ Sheikh Khapura, Сариппур/ Shariqpur, Наранг Манди/ Narang Mandi, Торе Хунда/ More Khunda, Нанкана Сахиб/ Nankana Sahib, Сангла Хилл/ Sangla Hill, Манавала/ Manawala, Фаругабад/ Farooqabad, и Манди Ахмад Пур в районе Шейхупура/ Mandi Ahmad Pur of district Sheikhpura, будут оснащены беспроводной телефонной связью.

По прогнозам Телекоммуникационного совета Пакистана/ РТА, уровень проникновения к 2006 году составит 8%¹³.

С другой стороны, политика дерегулирования телекоммуникаци-

онной индустрии стимулировала появление многих компаний — провайдеров на пакистанском рынке, а также позволила миллионам пакистанцев пользоваться услугами как фиксированной, так и мобильной связи.

Сегодня пользователи в Пакистане смирились с высокими тарифами на услуги мобильной связи, и снижение тарифов в перспективе значительно воодушевит их. Пакистанцы хотят определенной свободы в каждом секторе экономики, будь то энергетический сектор, туризм или телекоммуникации. Рост каждого сектора также диктует необходимость снижения тарифов с целью дальнейшего привлечения большего количества пользователей.

В жесткой конкуренции компании придерживаются различных маркетинговых стратегий, и снижение тарифов представляет собой одну из подобных стратегий. Компании, предлагающие лучший сервис и приемлемые цены, несомненно останутся на рынке.

Еще в апреле 2004 г. Председатель РТА Шерзада Алам подчеркнул, что его организация в целом будет дистанцироваться от стратегии повышения тарифов и будет стремиться к созданию творческой конкурентной среды для компаний.

Политика дерегулирования подверглась критике со стороны аналитиков рынка телекоммуникаций в той части, например, что перед тем, как «запустить какой-либо пакет предложений» (например, тарифы), компании-операторы должны получить одобрение со стороны регулирующего органа.

Политика дерегулирования правительства Пакистана коснулась всех компаний. Но наибольшим изменениям подверглась Пакистанская Телекоммуникационная компания /PTCL в связи с окончанием срока действия ее монополии на телекоммуникационном рынке. Напомним, что PTCL получила лицензию на предоставление услуг мобильной связи еще в апреле 1997 г. и за прошедшие годы сумела разработать и внедрить разветвленную инфраструктуру от Карачи до Пешавара, овладевая передовыми технологиями и линиями из волоконно-оптического волокна. PTCL в настоящее время является единственным оператором, имеющим в распоряжении полностью интегрированную цифровую сеть.

Правительство Пакистана в настоящее время владеет 88 процентами PTCL, оставшиеся 12% находятся в собственности акционеров. После продажи указанных 26% правительство Пакистана останется мажоритарным акционером PTCL, у которого останутся 62 % акции.

Аналитики предполагают значительное улучшение финансового состояния компании. Аваис Легхари, министр по информационным

технологиям Федерального правительства Пакистана заявил, что в 2002-2003 финансовом году доход PTCL составил Rs29.1 млрд. по сравнению с Rs23.1 млрд. в предыдущем. Это отражает позитивную и инновационную политику, проводимую правительством в телекоммуникационном секторе.

Аналитики отмечают стабильный рост компании в 2004 г., несмотря на затраты, понесенные ею на установке двух миллионов новых соединений. За 2004 финансовый год компания получила доход в размере Rs 74.12 млрд. по сравнению с Rs 67.20 за предыдущий год, таким образом ее рост составил 10.30%. Это значительные достижения.¹⁴

Доходность компании и в дальнейшем будет повышаться благодаря совершенствованию качества обслуживания, агрессивной политике развития и снижению тарифов.

Руководство компании также работает над улучшением условий работы и повышением заработной платы сотрудников, которых в компании насчитывается уже 7 000 человек.

В то же время опыт показывает, что правительство не вмешивается в каждодневную рутинную работу компании.

Решение о частичной приватизации PTCL было непростым, с этой целью разрабатывался жесткий план освоения привлекаемых инвестиций, структурной реорганизации компании, его менеджмента, но компания приняла это решение в интересах же своих сотрудников.

Другой хорошей новостью для компании стало объявление о регулировании или дивидендах мажоритарной компании, которые, по состоянию на ноябрь 2004 г., поднимались выше отметки KSE-100. В целом на бирже Карачи в настоящее время индекс PTCL неуклонно идет вверх, что в свою очередь и позволяет привлекать инвестиции.¹⁵

В то же время PTCL проводит агрессивную маркетинговую стратегию, стремясь удвоить количество соединений фиксированных телефонов до 8.92 млн. в 2004 году.

Значительная прибыль, заработанная компанией, имеет два основных источника: снижение тарифов и реализация планов развития, что потребовало привлечения миллиардных инвестиций.

Джунейд Икбал Хан, назначенный на пост президента PTCL в апреле 2004 г., отвечая на вопрос о конкуренции в телекоммуникационном секторе, подчеркнул, что «компания в настоящее время подвергается критике со всех сторон. Никто не фокусируется на какой-либо отдельной проблеме. Для местных звонков, беспроводной местной связи были выданы лицензии и выделены частоты. В настоящее время это полностью дерегулируемая зона. И это произошло за короткий период времени. Нам приходится не только обороняться, но и расширять свою сеть, и мы делаем это таким образом, чтобы не

растерять своих клиентов. Обстановка вокруг меняется очень быстро. Мы стараемся привлечь новых людей...»¹⁶.

В настоящее время PTCL имеет разветвленную инфраструктуру, владеет лицензиями на предоставление практически всех видов услуг связи, в том числе GSM — мобильной связи, передачи данных через Интернет. Объем использования базовых цифровых линий связи достиг 100%. Также компания специализируется на производстве телекоммуникационного оборудования.

Продажа 26% акций рассматривается компанией «не как угроза, а как возможность дальнейшего ее развития. С выходом на рынок новых операторов размер пирога только увеличивается. С точки зрения сегментирования рынка, компания может потерять часть рынка, но в перспективе ее стратегия направлена на увеличение объема клиентской базы»¹⁷.

В целом PTCL фокусируется на трех основных направлениях:

- Развитие сети;
- Обслуживание клиентов;
- Совершенствование бизнес процессов.

В настоящее время компания насчитывает 5 млн. подключений, в то время как реальная мощность 14.8 млн. Одним из основных недостатков является отсутствие медного кабеля, проложенного к жилым домам или офисным помещениям. А в некоторых случаях кабель прокладывается по воздуху на высоте 3 — метров, на опорах, что является не самым лучшим вариантом для развития инфраструктуры. В настоящее время основной проблемой, с которой столкнулись пакистанские власти, является отсутствие телекоммуникационной инфраструктуры в стране. Ее просто нет, в то время как к домам проведены электричество, канализация и т.д.

В целом реальная конкуренция на рынке GSM началась еще в январе 2001 г., когда на нем появилась компания Ufone, 100% собственность PTCL. Таким образом она заявила о себе как о четвертым игроке на рынке мобильной связи. Четко спланированная маркетинговая стратегия, молодой «агрессивный» менеджмент, инвестиции и т.д. позволили компании захватить 16% рынка уже в первые полгода работы и в целом не снижать темпов роста. Например, только за последние шесть месяцев 2004 г. доля компании на рынке увеличилась еще на 8%, что в целом составило 25% от общего объема. К декабрю 2004 г. клиентская база насчитывала уже 1.750.000 пользователей, несмотря на то, что велось развитие ее сети в течение 18 месяцев. Чистый доход компании после уплаты налогов достиг \$ 13.4 за 2003-2004 финансовый год.

Объемы продаж ее были настолько внушительными, что уже в 2004 г.

Ufone стала единственным конкурентом для старшей телефонной компании Mobillink.

Устойчивые позиции на рынке и стабильные финансовые показатели оказали положительное влияние на международный имидж компании в целом, что в свою очередь сыграло не последнюю роль при подписании контракта на \$ 160 млн. с одним из европейских партнеров с целью удвоения своей сети и улучшения качества покрытия.

В настоящее время компания является единственной, предоставляющей услуги GPRS, интернет услуги, услуги по предоставлению мультимедийных сообщений, а также широкий спектр SMS услуг.

Несколько составляющих, представленных выше, сделало исключительно привлекательной сделку по продаже 26% государственной телекоммуникационной компании PTCL. И наиболее лакомым кусочком является одновременная продажа компании Ufone вместе с менеджментом, инфраструктурой и т.д.

Аналитики предсказывают блестящее будущее для компании, несмотря на появление новых операторов на рынке сотовой связи в Пакистане и, соответственно, дальнейший рост конкуренции.

Для расширения зоны покрытия действующей сети в ноябре 2003 г. подписано соглашение о предоставлении кредита в размере \$ 55 млн. с банковским консорциумом, в который вошли ведущие финансовые институты Пакистана. В настоящее время зона покрытия сети Ufone превышает 90 населенных пунктов, и к концу 2004 г. число абонентов достигло 4 млн. Срок действия лицензии истекает только в 2013 году. Компания имеет свободное обращение акций на бирже, новейшее технологическое оборудование, быстро растущую клиентскую базу, соглашения о выходе на рынки Шри-Ланки, Непала и т.д.

Продажа 26% акций — первый шаг РТА, в дальнейшем планируется второй этап де-регулирования, т.е. продажа очередного пакета акций компаний.

В целом по оценке международных агентств кредитный рейтинг Пакистана оценивается как категория В-plus, резервы иностранной валюты составляют, по разным оценкам, от \$ 7 до 12 млрд., а телекоммуникационный сектор экономики является одним из динамично развивающихся не только в стране, но и в регионе Западной и Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока, определяя Пакистан как сильного игрока на мировом телекоммуникационном поле.

Именно сегодня стала возможна покупка доли PTCL, так как в области экономики проводится программа структурной реформы, отработан и запущен инвестиционный механизм, разработанный правительством при содействии Всемирного банка реконструкции и развития.

Примером служит успешно проведенный тендер на мобильную связь в апреле 2004 г., по итогам которого лицензии получили две иностранные компании — Теленор (Норвегия) и Варид Телеком (ОАЭ). Теленор поэтапно захватывает рынок региона, ранее получив лицензию на мобильную связь в соседнем Бангладеш. А с приходом Варид Телеком на телекоммуникационный рынок банковские структуры Ближнего и Среднего Востока активно инвестируют в экономику Пакистана.

За последние три года в целом количество абонентов мобильной связи выросло более чем в 15 раз. В середине 2003 г. только 2.5% населения Пакистана пользовались услугами телефонной связи. И это на момент, когда правительство официально объявило о решении «открыть» рынок фиксированной связи частным инвестициям, а уже к концу 2004 г., по оценкам аналитиков, составило 6 млн. Учитывая быстрый рост численности населения, 3—5% в год, а общая численность населения составляет, по разным данным, 145—149 млн. человек, потенциал рынка телекоммуникаций огромный. Многие компании в своей маркетинговой политике предусматривают разработку специальной тарифной сетки для малообеспеченных слоев населения.

В настоящее время российские компании мобильной связи не представлены на рынке мобильной связи Пакистана. В то же время с июня 2004 г. в стране успешно работает компания “Great Bear”, получившая пять лицензий на предоставление услуг фиксированной дальней (междугородней, международной) связи (частота 450 МГц). В число ее учредителей входит белорусская компания сотовой связи “BelCel”.

Выход на рынок мобильной связи в Пакистане для российской компании реален благодаря поддержке со стороны государственных и бизнес кругов Пакистана, заинтересованных в укреплении пакистано-российского экономического сотрудничества.

Сегодня телекоммуникационный сектор, таким образом, является наиболее быстро развивающимся и играет одну из ключевых ролей в социально-экономическом развитии страны. Его подъемы и падения оказывают влияние на все стороны жизни страны. Только оказание такой услуги, как расширение спектра телекоммуникационных услуг, влечет за собой большую занятость населения путем увеличения количества рабочих мест, открытия дополнительных офисов компаний. По заявлению министра информационных технологий г-на А.Легхари, «в ближайшие пять лет будет создано порядка 40 000 — 50 000 новых рабочих мест»¹⁸. Смежные производства также выигрывают, такие как например, индустрия рекламы, юристы, банкиры, брокеры и т.д.

Все большее количество людей получают возможность свободного подключения. В перспективе рост телекоммуникационного сектора окажет влияние на каждого жителя Пакистана.

Блестящие маркетинговые ходы, политическая воля, разработка политики де-регулирувания, последовательность в ее реализации и т.д. дали бесспорно мощный толчок развитию индустрии телекоммуникаций, но в целом он находится лишь в начале своего развития, и огромное количество возможностей у него впереди. Уровень проникновения в стране составляет 5.1%. Это означает, что только 5.1% населения имеют какой-либо вид подключений телефонной связи. Из этих 5.1% , по подсчетам, 2.7% имеют фиксированную связь, и только 2.4% имеют мобильное подключение.

В настоящее время телекоммуникационный сектор Пакистана может быть разделен на две категории: фиксированную и мобильную.

Нет сомнения, что будущее телекоммуникационного сектора Пакистана за беспроводной/ мобильной связью. Количество пользователей мобильной связью за два — три года возросло в 2004 г. на 93% и насчитывает 4.5 млн. человек. В то время как рынок фиксированной связи вырос всего на 1%, и по состоянию на конец июля 2004 г. насчитывал 4.4 млн. человек. Еще раз повторимся, сказав, что в основе развития конкуренции лежит наилучшее коммерческое предложение и высокое качество услуг, предоставляемых клиентам. Жесткая тарифная конкуренция отмечается в регионе в целом.

Опыт показывает, что за период, прошедший с момента объявления политики де-регулирувания, она уже дала свои плоды. Экономические процессы в Пакистане стали развиваться намного быстрее. После многих лет стагнации, феноменальный рост телекоммуникационного сектора позволяет Пакистану гордиться его успехами:

- Телекоммуникационный сектор становится беспроводным, и различие между базовой и мобильной связью исчезает достаточно быстро.
- Клиентская база мобильной связи в Пакистана к 2010 году по прогнозам должна увеличиться в 14 раз.
- Война тарифов на рынке мобильной связи приведет в конце концов к качественному снижению тарифов, которые в настоящее время являются самыми высокими в регионе.
- На рынке беспроводных технологий применяются новые технологии, такие как 3-G.
- Усиление тенденции соперничества технологий. Основную опасность для операторов GSM (европейский стандарт) представляет новые CDMA (американский стандарт) технологии, которые настойчиво применяет компания Instafone.
- Предоставление лицензий содержит в себе и социальный, и образовательный аспекты. Выданные лицензии на мобильную и фиксированную связь отвечают интересам пользователей,

которые имеют право получать качественное обслуживание и широкий диапазон выбора сервиса.

- С другой стороны, выданные лицензии будут способствовать более широкому использованию информационных технологий, развитию телекоммуникационного сектора, информационной инфраструктуры, применению цифровой технологии и качественному снижению тарифов.

Приход на рынок мобильной связи иностранного инвестора событие значительное, особенно если новым игроком является крупный бизнес. В то же время усиливается конкуренция в телекоммуникационном секторе, что ведет к повышению качества обслуживания, снижению тарифов, большому выбору услуг и т.д.

Власти выражают уверенность в том, что Telenor будет внедрять с одной стороны европейские стандарты качества и уровня предоставления сервиса, исходя из своего опыта международной деятельности, а с другой стороны компания принесет на рынок Пакистана передовую технологию и методику управления, которая в свою очередь способствует привлечению миллионов клиентов для компании. Telenor получила лицензию в стандарте GSM, которая в настоящее время включает GPRS и EDGE режимы. Аналитики полагают, что уже через несколько лет компания охватит 70% населения страны, учредив в то же время 297 центров по всей стране¹⁹.

Заслуживает внимания и мнение самих инвесторов, одним из которых и является группа Al-Warid из Объединенных арабских эмиратов.

С момента официального объявления правительством Пакистана о двух лицензиях на мобильную связь в начале 2004 г., консорциум проявил большой интерес к телекоммуникационному сектору Пакистана. Уже работая в финансовом секторе Пакистана в лице Ал-Фалах банка/Al-Falah Bank, и осуществляя инвестиционные проекты совместно с Объединенным банком/United Bank Limited, группа Al-Warid решила не упускать данную возможность и войти на телекоммуникационный рынок Пакистана. Как заявил Хамид Фаруг/ Hameed Farooq, президент компании Al-Warid-Telecom:

«Пакистан имеет огромный потенциал, инвесторы отмечают большой объем работы в стране, что в свою очередь является значительным толчком для экономического развития страны. Цена лицензии очень высокая, но рынок открывает колоссальные возможности для развития»²⁰.

Согласно планам и обязательствам компания планирует реально выйти на рынок во втором квартале 2005 года. Al-Warid Telecom принципиально новый участник рынка. В то же время она внесла значительные инвестиции в развитие сектора, включая финансовые, транс-

портные, а также собственность. Группа Al-Warid серьезно настроена на изучение настоящего рынка в регионе в целом и стремится стать заметным игроком на рынке, оставить свой след и влияние, и прежде всего направить усилия на повышение качества предоставляемых услуг. «Принципиально поменялись условия работы в телекоммуникационном секторе — они стали конкурентными. Первое, мы стремимся разработать политику компании, которая исключает компромисс качества за счет количества клиентов. Мы нацелены на обслуживание как внутри страны, так и за ее пределами», заявил Хамид Фаруг.

Стремясь упрочить свои позиции на телекоммуникационном рынке Пакистана, Al-Warid Telecom в 2004 г. купил лицензии как на мобильную связь, так и на фиксированную с целью предоставления услуг междугородней и международной беспроводной связи.

Стремясь разворачивать инфраструктуру, Al-Warid Telecom подписал соглашение о стратегическом партнерстве с компанией Ericsson с целью предоставления GSM оборудования на пакистанском рынке.

Комментируя данное соглашение, Шейх Мубарак Ал Нахайян заявил, что «возврат инвестиций очевиден. Биржевой индекс является одним из самых высоких в мире, таким образом, налицо все свидетельства здоровой, процветающей, стабильной экономики. И я уверен, что Вы увидите все большее и большее количество инвесторов, приходящих в экономику Пакистана»²¹.

Приход на рынок новых операторов Telenor и Al-Warid Telecom означает новый этап маркетинговых войн для компаний — операторов в Пакистане. А переход Instafone в режим CDMA, частотные возможности которого намного выше по сравнению с GSM, лишь подольет масла в огонь. Чем же это вызвано?

В настоящее время на рынке телекоммуникаций функционируют четыре компании-оператора:²²

Оператор	Владельцы	Доля капитала	Стандарт
Instafhone	Millicom Другие компании	61% 39%	2 G-TDMA
Paktel	Millicom Другие компании	99% 1%	AMPS
Mobilink	Orascom Saif Telecom	86% 14%	2 G-GSM
Ufone	ТКП (PTCL)	100 %	2 G-GSM

Компания Mobilink является одной из старейших на телекоммуникационном рынке Пакистана. В первые годы независимости Пакиста-

на была учреждена Телефонная компания Пакистана / Pakistan landline telephone company, прародительница современных Mobilink, а в дальнейшем и PTCL. Долгие годы была единственной в отсутствие конкурентов. Жестко подчинялась политике правящих администраций.

В настоящее время компания Mobilink занимает 60 % рынка телекоммуникаций, из них 90% покрывает городское население в более чем 300 городах страны и свыше 100 населенных пунктов с численностью населения менее 50 000 человек.

Компания предоставляет новейшие технологические услуги:

- SMS чат;
- SMS на телевидении;
- Мобильный банкинг — информация о банковском балансе с использованием кода доступа, получение факсимильной информации и т.д.

Mobilink стремится поддерживать здоровую и профессиональную конкуренцию. «В целом телекоммуникационный рынок имеет громадный потенциал, и мы ожидаем и в дальнейшем значительного роста отрасли. Мы будем продолжать политику агрессивного развития сети с интенсивным покрытием, безупречным сервисным обслуживанием клиентов и брендами, которые стали синонимами мобильных технологий, мы оставим за собой лидирующие позиции на ближайшие месяцы и годы», заявил президент компании господин Зоухар Кхалид /Zouhair Khalid²³.

Весной 2004 г. с приходом новых операторов сотовой связи, начался процесс ломки команды управленцев в секторе в целом. Например, Хамид Фаруг/ Hamid Farooq, ранее работавший в компании Mobilink, весной 2004 г. был приглашен на работу в Al-Warid Telecom.

Ожидается, что с усилением конкуренции в 2005 г. цены на услуги понизятся. Это, несомненно, очень выгодно конечному потребителю: уровень покрытия возрастет до 15%, а некоторые аналитики повышают планку до 18%. Шесть основных игроков на рынке — это значительная цифра, в то же время такая огромная страна как Пакистан не оставит без работы никого.

Новички на рынке, такие как Al-Warid Telecom и Telenor, рассматривают и будут рассматривать все компании в качестве потенциальных конкурентов на телекоммуникационном рынке.

Подчеркивая важность развития конкуренции, председатель РТА, генерал майор Шарзада Алам Малик/ Major General (R) Shahzada Alam Malik отмечал, что «задача инвесторов увеличивать финансовую прибыль, в то время как клиенты предъявляют претензии по поводу высоких цен на местные звонки. Мы должны соблюдать баланс. Многие были против предоставления новых лицензий на мобильную

связь, но я подчеркивал, что количество не имеет решающего значения. Важен тип игрока. Если игрок достаточно большой, стремится инвестировать и имеет значительный опыт и агрессивно настроен на развитие рынка, этого достаточно. Замечу, что на протяжении нескольких последних лет из местных компаний только Mobilink инвестировал в развитие сектора»²⁴.

Крупные проекты, жесткая политика де-регулирувания, потребность в инвестициях внесли качественные коррективы в стиль взаимоотношений между, с одной стороны компаниями-операторами, а с другой — последними и регулирующими органами телекоммуникационной отрасли.

В российском понимании кузницей кадров телекоминдустрии, конечно является компания Mobilink. Многие известные опытные топ-менеджеры правительственных учреждений и частных компаний Пакистана начинали свою профессиональную деятельность именно в этой компании.

В целом аукцион на мобильную связь в Пакистане определил по сути рыночную стоимость самих лицензий на предоставление подобного рода услуг. Что имеется в виду. Компании, срок действия лицензий которых заканчивается, должны также уплатить лицензионный сбор государству в размере \$291 млн.

Позиция РТА столкнулась с определенными трудностями, в частности по отношению к компании Paktel, срок действия лицензии которой истек в апреле 2005 года.

Paktel решила выбрать свой собственный путь развития на телекоммуникационном рынке Пакистана. А именно — подала иск в суд на РТА, оспаривая сумму лицензионного сбора в \$ 291. Проиграв дело в суде, власти предупредили оператора, что в случае повторного иска действующая лицензия будет отозвана.

Компания основана в 1990 г. и является одной из успешных на рынке телекоммуникаций Пакистана. Имеет солидную абонентскую базу в 220 населенных пунктах по всей стране, наиболее разветвленную техническую инфраструктуру по сравнению с другими компаниями мобильной связи, предоставляет практически все виды услуг мобильной связи, передачи данных через Интернет и т.д. В начале 90-х годов компания работала в режиме AMPS, а с 2004 г. компания активно проводит технологическую модернизацию, переводя сеть в режим GSM. Подписаны стратегические соглашения с международными партнерами Samsung и Nokia. По состоянию на ноябрь 2004 г. система GSM действует во всех четырех провинциях страны.

Контрольный пакет акций принадлежит компании Millicom International Cellular, Швеция.

Неадекватность и агрессивность поведения компании по отношению к регулирующим органам объяснима. Заявленной суммы она набрать не в состоянии. Последний вариант — привлечение инвестиций вплоть до продажи контрольного пакета акций. Что и было сделано осенью 2004 г. Paktel объявила о продаже доли компании.

Компания Mobilink, срок лицензии которой истекает в 2007 г., в конце августа 2004 г. уже дала согласие на оплату лицензионного сбора.

До недавнего времени Пакистан был фактически аутсайдером в вопросе телекоммуникаций в регионе. Он лишь только декларировал свои намерения на международной арене. События 2004 г. в стране ввели его в круг полноправных игроков на телекоммуникационной арене.

Приведем таблицу сравнений уровня проникновения мобильной связи в Азиатских странах ²⁵:

Страна	Доход на душу населения (ВНП)	Проникновение %
Пакистан	492	2.9
Индонезия	695	5.1
Бангладеш	368	0.14
Китай	907	17.0
Филиппины	913	19.2
Таиланд	1.874	31.4
Малайзия	3.700	41.0

Действительно уровень проникновения в области телекоммуникаций Пакистана является одним из низких в регионе. Поэтому и усилия федеральных властей направлены на привлечение инвестиций и новых технологий в сектор. Одним из методов является частичная приватизация PTCL как независимой единицы, направленная на то, чтобы сделать компанию одним из важнейших региональных игроков в будущем, а с другой стороны добавить рыночной ценности в сегодняшнем быстро меняющемся мире. Компания, во-первых, повышает свою капитализацию, а во-вторых, независимо входит в мировой телекоммуникационный сектор.

В целом региональное бизнес сообщество и международный телекоммуникационный рынок поддерживает продажу PTCL, что в свою очередь и подтолкнуло правительство страны разработать предложенную схему и график приватизации.

Структурные процессы в экономике Пакистана, проводимые правительством Мушараффа на рубеже веков, привлекли мощный банковский ресурс стран Ближнего и Среднего Востока (в частности, Египет, ОАЭ) и Юго-Восточной Азии (Малайзия) и т.д. По оценке международных агентств, кредитный рейтинг Пакистана оценивает-

ся как категория В-plus, резервы иностранной валюты составляют по разным оценкам от \$ 7 до 12 млрд., а телекоммуникационный сектор экономики является одним из динамично развивающихся не только в стране, но и в регионе Западной и Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока, определяя Пакистан как сильного игрока на мировом телекоммуникационном поле.

Со своей стороны иностранные инвесторы проявляют интерес к экономике Пакистана, и это очевидно, так как и «финансовые аналитики, и государственные структуры, и простые пользователи видят, что это легальная и доступная возможность войти на рынок», заявил Министр по информационным технологиям Аваис Легхари/ Awaish Leghari²⁶.

Успешное развитие телекоммуникационного сектора дало возможность Пакистану уже передавать накопленный опыт в страны Южной Азии. Выступая на сессии Шестой встречи Регулирующих Советов в области телекоммуникаций Южно-азиатских стран / the South Asian Telecommunication Regulators Council (SATRC), председатель РТА Shahzada Alam Malik/ Шерзада Алам Малик заявил, что шесть проведенных встреч в рамках Совета направлены на разработку плана действий по дальнейшему развитию многостороннего сотрудничества по обмену информационными технологиями. Встреча действительно была представительной, приехали делегации из Афганистана, Бангладеш, Бутана, Индии, Ирана, Мальдивских островов, Непала, Пакистана и Шри Ланки.

А.Легхари приветствовал инициативы Регулирующего Совета по телекоммуникациям Южной Азии/South Asian Telecommunication Regulatory Council и призвал ее членов к более интенсивному обмену опытом и ресурсами.

Телекоммуникационное сообщество Пакистана уже имеет опыт успешного сотрудничества с аналогичными компаниями из стран Юго-Восточной Азии. В частности, компания фиксированной связи Данком /Dankom функционирует на рынке уже несколько лет.

А весной 2005 г. Телеком Малайзия Берхад/ Telecom Malaysia Berhad через свою дочернюю компанию ТМ Интернэшнл/ TM International объявили о создании совместного предприятия «Проекта фибро-оптического волокна» совместно с компанией Малтинет Пакистан / Multinet Pakistan (Private) Limited (Multinet)²⁷. Заявление вышло одновременно как в Исламабаде, так и в Куала Лумпур. Проект предусматривает прокладку фибро-оптического волокна на протяжении 4.000 км в сроки от 18 до 24 месяцев. Кабель свяжет более 75 крупных городов и населенных пунктов в стране и предоставит более 10 Gbps. Предполагается использовать кабель и для операторов телекоммуникационного сектора, таких

как Мобил Фон/ Mobile Phone , WILL operator, операторов, предоставляющих услуги местной и международной/ междугородней связи, компаний кабельного телевидения, а также академических институтов (школ, колледжей, университетов), справочных служб /call centers, компаний, предоставляющих услуги Интернета, банков и финансовых институтов, других учреждений малого и среднего бизнеса и т.д.

«Наличие фибро-оптической связи в Пакистане окажет значительное влияние на дальнейшее развитие экономического потенциала в стране...», заявил Нассер Хан Гази/ Nasser Khan Ghazi, Исполняющий директор компании Малтинет Пакистан / Multinet Pakistan²⁸.

«Это наша первая инвестиция в Пакистан, и мы рады этому событию. В добавление к первому пакету инвестиций ТМ Интернэшнл/ TM International планирует инвестировать до US \$ 100 млн. в развитие национальной фибро-оптической сети», заявил председатель компании Телеком Малайзия / Telecom Malaysia г-н Тан Шри Ир Дато Мохд Раадзи Мансор/ Tan Sri Ir Dato Mofd Radzi Mansor²⁹.

Инвестиции, принесенные за покупку лицензии на предоставление услуг мобильной связи в апреле 2004 г. компанией Al-Warid Telecom, на деле стали лишь первым шагом прихода крупного капитала Ближнего и Среднего Востока в телекоммуникационный сектор Пакистана. Уже осенью того же года финансовая корпорация Абду Дубай Груп, возглавляемая Министром образования ОАЭ, Шейхом Нахайян Мабарак Ал Нахайян, подписала \$47.5 млн. соглашение с консорциумом, в состав которого входят 18 банков Пакистана. Предметом соглашения стало предоставление качественного коммуникационного обслуживания в Пакистане. Аналитики расценили подписанный контракт как свидетельство доверия со стороны иностранных инвесторов. Примечательными фигурами консорциума являются Warid Telecom, PICIC Commercial Bank, Pak-Libya Holding Company, Habbib Bank Limited и т.д.

Habbib Bank оперирует в качестве «Leader Arranger»/ Руководящего организатора от имени Al-Warid Telecom, также известного как Абу Даби Груп. Сам консорциум, состоящий из пакистанских банков, уже вложил \$ 200 млн. на цели финансирования крупнейшего телекоммуникационного проекта в частном секторе. Аналитики отмечают, что до этого ни один иностранный банк напрямую не привлекался к финансированию данного проекта.

Помимо лицензии на мобильную связь эта финансовая группа также владеет лицензиями по предоставлению услуг междугородней и международной беспроводной связи в различных регионах страны.

Комментируя данное соглашение, Шейх Мубарак Ал Нахайян заявил, что возврат инвестиций очевиден. Биржевой индекс является одним из самых высоких в мире, таким образом налицо все свидетель-

ства здоровой, процветающей, стабильной экономики. Он также выразил уверенность, что все большее и большее количество инвесторов приходит в экономику Пакистана.

Министр ОАЭ отметил рост доверия экономике Пакистана со стороны иностранных инвесторов, и это благодаря политике, проводимой президентом страны генералом Первезом Мушараффом.

В заключении следует отметить, что иностранные инвестиции и стремление компаний из всех регионов мира войти на рынок Пакистана бесспорный факт. Неудачи, срывы и сегодня сопровождают деловые круги страны, но в целом отмечается активное развитие различных секторов экономики. И это не случайно. Правящая администрация со своей стороны поддерживает политическую стабильность. Налицо значительное улучшение экономических показателей. Различные правительственные ведомства проводят агрессивную маркетинговую политику, последовательно реализуя намеченные реформы.

Телекоммуникационный сектор и сектор информационных технологий Пакистана развиваются интенсивно, открывая огромные возможности для развития бизнеса как местным, так и иностранным партнерам. В ближайшие четыре — пять лет только первый из них привлечет в целом US\$ 5-6 млрд., что в свою очередь приведет к созданию тысяч новых рабочих мест. Создание новых рабочих мест окажет влияние на повышение занятости населения в Пакистане, что, в свою очередь, несомненно, скажется на коммерческой активности населения, и, как следствие, повышении его благосостояния. В последние годы представители малого и среднего бизнеса стали создавать многофункциональные IT центры, и ожидается, что их число будет значительно расти, когда PTCL и другие компании-операторы местной связи начнут развивать беспроводную инфраструктуру.

Приватизация PTCL и другие инвестиционные возможности стали толчком развития телекоммуникационного сектора. Новый стратегический оператор — PTCL — не только усилит свои позиции на рынке, но и будет способствовать развитию конкурентной среды в секторе.

Привлечение миллиардных инвестиций в экономику Пакистана, конечно, громадная заслуга правящей администрации, и в этом сомнений нет. Это и мощный технологический скачок, и снижение уровня безработицы, и повышение благосостояния населения, уровня образования, и опыт международной деятельности, развитие современного энергичного имиджа страны, и в определенной степени снижение социальной напряженности в то время, когда понятие борьбы рассматривается как технологическая и маркетинговая конкуренция, что в конечном итоге способствует упрочению режима правящей администрации генерала Первеза Мушараффа.

- ¹ Dawn, November 11, 2004
- ² PTA Prospective. Blue Chip. October, 2004.
- ³ Там же
- ⁴ Nation 05.09.04
- ⁵ Pakistan pictorial January — April 2004 Directorate of Films and Publications. Ministry of Information and Broadcasting Government of Pakistan. Islamabad. Pakistan Publications. B.F.Building, Zero Point, Islamabad — Pakistan.- A policy of Mobile cellular sector — Iftihar Butt.
- ⁶ Dawn, October 25, 2004.
- ⁷ Pakistan pictorial. January — April 2004 Directorate of Films and Publications. Ministry of Information and Broadcasting Government of Pakistan. Islamabad. Pakistan Publications. B.F.Building, Zero Point, Islamabad — Pakistan.- A policy of Mobile cellular sector — Iftihar Butt.
- ⁸ And finally, Let's hear it from the Minister. Blue Chip. October, 2004.
- ⁹ Blue Chip The Business People's Magazine — June 2004. Issue 1, vol.11, P. 52-53 — The Cake is Big Enough.
- ¹⁰ Blue chip. October, 2004, The Business people's magazine, p.47.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Blue chip. October, 2004, The Business people's magazine, pp.56-57.
- ¹³ Blue chip. October, 2004, The Business people's magazine.
- ¹⁴ Nation 30.09.04.
- ¹⁵ Nation 30.08.04.
- ¹⁶ Blue chip. October, 2004, The Business people's magazine, pp.54-56.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же, стр.66-67.
- ¹⁹ Dawn, 22. 02. 2005.
- ²⁰ Blue chip. October, 2004, The Business people's magazine, pp.60-62.
- ²¹ Times, 02.10.2005.
- ²² Подробнее см.: *Замараева Н.А.* Телекоммуникационный сектор в Пакистане // Ближний Восток и современность. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. Сборник статей 2004. № 23.
- ²³ Blue chip. October, 2004, The Business people's magazine, pp.69-72.
- ²⁴ Blue chip. October, 2004/ The Business people's magazine, p. 65.
- ²⁵ Blue Chip The Business People's Magazine — June 2004. — The Cake is Big Enough. Issue 1, vol.11, pp. 52-53.
- ²⁶ Pakistan pictorial. January — April 2004. A policy for mobile cellular sector, pp. 38 — 40.
- ²⁷ The News. 18.02.2005.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.

Шиитско-суннитские столкновения в Пакистане

В истории независимого Пакистана, который был образован в 1947 г. на религиозной основе, было несколько периодов, когда противоречия между суннитами и шиитами начинали приобретать ярко выраженную политическую окраску. Впервые это произошло в 1953 г. после кровопролитных анти-ахмадийских выступлений, организованных ортодоксальной религиозно-общинной партией *Джамаат-и-ислами*. Межрелигиозные противоречия и столкновения имели место и в 1980-е годы, когда проводимая генералом М. Зия-уль-Хаком политика исламизации привела к обострению разногласий между различными школами современного ислама, каждая из которых всячески стремилась утвердиться в своих правах. В 1990-е годы наступил новый, наиболее напряженный этап в межрелигиозных отношениях, которые все чаще начинали приобретать форму кровопролитных столкновений и терактов. К сожалению, этот этап нельзя назвать уже завершенным, поскольку события 2002-2004 годов наглядно доказали, что Пакистан оказался активно вовлечен в сеть международного терроризма.

Подавляющее большинство населения Пакистана составляют сунниты — до 80% пакистанских мусульман исповедуют суннизм традиции ханафитского мазхаба. На втором месте по численности и влиянию стоит шиитская община. Точных сведений о численности шиитов в Пакистане нет; в пакистанской и зарубежной печати называют от 10 до 30% мусульманского населения страны. По самым приблизительным данным, в настоящее время численность пакистанских шиитов составляет 20 млн. человек. Наиболее широко из шиитских направлений и сект в Пакистане представлены *эсна-ашарийя* (последователи 12 имамов) и исмаилиты — соответственно 15 и 5 млн.

Среди пакистанских исмаилитов особое место занимает секта низаритов — последователей Ага-Хана IV, численность которых, по приблизительным данным, составляла в конце XX века около четырех

---

* Марина Юрьевна Морозова — старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

миллионов человек. Вторая по численности секта исмаилитов — мусталиты представлены в Пакистане кастой торговцев и коммерсантов — бохра. В середине прошлого века в Пакистане проживало около 200—300 тысяч членов этой общины¹; в начале XXI века их численность, по оценкам, превысила миллион человек.

По ряду вопросов, касающихся религиозной догматики, исламского права, обрядности и праздников, шиитские концепции отличаются от суннитских. Так, шииты применяют иносказательный метод толкования Корана, основывают сунну исключительно на авторитете прямых потомков Мухаммеда, в то время как сунниты признают еще и свидетельства сподвижников пророка. Веря в непогрешимость имама, шииты признают *иджму* (мнение авторитетных богословов) лишь в том случае, если она совпадает с волей имама, в то время как в суннизме именно иджма обеспечивает право на верховную власть.

Расхождения между суннизмом и шиизмом существуют и в трактовке системы шариата — свода законов, регулирующих хозяйственную жизнь, нормы морали и этики, обряды и праздники и пр., определяющих поведение верующих и порядок жизни всей мусульманской общины. Так, шииты в отличие от суннитов узаконили временный брак, в шиитском шариате есть официальное предписание посещать могилы халифа Али, его сына Хусейна и имама Резы, а изречения 12 имамов имеют в шиизме юридическую силу. Мусульманское право суннитского направления в Пакистане представлено в основном юридической школой Абу Ханифы ибн Сабита, шииты же придерживаются правовой школы Джафар аль Садика².

В 1980-е годы значительно возрос удельный вес шиитов в Белуджистане, особенно в округах Кветта-Пишин, Чагай, Зхоб и Лоралай. Именно в этих районах непосредственно вдоль границы с Афганистаном были созданы лагеря афганских беженцев. По данным Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, уже к началу 1981 г. афганские беженцы составляли 41,5% населения округа Чагай, 19,7% населения округа Кветта-Пишин и 18,0% округа Зхоб. В отличие от Северо-Западной пограничной провинции, где было расположено большинство лагерей и куда переселялись сунниты — выходцы из пуштунских племен, в Белуджистане нашли убежище хазарейцы-шииты³. Следует отметить, что в Белуджистане традиционно проживало относительно много шиитов (особенно в Кветте), которые вполне миролюбиво встретили своих братьев по вере. Многие пакистанские шииты (не только в Белуджистане, но также в Синде и Панджабе) сохраняли родственные связи в соседнем Иране.

В целом шиитская община довольно широко представлена в экономической и политической элите крупных городов в Синде и на юге Панджаба (Карачи, Лахор).

Шиизм направления *эсна-ашарийя* исповедуют большинство пакистанских мусульман иранского происхождения, в том числе и выходцы из старинных аристократических родов. К шиитской общине принадлежали Лиакат Али-Хан, Х. Ш. Сухраварди, Искандер Мирза, Г. А. Тальпур, З. А. Бхутто (его жена, Нусрат Бхутто, была иранкой по происхождению), другие видные политические и государственные деятели Пакистана. Хотя большинство низаритов составляют ремесленники, мелкие торговцы и крестьяне, руководство сектой находится в руках влиятельной торговой касты ходжа, из рядов которой вышел Мухаммад Али Джинна⁴.

Не чувствуя себя ущемленными и подавленными в экономической и политической сфере, шииты никогда не высказывали четко выраженных претензий ни к власти, ни к суннитскому большинству; тем более они не испытывали потребности к организованным акциям протеста, используя свою силу и политическое влияние. Политические партии шиитов, как правило, напоминали общественно-религиозные организации — немногочисленные по своему составу и не принимающие активного участия в борьбе за власть.

Первая конференция пакистанских шиитов состоялась в 1953 г., непосредственно после антиахмадийских волнений в Панджабе, которые вызвали обеспокоенность исламских сект, не принадлежащих к суннитской традиции ханафитского мазхаба. «По иронии судьбы, первые признаки тревоги стали проявлять шииты, принявшие деятельное участие в погроме ахмадийцев. Попытки шиитов организоваться политически как раз относятся к периоду, непосредственно последовавшему за беспорядками в Панджабе»⁵. На конференции была создана *Идара тахаффуз-и хукук-и шиа* (Организация прав защиты шиитов), разработан комплекс мер по защите прав общины. Властям был предъявлен список требований, которые следовало выполнить в ближайшее время: обеспечить свободу отправления шиитских обрядов, в том числе траурных процессий в память имама Хусейна (сопровождающихся, как правило, самоистязаниями фанатиков), создание отдельной системы начального обучения для шиитских детей, принятие поправки к закону о наследовании земли и др. Большинство этих требований осталось невыполненными.

В 1964 г. в ходе президентской избирательной кампании в Пакистане была выдвинута кандидатура сестры М. А. Джинны Фатимы Джинны, которая в представлении шиитов должна была стать защитницей интересов общины. Шииты сделали кампанию платформой своих политических требований. Внимание общественности к требованиям шиитов привлек и тот факт, что Маулана Абул Ала Маудуди, лидер и организатор крайне правой религиозно-общинной партии

мусульманских фундаменталистов — *Джамаат-и-ислами* бросил вызов президенту М. Айюб-хану, признав возможным избрание женщины президентом страны. «Получалось, что усилия шиитов и многих суннитов во время избирательной кампании шли в одном направлении. Айюб-хан вынужден был в связи с этим пойти на переговоры с представителями шиитского руководства и принять от них пакет требований. Как и прочие до этого, они остались невыполненными»⁶.

В 1969 г. М. Айюб-хан передал полномочия президента страны генералу А. М. Яхья-хану, шииту по вероисповеданию, который спустя два года уступил власть другому шииту — З. А. Бхутто. Все это «в глазах шиитов представляло еще одну гарантию благосклонного отношения властей к их общине»⁷. Начиная с 1975 г., для учеников-шиитов в школах власти ввели отдельное обучение закону божьему, основанное на шиитских атрибутах вероучения.

Пришедший к власти в 1977 г. генерал М. Зия-уль-Хак добился казни З. А. Бхутто и приступил к активному претворению в жизнь программы исламизации. Сам он был суннитом, придерживавшимся крайних консервативных убеждений, а его учителем и идейным наставником — А.А. Маудуди, возглавлявший *Джамаат-и-ислами* с 1941 по 1979 год. Партийная программа мусульманских фундаменталистов стала теоретической основой проводимого Зия-уль-Хаком курса, направленного на усиление роли ислама, а *Джамаат-и-ислами* — той политической силой, которая начала последовательно бороться за ее реализацию. Вследствие введения в Пакистане системы шариата именно правовые нормы легли в основу религиозных столкновений. Естественно, что когда суннитские богословы, используя свое влияние на правительство, решили ввести повсеместно в стране типично суннитский правопорядок ханафитской школы (*фикх ханафийя*), это не могло не вызвать беспокойства среди шиитов. Лидером движения шиитов стал муфтий Джафар Хусейн, возглавивший *Техрик-и фикх джафарийя* (Движение за джафаритский фикх). Рост напряженности в межрелигиозных отношениях сдерживался событиями в соседнем Иране, где в ходе революции в 1979 г. к власти пришло шиитское духовенство.

Не желая эскалации конфликта, Зия-уль-Хак заверил шиитов, что он не станет препятствовать практическому применению канонов джафаритского фикха в вопросах жизнедеятельности шиитской общины, однако, что касается действия в стране исламских законов вообще, то главенствующими все-таки останутся принципы ханафитского толка. На практике это означало, что в вопросе о налогах особое мнение шиитов во внимание приниматься не будет и, несмотря на их отличное от суннитов понимание налога на богатство (*закат*),

облагаться они будут так же, как и сунниты. (Согласно шиитскому правопорядку, *закатом* облагается исключительно «видимое имущество» — дом, земля, скот, золото, в то время как деньги и банковские вклады к этой категории не относятся. Поступления от сбора *заката* должны распределяться только среди членов шиитской общины и при согласованности с налогоплательщиком).

4—5 июля 1980 г. в Исламабаде состоялась двухдневная конференция шиитов, в которой приняло участие свыше 15 тыс. представителей шиитской общины. Основной обсуждавшейся проблемой стал вопрос о введении для членов общины собственной системы по сбору и распределению *заката*. По завершении конференции, вечером 5 июля 25 тысяч шиитов собрались у здания правительственного секретариата в Исламабаде. Демонстранты требовали, чтобы исламские налоги были добровольными в полном смысле слова. Министр по делам религий Махмуд Харун принял представителей демонстрантов и выслушал их требования, однако в толпе распространились слухи о том, что Харун оскорбил представителей шиитов. Демонстранты начали забрасывать камнями правительственные здания и автомашины. Полицией удалось разогнать демонстрацию, применяя гранаты со слезоточивым газом, и, хотя полиция отрицала, что был открыт огонь, в опубликованном 6 июля заявлении говорилось, что в результате столкновений был убит один человек и 15 получили ранения⁸. Это была «самая крупная правительственная демонстрация силы в столице после переворота три года назад»⁹. Массовые демонстрации состоялись также в Лахоре, Пешаваре, Кветте и Карачи — в целом по стране в акциях протеста приняли участие 100 тысяч представителей шиитской общины. Пакистанские газеты писали, что «если вся страна не сгорела в ту роковую субботу, то это произошло благодаря благоразумию шиитских улемов и, в первую очередь, Джафар Хусейна»¹⁰. Забастовка была прекращена лишь после того, как президент отступил и пообещал лидерам секты, что он введет до 15 сентября указ, который бы устроил шиитов. Это был первый ощутимый успех шиитов в их попытках отстоять свои общинные интересы в борьбе с экспансией суннитских фундаменталистов. В июле 1980 г. было объявлено о создании *Техрик-и нифаз-и фикх-и джафария* (ТНФД, Движение за реализацию джафаритского фикха), которое возглавил Сайид Ариф Хусейни. ТНФД поддержали шииты-предприниматели, адвокаты, учителя, студенты, торговцы.

Вместе с тем высказывались опасения, что Зия-уль-Хак умышленно пытался разжечь вражду между религиозными общинами, поддерживая то одну, то другую сторону, с тем чтобы у него были основания использовать армию для подавления беспорядков. Уже в начале августа военная администрация произвела ревизию местных органов

самоуправления, лишив их права «принимать решения, связанные с соблюдением законности и порядка в стране». Вся полиция поступала исключительно под контроль центральных властей, что также связывалось с шиитскими выступлениями¹¹.

«...Разногласия между суннитской и шиитской сектой обострились в течение последнего месяца, — писал «Фар Истерн Экономик Ревью» 5 сентября 1980 г., — так как муллы в финансируемых правительством мечетях выступают с антишиитскими речами, требуя, чтобы в Пакистане был введен единый закон и чтобы шииты подчинились мнению большинства. Многие ссылаются на иранских суннитов, которые при шиитском большинстве вынуждены были принять шиитские законы, а потому шииты в Пакистане обязаны признать превосходство суннитских законов. В правительственной печати широко публикуются памфлеты, призывающие поставить шиитов на место. Противники военного режима утверждают, что Зия-уль-Хак надеялся разжечь вражду между сектами, с тем, чтобы для усмирения беспорядков ввести армию; это может быть сделано под предлогом спасения страны. Такой же аргумент был использован при свержении Бхутто. Вероятно, Зия-уль-Хак осознал, что играет с огнем, поэтому антишиитские воззвания из мечетей затихли в середине августа»¹².

В конце августа — начале сентября 1980 г. состоялась серия встреч представителей шиитской общины с президентом Зия-уль-Хаком, в ходе которых обсуждались проекты исламского налогообложения в соответствии с пожеланиями шиитов. При этом военной администрации приходилось действовать с осторожностью: невнимание к требованиям шиитов вновь вызвало бы недовольство среди членов общины, которые уже продемонстрировали свою силу в начале июля, но в то же время любые уступки в пользу шиитов осложнили бы отношения правительства с суннитскими богословами.

15 сентября 1980 г. министерство юстиции завершило рассмотрение поправок к президентскому указу о *закате*. Выступая на пресс-конференции, главный администратор по сбору и распределению *заката* И. А. Имтиази заявил, что принцип обязательного отчисления в фонд *заката* сохранен. Однако, если представитель какой-либо секты считает, что обязательное отчисление противоречит его религии, он может подать в шариатский суд прошение об освобождении его от такого вида налога. Согласно поправкам, допускалась интерпретация Корана и сунны «в соответствии с религиозным учением различных сект и направлений ислама»¹³.

На состоявшейся 20—21 августа в Исламабаде конференции улемов была принята состоящая из 22 пунктов «Декларация по претворению ислама в жизнь». Высший совет шиитских богословов, члены которого

также присутствовали на конференции, официально заявил, что теперь, когда претворяется в жизнь программа из 22 пунктов, «ни одна религиозная община не может сказать, что ее права ущемлены»¹⁴.

Военной администрации удалось, таким образом, достигнуть компромисса, который, однако, далеко не полностью решил проблему шиитской общины. В августе 1982 г. лидер шиитов муфтий Джафар Хусейн созвал очередное совещание руководства общины, после которого заявил журналистам, что принятые властями меры носят поверхностный характер и не могут удовлетворить его общину. Кроме того, власти не желали отменять унизительную для шиитов процедуру заполнения соответствующих деклараций для освобождения от уплаты налогов по суннитским законам. Джафар Хусейн предупредил о скором начале новой кампании протеста во всепакистанском масштабе.

Эта волна беспорядков и столкновений началась осенью 1984 г., когда власти отдали приказ о праве полиции по своему усмотрению запрещать религиозные процессии шиитов. Траурные процессии в память имама Хусейна являются для шиитов важнейшим обрядом и посягательства на право устраивать такие процессии были расценены ими как враждебная акция. В декабре 1984 г. шииты бойкотировали состоявшийся в Пакистане референдум, а в феврале 1985 г. и всеобщие выборы в Национальную ассамблею и провинциальные законодательные собрания.

Суннитские улемы занимали непримиримую по отношению к шиитам позицию, говоря, что Зия-уль-Хак совершил политический просчет, освободив шиитов от уплаты исламских налогов. То и дело слышались требования о запрете шиитских процессий, шиитских публикаций, шиитских организаций. В стране начали создаваться специальные комитеты по выявлению шиитов на госслужбе. Экстремистски настроенные улемы (в частности, депутат провинциальной пенджабской ассамблеи маулана Манзур Ахмад) требовали их увольнения. В мае 1985 г. шиитский лидер Сайид Хамид Али-шах Мусави подписал соглашение с правительством о прекращении массовых выступлений. Однако лидер ТНФД Сайид Ариф Хуссейни, не признав подписанного соглашения, организовал акции протеста в Лахоре, Пешаваре и Кветте, участники которых выступали не только с религиозными, но и с политическими лозунгами. В феврале 1986 г. шиитская община добилась регистрации своей партии, однако беспорядки в стране не прекращались.

6 июля 1986 г. в Белуджистане сотни протестующих шиитов приняли участие в вооруженных столкновениях с полицией, когда их демонстрации перекрыли вход в Кветту. Столкновения стоили 24 жизней с обеих сторон. С тех пор члены шиитской общины отмечают траурную годовщину каждый год.

29 мая 1988 г. Зия-уль-Хак объявил о роспуске Национальной ассамблеи и правительства страны и об отстранении М. Х. Джунеджо с поста премьер-министра. Свое неожиданное решение генерал мотивировал тем фактом, что правительство не справилось с программой исламизации, втянуло страну в экономический кризис и не смогло обеспечить соблюдение законности и правопорядка.

В качестве одной из причин, заставивших Зия отстранить гражданское правительство и взять контроль над государством в свои руки, назывались межрелигиозные противоречия. Так например, нидийская газета «Стейтсмен», со ссылкой на дипломатические источники, привела данные о вооруженных столкновениях между шиитами и суннитами в Гилгите, в результате которых погибло около 200 человек. «Столкновения в Гилгите, во время которых полиция и армия бездействовали, повлияли на решение Зия-уль-Хака распустить правительство, обвинив его в несоблюдении законности»¹⁵.

Несмотря на протесты со стороны шиитской общины 15 июня 1988 г. Зия-уль-Хак провозгласил шариат высшим законом, «целью, ради которой был создан Пакистан».

5 августа 1988 г. в Пешаваре был убит президент ТФНД Сайид Ариф Хусейн, что вызвало массовые волнения шиитов по всей стране. Лидером ТНФД стал Сайид Саджид Али Накви, однако в самой партии произошел раскол. От нее отделилась *Сипах-и Мухаммад* («Армия Мухаммада») — радикальная шиитская организация, отвергающая любые методы борьбы, кроме насильственных. Руководителем СМ стал Гулам Раза Накви, его заместителем — Мунаввар Аббас Алви.

17 августа 1988 г. Зия-уль-Хак погиб в авиационной катастрофе. Его гибель вызвала шквал комментариев по поводу причин катастрофы. Высказывались предположения о причастности к ней проирански настроенных шиитов.

В целом в годы правления М. Зия-уль-Хака (1977—1988) шиитско-суннитские противоречия носили форму многочисленных пресс-конференций, критических выступлений в печати, мирных демонстраций шиитов. В основном словесные дебаты велись исключительно в религиозных верхах — между президентом Зия-уль-Хаком, министром по делам религий Махмудом Харуном, *Джамаат-и-ислами* как представителями суннизма, с одной стороны, и лидером шиитов Джафар Хусейном и президентом ТНФД Сайид Ариф Хусейном — с другой. Если не принимать в расчет случаи убийства отдельных религиозных лидеров (например, Сайид Ариф Хусейна в августе 1988) или никем не подтвержденные (но и не опровергнутые) сведения индийской печати о массовых убийствах в мае 1986 в Гилгите, в целом все демонстрации и акции протеста шиитов носили исключительно мирный характер.

После гибели Зия-уль-Хака роль исламизации в политической жизни Пакистана значительно ослабла, а на смену словесным дебатам между представителями высшего мусульманского духовенства пришли вооруженные столкновения между низшими слоями различных сект. В истории развития шиитско-суннитских отношений наступил новый период.

В 1979—1988 гг. пакистанское правительство во главе с генералом Зия-уль-Хаком поощряло культуру *джихада*, всемерно усиливая влияние мусульманского духовенства. Все это узаконивало фундаментализм, особенно после введения элементов шариата в юридическую систему страны. Все более широко стали использоваться государственные фонды для распространения религиозных семинарий. «До 1980-х годов религия не была особо конфликтной проблемой в Пакистане. Общество, однако, радикально изменилось после ввода советских войск в Афганистан и последующей обратной реакции, когда в регион хлынули мощные финансовые потоки для борьбы с коммунистическим режимом, а местная молодежь призывалась мусульманскими проповедниками к джихаду. В итоге «война против Советов стала оружием 20-го столетия — джихадом ракет против неверующих захватчиков»¹⁶.

По некоторым данным, «на территории Пакистана было образовано около 2,5 тыс. религиозных школ, где проходили обучение молодые люди, которые готовились для операций в Афганистане и Кашмире. Пакистанцы, кашмирцы, таджики, узбеки и арабы, получив идеологическую обработку в этих школах и пройдя военную подготовку в специальных лагерях, реализовывали на практике полученные знания не только в Афганистане, но и у себя на родине. (Чуть позже в конце 90-х годов создание тренировочных лагерей и сети религиозных школ экстремистской направленности финансировалось лично Усамой бен Ладеном)»¹⁷.

В самом Пакистане появились военизированные радикалистские, ставшие вскоре террористическими организации, такие как *Лашкар-и-Тойба*, *Харкат-уль-Муджахедин*, *Джаиш-и Мухаммад* и др. Все они были тесно связаны с боевиками в Кашмире и Афганистане и оказывали им всяческую помощь¹⁸.

Значительно активизировала свою деятельность *Сипах-и Сахаба Пакистан* (ССП) («Пакистанская Армия сподвижников пророка») — радикальная суннитская организация, созданная в 1985 г. группой мусульманских богословов: Хак Навазом Джангви, Зия-ур-Рахманом Фаруки, Азам Тариком. В 2003 г. ССП насчитывала около 100 тысяч сторонников и от 3 до 6 тысяч боевиков; она «отличается такой нетерпимостью и воинственностью, что считает шиитов неверными»¹⁹.

Но даже у таких неводержанных суннитов есть свое экстремистское крыло — в 1995 г. от ССП откололась фракция *Лашкар-и-Джангви* (ЛД) — экстремистское военизированное формирование суннитов, тесно связанное с насилием против шиитского сообщества. В последние годы обе воинственные организации привлекли в свои ряды сотни активистов, прошедших подготовку и получивших оружие для борьбы с врагами ислама. ССП, родительская организация ЛД, в основном работает как политическая партия и даже принимала активное участие в парламентских выборах в октябре 2002 г. — один из его активистов победил на них, получив место в национальной ассамблее Пакистана (см. ниже). ЛД скорее можно рассматривать как экстремистскую группировку, находящуюся в подполье, но тесно связанную с афганскими талибами и сетью Аль-Каиды.

Начиная с середины 1990-х годов обострившиеся шиитско-суннитские столкновения стали все чаще приводить к человеческим жертвам с обеих сторон, однако потери среди шиитов были более тяжелыми. И это несмотря на то, что еще при премьер-министре Наваз Шарифе в 1998 г. был принят специальный закон о борьбе с терроризмом, дающий правительству широкие полномочия для пресечения насилия на религиозно-сектантской почве.

Официальные данные, приводимые пакистанскими правоохранительными органами (см. таблицу), свидетельствуют, что по сравнению с периодом правления М. Зия-уль-Хака число жертв в ходе столкновений между шиитами и суннитами сильно возросло.

Человеческие жертвы в межрелигиозных столкновениях в 1994-2003 гг.²⁰

Год	Шииты	Сунниты	Всего
1994	48	46	94
1995	57	41	98
1996	1	0	1
1997	15	13	28
1998	7	1	8
1999	14	14	28
2000	13	3	16
2001	33	24	57
2002	20	10	30
2003 (январь-июнь)	12	2	14
Всего	220	154	374

Однако помимо официальных данных, есть и неофициальная статистика. В годовом отчете за 2001 г. Комиссия по правам человека в

Пакистане отметила, что в стране происходит постоянное преследование религиозных меньшинств: «В течение 1990-х ежегодно погибало около 1000 человек вследствие насилия на религиозной или этнической основе. Именно 1990-е годы превратились в волну религиозной воинственности»²¹.

Должностные лица утверждают, что в течение 1994-2003 гг. в непрекращающемся сектантском насилии было убито более 90 докторов, 34 адвоката, различные ученые и религиозные деятели — большинство из них принадлежало к шиитской секте²².

После военного переворота 12 октября 1999, когда к власти пришел генерал Первез Мушарраф, только в одном Карачи было убито 137 человек в 55 различных столкновениях на межрелигиозной основе. Согласно некоторым неофициальным оценкам, эта цифра уже превысила 1000 человек²³.

Поскольку Пакистан не мог не поддержать мировое сообщество (в первую очередь, США) в борьбе с международным терроризмом после трагедии 11 сентября 2001 г., президент П. Мушарраф в январе 2002 г. принял закон о запрете деятельности пяти радикальных исламистских группировок и партий, в том числе и *Синах-е-Сахаба Пакистан*. Этот закон, равно как и последующее подавление сопротивления экстремистских организаций принесли некоторую передышку шиитской общине. Однако довольно скоро эффективность правительственных мер оказалась сомнительной: чтобы спастись от репрессивных мер, многие активисты ССП вышли из этой экстремистской организации и присоединились к проправительственным партиям, в том числе и к Пакистанской мусульманской лиге. Это было особенно актуально в преддверии парламентских выборов.

В октябре 2002 г. в Пакистане состоялись выборы в Национальную и провинциальные ассамблеи. К удивлению для многих, блок основных фундаменталистских партий *Муттахида маджлис-и-амаль* (ММА) завоевал 20% мест в НА, победил в СЗПП и добился больших успехов в Белуджистне. В состав ММА наряду с *Джамаат-и-ислами* вошла и крупнейшая шиитская организация *Миллат-и-джафария Пакистан* (Общество сторонников джафаритского толка Пакистана). Но несмотря на мирное сосуществование суннитских и шиитских богословов в парламенте, туда же был избран лидер запрещенной ССП Азам Тарик, который с 2001 г. находился под арестом за организацию беспорядков в знак протеста против ввода американских войск в Афганистан.

Несмотря на запреты и аресты со стороны правительства, в 2002 г. ряды экстремистских группировок продолжали расширяться, а их организационная структура становилась более сплоченной и материаль-

но обеспеченной. Так например, финансовый секретарь ССП Салим Кадри признался на страницах пакистанской печати, что штаб партии ежемесячно передавал ему по 320 тыс. рупий для помощи семьям заключенных в тюрьму коллег, выплаты залогов, компенсаций за погибших членов партии²⁴. Один анонимный активист ЛД, объясняя, почему «он не испытывает желаний к оседлости и нормальной жизни, тем более, что он не должен беспокоиться о благосостоянии своего семейства», рассказал, что его родители получают щедрую милостыню от ССП — до 10 тыс. рупий ежемесячно, а также дополнительную помощь в виде наличных денег на медицинское обслуживание²⁵.

Подобные откровения не выглядели удивительными, особенно на фоне роста свирепости экстремистских столкновений.

Весной 2003 г. сектантское насилие резко активизировалось в Белуджистане. 23 мая 2003 г. два бандита с мотоцикла расстреляли шиитского богослова в Кветте. 31 мая боевики совершили нападение на Гуляма Наби, видного местного шиита, ранив его и убив его сына. В городе Сиби в первой неделе июня местный шиитский активист Сайед Саклейн Хусейн Накви был ранен двумя вооруженными мотоциклистами. 8 июня был расстрелян автобус, везший курсантов-полицейских — все они были хазарейцами-шиитами. Двенадцать курсантов были убиты на месте, восемь получили тяжелые ранения.

Особенно жестокий теракт, который потряс весь Пакистан, был совершен 4 июля 2003 г. в Кветте, когда трое фанатиков-самоубийц, обвешенных гранатами, открыли огонь по Эсна-э-Ашария — самой крупной шиитской мечети города. В результате нападения погибли 53 человека, в том числе 17 детей, более 60 получили ранения; среди пострадавших было много хазарейцев. Вслед за терактом в 1,2-миллионной Кветте начались беспорядки и волнения. Разгневанная толпа вооруженных шиитов (в основном молодежь) громила магазины, банки, сожгла десяток автомобилей и мотоциклов. Была подожжена суннитская школа-медресе в Маррибаде в пригороде Кветты. В город были введены правительственные войска. Негативные последствия теракта выплеснулись не только на улицы Кветты — все государство оказалось в чрезвычайном положении. Были усилены меры безопасности в дипломатических миссиях, в местах проживания видных лиц, во всех религиозных учреждениях. Однако несмотря на все принятые правительством меры, на следующий день после теракта в Кветте неизвестные лица в Карачи подожгли пять автобусов. По всей стране начался поиск преступников и аресты активистов экстремистских суннитских группировок. В Кветте были задержаны 15 человек, в Лахоре — пять: все члены группировки *Лашкар-и-джангви*.

Официально полиция Кветты не предоставила информации о

принадлежности экстремистов к какой-либо группировке, однако пакистанскому бюро Би-Би-Си были переданы письмо и видеокассета, на которой один из смертников в течение 10 минут рассказывает о своей принадлежности ЛД и о борьбе против шиитов. Так например, он поведал, что происходит «приобщение суннитов к шиитской секте при помощи финансовой поддержки работающих в Кветте иранских дипломатов», и ЛД вынуждена бороться с этим явлением.

Учитывая, что обвиненная в теракте 4 июля ЛД является радикальным крылом ССП, следует особо отметить, что сектантские разногласия начали проявляться в Белуджистане десять лет назад именно с формированием ССП — организации, которая стала распространять религиозную вражду в провинции. Благодатной почвой для ее действий стал пояс расселения брагуйских племен, поддержанных массивной помощью со стороны иностранных фондов. Экстремисты начали свою работу с районов Харан и Чагай — через которые проходит шоссе, связывающее Пакистан с соседним Ираном. Активисты взяли под контроль большинство мечетей в этих районах и стали использовать их для антишиитской пропаганды. Вначале это была лишь горстка возмутителей спокойствия, однако постепенно их численность возрастала и приблизилась к 300—400 человек. Организованным способом ССП начала проводить антишиитскую кампанию, разрисовывая стены домов и вычерчивая антишиитские лозунги на вагонах поездов, особенно тех, которые двигались между Пакистаном и Ираном. Местная администрация была не в состоянии предпринять какие-либо серьезные действия, чтобы предотвратить эту деятельность.

Помимо ССП, ЛД и других местных экстремистских группировок, допускалась возможная причастность к нападению афганского Талибана. Предположение мотивировалось тем фактом, что члены племени хазарейцев были главными объектами терактов как в мечети в Кветте, так и при нападении на полицейских. А за несколько недель до нападения в Кветте, в Афганистане в Хазараджате была атакована местная суннитская религиозная школа предположительно местными хазарейцами. Это вызвало большую напряженность в области и «некоторые суннитские лидеры угрожали во время своих проповедей свести счеты». Отдельные источники предполагали, что резня в Кветте стала ответной реакцией на инцидент в Афганистане.

При этом большинство должностных лиц исключало возможность причастности Аль-Каиды к нападению в Кветте. По их словам, большинство арестованных членов Аль-Каиды признались, что они имеют строгие распоряжения от партийного руководства не вовлекаться в деятельность местных сектантских партий. Этот призыв к сдержанности во многом объясняется тем фактом, что многие члены Аль-Каиды

нашли временное убежище в шиитском Иране, и «они не могут себе позволить осложнить отношения с Ираном»²⁶.

Печальная статистика показывает, что вслед за нападением или убийством последователей одной из ветвей ислама тут же следуют ответные действия фанатиков другой стороны.

В октябре 2003 г. в Исламабаде был убит уже упомянутый суннитский лидер и член парламента Азам Тарик. В день его похорон около трех тысяч сторонников убитого главы группировки ССП громко требовали мести и жгли шиитские мечети, автозаправки и кинотеатры.

В мае 2004 г. волна религиозного экстремизма захлестнула Карачи. 7 мая взрыв в шиитской мечети Хайдери унес 23 жизни, около ста человек было ранено. 30 мая в том же городе был застрелен на выходе из мечети видный религиозный богослов-суннит Низамуддин Шамзай — большой друг афганских талибов. Последним в череде терактов стал мощный взрыв, прогремевший 31 мая около восьми часов вечера в шиитской мечети Али Раза в Карачи во время молитвы-намаза. Теракт мог быть ответом фанатиков-суннитов на убийство своего духовного лидера. Общее число погибших от этого взрыва в самом центре самого крупного пакистанского города достигло 20 человек. Вскоре после взрыва во многих районах в Карачи начались крупные беспорядки. Шииты, в основном молодежь, вышли на улицы в знак протеста против неспособности властей обеспечить им безопасность. Точно такая же недовольная молодежь вышла на улицы Кветты после теракта в июле 2003 г., равно как и на улицы Исламабада после убийства Азама Тарика в октябре 2003 года.

Но протестующие против бездействия правительства молодые люди не могут не понимать, что власти вынуждены бороться с их сверстниками — такими же как они молодыми пакистанцами. «Пакистанские «борцы за свободу» вербовались в вооруженные отряды в основном в Афганистане и Кашмире, однако их уже можно встретить в Судане, Алжире и китайском Синьцзяне. Экспортируя религиозные войны и пройдя качественную профессиональную подготовку, молодые экстремисты, как правило, не задерживались за рубежом, предпочитая свободную мобильность как по сопредельным странам, так и по всему Пакистану. В итоге в настоящее время почти в каждом соседнем государстве, равно как и в каждой пакистанской провинции, сформированы и активно действуют дисциплинированные и сплоченные группы исламских военизированных организаций, привлекая в свои ряды студентов колледжей и университетов, включая молодых медиков, техников и компьютерщиков»²⁷.

Многие из них начинают свою карьеру с поездки в одну из тысяч семинарий, разбросанных по всей стране. «Они присоединились к

Исламским крестовым походам, многие погибли, но те, кто выжил, возвратили джихад к своим семьям и стране, которая не хочет их принимать»²⁸.

Исламизация, начатая генералом Зия-уль-Хаком, породила целое поколение экстремистов, которое уже не знает другого образа жизни — только с поднятым оружием и только претворяя джихад. Главная задача, стоящая перед генералом Мушаррафом видится не столько в примирении шиитов и суннитов и разрешении их традиционных разногласий, сколько в подавлении любых проявлений экстремизма и терроризма. Наступившее после мая 2004 относительное спокойствие в межрелигиозных отношениях можно воспринимать не иначе как временное затишье.

Примечания

- ¹ *Holister J.N.* The Shi'a of India. London, 1953. P. 75.
- ² Там же. С. 293.
- ³ *Березов Н.Н.* Пакистан: проблема беженцев. Бюллетень № 16. М., 1999. С. 4, 6.
- ⁴ *Holister J.N.* The Shi'a of India. P. 397.
- ⁵ *Плешов О.В.* Ислам и демократия. Опыт Пакистана. М., 1997. С. 49.
- ⁶ Там же. С. 129.
- ⁷ Там же.
- ⁸ The Muslim, Islamabad, 6.07.1980.
- ⁹ Statesmen, New Delhi, 7.07.1980.
- ¹⁰ The Muslim, 8.07.1980.
- ¹¹ The Times of India, Bombay, 7.07.1980.
- ¹² Far Eastern Economic Review, Hong Kong, 5.09.1980.
- ¹³ The Muslim, 16.09.1980.
- ¹⁴ Dawn, Karachi, 28.09.1980.
- ¹⁵ Statesman, N. - D., 106.1988.
- ¹⁶ Newline, August 2003, p. 25.
- ¹⁷ *Москаленко В.Н., Рубина Н.В.* Исламизм и сепаратистское движение в Кашмире // Ближний Восток и современность. №19. М., 2003. С. 83.
- ¹⁸ Подробное см.: *Белокреницкий В.* Исламский радикализм Пакистана: эволюция и роль в регионе // Центральная Азия и Кавказ. Lulea (Sweden), 2000. № 6. P. 116—131.
- ¹⁹ Время новостей, 8.10.2003, с. 5.
- ²⁰ Составлено по: Newline, Karachi, August 2003. P. 24—25.
- ²¹ Newline, August 2003. P. 25.
- ²² Newline, Karachi, August 2003. P. 23.
- ²³ Newline, August 2003. P. 23—24.
- ²⁴ Newline, August 2003. P. 27.
- ²⁵ Newline, August 2003. P. 28—29.
- ²⁶ Newline, August 2003. P. 30.
- ²⁷ Newline, August 2003. P. 25.
- ²⁸ Ibidem.

Радикализация ислама в Пакистане: образовательный аспект

В последние десятилетия в мире наблюдается опасный рост религиозного экстремизма и нетерпимости, во многом обусловленный отсутствием справедливого социально-экономического и политического миропорядка. Не в последнюю очередь это связано и с недооценкой роли образовательного аспекта в формировании планетарной толерантности как в масштабах мирового сообщества, так и регионально-страновых образований.

Примером тому может служить Исламская Республика Пакистан. Несмотря на свою приверженность исламской идеологии, связанной с практически полной конфессионально однородностью (свыше 97% жителей страны — мусульмане), данное государство с момента своего создания в 1947 г. имело определенную степень иммунитета против религиозного экстремизма. Он был в начале 70-х годов подорван, а с конца десятилетия в действие вступил фактор вовлеченности Пакистана в войну против правительственных войск в Афганистане, которым оказывали помощь контингенты Вооруженных Сил СССР. Если существовавшие до этого в стране в разное время идеи «исламской демократии» в период правления М. Айюб-хана (1958—1969) или «исламского социализма» при Зульфикаре Али Бхутто (1971—1977) были направлены на внутреннее обустройство молодого государства и выбор своего самобытного пути развития, то использование идеи «исламского джихада», носившей воинствующий характер, выходило за рамки пакистанской государственности, хотя и отвечало интересам правящего военного режима М. Зия-ул-Хака (1977—1988). Он получил значительные дивиденды от военно-политического союза с США, Саудовской Аравией и КНР во время войны в Афганистане.

Именно в этот период были заложены основы радикализации ислама в Пакистане, явившейся побочным продуктом предпринятой

---

* Ирина Николаевна Серенко — научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат педагогических наук.

военными властями политики исламизации пакистанского общества, и, в частности, его образовательных институтов.

Главным направлением развития просвещения стало соотношение его с исламской идеологией на основе жесткой, ортодоксальной интерпретации основ ислама. Исламизация образования выступала в качестве составной части как внутренней политики военных по созданию квазитеократического государства, так и его внешней политики, которая формировалась в период усиления в мире исламского фактора и вовлеченности мирных мусульманских стран в конфликт в соседнем с Пакистаном Афганистане.

Исламизация нашла отражение в принятой в 1978 г. новой национальной программе в области образования, которая в качестве главной цели просвещения выдвигала «воспитание глубокой и постоянной преданности исламу ... и осознание мусульманского статуса нации». В ней указывалось на необходимость добиваться «осознания каждым учащимся того, что он является частью не только пакистанской нации, но и всемирной мусульманской уммы, что он должен внести свой вклад в благосостояние всех братьев-мусульман, проживающих на планете, и способствовать распространению идей ислама во всем мире»¹.

Государством были определены следующие основные направления развития образования в этот период: соотнесение содержания образования с исламской идеологией; идентификация, официальное признание и укрепление традиционных образовательных структур; поддержка религиозных учебных заведений и других элементов мусульманского просвещения, усиление их роли в пакистанском обществе. Упор делался на укрепление позиций традиционной мусульманской системы образования с целью последующего замещения ею действовавшей в стране образовательной структуры, выстроенной по западному образцу.

Первоначально за счет расширения сети религиозных школ правительство пыталось решить проблему всеобщего обучения на начальной ступени при минимуме затрат. К 1983 г. планировалось открыть 5000 школ при мечетях. В соответствии с шестым планом социально-экономического развития (1983—1988) и разработанным на его основе Планом действий в области образования предполагалось увеличить количество этих школ (*мактабов*) еще на 40 тысяч, что составило бы почти 50% от общего числа начальных общеобразовательных школ. И хотя этот показатель не был достигнут (к 1987/88 учебному году было открыто 17 тысяч *мактабов*), государство и в дальнейшем намечало оказание всемерной поддержки религиозным школам. Реформой также предусматривалось возрождение традиционной практики домашних школ для девочек (открытых в рамках квартала, *махалля*),

особенно в сельской местности, где ощущалась острая нехватка начальных женских школ, а совместное обучение с мальчиками не практиковалось. К 1983 г. планировалось открыть 5000 подобных школ на дому, в которых владеющие грамотой соседи — горожанки и сельчанки — обучали девочек Корану, «исламиату» (т. е. основам исламских знаний) и домохозяйству².

Такое упрощенное содержание образования «соотносилось с особой ролью женщины в исламском обществе». И ее, как отмечалось в документах реформы, следовало обязательно учитывать при разработке учебных планов женских просветительских учреждений. «Особая» роль пакистанской женщины понималась как ее общественная изоляция, подчиненное мужчине положение и основывалась на стереотипных представлениях, усиленных фундаменталистским истолкованием военным руководством заповедей ислама и законов шариата.

Для реализации основных задач реформы в стране был создан Национальный комитет по религиозным учебным заведениям (1979). Ему предстояло осуществить реорганизацию учебных программ и планов традиционных мусульманских школ всех звеньев обучения и включить их в общий поток начального, среднего и высшего образования. Существенно были увеличены ежегодные бюджеты теологических учебных заведений за счет государственной поддержки, осуществлявшейся через отчисления от сборов религиозного налога — заката (до 10% от общих поступлений)³. Она впервые стала использоваться в стране, начиная с 1981 года. Тогда же дипломы религиозных учебных заведений были приравнены к степеням формальной системы образования, что предполагало расширение для их выпускников возможностей трудоустройства и занятости на рынке труда.

Теологические учебные заведения становились более привлекательными для учащихся из беднейших слоев населения, включая жителей сельской местности и афганских беженцев, появившихся в стране после того как там началась гражданская война (1979). Она поставила Пакистан в эпицентр глобального противостояния двух сверхдержав и привела к росту исламистских партий и движений. Они получили широкую возможность для укрепления своей власти через систему подконтрольных им теологических учебных заведений. Как результат, в стране наблюдался процесс политизации традиционной мусульманской системы образования, распространения среди учащихся идей религиозной нетерпимости, насилия, превознесения культа «джихада», как основного средства достижения торжества ислама в мире.

Большинство религиозных семинарий, приобретя экстремистскую направленность, превратились, по мнению пакистанского общественного деятеля и публициста Тарика Али, в «питомники по

идеологической обработке возвращаемых фанатиков» и подготовке солдат джихада, «готовых убивать и умирать за свою веру, когда им прикажут их религиозные лидеры»⁴. Они впоследствии были использованы не только в афганском, но и кашмирском конфликтах, а также во внутриафганских столкновениях на этно-конфессиональной почве. Именно они благодаря в частности помощи силовых ведомств Пакистана стали основой Движения афганских талибов (учащихся религиозных школ). Режим движения «Талибан» стремился утвердить главенство шариата в соседнем Афганистане с перспективой создания «исламской федерации от Лахора до Самарканда»⁵.

Таким образом закладывались основы современной индустрии «джихада», где основное место отводилось молодежи. Востребованность ею религиозных школ, находившихся под контролем различных исламистских партий и группировок, объяснялась во многом благоприятными условиями обучения для малоимущих слоев населения, которые и составляли основной контингент учащихся подобных школ. Обучение в них было бесплатным. Помимо этого ученикам в период обучения предоставлялось бесплатное проживание, питание и одежда.

Открывавшиеся государством начальные религиозные школы при мечетях (мактабы) также были бесплатны и доступны для населения. Ее выпускники имели право продолжить свое образование в общеобразовательной средней школе, по замыслу авторов предпринятой реформы просвещения. Однако, учитывая то, что в качестве учителей в них выступали в основном имамы сельских мечетей, говорить о качестве образования здесь не приходилось. Вместе с тем, к 1983 г. в стране планировалось открыть шесть образцово-показательных государственных медресе нового поколения с обновленными учебными планами, педкадрами и современным техническим оборудованием⁶.

Укрепление позиций традиционной мусульманской системы просвещения способствовало превращению ее в альтернативу национальной системе формального обучения и воспитания, не справлявшейся самостоятельно с предоставлением образовательных услуг широким слоям населения. Исламизация образования сопровождалась резким ростом количества теологических учебных заведений. Так, если в 1974 г. религиозные школы составляли 18% от общего числа учебных заведений, функционировавших в стране, то к концу 1983 г. их количество возросло до 40%, а в Северо-Западной пограничной провинции — до 70% от общего числа школ⁷. Этот рост религиозного образования, по оценке В. Я. Белокреницкого, «придавал массовому просвещению, особенно среди бедных и социально приниженных слоев, традиционалистский, средневеково-исламский оттенок»⁸.

Кроме того, с целью «развития и формирования у молодого поколения в соответствии с положениями Корана и Сунны характера, поведения и образа жизни, достойных правоверного мусульманина» в стране был осуществлен пересмотр учебников и учебных планов общеобразовательной и высших школ с привлечением рекомендованного реформой учебного материала, «адекватно отражающего основные положения ислама и идеологию Пакистана»⁹.

В результате проведения этой политики к 1981 году, по официальным данным, из 551 учебника, действовавших в стране, были изъяты все антиисламские материалы. Арабский язык стал обязательным предметом для учащихся 6—8-х классов общеобразовательной школы¹⁰. Ускоренная (шестимесячная) подготовка учителей арабского языка осуществлялась в 30 специализированных педагогических центрах, открывшихся повсеместно в Пакистане. Координация их деятельности была возложена на открытый университет имени М. Икбала в Исламабаде. При этом и в других университетах страны, таких как исламабадский Исламский университет, открывались также факультеты Шариата для подготовки мусульманских правоведов через государственную систему высшего образования. Необходимость в них была вызвана стремлением военных, поддерживаемых пакистанскими традиционалистами из партии «Джамаат-и ислами» (основана в 1941 г.), создать в стране теократическое государство, что после победы исламской революции в Иране (1979) казалось вполне осуществимым. Понятно, что это требовало возрождения традиционных мусульманских институтов, в том числе и образовательных.

Большая работа в этом направлении осуществлялась исламистами в упомянутом выше Исламском университете, получившем в 1985 г. статус международного. Здесь велись активные разработки теоретического обоснования исламизации образования и современных научных знаний не только для Пакистана, но и для всей мусульманской уммы. Характерным в этом смысле надо считать состоявшийся в 1982 г. на базе данного университета международный симпозиум по исламизации знаний. Ставя перед собой задачу наметить контуры «знания по-исламски», участники симпозиума подвергли критике процесс «вестернизации» образования в мусульманских странах, который привел к «интеллектуальному порабощению» и «культурному извращению» мусульман¹¹.

В докладах участников этого ученого собрания неоднократно подчеркивалось, что национальные системы просвещения мусульманских стран «превратились в пародию своего западного прототипа» и без их окончательной ликвидации «не может быть надежды на настоящее возрождение уммы»¹². Попытки исламских модернистов, начиная с С. Ахмад-хана (1817—1898), по реформированию традиционной му-

сульманской системы образования были представлены как «контрпродуктивные», а традиционалистские идеи А. А. Маудуди (1903—1979) признаны «источником активизации и возрождения мусульманских стран»¹³. В докладах подчеркивалась необходимость вывода мусульманской системы просвещения из глубокого кризиса, в котором она оказалась «из-за доминирования в ней чуждого содержания и методологии»¹⁴. Это предполагало полную трансформацию образовательных систем мусульманских государств, окончательную ликвидацию их дуализма (раздвоенности на секулярную и исламскую составляющие) и создание мусульманской системы просвещения на основе исламских принципов и ценностей. Таким образом на симпозиуме предлагалось «исламизировать образование, его субъекты и институты, учебные планы и учебники»¹⁵. Отмечалось также, что все «современные дисциплины — гуманитарные, общественные, естественнонаучные — должны быть подвержены исламизации, ... переосмыслены и перестроены с целью придания им новой исламской основы»¹⁶.

Следует отметить, что деятельность мусульманских стран по разработке своей самостоятельной концепции национального просвещения с учетом традиционной культуры, исламской системы ценностей, морали и этики началась уже на первых международных конференциях в Мекке (1977) и Исламабаде (1980). Во многом это было обусловлено кризисом их национальных систем образования в постколониальную эпоху и поисками самобытного пути развития на принципах мусульманской веры, питавшей некогда величие исламской цивилизации. Модернистские походы в разработке концепции национальной школы на основе взвешенного межцивилизационного баланса уступили место традиционалистским. При этом чрезмерное превознесение мусульманскими традиционалистами уникальности и совершенства исламского вероучения в решении образовательных, как впрочем и других проблем, не способствовало интеграции мусульманской уммы в мировое сообщество, провоцируя опасный процесс ее самоизоляции и конфронтации с остальным миром. Показательно, например, что современная трактовка «джихада», как войны с неверными во имя торжества ислама, напрямую связана с традиционалистскими идеями А. А. Маудуди, изложенными в его книге «Джихад в исламе» (1939), где он рассматривает «священную войну» в качестве одной из главных обязанностей каждого мусульманина, стремящегося к духовному самосовершенствованию.

Последователи А. А. Маудуди, призывавшего своих единоверцев «вернуться к истинному источнику мусульманского просвещения и припасть к чистому роднику мусульманской цивилизации», стали главными защитниками исламской науки и образования в Пакиста-

не¹⁷. В их лице военный режим М. Зия-ул-Хака нашел поддержку проводимой им политики исламизации пакистанского общества и его просветительских институтов. Политика опиралась на главное положение А. А. Маудуди о недопустимости отделения духовного от мирского в образовательном процессе, т. к. «разделение светского и религиозного обучения и воспитания, или смешение их в качестве самостоятельных элементов — дело бесполезное и бесплодное. Ислам не делит жизнь человека на светскую и религиозную. ... Ислам предусматривает свои четкие правила в теоретическом и практическом воспитании личности, в организации и формировании общества, в обустройстве всех сторон жизни. Все это делает мусульманскую цивилизацию независимой и необыкновенной»¹⁸. Если в процессе обучения и воспитания мусульманской молодежи духовное отделялось от мирского, то достичь цели исламского образования, на его взгляд, было невозможно. Выступая с резкой критикой методики преподавания основных дисциплин общественного и естественнонаучного циклов без опоры на ислам, столь характерной для учебных заведений, выстроенных по западному образцу, он ратовал за создание новой системы образования, которая, как он считал, «не требует введения еще одного курса духовного обучения. Вместо этого все предметы должны быть заменены на религиозные (“диниат”) курсы»¹⁹.

Его рекомендации реализовывались через сеть религиозных школ, структурно вошедших в традиционную мусульманскую систему просвещения, которая, подвергнувшись значительной политизации, продолжала функционировать в стране параллельно с современной системой образования западного типа. К концу правления генерала М. Зия-ул-Хака (1988) в Пакистане действовало до 8 тыс. зарегистрированных и более 25 тыс. незарегистрированных медресе, из которых 98% были суннитскими учебными заведениями, а 2% — шиитскими. В них обучалось до 500 тыс. учащихся²⁰.

Идеи А. А. Маудуди усиленно внедрялись также на всех ступенях общеобразовательной и высшей школ Пакистана через предпринятую в них исламизацию знаний. Начиная с 1981 года, в учебный план вузов по подготовке к степени бакалавра наук в качестве обязательного предмета вводился исламиат. Обязательным предметом для будущих специалистов высшего звена становился и такой предмет, как пакистановедение. Этим двум учебным дисциплинам отводилась главная роль в формировании исламского мировоззрения, мусульманского образа жизни у пакистанской молодежи. Так, в предисловии учебника М. М. Юсафа «Пакистановедение» для высших учебных заведений (вышел в 1989 г.) подчеркивалось следующее: «Цель данного обязательного курса — дать логическое обоснование необходимости

возникновения Пакистана. Это будет способствовать не только укреплению веры и чувства патриотизма у молодежи, но и окажет влияние на их физическую и моральную подготовку в борьбе против всякого рода явных и скрытых посягательств на идеологию Пакистана»²¹. В качестве основы государственной идеологии Пакистана преподносилась «теория двух наций». Ею же обосновывалась необходимость создания Движения за Пакистан, т. к. «индусы и мусульмане — две разные нации. Их экономические, политические и культурные интересы не только не переплетались, но находились в конфликте»²². При этом индусы, помимо английских колонизаторов, рассматривались в качестве оппонентов появления независимого мусульманского государства. В учебнике постоянно муссировался вопрос о «британской и индусской эксплуатации мусульман»²³. Таким образом оправдывалось непримиримое отношение мусульман к индусам, ислама к индуизму. Это разжигало религиозную нетерпимость, националистические и шовинистические настроения среди пакистанской молодежи и не способствовало формированию добрососедских отношений между Пакистаном и Индией.

Теоретики ислама делали упор на концепцию солидарности и сотрудничества всех членов мусульманской уммы, независимо от их государственной, расовой, национальной или социально-классовой принадлежности, обусловленной универсализмом ислама. При этом они представляли исламское общество идеальным: «Как говорится в Священном Коране, ислам отрицает всякую эксплуатацию, тиранию и несправедливую систему. Для ликвидации бедности и несправедливой экономической зависимости от других стран ислам предлагает сбалансированную экономическую систему, которая лишена недостатков как капитализма, так и социализма»²⁴. Этим объяснялась учащимся необходимость исламизации общества, направленной на построение истинно исламского государства в соответствии с завещанием основателя пакистанской нации М. А. Джинны. На самом деле подобная интерпретация исторических фактов поборниками исламской идеи не имела ничего общего со взглядами М. А. Джинны, видевшего Пакистан секулярным, демократическим государством, построенным на основе исламских культурных ценностей, а не законов шариата.

Изложенный в учебнике «Пакистановедение» для высших учебных заведений материал в целом соответствовал содержанию учебников по данному предмету на всех других ступенях обучения, порой дублируя их. Идеологическая индоктринация пакистанской молодежи осуществлялась также на уроках по таким предметам, как английский язык, урду и исламиат. Превознесение идей «избранности» мусульман

Аллахом среди других, деление людей на «верных» и «неверных» стало нормой при изложении учебного материала.

Так, в одном из учебников по исламиату для высших учебных заведений указывалось, что «в мире существуют только две нации: одна — мусульмане, другая — «кафиры» (немусульмане, отвергающие веру в Аллаха)²⁵. В трактовке другого учебника на мусульманскую нацию возлагалась такая «священная религиозная обязанность», как исламский «джихад», которым «правоверные испытываются на прочность, подвергаясь тяжелейшим испытаниям в борьбе с врагами ислама»²⁶. По поводу последних делалось следующее уточнение: «До тех пор, пока существует этот мир, две силы — добродетели и зла — будут постоянно находиться в противоборстве друг с другом. В соответствии с исламом мусульмане открыто заявляют о своей приверженности добродетели. Им определено свыше всегда поддерживать свою готовность и оснащенность последними видами военного оружия для борьбы со злом, где и когда бы оно ни появилось, облеченное в форму агрессии или гонений за веру со стороны любого другого народа или государства»²⁷. Открытое прославление идей «джихада» и мученической смерти шахидов за истинную веру стали неотъемлемой чертой многих пакистанских учебников.

Очевидно, что такое изложение учебного материала не способствовало формированию у подрастающего поколения толерантного и уважительного отношения к представителям других конфессий и национальностей, решению вопросов духовно-нравственного воспитания пакистанской молодежи на основе диалога культур. Засеянные в ее умах под лозунгами «джихада» семена воинственности и насилия спровоцировали рост милитаризации общественного сознания пакистанцев, радикализацию ислама в Пакистане в целом, материализовавшихся в актах насилия и террора на регионально-страновом уровне. Такой путь бесперспективен, т. к. не ведет к решению проблем и конфликтов, а лишь обостряет их.

Жизненно важной необходимостью пакистанского государства в связи с этим становится демилитаризация общественного сознания, воспитание культуры мира, планетарной толерантности и умеренности взглядов среди пакистанских граждан, в первую очередь через их широкую просвещенность. На это и направлена государственная стратегия «просвещенной умеренности», провозглашенная в стране ее президентом П. Мушаррафом в 2003 году. Однако скорого результата от этой инициативы ждать не приходится, ибо формирование сознания личности, ее гражданской и политической культуры требует значительного периода времени. Кроме того, приверженность межкультурному диалогу, всестороннему социо-культурному сотрудни-

честву и взаимопониманию между всеми субъектами международного права должны стать императивом для всех государств мира с целью предотвращения самоуничтожения человечества, сохранения и развития земной цивилизации в целом.

Примечания

- ¹ National Education Policy and Implementation Programme. Government of Pakistan. Ministry of Education. Islamabad, 1979. P. 1.
- ² Ibid. P. 109.
- ³ *Jamal Malik*. Traditional Islamic Learning and Reform in Pakistan. /ISIM. Newsletter. Leiden, 10.2002. С. 20.
- ⁴ *Tariq Ali*. The Clash of Fundamentalisms. Crusades, Jihads and Modernity. London: VERSO, 2003. С. 196, 197.
- ⁵ Там же. С. 199.
- ⁶ National Education Policy and Implementation Programme. Ibidem, с. 46.
- ⁷ The News. Islamabad, 21.03.2004. С. 2.
- ⁸ *Белокреницкий В.* Исламский радикализм Пакистана: эволюция и роль в регионе // Центральная Азия и Кавказ. № 6 (12). Lulea (Sweden), 2000. С. 122.
- ⁹ National Education Policy and Implementation Programme. Ibidem. P. 1, 56.
- ¹⁰ National Education Policy'92. Ministry of Education, Pakistan. Islamabad, 1992. P. 13.
- ¹¹ Knowledge for What? Proceedings and Papers of the Hijra Seminar on the Islamization of Knowledge (4—6 January 1982). Institute of Education. Islamic University, Islamabad: Institute of Islamic History, Culture & Civilization, 1402/1982. P. 5, 7.
- ¹² Там же. С. 7, 9, 68, 157.
- ¹³ Там же. С. 75, 135, 142.
- ¹⁴ Там же. С. 7.
- ¹⁵ Там же. С. 15.
- ¹⁶ Там же. С. X.
- ¹⁷ *Маудуди А.* Мы и западная цивилизация. М.: Твис, 1993. С. 33.
- ¹⁸ Там же. С. 156.
- ¹⁹ Dawn. Karachi, 01.11.98. P. 6.
- ²⁰ *Ahmed Rashid*. Taliban. The Story of the Afghan Warlords. London: Pan Books, 2001. P. 89.
- ²¹ *Yusaf M. M.* The Pakistan Study. Textbook for the Graduate and Post-Graduate Classes. Karachi, 1989. P. 1.
- ²² Там же. С. 80.
- ²³ Там же. С. 220—222.
- ²⁴ Там же. С. 23.
- ²⁵ *Lazmi M. A.* Tehfeem-1-Islamiat. Textbook for Graduate Classes, Punjab Textbook Board. Lahore: Muslim Printing Press, 1987. P. 18.
- ²⁶ *Baig S. A.* Islamiat. Textbook for Intermediate Classes, Punjab Textbook Board. Lahore: Maktaba Jadeed Press, 1986. P. 150.
- ²⁷ Там же. С. 155.

Проблемы образования в свете государственной стратегии «просвещенной умеренности» в современном Пакистане

В современных условиях глобализации формирование нового миропонимания человечества на основе культуры межцивилизационного взаимодействия является главным императивом нового тысячелетия. В качестве оптимального средства решения данной проблемы выступает образование, стимулирующее человеческое взаимодействие и взаимопонимание на всех уровнях для предотвращения самоуничтожения земной цивилизации. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (от 02.11.2001 года) и Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о диалоге между цивилизациями (от 09.11.2001 года) утверждают в качестве важнейшей гарантии мира и стабильности на всей планете межкультурный диалог.

Государственная стратегия «просвещенной умеренности», выдвинутая Исламской Республикой Пакистан (2003), конкретизирует эти новые подходы к межцивилизационному взаимодействию и способствует мирному, бесконфликтному развитию человеческой общности. Сама идея и разработка данной стратегической линии в политике пакистанского государства потребовала значительного периода времени и была предопределена рядом не только внутренних, но и внешних факторов. Поддержка Пакистаном движения «Талибан» и успехи талибов в Афганистане усилили исламистские группировки внутри пакистанского государства. Многие из них теперь выступали не только за поддержку борьбы в Афганистане и Кашмире, но и заявляли о необходимости осуществления джихада против своей собственной, на их взгляд, секулярно настроенной правящей элиты с целью достижения победы исламской революции в Пакистане. Они «требовали превратить Пакистан в «подлинно» мусульманское государство, установить государственно-правовую систему подобную той, которая существовала у талибов в Афганистане».¹

---

* Ирина Николаевна Серенко — научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат педагогических наук.

Особенно опасным становилось растущее влияние исламистов внутри армии, взявшей на себя властные полномочия по управлению страной. По признанию бывшего главы Объединенного военного разведывательного управления Пакистана генерала Хамида Гуля, «солдаты пакистанской армии всегда были религиозны, но теперь среди офицерского состава возросло число исламистов», что способствовало осуществлению в стране «мягкой исламской революции».² На фоне экономического спада, роста инфляции и политической нестабильности простые пакистанцы видели в ней последнюю надежду на улучшение своих жизненных условий и достижение социальной справедливости на основе исламских принципов.

Однако, как показал опыт Афганистана, этот путь был тупиковым. Жесткий внутривнутриполитический курс талибского руководства, поощрение международного терроризма и отказ от какого-либо диалога и компромиссов с мировым сообществом способствовали его самоизоляции и последующему краху. Союзнический талибам Пакистан также оказался в международной изоляции, приобретя имидж пособника терроризма. Его будущее в качестве государства-«изгоя» не сулило ему ничего хорошего.

События 11 сентября 2001 г. привели к резкой смене ориентиров во внутренней и внешней политике пакистанского государства, примкнувшего к антитеррористической и антиталибской коалиции мировых держав. «Крестовый поход США против талибов» рассматривался пакистанским генералитетом как «дар Божий», позволивший Пакистану вернуть традиционную региональную значимость для Вашингтона в афганском векторе политики³. Это также помогло пакистанскому государству в укреплении его позиций на международной арене, а с отменой санкций, введенных после пакистанских ядерных испытаний (1998), и возобновления иностранной помощи — в улучшении финансово-экономического положения страны.

Но, если изменить политику государства стало возможным в одночасье, то изменение массового сознания пакистанцев, отмеченного проявлениями религиозной нетерпимости и воинственности, требовало огромных усилий и времени. Мусульманская солидарность с братьями по вере—талибами способствовала росту антиамериканских и антиправительственных выступлений, прокатившихся по всему Пакистану. Международные наблюдатели не исключали даже варианта скорого свержения исламистами военного режима во главе с генералом Первезом Мушаррафом, который заявил о необходимости покончить с экстремизмом и терроризмом в стране, где в результате столкновений на религиозно-общинной почве только в 2001 году, по его сведениям, погибло более 400 пакистанцев.⁴

Одной из основных мер государства по предотвращению вливания пакистанской молодежи в различные экстремистские движения явилось проведение в стране с августа 2001 г. реформы традиционной мусульманской системы образования. После событий 11 сентября, она перестала быть внутренней проблемой Пакистана, приобретая международную значимость в свете борьбы с международным терроризмом. По заявлению президента Пакистана П.Мушаррафа, данная реформа направлена на то, чтобы религиозные учебные заведения далее не могли «использоваться для распространения политических и религиозных предубеждений». В своем обращении к нации от 12 января 2002 г. он также подчеркнул, что в случае, «если под прикрытием медресе или мечети осуществляется подрывная пропаганда, идет торговля оружием, то мы немедленно закроем эти заведения. Мы не позволим фундаменталистам создать государство в государстве».⁵ Решимость президента Пакистана в практической реализации этой реформы, направленной на достижение государственного контроля за религиозными учебными заведениями и обновление их учебных программ и планов, прозвучала также в ходе беседы с ним автора статьи, которая состоялась во время его официального визита в Москву в феврале 2003 года.

Вместе с тем, наличие в стране традиционалистски настроенной оппозиции, обладающей значительной силой и властью, не обещает скорого и плавного реформирования системы религиозных учебных заведений, т.к. она заинтересована в дальнейшем укреплении своих позиций по всем направлениям, в том числе и за счет притока в ее ряды молодых сил. В учащихся религиозных школ, составляющих одну треть всего контингента обучающейся молодежи страны, исламисты видят основной потенциал своих сторонников в деле построения теократического государства в Пакистане.⁶

Более того, они оказывают всяческое сопротивление попыткам руководства страны внести изменения в школьные программы и учебники общеобразовательных и высших учебных заведений для обновления и модернизации их содержания. Оно практически не подвергалось пересмотру со времен правления М.Зия-ул-Хака (1977—1988), когда идеологизация учебных дисциплин и исламизация знаний не давали учащимся целостного представления о мире. Он преподносился учащимся разделенным на две противоположные системы (мусульманскую и немусульманскую) и взаимоотношения между ними изображались как враждебно-конфронтационные. Это не способствовало формированию у пакистанской молодежи толерантного отношения к любым проявлениям инаковости, воспитанию у нее культуры межцивилизационного взаимодействия для утверждения общечеловеческой целостности, ставшей важнейшим императивом современности.

Плоды такого образования можно наглядно проследить по результатам проведенного в стране выборочного социологического анкетирования учащихся старших классов в возрасте от 15 до 16 лет, обучавшихся в 1999-2000 учебном году в различных типах городских средних школ (медресе, государственных и частных общеобразовательных школах с преподаванием на английском языке, урду и синдхи). Они, в частности, показали, что большинство учеников (до 99%) выступают за решение Кашмирской проблемы военными средствами. В меньшей степени настроения воинственности присутствуют у учащихся элитных школ с преподаванием на английском языке. Но и здесь до 63% респондентов выразили согласие с необходимостью завоевания Кашмира. Большинство учащейся молодежи с незначительным разбросом показателей одобрило наращивание ядерного оружия в стране и создание сильной армии.⁷

За введение в Пакистане законов шариата высказалось подавляющее большинство десятиклассников, принявших участие в данном опросе (от 80% до 98%). Исключение составили лишь учащиеся элитных школ западного типа, из которых к подобной возможности позитивно отнеслись до 52% респондентов. В их среде в большей степени присутствуют либеральные и демократические убеждения. Они выступают за свободу прессы (63%), телевидения (67%), установление демократии (65%), предоставление равных прав женщинам (87%) и религиозным меньшинствам: ахмадийцам (54%), индусам и христианам (58%), а также всем провинциям страны (88%). В наибольшем контрасте их взглядам находятся анкетные ответы учащихся медресе, высказавшихся против свободы средств массовой информации (76%), против предоставления равных прав женщинам (73%), ахмадийцам (82%), индусам и христианам страны (72%).⁸

Нужно иметь в виду, что приведенные выше результаты социологического опроса не отражают ценностных ориентиров сельской молодежи, получающей образование в основном в религиозных школах. Но и они позволяют представить общую картину мировоззренческих установок молодых пакистанцев, имеющихстораживающие оттенки религиозной нетерпимости и воинственности. Их коррекция, как думается, является насущной потребностью пакистанского государства.

Во многом корни этого негатива произросли из политики военного режима М.Зия-ул-Хака по исламизации образования, которая сохраняла свою инерцию (с небольшими перерывами) вплоть до начала нынешнего тысячелетия. Об этом свидетельствуют и результаты независимого анализа учебных программ и учебников (для учащихся 1-12-х классов общеобразовательной школы), осуществленного ря-

дом пакистанских экспертов (педагогов, психологов, социологов) по инициативе Исламабадского Института политики непрерывного развития (2002). Они были представлены в итоговом докладе рабочей группы под названием «Утонченное разрушение» (2003), где авторы выражают обеспокоенность в связи с разрушением в умах подрастающего поколения посредством учебного материала таких вечных общечеловеческих ценностей, как добро, уважение, терпимость и не-насилие.

Данная тенденция, и на их взгляд, возникла в период правления М.Зия-ул-Хака, когда «образовательное пространство было узурпировано вопиющей индоктринацией» молодежи для распространения в ее среде «идей враждебности, национализма и милитаризма».⁹ Это способствовало формированию искаженной картины мира у молодых пакистанцев, воспитанию их в духе религиозного «сектарионизма», нетерпимости и насилия, благодаря чему экстремизм и терроризм обрели здесь благодатную почву.

По общему мнению авторов доклада, предпринятый в стране в 2002 г. пересмотр учебных программ и учебников носил больше косметический характер, т.к. он не затронул идеологических корней исламизации просвещения. Они призывают к более радикальному обновлению содержания образования:

1. Фальсификация, искажения и ошибки, касающиеся нашей национальной истории, должны быть заменены оценкой событий, сделанной на основе тщательных современных исследований.
2. Учебный материал, поощряющий или оправдывающий дискриминацию против женщин, религиозных и этнических меньшинств, а также против других народов, должен быть заменен позитивными ценностями социального равенства, взаимного уважения и ответственности, справедливости и мира.
3. Произвольное толкование понятий, непоследовательность, противоречивость и другие педагогические проблемы должны быть замешены системой современных взглядов на историю, географию, общество и его идентичность, отраженных в разработанных на должном уровне учебных дисциплинах.¹⁰

Учитывая то, что содержание образования играет ведущую роль в формировании сознания учащихся, их гражданской и политической культуры, вполне понятно стремление прогрессивной общественности Пакистана осуществить в кратчайшие строки его адаптацию к реалиям современного развития человеческой цивилизации: «В эпоху глобализации пакистанские дети должны изучать свое общество в геополитическом контексте и понимать, как их история, география и идентичность неразрывно связаны со всеми другими».¹¹

Подобное видение образовательных задач, стоящих перед национальной системой просвещения, вполне соответствует выдвинутой президентом страны П.Мушаррафом стратегии «просвещенной умренности», направленной на включение пакистанского государства в глобальный процесс межкультурного диалога и всестороннего сотрудничества для преодоления всеобщей угрозы международного терроризма и достижения мира и стабильности на земле. Она прозвучала в его выступлении на международной конференции «Борьба с терроризмом в интересах человечества», состоявшейся в Нью-Йорке 22 сентября 2003 года. Тезису столкновения цивилизаций, порождающему конфронтацию во всем мире, он противопоставил антитезис их сплоченности и взаимопонимания перед угрозой экстремизма и терроризма. Глава пакистанского государства П. Мушарраф, в частности, подчеркнул следующее: «Нет такого понятия, как «воинствующий ислам». Есть лишь некоторая часть «воинственно настроенных мусульман», так же, как и воинствующих индусов, христиан и иудеев».¹² Действительно, все мировые религии являются основным источником общечеловеческих ценностей добра, терпимости и миролюбия. Усилия международного сообщества должны быть направлены на преодоление враждебности между представителями различных цивилизаций, возникающих порой от незнания и непонимания духовно-культурного наследия друг друга, на пресечение попыток экстремистского меньшинства столкнуть на основе этого мировые цивилизации.

На саммите глав мусульманских государств-членов Организации Исламской Конференции, состоявшемся в Малайзии (октябрь 2003 года), П.Мушарраф призвал мусульманские страны взять на себя ответственность за внутреннее реформирование и обновление с целью адаптации ислама к современным условиям, в первую очередь, через широкую просвещенность мусульман и овладение ими новейших научно-технических знаний. Это, соответственно, сможет работать на социально-экономическое развитие мусульманских стран, ликвидацию бедности, отсталости и социальной несправедливости, питающих экстремизм и терроризм.

Однако, устранение внутренних факторов этого зла должно подкрепляться устранением внешних причин, связанных с нерешенностью многочисленных конфликтов, где задействовано большинство мусульманского населения (Кашмир, Палестина, Ирак). Их справедливое разрешение мировым сообществом сведет на нет экстремистские организации и движения. Оказание развитыми странами всесторонней помощи отстающим государствам, к числу которых относится большинство членов мусульманской уммы, в развитии человеческих ресурсов также позволит смягчить глобальную угрозу международного терроризма.

Активная позиция пакистанского руководства во главе с П.Мушаррафом по окончательному искоренению этой угрозы в свете государственной стратегии «просвещенной умеренности» снискала Пакистану международное признание и поддержку. Из государства-«изгоя» он трансформировался в своеобразный связующий мост между западными странами и мусульманским миром для совместного решения ими глобальных проблем посредством диалога. Свидетельством тому может служить, например, и официальный визит президента Пакистана П.Мушаррафа в Ватикан (сентябрь 2004 года), где он имел аудиенцию с тогдашним главой Римской католической церкви Иоанном Павлом II. В ходе встречи среди прочих проблем ими обсуждалась необходимость воспитания культуры терпимости среди последователей различных религий для достижения межконфессиональной гармонии во всем мире.¹³

Между тем, без широкой поддержки провозглашенной государством доктрины внутри Пакистана ее реализация в полном объеме представляется достаточно проблематичной. Актуальным в связи с этим для страны является формирование нового мышления умеренности и толерантности у пакистанских граждан через их просвещенность и знание других народов и цивилизаций. Обращаясь за поддержкой своего курса к религиозным деятелям и богословам всех школ страны, президент П.Мушарраф, в частности, подчеркнул, что ни одна страна не может развиваться в изоляции в сегодняшнем взаимозависимом мире: «Было бы неверно думать, что мы сможем выжить в изоляции и вакууме. А потому мы не должны вовлекаться в споры с развитыми странами. ... Необходимо стать самодостаточным государством во всех сферах через сотрудничество с ними».¹⁴ Он призвал религиозных лидеров и богословов использовать свой авторитет среди верующих пакистанцев для разъяснения им негативных последствий, как внутренних, так и внешних, в случае проявлений экстремизма и терроризма в Пакистане. Он призвал их осудить это зло и осуществлять проповедь терпимости и единства среди пакистанских граждан.

Сохраняющиеся в пакистанском обществе традиционалистские настроения позволили религиозным партиям впервые в истории страны обеспечить себе третье место по количеству депутатов на последних парламентских выборах (2002). Их парламентская коалиция «Муттахида Маджлис-и-Амаль» (ММА) — «Объединенный совет действия» находится в оппозиции к осуществляемой руководством страны политике модернизации пакистанского государства, включая его образовательные институты, как это виделось еще исламским реформаторам С.Ахмад-хану (1817-1898), М.Икбалу (1877-1938) и основателю Пакистана М.А.Джинне (1876-1948).

Любые попытки правительства по обновлению учебных планов, программ и учебников через адаптацию их содержания к современным условиям вызывают у религиозных консерваторов резко негативную реакцию. Так, в марте-апреле 2004 года в парламенте страны разразились острые дебаты в связи с намерением пакистанского руководства осуществить, по мнению парламентской оппозиции, секуляризацию образования под давлением внешних сил, спонсирующих этот процесс в целях своей идеологической экспансии. Причиной тому послужило сокращение религиозного материала в учебнике по биологии (для учащихся 9-10-х классов общеобразовательной школы), где количество изучаемых учениками сур Корана было уменьшено с 10 до 4, а также исключение части учебного материала джихадистского толка из учебников по исламиату (8-10-е классы).¹⁵ Подобные шаги правительства были расценены ими, как покушение на ислам, на идеологию Пакистана. В связи с этим они потребовали немедленной отставки федерального министра образования Зубайды Джалал, внесшей немалый вклад и в реформирование религиозных учебных заведений страны.

В новом правительстве (сентябрь 2004 года) З.Джалал возглавила созданное впервые в стране Министерство социальной защиты и специального образования, а пост федерального министра образования занял отставной генерал Джавед Ашраф Кази (в свое время возглавлявший Объединенное военное разведывательное управление). Было ли это компромиссным решением проблемы или отступлением перед нажимом консерваторов, покажет будущее. Очевидно впрочем, что решение образовательных проблем стало составной частью антитеррористической политики пакистанского руководства и приобрело в связи с этим приоритетную значимость.

Формирование в Пакистане интегрированной модели обучения и воспитания подрастающего поколения, сочетающей в себе положительный опыт традиционного мусульманского образования с мировой педагогической теорией и практикой, направлено в конечном итоге на недопущение вовлечения молодежи в деятельность различных экстремистских, радикальных организаций, порождающих терроризм.

Эта проблематика обсуждалась в ходе встречи автора с заместителем министра образования страны Саджид Хассаном, состоявшейся 13 июля 2004 г. в Исламабаде, где прозвучала приверженность пакистанской стороны процессу модернизации образования в свете государственной стратегии «просвещенной умеренности». Отмечалось, что корректировка образовательной реформы правительства Наваз Шарифа на 1998-2010 г.г. нашла отражение в разработанном Плана действий в области образовательной реформы по секторам на

2001-2006 годы. Он осуществляется в рамках международного Плана действий «Образование для всех» (2000-2015), основанного на решениях Всемирного форума просвещения, состоявшегося в столице Сенегала — Дакаре (2000). Его адаптированным к условиям Пакистана вариантом стал Национальный план действий по образованию для всех, рассчитанный на долгосрочный период времени (2002-2015). При этом все образовательные программы направлены на развитие человеческих ресурсов Пакистана, как важнейшего фактора достижения «глобального мира, прогресса и процветания государства».¹⁶ Это также свидетельствует о наметившейся тенденции интеграции пакистанского просвещения в мировое образовательное пространство.

Образовательная политика государства нацелена на подготовку и воспитание «ответственных, просвещенных и квалифицированных граждан» для вовлечения их в глобальный процесс экономического развития, ориентированного на удовлетворение потребностей каждого человека.¹⁷ Укрепление связей между всеми ступенями просвещения от начальной до высшей, их преемственность с одновременным использованием всех звеньев образовательной системы (формального, неформального, религиозного обучения) и обновлением содержания образования направлены на расширение к нему доступа различных слоев населения, ликвидацию гендерных и провинциальных диспропорций в его получении, улучшение качества получаемых знаний и овладение грамотой взрослыми.

В краткосрочном плане (2001-2006) реализация этих задач будет способствовать росту вовлеченности пакистанской молодежи в имеющиеся структуры и уровни образования: на начальной ступени охват учащихся обучением увеличится с 66% до 76%, на неполной средней ступени — с 47,5% до 55%, в полной средней школе — с 29,5% до 40% школьников, а в вузах страны — с 2,6% учащейся молодежи до 5% студентов. Вместе с этим уровень грамотности среди пакистанцев в целом по стране планируется довести с 49% до 60% при постепенном снижении его гендерных и региональных различий, остающихся по-прежнему довольно высокими. Так, по официальным данным (2002), среди мужского населения городских районов провинции Синд грамотой владели около 58% пакистанцев, а среди женщин сельской местности Белуджистана этот показатель не превысил и 2%.¹⁸

Путем поэтапного введения всеобщего базового начального образования (для мальчиков к 2010 году, а для девочек — к 2015 году) и ликвидации неграмотности среди взрослых предполагается дальнейшее увеличение уровня грамотности среди пакистанских граждан до 86% к 2015 году.¹⁹

На включение религиозных учебных заведений в общий поток

школ (с помощью обновления их учебных планов и программ, внедрения современных технических средств в учебный процесс и т.п.) государством выделяется до 14% от всех ассигнований, направляемых на развитие национальной системы просвещения. Их количество намечено довести со 148 медресе в 2001 г. до 8000 — к 2006 году.²⁰

Реализация поставленных задач сдерживается постоянным государственным недофинансированием образования, потому привлечение частного капитала и международной донорской помощи столь актуальны для Пакистана в решении образовательных проблем. Стремление руководства страны осуществить реформирование пакистанского общества, включая его образовательные структуры, в свете государственной стратегии «просвещенной умеренности» находит широкую поддержку у международного сообщества, в первую очередь, у США и их западных союзников по антитеррористической коалиции. Они рассматривают необходимость модернизации национальной системы образования Пакистана, включая и ее традиционные просветительские институты, в качестве неотъемлемой части борьбы с религиозным экстремизмом и радикализмом и выделяют значительные средства на ее реализацию.

Это позволило пакистанскому руководству обрести новый источник финансовых поступлений для осуществления в стране образовательной реформы. Так, только в течение одного 2003 года Пакистаном были заключены 15 соглашений с девятью зарубежными государствами об оказании ему финансовой помощи в развитии просвещения на общую сумму в 1,3 млрд. долларов, что составило 76% от государственных ассигнований в этой области (1,7 млрд. долларов), заложенных в бюджете страны на 2003-2004 финансовый год.²¹ Но даже такое финансирование не способно привести к скорому улучшению ситуации в образовательной сфере, оказавшейся в глубоком кризисе под давлением многочисленных внутренних и внешних факторов. В списке из 175 стран мира Пакистан занимает 160-е место по уровню развития образования и 144-е — по уровню развития человеческих ресурсов.²²

Кроме того, помощь внешних доноров вызывает неоднозначную реакцию в пакистанском обществе, где исламистски настроенные силы видят в этой кампании попытку идеологического наступления Запада, направленного против ислама и исламского мира в целом. Они подвергают резкой критике «проамериканский курс» президента П.Мушаррафа. Между тем последний в обращении к парламенту страны объявил «джихад» экстремизму и заявил, что целью руководства Пакистана является создание «умеренного, процветающего исламского государства».²³

Следует подчеркнуть, что существующая сегодня в стране система образования в полной мере не способствует построению государства подобного типа, ибо она закрепляет глубокое социальное неравенство пакистанских граждан, ведет к поляризации общества, конфронтации и напряженности между «вестернизированной», модернизированной элитой и широкими массами ортодоксально настроенных пакистанцев при отсутствии значительной прослойки среднего класса, являющейся основой любого демократического общества.

Достижение консолидации пакистанского общества во многом зависит от начавшегося в стране процесса взаимного сближения всех звеньев национальной системы образования, направленного на создание интегрированной модели обучения и воспитания пакистанских граждан, учитывающей положительный опыт традиционного мусульманского просвещения и достижения мировой педагогической науки и практики с опорой на инновационные методики и новые информационные технологии. Такая образовательная модель поликультурного характера, благодаря обновленному содержанию учебно-воспитательного процесса, адаптированному к современным условиям взаимозависимости и взаимодействия всех стран мира, может способствовать уничтожению идеологических корней, питающих терроризм, и предотвратить возможность конфликтов и столкновений как на страновом, региональном, так и на мировом уровнях.

Надежда на то, что Пакистан не свернет с избранного им пути «просвещенной умеренности» существует. Внешние предпосылки, подтверждающие правильность этого курса, имеются. Урегулирование афганского конфликта при ряде сохраняющихся проблем, наметившиеся сдвиги в разрешении палестинского вопроса, улучшение отношений с соседней Индией вселяют в связи с этим оправданный оптимизм. В качестве важнейших внутренних предпосылок успешного продвижения страны на пути достижения «просвещенной умеренности» должны выступать дальнейшая демократизация пакистанского общества и практическая реализация в нем прав человека, его экономической и политической свободы, свободы совести и вероисповедания.

Примечания

- ¹ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003. С. 289.
- ² Newslime. Vol. 12. N 8. Karachi. February 2001. P. 23.
- ³ Tariq Ali. The Clash of Fundamentalisms. Crusades, Jihads and Modernity. London: VERSO, 2003. P. 201.
- ⁴ Dawn. Karachi, 13.01.2002. P. 1.

-
- ⁵ Там же. P. 1.
- ⁶ The Nation. Islamabad, 20.07.03. P. 6.
- ⁷ Newline. Vol.12,N 12. Karachi. June 2001. P. 72.
- ⁸ Там же. P. 73, 74.
- ⁹ The Subtle Subversion. The State of Curricula and Textbooks in Pakistan. Urdu, English, Social Studies and Civics. Islamabad: SDPI, 2003. P. i, ii.
- ¹⁰ Там же. P. x.
- ¹¹ Там же. P. x.
- ¹² <http://www.end-terror.org/statements/Appendix+I:+Opening+Statement+Musharraf.htm>.
- ¹³ The Daily Mail. Islamabad, 01.10.2004. P. 1.
- ¹⁴ The News. Islamabad, 05.12.2003. P. 1.
- ¹⁵ Dawn. Karachi, 14.03.04. P. 23; 21.04.04,c. 3, 17; The News. Islamabad, 25.04.04. P. 24.
- ¹⁶ Education Sector Reforms. Action Plan 2001-02 — 2005-06. Government of Pakistan. Ministry of Education. Islamabad. March 2004. P. 9.
- ¹⁷ Directory of Donors` Assistance for Pakistan`s Education Sector. Ministry of Education. Government of Pakistan. Islamabad. March 2004. P. 4.
- ¹⁸ Education Sector Reforms. Ibidem, c. 7, 9.
- ¹⁹ Там же. P. 69.
- ²⁰ Там же. P. 10, 12.
- ²¹ Directory of Donors` Assistance for Pakistan`s Education Sector. Ibidem. P. 6, 104, 111.
- ²² Dawn. Karachi,22.03.04. P. 15.
- ²³ Dawn. Karachi, 18.01.04. P. 1.

Природные ресурсы пакистанского Белуджистана: борьба за передел собственности

Пакистанский Белуджистан, занимая важное стратегическое положение на стыке трех государств — Пакистана, Афганистана и Ирана, где пересекались древние караванные пути, а в будущем могут быть проложены новые транспортные маршруты, уже давно привлекает к себе пристальное внимание со стороны зарубежных экспертов и инвесторов. По сути, географическое положение этой пакистанской провинции ставит ее в самый центр геостратегических интересов США. «Мы ищем доступ к новым объектам и свободе транзита к Черному морю, Кавказу, Ближнему Востоку и Африке для продвижения американских национальных интересов», — открыто заявил 2 марта 2005 года верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Джейм Джонс в представленном сенату докладе о военно-стратегических интересах США в мире.¹

Следует в этой связи напомнить, что еще примерно четверть века назад — в августе 1980 года — при поддержке МБРР был разработан Специальный план развития Белуджистана, в котором особое внимание уделялось строительству важных с военно-стратегической точки зрения магистралей. Западные эксперты отмечали, что именно «общее усовершенствование существующей дорожно-транспортной инфраструктуры в сочетании со строительством связывающих магистралей между различными провинциальными и районными промышленными объектами окажут положительный эффект на развитие Белуджистана».²

События последних лет свидетельствуют о новом всплеске повышенного внимания к Белуджистану именно в связи с его стратегической значимостью в транспортной системе, которая должна связать Южную Азию не только с постсоветскими республиками Центральной Азии, но также с Ближним и Средним Востоком и Китаем. Не

---

* Марина Юрьевна Морозова — старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

случайно именно Китай выделил Пакистану 198 млн. долларов на строительство глубоководного порта в Гвадаре, в то время как пакистанское правительство планирует в течение 2006–2007 годов связать этот новый порт на Макранском побережье Белуджистана новыми магистралями с Карачи, Кветтой и Лахором с последующим выходом на Каракорумское шоссе.³

Следует, однако, не забывать, что еще в Специальном плане развития Белуджистана 1980 года особо отмечалась и специфика природно-климатических условий данного региона, которая «затруднит строительство транспортной системы и сделает его дорогостоящим»⁴. Провинция расположена в зоне аридного климата с низким количеством осадков, высокими температурами и крайне редкими, но сильными дождями, способными вызвать огромные наводнения (последнее крупное наводнение, повлекшее человеческие жертвы, произошло в марте 2005 года).

В будущем, если через территорию Белуджистана будут проложены стратегические газопроводы из Туркменистана и Ирана, могут возникнуть уже другие, более «дорогостоящие» (по сравнению с природными катаклизмами) проблемы, которые превратят эту пакистанскую провинцию во взрывоопасный регион.

Природа и население

По площади Белуджистан является самой крупной провинцией Пакистана, располагаясь на территории свыше 347 тысяч кв. км или 44% общей площади страны. Вместе с тем он занимает последнее место среди пакистанских провинций по численности населения — в 1951 году в Белуджистане проживало 1187 тыс. человек. (3,5%), в 1981 — 4332 тысячи (5,1%), в 1998 — 6510 тысяч (4,99%), в 2003 — 7450 тысяч (5,0%). Плотность населения возросла с 3 человек/кв.км в 1951 году до 21 человека/кв.км в 2003-м — по сравнению с 398 человек в Панджабе, 240 — в Синде, 267 — в СЗПП и 185 человек в среднем по стране.⁵ Одновременно Белуджистан является самой бедной пакистанской провинцией по таким показателям, как средний доход на душу населения, уровень грамотности, средняя продолжительность жизни.

В районах с засушливым климатом, приравняемых к полупустынным и пустынным физико-географическим ареалам, естественное распространение имеют проблемы перемещения песчаных дюн, распространения солончаков и засоленных почв. Все эти негативные для окружающей среды тенденции значительно усилились в конце 1990-х годов в связи с климатическими изменениями — развитием

парникового эффекта и потеплением климата в глобальном масштабе, равно как и длительной засухой на региональном уровне.

Большой проблемой как для Белуджистана, так и всей страны, является состояние лесного фонда — по данным специального доклада МБРР, в конце 1990-х годов в Пакистане наблюдались одни из самых высоких в мире темпы вырубки лесов.⁶ Основные лесные массивы охраняются провинциальными департаментами лесов, однако важное природоохранное значение имеют лесопарковые ландшафты и лесозащитные полосы на территории крупных землевладений. Естественно, что ответственность за охрану частных лесов несет не государство, а сами земельные собственники, которыми в Пакистане традиционно являются помещики-лендлорды, а непосредственно в Белуджистане — вожди племен (сардары). В специальном докладе, подготовленном Институтом политики устойчивого развития, было особо отмечено, что в повышенной защите со стороны государства нуждаются лесные массивы Белуджистана, где под надежной охраной находится лишь 6% лесов по сравнению с 16% в Панджабе.⁷

Из-за дефицита воды обрабатывается ежегодно лишь 5% территории, причем в дождливые годы посевная площадь увеличивается, а в засушливые — резко снижается. В мобилизации водных ресурсов большое значение принадлежит кяризам, которых в Белуджистане насчитывается несколько сот. Активно используются для орошения также паводковые и дождевые воды, которые задерживают и отводят на поля с помощью простейших плотин и запруд. Колодцев мало, поскольку подземные воды обычно засолены. В оазисах, которые лучше обеспечены влагой, выращивают плодовые и овощные культуры. В остальных же ограничиваются возделыванием зерновых, преимущественно пшеницы и в меньшей мере сорго.

Главный очаг земледелия в провинции сформировался вокруг провинциальной столицы Кветты, где товарное производство начало развиваться в колониальный период под влиянием запросов многочисленных гарнизонов. Основу местного хозяйства составляют садоводство (яблоки, абрикосы, сливы) и виноградарство, которые дают продукцию отличного качества, широко идущие на вывоз. Успешному росту этих отраслей способствовали не только щебнистые почвы оазиса, хороший дренаж и сухой солнечный климат, обуславливающий высокую сахаристость плодов, но и выгодное транспортно-географическое положение Кветты на важной транзитной дороге, связывающей Пакистан с Афганистаном.

Примерно пятая часть населения провинции еще ведет кочевой и полукочевой образ жизни, завися от пастбищного скотоводства. Ежегодный миграционный цикл совершается по традиционным марш-

ругам как в пределах самого Белуджистана, так и с перемещением на зиму на земли Индской равнины. Местное скотоводство продолжает оставаться в полной зависимости от природы; в годы суровой зимы и особенно при засухах случаются массовые падежи животных. Более $\frac{3}{4}$ поголовья разводимого скота составляют овцы и козы, круглый год пасущиеся на подножном корму.

География населенных пунктов отражает подвластность земледелия природной среде и его тесную связь с кочевым скотоводством. Даже оседлые группы населения вынуждены ввиду периодической смены возделываемых земель и истощения источников воды прибегать к передислокации деревень. Этим объясняется наличие в провинции многочисленных форм селений — от палаточного лагеря кочевников до малых глинобитных городов.

Подобная экономическая отсталость Белуджистана объясняется как неблагоприятными природными условиями (аридный климат, слаборазвитая гидросеть, расчлененный рельеф, низкое почвенное плодородие), которые сдерживают развитие сельского хозяйства, так и исторической спецификой данных районов. Коренное население провинции составляют племена белуджей, брагуев и пуштунов; в восточных округах проживают также панджабцы, синдхи и мухаджiry.⁸ Распространение на территории Белуджистана социальной племенной структуры, разрозненные поселения кочевых скотоводов — эта социально-экономическая система преднамеренно сохранялась британскими колонизаторами, которые основную ставку в период своего правления делали на сардаров. Все эти факторы негативно отразились на экономическом развитии Белуджистана и после приобретения Пакистаном политической независимости, несмотря на постепенное увеличение правительственных ассигнований на подъем экономики провинции.

Для земледельческих районов Белуджистана характерно широкое распространение безземельных сельскохозяйственных рабочих и арендаторов, а также малоземельных крестьян. При этом наиболее высокий процент безземельных крестьян и арендаторов зафиксирован в округах, в которых белуджи составляют большинство в этнической структуре населения (Сиби, Калат, Харан), в то время как в пуштунских округах (Лоралаи и Зхоб) большинство сельского населения, как и в соседней Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП), составляют мелкие крестьяне.

Характерной особенностью социально-экономической структуры Белуджистана является безграничная, всесторонняя власть крупных землевладельцев, которые, как правило, являются вождями (сардарами) различных белуджских племен.

Огромный поток афганских беженцев, который хлынул в Пакистан сразу после начала войны в Афганистане, принес с собой много непредвиденных проблем для окружающей среды, не говоря уж о социальных и экономических трудностях и для местного населения, и для правительства страны. На территории Белуджистана лагеря для беженцев были созданы в пограничных с Афганистаном округах Зхоб, Лоралаи, Чагаи и Кветта-Пишин — уже к началу 1981 года беженцы составляли 41,5% населения округа Чагаи и 19,5% населения округа Кветта-Пишин.⁹ К июню 1990 года численность афганских беженцев на территории Пакистана достигла своего максимального предела — 3,7 млн. человек, после чего она стала постепенно сокращаться. В последующие годы, особенно когда территория Афганистана оказалась под властью талибов, через пакистанскую границу вновь потянулись переселенцы — только в 2000 году количество беженцев-афганцев составило 150 тысяч человек.

Процесс продолжался до тех пор, пока пакистанское правительство после трагических событий 11 сентября 2001 года не перекрыло свои границы с Афганистаном. В целом, по официальным данным, к январю 2001 года на родину вернулись более 1,5 млн. беженцев, в то время как 2,2 млн. оставались проживать в Белуджистане и СЗПП, в основном в приграничных лагерях.

Пуштунские беженцы-скотоводы привели с собой около 3 млн. голов скота, что обострило экологические проблемы Белуджистана, резко повысило нагрузку на кормовые угодья и дефицитные водные ресурсы. Чрезмерный выпас скота и уничтожение естественного покрова (в основном кустарниковой растительности на корм скоту и на домашнее топливо) вызывают, наряду с развитием овражно-балочной сети, сильную ветровую эрозию.

В октябре 2001 года в Пакистане были опубликованы материалы специального исследования, выполненного совместной группой пакистанских ученых и Международным союзом по охране окружающей среды. Исследователи пришли к мнению, что «афганская политика правительства Пакистана несет полную ответственность за экологическую деградацию страны».¹⁰

По мнению авторов исследования, Пакистан не располагает природными ресурсами, достаточными для удовлетворения потребностей своего населения. Однако «для завоевания так называемого стратегического влияния в Афганистане, мы принимаем три миллиона афганских беженцев, не осознавая того факта, что наши возобновляемые природные ресурсы, такие как вода, воздух, земля и леса погибают и никогда не смогут быть возмещены притоком долларов».¹¹

Земельные и водные ресурсы

Из общей площади Пакистана (79,6 млн.га) на долю Белуджистана приходится 43% (34,72 млн.га). 55% территории провинции приходится на горные ландшафты, непригодные для земледельческого освоения. Земли, пригодные для сельскохозяйственной обработки, составляют 6,35 млн. га — из них орошается лишь 0,55 млн.

Интересно, что в таких округах как Зхоб, Лоралаи, Кветта, восточные районы Чагаи вследствие миграции пуштунов из СЗПП уже проживает примерно одинаковое количество белуджей и пуштунов — это распространяется как на городские центры, так и на сельские районы. Пуштунские племена, во главе которых стоят влиятельные землевладельцы, расселяются, как правило, на наиболее плодородных землях Белуджистана, расположенных в северных, пограничных с СЗПП районах. По приблизительным данным, приводимых в работах зарубежных авторов, в начале 1980-х годов количество проживающих в Белуджистане пуштунов уже составило около 30% населения провинции.¹²

Естественно, что расселение выходцев из соседней провинции на наиболее плодородных землях становится причиной их соперничества с местным населением за ограниченные земельные ресурсы провинции, что не может не вызвать обострения этнических по форме и социальных по существу конфликтов в Белуджистане.

После 1979 года подобные противоречия на национальной основе заметно усилились в связи с большим притоком как в Белуджистан, так и в СЗПП беженцев из соседнего Афганистана. Приводились факты участвовавших вооруженных столкновений между пакистанскими белуджами и пуштунскими переселенцами.

В отличие от Панджаба и Синда, где расположены главные ареалы орошаемого земледелия, в Белуджистане (равно как и в СЗПП) главной отраслью сельского хозяйства по-прежнему остается отгонно-пастбищное скотоводство (особенно среди брагуйских племен). Поэтому традиционной проблемой природопользования в западных районах Пакистана по-прежнему является не столько земельный голод, сколько резкий дефицит водных ресурсов. При этом проблема нехватки воды не только сохраняется, но и обостряется с каждым годом.

Особый дефицит водных ресурсов для полива наблюдается в засушливых районах на западе Белуджистана — главным источником орошения как небольших полей, так и оазисного садоводства является колодезная система. В последние годы здесь зафиксировано значительное понижение уровня грунтовых вод — как вследствие засушливости климата, так и из-за увеличения общего объема выкачиваемой воды (не только на нужды ирригации, но и для общего потребления).

Основной источник для орошения — грунтовые воды, которые используются в основном с помощью скважинной ирригации — в 1988-1989 ф.г. по всей провинции насчитывалось всего 12674 скважинных колодца. Однако правительство Пакистане не в праве забывать и о постоянном, хотя и медленном, сокращении объемов пресной воды. Главной причиной пересыхания некоторых водотоков, обмеления водохранилищ и понижения уровня грунтовых вод называется небывалая засуха в Пакистане и сопредельных странах, наряду с глобальным парниковым эффектом. В 2000-2001 годах наиболее острый кризис с нехваткой пресной воды наблюдался в Белуджистане — в некоторых районах чрезмерно интенсивное водопотребление путем выкачки из колодцев привело к исчезновению водоносных пластов. Так, в долине Кветты уровень грунтовых вод опускается на 1,4 метра ежегодно, а в отдельных местах до 3 метров в год.¹³ Если чрезмерный водозабор сохранится, то город уже через три-четыре года может остаться без питьевой воды. В этой связи уже разрабатывается проект о строительстве специального трубопровода для подачи воды в Кветту из Инда.¹⁴ Долгосрочные прогнозы и исследования, проводимые как пакистанскими учеными, так и иностранными экспертами, свидетельствуют, что уже в ближайшие годы с аналогичной Белуджистану проблемой могут столкнуться и остальные провинции.

Как уже было отмечено выше, именно Белуджистан в максимальной степени пострадал от длительного присутствия афганских беженцев, большую часть которых представляли пуштунские племена, традиционно занимающиеся отгонным скотоводством. Поскольку беженцы не испытывали особого недостатка в продовольствии (они регулярно получали весомую гуманитарную помощь со стороны ООН, других международных организаций, равно как и различных иностранных спонсоров) и никогда не имели особого стремления к переходу от скотоводства к оседлому земледелию, их продолжительное присутствие в Пакистане негативно сказалось, в первую очередь, на воде.

На пресс-конференции, посвященной презентации упомянутого выше исследования, глава Международного союза по охране окружающей среды д-р Азиф Заиди привел красноречивые примеры в подтверждение подобных утверждений. Так, например, известны не поддающиеся широкой огласке случаи вооруженной борьбы за источники питьевой воды между местными жителями и беженцами. Некоторые из стычек кончались летальным исходом, однако местное правосудие не сочло нужным выявить и наказать виновных.¹⁵

Мнение экологов-экспертов, по всей видимости, не явились неожиданностью для правительства: вот уже на протяжении многих лет

графа «афганские беженцы» постоянно включалась в разделы по населению и экологии в годовых экономических обзорах. Во всех разделах особо подчеркивалось, что массовое присутствие афганских беженцев наносит непоправимый ущерб природной среде Пакистана. Исключение составил лишь обзор за 2002/03 финансовый год, из чего можно предположить, что эта тема начинает отодвигаться на задний план. Видимо, пакистанское правительство стремится сохранять дружественные отношения как с нынешним афганским руководством, так и с силами международной коалиции, ведущими борьбу с мировым терроризмом.

Однако вполне допустимо, что в более отдаленной перспективе добрососедские отношения между Пакистаном и Афганистаном могут измениться не в лучшую сторону, при том, что основной причиной раздора станут водные ресурсы. «Особый разговор — отношения с Афганистаном, — писали «Московские новости» еще в 1994 году, оценивая политическую ситуацию в Центральной Азии. — Пока «за речкой» идет война, в употребление там идет не больше 3 кубокилометров воды. Но как только распри прекратятся, тут же воды потребуются как минимум в три раза больше».¹⁶

Давая оценку демографическим тенденциям в 21-м веке, В.Я.Белокреницкий также обращает особое внимание на Афганистан. «Тревожная закономерность состоит в том, что чем менее благополучна общая экономическая и политическая ситуация в азиатских и африканских, а также латиноамериканских и тихоокеанских странах, тем быстрее увеличивается, согласно прогнозам..., их население. Характерным представляется пример Афганистана, где численность жителей должна вырасти, по расчетам, с нынешних 21 млн. до 61 млн. человек в середине следующего века. Иначе говоря, зоны высокого демографического давления совпадают с районами низкого экономического роста. Отсюда с очевидностью просматривается накопление факторов глубокой стагнации с возможными всплесками («протуберанцами») внутривнутриполитической и геополитической дестабилизации».¹⁷

Полезные ископаемые

В отличие от скудности земельных и водных ресурсов, столь необходимых для сельскохозяйственного развития, подземные недра Белуджистана известны своими неисчерпаемыми (и до конца не разведанными) запасами полезных ископаемых. В этом отношении по степени значимости выделяется углеводородное сырье и, в первую очередь, природный газ.

Треть разведанных запасов природного газа Пакистана приходится на месторождение Суи в восточной части Белуджистана. Запасы газа оцениваются в 200 млрд. кубометров; газ находится под высоким давлением, содержит около 90% метана, теплотворная способность — около 8 тысяч ккал/кубометр. Месторождение было открыто в 1952 году, эксплуатация началась в 1955 году с завершением строительства первой нити газопровода Суи-Карачи. Позднее газ Суи по газопроводам начал поступать в Ларкану, Ладу, Лахор и Пешавар. Примечательно, что газопровод из Суи в Кветту вступил в действие лишь в 1983 году, его протяженность составила — 344 км. Примечательно также, что «месторождение обеспечивает свыше 80% природного газа в Пакистане и позволяет экономить около 275 млн.долл. в год, однако плата за право разработки, поступающая в казну Белуджистана, составляла лишь 1,23 млн. долл. в 1979-1980 году — 12,5% общей цены, по сравнению с 45% в Канаде», — на это обстоятельство еще в 1981 году обратил особое внимание американский эксперт Селиг С. Харрисон в своей известной книге, посвященной белуджскому национализму.¹⁸

Помимо Суи основное внимание геологов в отношении нефтегазоносных месторождений привлекают восточные и западные районы провинции. Большой участок земли между Бамбор, Пиркох и Дходак образует «золотой треугольник», где в будущем, возможно, будет сконцентрирована основная нефтедобыча страны. Большие нефтяные и газовые залежи предполагаются также на западе Белуджистана — в округах Рас Кох, Чагаи и Мешкутхе.

В настоящее время общие разведанные запасы природного газа оцениваются в 600 млн. кубометров. По экспертным оценкам, к 2018 году потребности Пакистана в энергии возрастут втрое и страна может столкнуться с острым энергетическим кризисом. Но если пакистанская энергетика с середины 1980-х годов уже начала ориентироваться на повышенное потребление газа, опираясь на собственные ресурсы, то в стратегических планах экономического развития существуют проекты транспортировки газа по трубопроводам из соседних стран, в первую очередь, из Ирана и Туркменистана.

Следующее по своему значению полезное ископаемое в Белуджистане — бурый уголь. В целом запасы бурого угля в провинции оцениваются в 300 млн. тонн. Как полагают эксперты МБРР, этого количества будет достаточно на ближайшие 150 лет, даже при условии увеличения добычи вдвое по сравнению с современным уровнем. «Разработанные еще при англичанах 10 основных белуджистанских шахт в настоящее время принадлежат небелуджам. Основная часть угля перевозится в промышленные районы Панджаба и Синда. По словам белуджского историка Мира Кхуд Бахш Марри, Белуджистан

не получает от этой добычи даже средств на усовершенствование условий труда на самих шахтах. В 1973-1977 гг. там произошло 394 катастрофы — наиболее высокий показатель в мировом масштабе». ¹⁹

Специальный правительственный комитет, созданный в конце 1970-х годов для изучения перспектив развития угольной промышленности в Белуджистане, указал на транспортную систему в качестве главной трудности на пути перспективного расширения отрасли и рекомендовал увеличить пропускную способность железнодорожной сети, а также расширить использование угля в качестве топлива в рамках самого Белуджистана. Аналогичные рекомендации приводились и в Специальном плане развития Белуджистана 1980 года. ²⁰

По предварительным подсчетам ООН, меднорудное месторождение в Саиндаке позволит ежегодно добывать не только 412 млн. тонн меди, но и золото, серебро, пириты и магнетиты с общей потенциальной стоимостью в 4 млрд. долл. По данным геологической службы США, в районе Саиндака расположен один из самых больших в мировом масштабе меднорудный пояс, протянувшийся до Сар Чешмеха (на территории Ирана), где при шахском режиме были обнаружены месторождения высокопробной меди.

Эксперты полагают, что запасы железной руды в Белуджистане составляют около 10 млн. тонн в Ноканди и около 13 млн. тонн достоверных запасов в Чагаи.

На территории Белуджистана было разведано несколько золотосодержащих месторождений, в том числе в Саиндаке, оцениваемое в 5 млрд. долл. Предполагаемые большие залежи урана были обнаружены в округе Дерагазихан, который в административном плане относится к провинции Панджаб, несмотря на то, что большинство его коренного населения составляют белуджи.

За исключением урановых залежей в Дерагазихане, все перечисленные выше месторождения расположены на территории Белуджистана, то есть на контролируемых сардарами землях, но находятся в ведении государственных корпораций, по сути — в федеральной собственности. Так, например, Корпорации нефти и газа принадлежит газовое месторождение Суи, Корпорации развития ресурсов — меднорудное месторождение Саиндак, Корпорации минеральных ресурсов — угольные шахты. Провинциальное правительство Белуджистана традиционно не получает никаких доходов в свою казну в виде «ренды на недра». Как любят подчеркивать сторонники белуджского национализма, природные богатства их родной провинции принадлежат «небелуджам». Исключение, пожалуй, составляет лишь известный сардар из племени зехри Наби Бахш Зехри, владеющий мраморными разработками Белуджистана, но, в то же время, построивший крупную фабрику по обработке мрамора в Карачи. ²¹

Борьба за природные ресурсы

По мнению белуджских лидеров, Белуджистан обладает достаточными природными ресурсами, необходимыми для поддержания своей автономии и суверенитета, для самостоятельного преодоления экономической отсталости. Интересна в этом плане запись беседы с Атаулла-хан Менгалом (в 1970-е годы главный министр провинции, позднее — один из лидеров Национальной народной партии), которую приводит в своей книге С.Харрисон.

«По мнению А.Менгала, каждая провинция должна самостоятельно расширять источники своих доходов, в соответствии с численностью населения и природными ресурсами. «Панджабцы будут получать большие поступления от подоходного налога в связи с большой численностью населения, мы же можем получать большие доходы от разработок и использования природных ресурсов». «Если бы мы увеличили цены на газ Суи, то ежегодно получали бы по крайней мере 35 млрд. долл., не нанося ущерба внутреннему рынку», — говорит Менгал. В качестве другого крупного источника дохода Менгал указывал на меднорудное месторождение Саиндак, которое могло бы приносить до 100 млн.долл. ежегодно... Когда я выразил свой скептицизм по поводу экономической жизнеспособности независимого Белуджистана, Менгал возразил, что «низкая плотность населения может быть преимуществом, в то же время огромные залежи полезных ископаемых пока не используются»».²²

Атаулла-хан Менгал (сардар племени менгалов) является типичным белуджским лидером, чей политический вес и влияние определяются, в первую очередь, не его личными качествами руководителя или организатора, не его политическим опытом, а численностью и силой того племени или клана, наследственным руководителем которого он является. К таким же типичным представителям белуджской знати относятся сардары племен бугти, марри, бизенджо и др. Все они, независимо от того, по мандату какой политической партии баллотируются на выборах, всегда одерживают победу над любым соперником. Объясняется это тем, что их соплеменники всегда голосуют только за них, или за того, на кого они укажут. Сказанное подтверждают результаты всех последних выборов в Национальную Ассамблею Пакистана и провинциальное Законодательное собрание.²³

В последние годы сардары племени бугти, обладающие весомой властью в провинциальном правительстве Белуджистана, стали все более активно выступать с критикой федеральных органов власти. Главные претензии провинциального правительства к правительству федеральному сводились к несправедливому, по его мнению, распре-

делению доходов от выкачиваемого из недр Белуджистана природного газа. Так, в 2002-2003 финансовом году Белуджистан получил 17 млрд. рупий, а в 2003-2004 году — уже на 2,7 млрд. меньше, в то время как доходы федерального и трех остальных провинциальных правительств (Панджаба, Синда и СЗПП) увеличились за этот же период на 11%.²⁴

Не сумев договориться с федеральной властью путем мирных переговоров, сардары перешли к методам террористических угроз. Как отметила российская газета «Время новостей», «боевики бугти активизировали нападения на полицейских и объекты инфраструктуры, надеясь добиться от центрального правительства более справедливого распределения доходов газового месторождения Суи».²⁵

В январе 2005 года газовый комплекс в Суи подвергся террористической атаке со стороны местных диверсантов — было запущено неограниченное количество ракет из минометов, при этом близлежащие колонии газовщиков использовались ими как человеческие щиты, поэтому вооруженные силы не могли принять адекватных мер, чтобы гарантировать безопасность мирного населения. Вокруг месторождений сосредоточено около 10 поселков, в которых проживают 15 тысяч рабочих. Ракеты запускались как с дальнего расстояния, так и непосредственно из ближайших поселков. В результате обстрелов вышел из строя головной завод по газовой очистке, потери составили 10 млн. рупий. Поставки газа по всей стране были частично приостановлены на 8 дней, что принесло ущерб национальной экономике в 440 млн. рупий.²⁶

Позднее выявились интересные подробности современного положения на Суи, а также истории развития конфликта — о них рассказал на специальной пресс-конференции в Исламабаде Генеральный директор завода Мохаммад Ифтихар. Он сообщил, что из 1485 человек, работающих на заводе, 1081 были местными жителями. По его словам, до 1980 года положение на заводе и вокруг него было спокойным и полностью контролировалось администрацией. Затем ситуация начала ухудшаться день ото дня из-за вмешательства племенных вождей, несмотря на то, что под их давлением местным жителям (то есть белуджам) были предоставлены рабочие места. Многие транснациональные компании не могли обнаружить новые газовые месторождения в провинции из-за тактики давления, применяемой местными сардарами. Правительство начало вести переговоры с сардаром Аттаулла-хан Менгалом и навабом Акбаром Бугти в 1999 году — они продолжались два года. Лишь в декабре 2001 года было достигнуто соглашение с Бугти. Согласно достигнутой договоренности, завод выделил рабочие места для 168 белуджей, их ежемесячный оклад составил 22 тысячи рупий. Впоследствии завод обещал нанять еще 344

человека — они будут стоить компании 70 млн. рупий ежегодно. Более того, наваб Акбар Бугти получал 2 млн. рупий в месяц — за это он обещал объявить Суи Специальной охраняемой зоной и обеспечить бесперебойные поставки газа по всей стране.²⁷

19 марта 2005 года в Белуджистане произошел очередной кровопролитный теракт, который унес жизни около трех десятков человек. Взрыв произошел во время религиозного праздника у поселка Фатехпур, расположенного в 350 км к югу от Кветты. Ранее в этой провинции уже происходили нападения на шиитов, но пакистанские власти предпочли отказаться от этой версии, опасаясь, что на волне эмоций могут обостриться трения между суннитским большинством (80% населения страны) и шиитским меньшинством. Глава МВД Афтах Ахмед Хан Шерпао исключил связь теракта с возобновившейся с новой силой борьбой белуджистанских племен с правительственными войсками. Однако уже через сутки (20 марта) около 5 тысяч боевиков из племени бугти, занявшие позиции в горах, были окружены пакистанской пограничной стражей.²⁸

Интересно в этой связи отметить, что повышенный интерес белуджских сардаров к собственным недрам появился именно в тот момент, когда иностранные инвесторы начали разрабатывать маршруты трансафганского (туркменского) газопровода. Туркменский маршрут предполагается проложить от месторождения в Довлетабаде (запасы оцениваются в 4 трлн. кубометров газа) и далее через территорию Афганистана (Герат, Кандагар), пакистанского Белуджистана (Кветта) и Синда (Мултан) до границ с Индией; протяженность должна составить 1,6 тыс. км, пропускная способность 250 млн. кубометров, стоимость проекта оценивается в 2,7 млрд. долларов. Заинтересованные стороны — Туркменистан, Пакистан, Индия и США.

Видимо, с местными племенными вождями была проведена определенная разъяснительная работа о высокой ценности природного газа для развития национальной энергетики и промышленности, или же они сами постигли выгоду от владения этим стратегическим сырьем. В этой связи сразу возникает вопрос о безопасности предполагаемого маршрута — какими силами она будет обеспечиваться и какую плату могут потребовать за нее вожди племен.

Оценивая современное положение в соседнем с пакистанским Белуджистаном Афганистане, президент консалтинговой компании «Российская национальная служба экономической безопасности» Л. Шебаршин особо отмечает, что «США нужны опорные точки в регионе. А контроль над всем Афганистаном невозможен, да и никому не нужен. Через него проходит маршрут стратегического трубопровода Туркмения — побережье Аравийского моря. Для его безопасности

достаточно «купить» либо вождей племен, живущих вдоль него, либо какие-то небольшие вооруженные силы из самих афганцев».²⁹

Однако помимо туркменского маршрута планируемых поставок природного газа в Индию и Пакистан существует и иранский вариант. Иранский газопровод должен быть проложен от месторождения Южный Парс (запасы которого оцениваются в 12 трлн. кубометров), первоначально прокладка предполагалась по шельфовой зоне Аравийского моря (вариант, поддерживаемый РАО «Газпром»), однако в последнее время главная заинтересованная сторона — Индия, отдала предпочтение сухопутному маршруту через Белуджистан. В настоящее время годовое потребление газа в Индии оценивается в 30 млрд. кубометров, однако через несколько лет импорт может составить до 50% общего потребления.

Вопрос о том, какому газовому маршруту (туркменскому или иранскому) будет отдано предпочтение, предстоит решать Индии — именно на ее рынок должны устремиться основные газовые потоки. Однако суть проблемы сводится к тому, что оба газопровода должны пересечь территорию пакистанского Белуджистана, что может повлечь за собой много ранее не предвиденных обстоятельств.

Так, если в случае с туркменским газом бесперебойность и безопасность его поставок должны, по-видимому, контролировать США (за счет подкупа пуштунских вождей и белуджских сардаров — владельцев земли, по которой пройдет газопровод), то кто будет договариваться с теми же сардарами, если газ потечет из Ирана? По самому тяжелому сценарию, подобная финансовая битва за газ, поставляемый на индийский и пакистанский рынки, вполне может привести к слиянию белуджского национализма с экстремизмом и международным терроризмом, а сам регион может превратиться в новый очаг внутривосточной и геополитической дестабилизации. К тому времени, когда по территории Белуджистана начнут прокладываться новые стратегические газопроводы и в передел собственности более активно включатся внешние силы, вполне допустимо повторение иракского сценария развития. Причем это произойдет в Южной Азии — регионе, располагающем ядерным оружием.

Так или иначе, но в то время как Индия все больше склоняется к иранскому газовому маршруту, в США принимают решение о возобновлении поставок в Пакистан истребителей F-16. Правда, одновременно в Белом доме подписывают разрешение на продажу истребителей и для ВВС Индии.³⁰

Пока трудности в переговорах с вождями белуджских племен испытывает федеральное правительство Пакистана, которому приходится затрачивать значительные объемы сил и средств на обеспечение безопасности собственных стратегических объектов, таких, например, как газовые месторождения и газопроводы.

- ¹ Цит. по: *Время новостей*, 3.03.2005.
- ² *Special Development Plan for Baluchistan*. Government of Pakistan, Planning Commission. Islamabad, 1980. P. 4-5.
- ³ Подробнее см.: *The News*, Islamabad, 25.08.2004.
- ⁴ *Special Development Plan for Baluchistan*. P. 5.
- ⁵ *Economic Survey 2002-2003*. Government of Pakistan, Islamabad, 2003. P.180—181.
- ⁶ *Economic Survey 1999—2000*. Government of Pakistan. Islamabad, 2000. P. 226.
- ⁷ *Economic Survey 2002—2003*. Government of Pakistan. Islamabad, 2003. P. 223.
- ⁸ Подробное описание этно-социальной структуры Белуджистана представлено в работах Ю.В.Ганковского. См., например: *Ганковский Ю.В.* Этно-социальная характеристика брагуйско-белуджского населения Пакистана (середина 70-х годов) // *Расы и народы*. Ежегодник. Вып.13. М., 1983. С.162-175.
- ⁹ Подробнее см.: *Березов Н.Н.* Пакистан: Проблема беженцев. Бюллетень № 16. М., 1999. С.3-5.
- ¹⁰ *Dawn*. Karachi, 21.10.2001.
- ¹¹ *Dawn*. Karachi, 21.10.2001.
- ¹² *Wirsing R.G.* The Baluchis and Pathans. // *The Minority Rights Group*. L., 1981. Vol.48. P.8.
- ¹³ *Business and Finance Review*, Karachi, 13.12.2004.
- ¹⁴ *Business and Finance Review*, 13.12.2004.
- ¹⁵ *Dawn*, Karachi, 21.10.2001.
- ¹⁶ *Кириченко А., Муршалиев А.* Водные войны // *Московские новости*. №18. 1-8.05.1994. С. 9А.
- ¹⁷ *Белокреницкий В.* Население мира: что впереди? Геодемография и геополитика будущего века // *НГ-Сценарии*. 1999. №7. С. 5 (13).
- ¹⁸ *Harrison S.S.* In Afghanistan's Shadow: Baluch Nationalism and Soviet Temptations. N. Y., Wash., 1981. P. 162.
- ¹⁹ *Harrison. S.S.* Op. cit. P.163.
- ²⁰ *Special Development Plan for Baluchistan...* P.4.
- ²¹ *Harrison. S.S.* Op. cit. P.163.
- ²² *Harrison. S.S.* Op. cit. P.169-170.
- ²³ *Political Families of Baluchistan* // *The Herald*. Election Special. Karachi, November 1988. P.126—128.
- ²⁴ *Business and Finance Review*, Karachi, 14.02.2005.
- ²⁵ *Время новостей*, 21.03.2005.
- ²⁶ *The News*, Islamabad, 29.01.2005.
- ²⁷ *The News*, Islamabad 29.01.2005.
- ²⁸ *Время новостей*, 21.03.2005.
- ²⁹ *Время новостей*, 21.03.2005.
- ³⁰ Сделка о поставке 28 самолетов Пакистану была заключена в 1985 году, но в 1990 г. поставки самолетов были приостановлены в связи с развитием пакистанской ядерной программы. Госсекретарь США Кондолиза Райс не считает, что продажа истребителей Пакистану приведет к дестабилизации в регионе. «Мы стремимся расширить и упрочить отношения как с Индией, так и с Пакистаном в то время, когда они сами стараются улучшить двусторонние отношения», — заявила она. (Цит. по: *Время новостей*, 28.03.2005).

Пакистано-афганские отношения и «Проблема Пуштунистана» в 1947—1962 гг.

В 1947 г. в результате национально-освободительного движения в бывшей «Жемчужине Британской Короны» — Индии и раздела ее по религиозно-общинному принципу возникло два суверенных государства — Индия и Пакистан. Между ними сразу же началось противостояние, в основном, из-за принадлежности Кашмира, доходившее до открытых военных конфликтов. Однако серьезные противоречия сложились у Пакистана и с другим соседним государством — Афганистаном. И камнем преткновения здесь стала т.н. «Проблема Пуштунистана», возникшая также в процессе раздела субконтинента и решения вопроса о принадлежности населенной в основном пуштунами Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП).

Эта провинция была создана британской администрацией в 1901 г. в основном из территорий восточных пуштунов, которые до завоевания их Великобританией входили в состав сикхского государства Панджаб, а до этого — в состав первого объединенного афганского государства — Империи Дуррани, созданной в 1747 году. После распада этой Империи на ее территории возникло несколько самостоятельных государств, в том числе и сикхское государство Панджаб, которое в 1818 г. начало завоевание территорий восточных пуштунов и в 1838 г. глава этого государства махараджа Ранджит Сингх стал полным сюзереном Пешаварской области.¹

В 1838 г. началась Первая англо—афганская война. Через территории, контролировавшиеся государством сикхов, английские войска вторглись на территории Кабульского эмира Дост Мухаммада, заняли Кабул и посадили на трон свою марионетку Шаха Шуджу, но в 1842 г. потерпели позорное поражение.

В 1845—1849 гг. власть Британской Ост-Индской Компании распространилась на сикхское государство Панджаб, а следовательно и

---

* Юрий Николаевич Паничкин — доцент Рязанского государственной сельскохозяйственной академии, кандидат исторических наук.

на земли восточных пуштунов, а в 1858 г., после поражения Великого индийского восстания, Индия перешла под прямое управление Британской Короны.

В 1878 г. началась вторая англо-афганская война, закончившаяся в 1881 г. победой англичан. Их власть над землями восточных пуштунов закрепились и даже распространилась на полосу горных пуштунских племен. В 1893 г. произошло событие, оказавшее сильное влияние на судьбы пуштунов. Эмир Афганистана Абдуррахман-хан был вынужден согласиться на подписание с Великобританией договора, устанавливавшего границу Британской Индии с Афганистаном по т.н. «Линии Дюранда» (по имени британского полковника М. Дюранда, проводившего демаркацию границы). По этому же договору Афганистан лишился права проводить самостоятельную внешнюю политику.² Половина пуштунского населения теперь оказалась за пределами Афганистана.

В 1919 г. началась третья англо-афганская война. Впервые ее начало правительство Афганистана. Его войска вторглись на территорию СЗПП и восточные пуштуны оказали им полную поддержку. В результате Афганистан под руководством эмира Амануиллы-хана полностью восстановил свою независимость.³

После окончания Первой мировой войны в Индии развернулось халифатистское движение, носившее явно антиколониальный характер. В это же время на политическую арену в СЗПП выдвинулся выдающийся деятель индийского и пуштунского национального движения Хан Абдул Гаффар-хан. В 1921 г. он, его брат Хан Сахиб и их сподвижники создали первую в СЗПП политическую организацию «Анджуман-и ислах-и афагина» — «Общество просвещения афганцев». В 1926 — 1927 гг. ими была создана новая организация — «Пахтун Джирга» — «Пуштунская Конференция» (или «Пуштунская Лига»). В 1929 г. были созданы отряды «Худай Хидматгар» («Божьи Слуги»), которых колониальные власти по цвету их униформы называли «краснорубашечниками».⁴ В то же время в СЗПП было создано провинциальное отделение Индийского национального конгресса (ИНК). «Пахтун Джирга» слилась с ним. Провинциальное же отделение Всеиндийской мусульманской лиги в СЗПП до выборов 1937 г. создать не удалось.

В 30-е гг. XX в. в СЗПП под руководством Абдул Гаффар-хана и его сподвижников началась жесткая антиколониальная борьба, переросшая в Пешаварское восстание.

В 1935 г. парламент Великобритании принял новый Закон об управлении Индией, согласно которому там в 1937 г. состоялись выборы в провинциальные законодательные собрания. В результате в

СЗПП было создано первое правительство, которое возглавил лидер провинциального отделения ИНК Хан Сахиб.

3 сентября 1939 г. правительство Великобритании объявило войну Германии и вице-король Индии лорд Линлитгоу без согласия индийских политических сил объявил, что Индия также находится в состоянии войны с Германией. Мусульманская лига во главе с ее лидером Мухаммадом Али Джинной поддержала вице-короля. ИНК же, в связи с тем, что в заявлении вице-короля ничего не было сказано о предоставлении в будущем независимости Индии, не поддержал его и отозвал своих министров из провинциальных правительств. Правительство Хана Сахиба в СЗПП ушло в отставку.

23 марта 1940 г. сессия Всеиндийской мусульманской лиги в Лахоре приняла резолюцию, объявлявшую основной целью индийских мусульман создание отдельных государственных образований в Индии, где мусульмане составляют большинство. Вскоре сторонники единой Индии назвали ее «пакистанской», хотя само слово «Пакистан» в ней отсутствовало.⁵

В апреле 1943 г. в СЗПП было образовано правительство Мусульманской лиги во главе с Аурангзеб-ханом. Однако к началу 1945 г. оно получило вотум недоверия в Провинциальном Законодательном Собрании, ушло в отставку и новое правительство опять сформировал Хан Сахиб. Тем временем лорда Линлитгоу на посту вице-короля Индии сменил лорд Уэйвелл.

На провинциальных выборах 1946 г. в Законодательное Собрание СЗПП ИНК одержал внушительную победу. Снова правительство возглавил Хан Сахиб. Однако сразу после выборов в СЗПП, как и во всей Индии, началась жестокая борьба между ИНК и Мусульманской лигой, особенно усилившаяся после кровавых столкновений 16 августа 1946 г. в Калькутте.

Назначенный в феврале 1947 г. новый вице-король лорд Маунтбэттен окончательно пришел к выводу о невозможности в такой обстановке после передачи власти британской администрацией местной сохранению единства Индии. Рассмотрев его предложения, парламент Великобритании принял план создания на субконтиненте двух доминионов — Индийского Союза и Пакистана. Этот план вошел в историю как «План третьего июня» (по дате обращения по радио вице-короля и руководителей ведущих политических сил к народу Индии с изложением этого плана). Согласно плану вопрос о принадлежности СЗПП должен был решаться на провинциальном референдуме. Центральное руководство ИНК согласилось на это и конгрессисты СЗПП были шокированы, т. к. считали, что вопрос этот был решен в пользу Индии на выборах 1946 года. В такой вот обстановке и было принято

ими решение о выходе из состава ИНК и о развертывании движения «Свободный Пуштунистан».

Предполагалось, что это государство либо останется самостоятельным, либо присоединится к Индии или к Пакистану. Абдул Гаффар-хан и его сподвижники потребовали от вице-короля включения в бюллетень референдума пункта о «Свободном Пуштунистане» Вице-король ответил, что он включит этот пункт только с обоюдного согласия лидеров ИНК и Лиги. Руководство ИНК во главе с Дж. Неру согласилось, но руководитель Лиги М.А. Джинна согласия не дал. На референдуме, таким образом, должен был быть решен вопрос только о принадлежности СЗПП Индии или Пакистану. В таких условиях, явно предвидя исход референдума в обстановке сильнейших антиконгрессистских настроений в провинции, Абдул Гаффар-хан призвал своих сторонников бойкотировать референдум.

В результате референдума административные округа СЗПП вошли в состав Пакистана. Позже, после визита М.А. Джинны, население полосы племен также признало себя частью Пакистана, хотя управление местными вождями на этой территории сохранилось.

Согласно международным обычаям при разделении государств их границы с соседями остаются неизменными. Но именно это и вхождение территорий восточных пуштунов в Пакистан стало подоплекой того, что отношения Пакистана с Афганистаном с самого начала существования нового государства стали довольно напряженными. И камнем преткновения здесь стала т.н. «проблема Пуштунистана».

Политическая борьба, которая проходила в СЗПП, нашла свой отклик в Афганистане. «Линия Дюранда» в качестве государственной границы признавалась не каждым правительством этой страны. Что же говорить о кочевниках, постоянно перегоняющих свои стада через нее из Пакистана в Афганистан и обратно? С началом движения «Свободный Пуштунистан» пресса и радио Кабула начали кампанию за возвращение СЗПП в состав Афганистана. Что же касается Абдул Гаффар-хана и его сторонников, то они не ставили вопроса о вхождении провинции в Афганистан. Однако в Кабуле поддерживали его требование о создании «Свободного Пуштунистана».

Британский посол в Кабуле, имевший ранг министра, информировал госсекретаря о кампании афганской прессы и радио. Он также сообщил, что министр иностранных дел Афганистана Али Мохаммад дал понять, что его правительство против присоединения СЗПП к Индии или к Пакистану вопреки воле ее народа 16 июня 1947 г. Али Мохаммад заявил, что если на референдуме будет поставлен вопрос о присоединении СЗПП к Индии или к Пакистану, то Афганское правительство станет считать, что ее население должно иметь воз-

возможность решить хочет ли оно воссоединиться с Афганистаном или создать самостоятельное государство, обладающее полной независимостью. В связи с получением Индией независимости необходимо заключить такой договор.⁶

21 июня и 6 июля четыре афганских сардара Хафизулла, Энаятул-ла, Хабибулла-хан и Мохаммад Якуб-хан обратились к правительству Великобритании с требованием дать народу СЗПП возможность создать свое государство. Ссылаясь на сообщения некоторых газет о том, что Россия якобы подстрекает Афганистан к требованиям в отношении СЗПП, сардары заявили, что сваливать свою вину на плечи других — это плохая британская политика. Они выразили надежду, что США и СССР помогут свободному государству пуштунов.

В донесении британского дипломата в Кабуле правительству Индии говорится, что в беседе с ним Министр иностранных дел Афганистана гарантировал, что афганские интересы в СЗПП являются чисто идеологическими, чтобы в будущем иметь с населением провинции хорошие отношения и поэтому радио и прессе было позволено вести свободные дискуссии. Вопрос этот с послом СССР не обсуждался, консультации же с американской миссией проводились. Он также сообщил, что афганское правительство желало бы послать миссию для переговоров с индийскими политическими лидерами.⁷

В письме губернатора СЗПП О. Кэроу вице-королю лорду Маунт-бэттену от 23 июня губернатор не считал, что афганское вмешательство будет опасным. Он также выразил уверенность, что эти действия инспирированы лидерами Конгресса СЗПП и афганскими элементами во время посещения Абдул Гаффар-ханом Кабула.⁸ В телеграмме же от 27 июля правительству Индии посол Великобритании в Кабуле прямо отмечает, что в своих действиях афганское правительство идет в открытую с ирредентистскими требованиями (т.е. с требованиями территориального и лингвистического воссоединения страны).⁹ В письме министра иностранных дел Афганистана от 10 июня 1947 г. представителю Великобритании в Кабуле повторялись требования и предложения афганского правительства. В ответ британский представитель заявил, что эти действия афганцев вызовут негодование правительства Великобритании. Он старался убедить афганского министра прекратить кампанию прессы и радио, смотреть вперед, а не назад.¹⁰

Афганский министр предлагал либо послать миссию, либо приехать ему самому для переговоров по СЗПП, но его предложения спускались на тормозах, а британское правительство ясно давало понять, что оно не принимает претензий Кабула на право участия в решении судьбы провинции. Когда же стало ясно, что итоги референдума будут в пользу Пакистана, оно стало советовать Афганскому правительству

налаживать отношения с будущими правительствами Индии и Пакистана.

Формально у афганского руководства не было никаких оснований для требования особого статуса для СЗПП и для того, чтобы протестовать против включения этой провинции в состав Пакистана. Афганские руководители могли признавать или не признавать границу по т.н. «Линии Дюранда», но она существовала как де-факто, так и де-юре. Однако у них было стремление и заинтересованность в усилении своих позиций к югу от границ Афганистана в направлении Аравийского моря и они не могли удержаться от того, чтобы попытаться использовать кризис власти в СЗПП в своих интересах.

Об их стремлении к приобретению выхода в Аравийское море говорят и другие факты. Так, например, ранее с этой целью некоторые афганские политики пытались вступить в сговор с германскими нацистами. В начале 1941 г. в Берлине был с почетом принят министр национальной экономики Афганистана Абдул Меджид. Во время переговоров с представителями германского МИД он высказался за то, чтобы Афганистан получил обширную территорию в Индии. Новая граница должна была, по его мнению, пройти по реке Инд. Афганистан также должен был получить порт Карачи на берегу Аравийского моря и часть Советского Туркменистана.¹¹ Заметим, что это происходило еще до нападения гитлеровской Германии на СССР во время «сердечных» отношений Сталина с Гитлером. Полномочий на ведение таких переговоров министр не имел, но утверждал, что они ему могут быть предоставлены при благоприятных условиях.

6 июня 1941 г. статс-секретарь МИД Германии вновь принял в Берлине Абдул Меджида и выразил желание, чтобы правительство Афганистана разрешило установить на границе с Индией коротковолновый радиопередатчик, незаметно использовать радиостанцию в Кабуле и дало согласие на контрабандный ввоз некоторого количества оружия. Афганский министр с интересом воспринял эти предложения.¹¹

Однако правительство Афганистана все же не могло пойти на такого рода авантюры с гитлеровцами. А победы войск Объединенных Наций над блоком фашистских государств поставили точку на намерениях столь безответственных лиц как Абдул Меджид.

14 августа 1947 г. была провозглашена независимость Пакистана. Вскоре между Пакистаном и Афганистаном были установлены дипломатические отношения. Однако это не стало прелюдией к установлению дружественных отношений между этими двумя соседними государствами. Уже в сентябре 1947 г. афганская делегация проголосовала в ООН против приема Пакистана в члены этой международной

организации. Она была единственной, кто проголосовал таким образом. В том же году на «Линии Дюранда» произошли пограничные вооруженные столкновения. И хотя в 1948 г. афганское правительство согласилось с принятием Пакистана в члены ООН и оба государства обменялись послами, это не стало предпосылкой для улучшения отношений между Афганистаном и Пакистаном. Идея «Пуштунистана» стала настоящим барьером на этом пути.

22 августа 1947 г. Указом М.А. Джинны, ставшего генерал-губернатором доминиона Пакистан, правительство Хана Сахиба в СЗПП было распущено и вместо него было сформировано правительство Мусульманской лиги во главе с бывшим конгрессистом, ставшим врагом своих бывших соратников, Ханом Абдул Кайюм-ханом. Теперь его главной целью стали репрессии против них из-за боязни потерять место и навредить своей карьере, если правительство Пакистана пойдет на соглашение с Абдул Гаффар-ханом.

Конгрессисты СЗПП подтвердили свою лояльность Пакистану, хотя и заявили, что роспуск правительства Хана Сахиба незаконен. В феврале 1948 г. Абдул Гаффар-хан присутствовал на первой сессии Учредительного Собрания Пакистана и принес присягу на верность этому государству. Тогда же он встретился с М.А. Джинной и пригласил его посетить СЗПП. Слить же свою организацию с Мусульманской лигой конгрессисты СЗПП отказались. Вернувшись с сессии Абдул Гаффар-хан продолжил агитацию за создание автономного Пуштунистана в составе Пакистана, но 15 июня 1948 г. его арестовали по обвинению в сговоре с Факиром из Ипи, ведшим вооруженную борьбу в Северном Вазиристане (один из районов полосы племен) сначала против англичан, а после образования Пакистана — против его правительства.

Харизматический лидер горных пуштунов Факир из Ипи и после образования Пакистана не прекратил вооруженную борьбу и оставался убежденным сторонником провозглашения «Пуштунистана». В день ареста Абдул Гаффар-хана Факир, не видя иного средства для реализации этой идеи, организовал нападение своих ополченцев на несколько военных постов пакистанской армии в Северном Вазиристане. После этого уже не британские, а пакистанские самолеты бомбили отряды Факира.¹³ Естественно, в таких условиях связь с Факиром из Ипи являлась антигосударственной деятельностью и власти СЗПП не упустили возможность убрать со своего пути Абдул Гаффар-хана, предъявив ему обвинение и приговорив к трем годам строгого тюремного заключения. Тем более, что отец-основатель Пакистана М.А. Джинна был уже смертельно болен, вскоре скончался и решить разumno вопрос судьбы Абдул Гаффар-хана было практически некому.

Реакцией правительства Афганистана на это стала поддержка движения за создание независимого пуштунского государства. По мнению правящих кругов этой страны принадлежность территорий восточных пуштунов другому государству фактически стала причиной, мешающей воссоединению их с Афганистаном. Они считали, что восточные пуштуны должны образовывать источники власти, учреждающиеся и отменяемые афганским правительством. Оба эти элемента тесно связаны в мыслях тех пуштунских лидеров, которые и выдвинули «проблему Свободного Пуштунистана».¹⁴

Афганское понимание независимого пуштунского государства было разработано Абдул Гаффар-ханом. Относительно идеи «Пуштунистана», поддерживавшейся Кабулом, предполагалось, что он будет включать административные округа СЗПП, территорию племен, Белуджистан, Калат, южные белуджские государства Лас Бела, Макран, Каран. Вместе эти территории составляют лишь небольшую часть Пакистана.

Сама идея «Пуштунистана» была довольно проблематичной, если не сказать — химеричной. Очень мало пуштунского населения проживало в округе Хазара или в Читрале и в Белуджистане. В Белуджских княжествах, в округе Дера-исмаил-хан пуштуны также составляли очень малую часть населения. Афганцы также предлагали включить в «Пуштунистан» небольшой анклав, который до 1958 г. находился под суверенитетом султана Маската и Омана. Внимания на возникновение осложнений по этому поводу на международной арене не обращалось. Главным для образования государства провозглашалась этническая, лингвистическая и культурная идентификация. Естественно, этот «кабульский Пуштунистан» не включал миллионы пуштунов, проживавших западнее «Линии Дюранда», т.е. в самом Афганистане.

Начиная с 1948 г. дипломатические круги Афганистана проводили интенсивную кампанию в интересах «Пуштунистана». Издавались книги, печатались карты, «граждане» «Пуштунистана» появлялись на международных встречах. Радио Кабула уделяло много внимания новостям и событиям в «Пуштунистане». В полосе племен распространялись антипакистанские пропагандистские материалы.

Вначале пакистанские официальные лица просто отрицали существование «проблемы Пуштунистана» и осуждали все стоящее за ней. Однако это не стало препятствием для ее раскручивания.¹⁵

В июле 1949 г. парламент Афганистана одобрил политику поддержки борьбы сторонников «Пуштунистана» и аннулировал афгано-британские соглашения, заключенные до образования Пакистана, а также заявил о непризнании «Линии Дюранда» в качестве афгано-пакистанской границы. В августе 1949 г. на территории Пакистана в

городе Тирах состоялась джирга вождей части восточно-пуштунских племен. На ней было провозглашено образование «Пуштунистана», избрана «Национальная Ассамблея» и утвержден флаг «государства». Правительство Афганистана постановило ежегодно 31 августа отмечать Национальный День Пуштунистана. Ответом были бомбардировки пакистанской авиацией территорий непокорных племен и даже территории Афганистана в провинции Пактия, а также осложнение транзита товаров для Афганистана через территорию Пакистана. В 1950 г. правительство Пакистана выступило с угрозами использовать военную силу против Афганистана.¹⁶

В январе 1950 г. Факир из Ипи был провозглашен «Президентом Пуштунистана». Руководящими органами «Пуштунистана» стали президент, под руководством которого находилось несколько департаментов, и «Национальная Ассамблея», состоявшая из южной, центральной и северной секций. В ведении «президента» находилось небольшое издательство, выпускавшее газету на языке пушту. Он потребовал удаления с пуштунской территории должностных лиц, которых уже направило пакистанское правительство и обратился в ООН с просьбой признать «новое государство». Однако только небольшая часть людей племен и их вождей поддержала провозглашение «независимого Пуштунистана». Большинство же из них предпочло оставаться в составе Пакистана, а уж население административных округов СЗПП явно не воспринимало эту идею. В дальнейшем, до конца своих дней (он умер в 1960 г.) Факир продолжал борьбу за «Пуштунистан».¹⁷

Политика Афганистана в вопросе «Пуштунистана» не менялась, а обстановка в самом Пакистане и, в частности, в СЗПП менялась и очень сильно. Абдул Кайюм-хан сделал все, чтобы разгромить Худай Хидматгар. Когда же это ему удалось, брожение охватило провинциальное отделение Мусульманской лиги. Там наступила анархия. Бывшие противники Абдул Гаффар-хана Заминджан-хан, Арбаб Абдул Гафур, пир Манки Шериф оставили Мусульманскую лигу. Во время правления Абдул Кайюм-хана (1947—1953 гг.) в СЗПП были достигнуты определенные успехи в экономике. Был открыт Пешаварский университет. Однако его политический режим запятнал себя репрессиями и способствовал развалу политической системы. После того как Арбаб Абдул Гафур и Заминджан-хан присоединились к Абдул Гаффар-хану, Абдул Кайюм-хану пришлось покинуть СЗПП. Но с политической сцены он не ушел. В 1953—1954 гг. он был министром промышленности в центральном правительстве Пакистана, а в 1957 г. стал президентом Мусульманской лиги. После правления М. Айюб-хана Абдул Кайюм-хан вернулся к политической деятельности. В

марте 1969 г. он стал организатором и лидером Мусульманской лиги им. М.А. Джинны (с января 1970 г. — Всепакистанская мусульманская лига). В 1972-1977 гг. он был министром внутренних дел Пакистана. Незадолго до падения режима З.А. Бхутто вышел в отставку.

Политическая обстановка в СЗПП стремительно развивалась, несмотря на все попытки Абдул Кайюм-хана держать ее под контролем. Так, после выхода из Мусульманской лиги видного политического деятеля Пакистана Мауланы Бхашани и создания им оппозиционной «Авами Муслим Лиг» («Народная Мусульманская лига») в СЗПП возникло отделение этой партии, которое возглавил Пир Сахиб Манки Шериф. В конце 1950 г. был создан «Всепакистанский союз защиты гражданских свобод». Он как представитель СЗПП стал его председателем. Наследницей конгрессистов этой провинции стала «Авами Парти» («Народная партия» или «Партия народа»).

Противоречия между странами продолжали обостряться и переходили уже черту межгосударственных. 16 октября премьер—министр Пакистана Лиакат Али-хан был убит сторонником партии «Джамаат-и ислами» афганцем Акбар-ханом.¹⁸

В апреле 1954 г. в СЗПП на всепартийной конференции оппозиционных партий было принято решение создать «Объединенный Фронт». Его задачей была провозглашена борьба за роспуск непредставительной Законодательной Ассамблеи провинции и отставку местного правительства Мусульманской лиги. 30 мая 1954 г. центральное правительство сместило правительство «Объединенного фронта» в Восточном Пакистане. Вслед за этим начались репрессии. В СЗПП был отдан под суд вице-председатель отделения «Авами Лиг» Арбаб Сикандар Халил. Однако репрессии не дали желаемого результата. На дополнительных выборах в Законодательную Ассамблею СЗПП в округе Мардан, несмотря на открытую поддержку правительственных чиновников, кандидаты Мусульманской лиги потерпели поражение. Победу одержали представители «Авами Лиг», что явилось, как указал глава провинциального филиала этой партии Пир Манки Шериф, выражением недоверия местному правительству (правительству Мусульманской лиги). Национальное движение пуштунов усилилось. Весной 1954 г. Абдул Гаффар-хан выступил с проектом создания провинции «Пуштунистан», включающей все территории западной части страны, населенные пуштунами.¹⁹

Обстановка в Пакистане менялась, а отношение афганских правящих кругов к «проблеме Пуштунистана» продолжало оставаться прежним. В декабре 1954 г. тогдашний вице-президент США Р. Никсон посетил с двухдневным визитом Кабул. Во время переговоров с руководством Афганистана он обещал оказать стране экономическую

помощь, но настаивал на том, чтобы Афганистан снял свои требования в вопросе о «Пуштунистане». Никсон считал эти требования безосновательными и наносящими ущерб отношениям с Пакистаном. Однако афганские правящие круги выразили разочарование, как они считали, непониманием американцами столь важного фактора их внешней политики. Подписание в том же году договора между США и Пакистаном об оказании американской военной помощи Пакистану правительство Афганистана расценило как угрозу миру и безопасности в регионе. Активизация военно-политических усилий США и Великобритании, поддержка этими странами позиции Пакистана относительно вопроса о «Пуштунистане» вызвало негативную реакцию афганских правящих кругов. Летом 1954 г. правительство М. Дауда объявило о прекращении действия англо-афганского договора 1921 года. Летом того же года состоялась джирга части пуштунских племен, проживавших по обе стороны границы. Племена получили полную поддержку афганского правительства. При этом оно вновь подтвердило свою готовность решать проблему «Пуштунистана» мирным путем.²⁰

Напряженные отношения между двумя странами еще более усилились, после того как правительство Пакистана решило претворить в жизнь план создания единой провинции Западный Пакистан. 22 ноября 1954 г. премьер-министр Пакистана Мухаммад Али в своей речи по радио заявил о решении провести в жизнь план объединения всех провинций западной части страны в единую провинцию. Главный министр СЗПП Сардар Абдур Рашид приветствовал это решение. 27 марта 1955 г., несмотря на активное сопротивление политических сил, создавших фронт противодействия объединению и поддержанных рядом провинциальных организаций Лиги (Белуджистанской и СЗПП) указом генерал-губернатора Гулам Мухаммада была создана провинция Западный Пакистан. Ранее созданные провинции распускались и вместо них новая провинция (one unit) была разделена на области (divisions). Центром провинции стал г. Лахор, а главой правительства — бывший конгрессист брат Абдул Гаффар-хана Хан Сахиб, занимавший, в отличие от него менее радикальные позиции и быстро встроившийся в политическую систему Пакистана (в 1958 г. в Лахоре он пал жертвой политического убийства).²¹

Правительство Афганистана выступило по этому поводу с официальным протестом, во многих городах прошли митинги и демонстрации против действий властей Пакистана. При этом им было выдвинуто обвинение в стремлении подавить национальное движение пуштунов.

Ответная реакция правительства Пакистана не заставила себя долго ждать. В мае 1955 г. были приостановлены политические и торго-

вые отношения с Афганистаном, закрыты все афганские консульства и торговые представительства, запрещен транзит товаров для Афганистана через территорию Пакистана. Пакистанское правительство потребовало от правительства Афганистана прекращения поддержки пуштунского национального движения. По существу, Пакистаном была предпринята экономическая блокада Афганистана, что заставило последний обратиться за помощью в транзите товаров к СССР. И хотя при посредничестве Египта, Саудовской Аравии, Ирана и Турции Пакистан вскоре снял все ограничения на внешнеторговые операции Афганистана, отношения между двумя странами не улучшились. В ноябре 1955 г. в Кабуле состоялось заседание Лоя Джирги, обсуждавшей вопрос формирования в Пакистане провинции Западный Пакистан, последствия этого факта для зарубежных пуштунов. Она единогласно одобрила курс афганского правительства в вопросе о «Пуштунистане» и потребовала от пакистанских властей предоставления пуштунам права на самоопределение.²²

В декабре 1955 г. состоялся визит в Афганистан Первого секретаря Президиума ЦК КПСС Н.С. Хрущева и Председателя Совета министров СССР Н.А. Булганина. На переговорах с афганским руководством решались вопросы межгосударственных отношений между СССР и Афганистаном, при этом советские руководители поддерживали позицию Афганистана по вопросу о «Пуштунистане». Несомненно, это явилось открытым вмешательством руководства СССР во внутренние дела Пакистана. Однако для дальнейшего улучшения отношений с Афганистаном, а также с целью противостоять политике запада в этом регионе, они пошли на этот шаг.

Пакистано-афганский конфликт 1955 г. был урегулирован, но отношения между странами опять не улучшились. По настоянию Пакистана блок СЕАТО в 1956 г. признал «Линию Дюранда» в качестве границы между Пакистаном и Афганистаном, что было болезненно воспринято в Кабуле. Приход к власти в 1958 г. генерала Мохаммад Айюб-хана еще более осложнил отношения между Пакистаном и Афганистаном. Визит министра иностранных дел Мухаммад Наима в Пакистан улучшения в этом вопросе также не принес. Правительство Пакистана заняло еще более жесткую позицию в отношении «Пуштунистана». В течение всей второй половины 50-х гг. на границе двух стран в районе Баджаура не прекращались вооруженные столкновения временами с использованием пакистанской стороной авиации.²³

Правящие круги Пакистана стремились в любых контактах с афганским руководством избежать обсуждения вопроса о «Пуштунистане». Для решения общих вопросов они призывали к «исламскому братству», «мусульманской солидарности». Став президентом, М. Айюб-хан

предупредил афганское правительство, что его требование «Пуштунистана» будет ему дорого стоить, если оно и далее будет в этом упорствовать. Но это только усилило пропаганду и агитацию со стороны Афганистана в полосе племен.²⁴

В августе 1961 г. Пакистан закрыл свои консульства в Джелалабаде и Кандагаре и потребовал закрытия афганских консульств и торговых представительств в Пакистане. В ответ Кабул заморозил свои дипломатические отношения с Пакистаном и закрыл границу, что заставило его самого использовать транзит товаров через СССР и Иран, а также создало проблему с сезонной миграцией кочевников через «Линию Дюранда». Пакистан заявил, что разрешит миграцию при наличии у кочевников заграничного паспорта и пакистанской визы. Афганскому правительству пришлось размещать их в теплых районах на юге и востоке страны. Попытки примирить обе стороны, предпринятые в октябре 1961 г. президентом США Дж. Кеннеди и весной 1962 г. шахом Ирана Мохаммадом Реза Пехлеви, окончились неудачей, т.к. обе стороны заняли бескомпромиссные позиции.²⁶

Несмотря на поддержку СССР в вопросе «Пуштунистана», Афганистану не удалось достичь какого-либо в этом отношении прогресса. Становилось очевидным, что проблема «Пуштунистана» «перегрелась» и необходимо возобновить дипломатические отношения, открыть границу, разработать новый курс в отношениях с Пакистаном, что и явилось одной из причин ухода Мухаммада Дауда в отставку с поста премьер-министра в мае 1963 г.²⁷

Подводя итог можно отметить, что акцент на вопросе «Пуштунистана» со стороны правящих кругов Афганистана в отношениях с Пакистаном был их грубейшей политической ошибкой. Согласно всем международным обычаям и законам это явилось ничем иным, как вмешательством во внутренние дела суверенного Пакистана. Можно, конечно, посочувствовать афганцам в том, что народ пуштунов оказался разделенным, но это сложилось исторически. И конечно же, пуштуны Пакистана, численность которых не уступает численности пуштунского населения Афганистана, а по ряду данных превышает ее, в своем большинстве не хотели вступать в конфликт. Одно дело бороться против британского колониализма, опасаться быть присоединенными к Индии из-за боязни оказаться в положении ниже низшей касты, бороться за автономию СЗПП в составе Пакистана, а другое дело выступать против того государства, за создание которого и присоединение к которому они сами же голосовали.

Создание единой провинции Западный Пакистан и ликвидация провинций, ранее созданных по этно-лингвистическому принципу, явилось ошибкой, которую пришлось исправлять после ухода М. Ай-

юб-хана от власти. СЗПП, как и другие провинции, была восстановлена. Однако афганским правящим кругам, действительно, надо было смотреть вперед, а не назад. Будь у них добрососедские отношения с Пакистаном, от этого их страна только бы выиграла.

Что же касается политики руководителей Пакистана в этом вопросе, то она была вполне обоснована. С точки зрения Пакистана борьба за «Пуштунистан» являлась только лишь проявлением сепаратизма, стремлением к расколу страны, а вмешательство Афганистана в эту борьбу, поддержка ее, сепаратистская и антипакистанская агитация (тем более, на его территории) являлись ни чем иным, как вмешательством в его внутренние дела, что и вызывало со стороны Пакистана адекватную реакцию.

Примечания

- ¹ *Spain J.W.* The Pathan Border Land. Columbia University. 1963. P. 101—103.
- ² *Jansson E.* India, Pakistan or Pakhtunistan. Uppsala 1981. P. 24.
- ³ *Spain J.W.* Opt. cit. P. 151.
- ⁴ *Ганковский Ю.В.* Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967. С. 165.
- ⁵ Подробно см.: *Пономарев Ю.А.* История Мусульманской лиги Пакистана. М. 1982. С. 104 — 107.
- ⁶ The Transfer of Power. Vol. XI. P. 262.
- ⁷ Ibid. P. 577-578.
- ⁸ Ibid. P. 595.
- ⁹ Ibid. P. 707.
- ¹⁰ Ibid. Vol. XII. P. 107.
- ¹¹ *Райков А.В.* Опаснейший час Индии. Липецк, 1999. С. 53 — 54.
- ¹² Там же, с. 56.
- ¹³ *Jansson E.* Opt. cit., p. 233.
- ¹⁴ *Spain J.W.* Opt. cit. P. 236 — 243.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ *Коргун В.Г.* История Афганистана. XX век. М. 2004. С. 300 — 301.
- ¹⁷ *Райков А.В.* Факир из Ипи — борец за свободу Вазиристана // Восток. 1995. № 3. С. 83 — 92.
- ¹⁸ *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.* История Пакистана. М. 1961. С. 128.
- ¹⁹ Там же. С. 233.
- ²⁰ *Коргун В.Г.* Указ. соч. С. 306 — 307.
- ²¹ Подробнее см.: *Пономарев Ю.А.* Указ. соч. С. 207.
- ²² *Коргун В.Г.* Указ. соч. С. 308.
- ²³ Там же. С. 320.
- ²⁴ *Spain J.W.* Opt. cit. P. 101 — 103.
- ²⁵ *Коргун В.Г.* Указ. соч. С. 310 — 323.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.

The Millennium Challenge Account and the Challenge for Pakistan Introduction

The US government—during Monterrey Conference in March 2002—had announced to increase the annual Official Direct Assistance (ODA) by US \$5 billion over three years period. To achieve this, it established the Millennium Challenge Corporation (MCC) through the Millennium Challenge Act of 2003 that is tasked with the disbursement of this additional ODA under a new assistance program called Millennium Challenge Account (MCA) for fiscal years 2004-06, and maybe beyond.

The distinguishing feature of MCA is that if a developing country wants to become eligible to receive MCA funds it will have to prove that it is governing justly, investing in its people, and promoting economic freedom on the basis of its score on sixteen indicators in the aforementioned three fields. The MCA funds will subsequently be used to promote development in the fields of agriculture, health, education, private enterprise, private sector promotion, good governance, and trade and investment.

The current study explains the MCA, and is based on the premise that the flow of funds from US to the recipient countries on the basis of such objective criteria is a positive development, as it will reinforce a process that will lead developing countries in the direction of a proactive approach towards their own development. It also analyses the standing of Pakistan in terms of its eligibility for MCA funds, and tries to explain how Pakistan can achieve the funds? And how MCA can prove beneficial for Pakistan?

Global Poverty and Donor Response

The global economy has made enormous gains in the recent past, due to increased economic activity and output. The total GDP of the World has reached US \$36.356 trillion in 2003, up from US \$22.088 trillion in 1990. Despite the remarkable achievements in economic terms by the world in general, large parts of the world are still lurching in poverty and underdevelopment. Out of the total world income of US \$36.356 trillion in 2003, US \$29.27 is contributed by countries of the high income group, while the low

---

* Aarish U. Khan — Research Scholar at the Institute of Regional Studies Islamabad. The views presented here are of his own.

income group contributes US \$1.101 trillion only, whereas the rest is contributed by middle income countries.¹ The global integration has made these differences more glaring than ever, both for the rich and the poor. Market capitalism and revolution in information, communication, and transportation technologies has exposed both the rich and the poor to each other.

In the face of these emerging underdevelopment trends and the extraordinary exposure of inequality, the net Official Direct Assistance (ODA) from developed countries to the developing world has almost been constant since 1990 to 2002, and has in fact declined as percentage of their Gross National Income (GNI) over the period from 0.33 percent to 0.23 percent.² US has also come under criticism for its alleged disregard to development assistance. Though, in 2001 the US was the largest provider of ODA to the developing world with annual ODA of about US \$11.4 billion, as a proportion of its GDP, this aid formed only 0.11 percent. This figure is far less than that of Denmark which provided about 1.03 percent of its GDP to the developing world in the form of ODA in 2001.³

The situation has thus necessitated a need for renewed efforts towards the eradication of the global poverty around the globe. This is the reason that the UN Millennium Declaration committed both rich and poor countries to eradication of poverty, promotion of human dignity and equality, and achievement of peace, democracy and environmental stability.⁴ In line with the commitments made in the UN Millennium Declaration, donor countries reaffirmed their commitment to eradication of poverty by promoting a partnership for development between the rich and the poor countries of the world, in Monterrey (Mexico) in March 2002. The Monterrey Conference resulted in Monterrey Consensus that provides framework for this partnership between the rich and the poor countries of the world.

A New Thinking

Not only has the ODA remained constant over the past few years, its efficient utilization has also come under consideration. Consider Africa, for example, which in 1996 received an aid that was the equivalent of 12.3 percent of its GDP (excluding Nigeria and South Africa).⁵ But Africa has still been scoring appallingly low on almost all the development indicators during the same period.⁶ Realizing the failings of the past like the ones in Africa and elsewhere, the donor countries started to think over new ways of efficient aid allocation. Commitment to this new approach to ODA was reaffirmed in the Millennium Development Goals that call for “a compact that leverages the global commitments to reducing poverty by building on mutual responsibilities between poor and rich countries. Poor countries must improve governance to mobilize and manage resources more effectively and equitably. Rich coun-

tries must increase aid, debt relief, market access and technology transfers.”⁷ The same was reaffirmed during the Monterrey Consensus and Johannesburg Declaration on Sustainable Development and the Johannesburg Plan of Implementation in March 2002 and September 2002, respectively.⁸ Three issues that have dominated the recent analyses related to efficient aid allocation according the UNDP *Human Development Report 2003* are: stronger governance, increased ownership, and better aid practices.⁹

The new US initiative called the Millennium Challenge Account (MCA)—outlined by President George W. Bush in a speech on March 14, 2002 at the Inter-American Development Bank, followed by his Monterrey (Mexico) speech on March 22, 2002—is in line with these emerging perceptions. MCA has been enacted as a law under the Millennium Challenge Act of 2003. It will increase the total annual amount of ODA given by the US government to the developing countries by US \$5 billion over the period of three years starting from fiscal year 2004. This would amount to a total increase of about 40 percent in US ODA and almost about 50 percent in the core development assistance provided by the US to the developing world, over the prescribed period.

How MCA is Different?

The new aid initiative of the Bush administration not only increases the annual ODA of US by a huge percentage, but also has certain distinguishing features, which can make ODA more efficient, and goal oriented in the future. The main distinguishing characteristic of this new set of arrangements for the provision of foreign aid to the developing countries is that it is designed to reward better performing countries.

If the government of a country would want to qualify for the acquisition of MCA funds, it will have to prove to the US government that it is dedicated towards its own economic development by fulfilling certain clearly defined requirements. Briefly, a developing country to qualify for the MCA funds will have to assure the US government on the basis of its score on sixteen different indicators that it is governing justly, investing in its people and is promoting economic freedom. Once a country becomes eligible for the funds, it will be required to sign a Compact (see below) with the US government that will determine the objectives that both countries would like to achieve from the partnership to promote development in an objective fashion.

Introduction to MCA

Under Millennium Challenge Act of 2003 a new body called Millennium Challenge Corporation (MCC) has been created to manage the provision of additional assistance to developing countries in the form of MCA grants.

To judge the eligibility of a state to qualify for the MCA funds on the basis of its performance on the aforementioned issue areas, the US government has devised a system of assessment of the aspiring countries based on their performance record on sixteen indicators in the fields of good governance, investing in people, and promoting economic freedom. To qualify as a better performer a country will have to score above the median of the developing world on half of the indicators in each policy area. The final decision on the eligibility of a country for MCA funds is, however, made by Millennium Challenge Corporation (MCC) board, chaired by the Secretary of State. The board members include the Secretary of the Treasury, the Administrator of the United States Agency for International Development (USAID), Chief Executive Officer of the MCC (to be appointed by President with consent of Senate), United States Trade Representative, and four other individuals with relevant international experience who shall be appointed by the President, by and with the advice and consent of the Senate.¹⁰ Let us elaborate a little further on the eligibility criteria for MCA funds and how the developing countries are supposed to receive them.

Which Countries will get MCA Assistance?

Funding for the MCA will increase over three years to US \$5 billion per year in fiscal year 2006. The number of countries eligible to compete for funding (called candidate countries) will also increase over this period. In 2004 and 2005, countries eligible with per capita incomes equal to or below US \$1,435, have been considered. In the fiscal year 2006 the situation will be a little different because all those countries with incomes up to US \$2,975 will be eligible. Though this will enlarge the bracket for MCA recipient countries, but competition for receiving MCA assistance will be intra-income group and will thus not impact on the competing abilities of the countries of lower income group.

It also needs to be mentioned here that countries prohibited from receiving assistance by existing US statutory restrictions are not eligible for MCA assistance in any year. All the aforementioned countries, falling within the per capita income brackets mentioned above for the given years (excluding the countries otherwise prohibited from receiving US assistance) are called candidate countries for the funds.¹¹

Eligibility Criteria for MCA Funds

Now let us come to the discussion about how the candidate countries on the basis of their income levels will compete with each other on the criteria of ruling justly, investing in their people, and promoting economic freedom to achieve the MCA funds. The following 16 indicators will be used to assess

national performance relative to governing justly, investing in people, and encouraging economic freedom:

Governing Justly:

- Civil Liberties
- Political Rights
- Voice and Accountability
- Government Effectiveness
- Rule of Law
- Control of Corruption

The performance of the candidate countries on the indicators of Civil Liberties, and Political Rights will be based on the Freedom House ratings. The performance of the candidate countries on the indicators of Voice and Accountability, Government Effectiveness, Rule of Law, and Control of Corruption will be based on World Bank Institute Data about the states.

Investing in People:

- Public Primary Education Spending as Percent of GDP
- Girls' Primary Education Completion Rate¹²
- Public Expenditures on Health as Percent of GDP
- Immunization Rates: DPT and Measles

The performance of candidate countries on all these indicators of investment in people will be based on World Bank data and the national sources of the candidate countries. In case of immunization rates, the UN data will also be consulted.

Promoting Economic Freedom:

- Country Credit Rating
- Inflation
- 3-Year Budget Deficit
- Trade Policy
- Regulatory Quality
- Days to Start a Business

Performance of the candidate countries on the indicator of Country Credit Rating will be based on data from Institutional Investor Magazine; on Inflation the IMF data will be used; on 3-Year Budget Deficit IMF data complemented with national sources will be used; on Trade Policy Heritage Foundation data will be used; on Regulatory Quality World Bank Institute's data will be used; on Days to Start a Business World Bank data will be used.

All these indicators will be used to identify better performing countries. However, countries will qualify as better performers only if they demonstrate commitment in all three policy areas. So as mentioned earlier, to qualify as a better performer, a country will have to score above the median of the candidate countries on half of the indicators in each of the three policy areas. There is one exception in the above indicators on which aspiring countries will have to score above a prescribed threshold (of less than 15 percent) rather than the median, and that is, inflation rate.¹³ Moreover, qualifying on Control of Corruption criterion is a must, even if a country scores above the median on the other requisite qualifications. This means that a country will have to necessarily control corruption in a manner better than at least half of its peer group of developing countries.

As far as the final selection of a country to be made by the MCC Board of Directors is concerned, there are some additional conditions and qualifying as a better performer on the aforementioned criteria alone will not guarantee MCA support. Section 607 (a) of the Millennium Challenge Act of 2003 states:

“The Board shall determine whether a candidate country is an eligible country for purposes of this section. Such determination shall be based, to the maximum extent possible, upon objective and quantifiable indicators of a country’s demonstrated commitment to the criteria in subsection (b), and shall, where appropriate, take into account and assess the role of women and girls.”

Section 607 (c) 2, of the Act further states that the opportunity to reduce poverty and generate economic growth in the country and the availability of amounts to carry out this title will also be considered by the MCC Board while making final selection. These conditions, though, do give some flexibility and leeway to the MCC Board in making the final decision. Georgia, for example, has been selected as eligible for receiving MCA funds in 2004 despite its low score on more than half of the indicators of ruling justly including curbing corruption. But it has been selected for the reason that it has made significant progress towards eliminating corruption.¹⁴ In a similar manner Bolivia and Mozambique were also given some flexibility in the selection process by the board.¹⁵

The official justification of these additional conditions is to cover the possible gaps or lags in the data, or trends not reflected in the data, which may be material for assessing performance.

Foundation of Country Rating Measures

It is worth mentioning here that how do all the aforementioned organizations rate countries on account of their performance on the sixteen indicators selected by MCA for becoming eligible to receive MCA assistance.

Freedom House is a non-profit organization that ranks countries around the world on the basis of Civil Liberties and Political Rights available to their people each year. The organization assigns each country a rating for political rights and a rating for civil liberties based on a scale of 1 to 7, with 1 representing the highest degree of freedom present and seven the lowest level of freedom. The combined average of each country's political rights and civil liberties ratings is further calculated to determine an overall status of Free, Partly Free, or Not Free.¹⁶

Heritage Foundation, whose data is used for measuring the performance of the aspiring countries on the count of Trade Policy indicator, is an independent think tank and ranks countries on the basis of their trade policy on a gradient of scores from 1 to 5, with 1 the best score and 5 the worst.¹⁷

Institutional Investor Magazine, whose data is used to measure Country Credit Rating, ranks all the countries of the world for investor confidence and chances of default on a scale from 0 to 100 with the countries scoring high having lesser chances of default.¹⁸

World Bank Institute—whose data is used for measuring the performance of aspiring countries on the indicators of Voice and Accountability, Government Effectiveness, Rule of Law, and Control of Corruption in the field of good governance, and whose data is also used for measuring the performance of countries on the indicator of regulatory quality in the field of economic freedom—is the learning arm of the World Bank. The rest of the criteria related to investment in people and economic freedom are clear.

The Millennium Challenge Compact

After becoming eligible for the MCA funds, the recipient country will have to sign a compact with the government of the US called the Millennium Challenge Compact which would describe: the specific objectives that the country and the United States expect to achieve during the term of the Compact; the responsibilities of the country and the United States in the achievement of such objectives; regular benchmarks to measure progress toward achieving such objectives; and an identification of the intended beneficiaries, disaggregated by income level, gender, and age, to the maximum extent practicable.¹⁹

After having signed the compact, the aid will not start flowing to the developing countries by default, rather the developing countries will have to come up with project proposals of their own proactively. And the grants will be given to undertake specified projects with delimited time-frames and clearly defined development objectives. Such proposals, according to the act, can be initiated by the national, regional (provincial), and local governments of a state, as well as by Non Governmental Organisations (NGOs)

and private entities of the eligible country.²⁰ The MCA assistance will finance projects directed towards improvement in the fields of agriculture, education, private enterprise, private sector promotion, good governance, health, and trade and investment.²¹

Benefits of MCA Assistance

The question that can be asked here is that why should one be so optimistic about the developmental impact of MCA? In fact, MCA seems to have quite a few positive and constructive elements in it. Some of these were present in the earlier aid initiatives and some are newly introduced. First, it is a system of assistance that rewards countries for sound developmental strategies, as only those developing countries can benefit from MCA which show active keenness towards the development of their people. Second, the assistance is conditioned by the performance of aspiring countries on clearly delineated indicators, which makes the process transparent and minimizes the room for flow of aid on the basis of strategic interests. Third, each recipient country after becoming eligible to receive MCA assistance is required to sign a compact called the Millennium Challenge Compact, which involves clearly spell out the contours of responsibilities of US and the recipient country during the period of the contract and the specific objectives that both the countries aspire to achieve from the contract. Fourth, the compact entails constant monitoring of all the projects undertaken under MCA in connection with their efficacy. Fifth, the assistance is directed towards improvement in the fields of agriculture, education, private enterprise, private sector promotion, good governance, health, and trade and investment, which could create a synergetic developmental effect. Sixth, MCA gives a greater role to the recipient countries to come up with ideas of their own for their own development. Seventh, subject to the signing of contract by the recipient country and the acceptance of a project proposal for pursuing certain objectives, the assistance can be received not only by the national government, but also by regional or local governments of the country, as well as Non Governmental Organizations (NGOs) and even private entities in the recipient country.

As stated earlier, not all of the aforementioned are new developments, it does have some distinguishing characteristics, besides the rewarding of better performing countries. MCA grants are untied once a country qualifies as a better performer, it contains signing of a partnership compact with US, has potential for greater involvement of the recipient country in generating ideas for their own development, and also funds projects related to private enterprise, private sector promotion, and trade and investment.

MCA being the biggest increase in US foreign aid in perhaps forty years,²² with all these remarkable distinguishing features, challenges underdevelop-

ment in the new millennium with a purposeful outlook. "The Millennium Challenge Account initiative recognizes the need for country ownership, financial oversight, and accountability for results to ensure effective assistance," says US President George W. Bush.²³ MCA is designed in such a way that it commits both the US and the recipient country to good governance by working to improve upon the six indicators of good governance, and would thus help the aspiring states in achieving values of liberty, and democracy and would increase investor confidence and would thus boost economies.²⁴ By promoting investment in the human resource development, MCA is helping the recipient states overcome the pressures of the political constituencies which impede such developments. Increased government investment in health induced by MCA would create an atmosphere of improved Human Development Indicators (HDI) for the recipient countries. Investment in education on the other hand would not only improve HDI by increasing literacy but would also lead to a multiplier effect on democracy, good governance, and economic growth argues Andrew Natsios, the Administrator of the USAID.²⁵ Moreover, he argues that financial accountability of MCA funds, measurable objectives, and regular benchmarks to measure progress make the MCA funds more efficient and productive.²⁶ According to Anthony Wayne, Assistant Secretary of State for Economic and Business Affairs, "Aptly named, this initiative challenges developed and developing countries to work together as real partners to establish a new result-based paradigm for development."²⁷ Wayne is of the view that MCA will provide incentives for the poor countries to work on policy areas that are unavoidable for economic prosperity.²⁸

The MCA funds, however, have not started to flow to most of the qualified developing countries, as they are in the process of preparing for signing compacts with the US government for the disbursement of MCA assistance. Therefore, it is still too early to objectively verify the development impact of the MCA funds.

How Does Pakistan Rank for Eligibility?

Pakistan is also a developing country with per capita income below the IDA ceiling of US \$1,435. Pakistan was considered a candidate country for MCA funds in 2004 and is considered a candidate for 2005 as well, so whether Pakistan is in a position to avail MCA assistance?

Let us examine if Pakistan fulfils the criteria prescribed for MCA eligibility? In the field of Good Governance, as shown in Annex I to the paper, Pakistan scores below the median on the indicators of Civil Liberties, Political Rights, and Voice and Accountability, while it scores above the median on the indicators of Control of Corruption, Rule of Law, and Government

Effectiveness. In the field of investment in people Pakistan is unfortunately scoring abysmally lower than the median on all the four indicators and with the change in the qualification criteria by replacement of Primary Education Completion Rates with Girls' Primary Education Completion Rates, Pakistan's score is likely to go even lower. In the field of promotion of economic freedom, Pakistan scores above the median on the indicators of Credit Rating, Days to Start a Business, Inflation, and Fiscal Deficits, while it is scoring below the median in Trade Policy and Regulatory Quality.

Can Pakistan be Eligible for MCA?

On the basis of our understanding of Pakistan's standing on various indicators we can make certain observations: First, Pakistan is very well placed in the field of promoting economic freedom. In the field of controlling inflation Pakistan is scoring even well above the new threshold of 15 percent. Pakistan also scores above the median in the fields of Days to Start a Business, fiscal control, and Credit Rating. This means that Pakistan scores above the median on more than half of the requisite indicators and thus qualifies on the basis of promotion of economic freedom. Moreover, Pakistan scores slightly lower than the median on the Regulatory Quality indicator and if it is able to reverse the declining trend in the regulatory quality, it will easily qualify on this indicator as well. Trade Policy is also something that Pakistan is eagerly working to improve upon, and Pakistan can bring a marked improvement in this field by promoting certain trade policy measures conducive to trade in a specified fiscal year. Thus we can safely argue that Pakistan is quite on the safe side to receive MCA assistance on the basis of performance in promoting economic freedom, largely due to the policies of the government in the past few years.

Second, while scoring low on Political Rights and Civil Liberties indicators, as well as the indicator of Voice and Accountability, Pakistan has balanced the situation well by scoring above the median on Control of Corruption, Government Effectiveness, and Rule of Law. This makes Pakistan eligible to receive MCA funds on account of its performance in the field of Governing Justly. However, it is scoring only marginally above the average on the indicators of Controlling Corruption and Rule of Law. Pakistan will have to keep a very close look at its ranking in the field of controlling corruption, because if Pakistan lagged behind in this field, it would not be eligible to receive the funds even if it scores better than other developing countries in other fields, because qualifying on the basis of control of corruption is a necessary requisite for MCA assistance.

Third, to the disappointment of many who see it, Pakistan is scoring well below the median on all the four indicators of investment in human resource.

Pakistan, to qualify for MCA assistance will have to catch up only in the field of investment in people. Ironically, it is a field in which Pakistan should have been scoring better than most of the developing countries not only to achieve MCA assistance but to promote the welfare of its own people. Unfortunately, the Pakistani government is spending better than only 10 percent and 15 percent of the peer group of developing countries, respectively, on health and education as percentage of GDP. In the fiscal year 2002-03, out of the total expenditure of about Rs. 775 billion of the Federal Government, about Rs. 646 billion was current expenditure.²⁹ This makes it 83 percent of the total expenditure. Out of the total current expenditure, about Rs. 160 billion went to defense, while 256 billion went to debt servicing,³⁰ which is about 24 percent and 40 percent of the current expenditure respectively. This leaves little room for development expenditure or the improvement of the education and health facilities. While the Pakistani government in recent years has done well in increasing the health expenditure as percentage of GNP from an average 0.7 percent throughout the period between fiscal year 1997-98 and 2001-02 to 0.84 percent of GNP in 2003-04,³¹ it will have to do more to improve on this count, but the constraints are high. In the field of expenditure on education, Pakistan invested Rs. 66.022 billion on education as a whole in 2001-02 that makes 1.8 percent of GDP,³² out of which only a portion goes to primary education that makes it about 0.83 percent of GDP that is far less than the average of the developing countries in the peer group with whom Pakistan will be competing for MCA funds (as shown in Annex I).

It will be totally hypothetical to assume if Pakistan will actually increase the health or education expenditure in the coming year or two, as it will mean more than doubling of the health and primary education expenditure. It will be equally hypothetical to suggest that Pakistan can improve its primary education completion rate for girls or its immunization rates overnight. The point to be made here is that this is an aspect of the Pakistani economy that needs to be considered. And that Pakistan is lagging behind other developing countries on these important counts. Concomitantly, if a change inducing concession has been offered to the developing countries by the US why shouldn't Pakistan grab the opportunity and not only receive external assistance in the form of untied grants but also help in setting its economic and human resource house in order.

Moreover, as mentioned earlier, the MCC Board does exhibit some level of flexibility in cases of countries that do not qualify according to the objective criteria but make some progress towards rectification of those shortcomings even if the impact of the measures taken do not impact the indicators in a short period of time.³³ So if Pakistani government is able to assure the MCC Board that it is undertaking concrete steps in the fields of health and education that will lead to higher investment in people and thus improved

human development indicators in the long run, MCC Board will be considering Pakistan's case even if it is scoring below the average of its peer group in the field.

Having explained the MCA in general and the possibility of Pakistan's eligibility for the MCA funds, the question that can be asked here is that how much will it benefit Pakistan if Pakistan qualifies to receive the grants? The next section tries to highlight some of the important elements regarding the significance of MCA in producing the much desirable change and its significance for developing countries like Pakistan in a variety of other ways.

Why Opt for MCA?

At the moment Pakistan is at the acme of its relationship with the US, and is receiving huge amounts of aid from US both in military and economic development fields. Pakistan has just been assured a US military assistance package of US \$300 million.³⁴ The current estimate for total FY2004 aid stands at \$385 million.³⁵ The Asian Development Bank reported that Pakistan received \$581 million in U.S. logistics support for the latter half of 2003, an amount equal to 38% of Pakistan's total defense expenditures during that period.³⁶ The United States Agency for International Development (USAID) has arrived in Pakistan in July 2002 once again after about seven years. After returning to Pakistan USAID has got actively involved in development activities in Pakistan, It is expected to contribute to various projects in the coming three to five years in the form of grants of US \$100 million, US \$115 million, and US \$38 million, in the fields of education, health, and good governance, respectively. It has also initiated a project related to arid agriculture in Baluchistan province with a budget of US \$6 million in collaboration with Food and Agriculture Organization (FAO). There are no specific projects under the USAID dealing directly with private enterprise support, private sector promotion, and trade and investment (the other few fields covered by MCA).³⁷

President Bush has also expressed his commitment to work with Congress on establishing a five-year, US \$3 billion aid package for Pakistan. "Five annual installments of US \$600 million each are meant to begin in FY2005 and be evenly split between military and economic aid."³⁸ The US has also recently signed an agreement to waive off 495 million-dollar debt owed by Pakistan to US.³⁹

In keeping with all these positive trends in the relationship between Pakistan and US and the likelihood of the aid commitment of US to continue, doesn't it seem rather out of place to talk about getting the MCA funds—with all its "ifs and buts"—sitting in Pakistan? In the short-term analysis of past, the answer might be yes, but in the long term analysis of the history of

Pakistan's relations with US, the answer might very well be no. The total US economic and military assistance to Pakistan from 1947-2003 was just under \$14 billion. It was not long ago in 2001 that Pakistan received only US \$3.5 million from the US under the only program for the year, the International Narcotics Control and Law Enforcement Program.⁴⁰ The point that I wish to make in this section is that despite all these facts, it is still in the best interest of Pakistan to get MCA funds as a reward of better performance, and then reinforcing that better performance through MCA.

First, MCA assistance is in the form of grants and will in any case supplement the existing aid arrangement between Pakistan and the United States. This implies that whatsoever aid commitments Pakistan is having from the US government, the acquisition of MCA assistance would not affect them. Second, MCA-like Official Direct Assistance is going to be the future of ODA in the coming years. As has been evident from the discussion in the preceding sections that development assistance is going to involve proactive recipient involvement in the donor assisted development activities. Third, the MCA funds are conditioned with well-defined policy indicators that are calculated by autonomous institutions of international standing. This makes the process of qualifying for the funds transparent and minimizes the chances of sudden halt of development assistance due to strategic reasons. Fourth, the conditions as delineated by the US government for MCA are development oriented for the recipient states and that each developing country should have followed these conditions as ends in themselves. Fifth, if Pakistan does not qualify for MCA it will be among the few bad performers among the developing countries, which would hardly ever get a chance of changing their fate through their own proactive initiative blended with foreign assistance.

Will MCA Partnership Prove Long-Lasting?

While the USAID statistics of development assistance to Pakistan might seem very impressive in first sight, we should not forget that USAID was not at all operating in Pakistan just two years ago. In the past we have had phases of bilateral cooperation with powerful states, which did not prove to be long-lasting, predictable and thus trustworthy. This situation necessitates a search for a lasting development partnership with the predominant developed states through objectively defined contours. It is worth acknowledging here that MCA funds do have prohibitive conditions that can halt the flow of aid for particular projects under the compact if it causes job losses to US, cause environmental or health hazards etc.⁴¹ The US government can also terminate the compact according to Section 611 (a) if:

(1) the country or entity is engaged in activities which are contrary to the national security interests of the United States;

(2) the country or entity has engaged in a pattern of actions inconsistent with the criteria used to determine the eligibility of the country or entity, as the case may be; or

(3) the country or entity has failed to adhere to its responsibilities under the Compact.

While the prohibitions in Section 605 (e) of the Millennium Challenge Act related to prohibitions on disbursement of aid are related particularly to the execution of the particular projects and do not impact upon the compact as a whole, prohibitions under Section 611 can be more worrisome for developing countries. But if we look carefully at the criteria of suspension of assistance, only the first criterion is a little subjective, while the remaining two once again pertain to the transparent mechanism and can easily be assessed by any independent observer. Even with regard to the first criterion, it seems very rational on the part of any state not to give aid to any country which will be undermining its security and it seems actually rational that it would not be that easy for United States to apply the clause audaciously for any mild action that the recipient country may take. But if the recipient country does threaten the security of the United States, it will and it should have the right to suspend assistance.

Conclusion

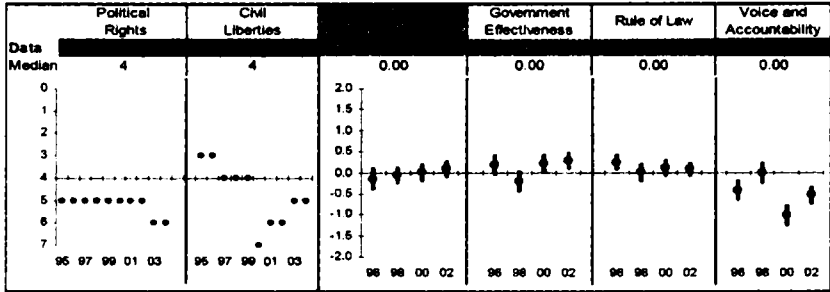
The Millennium Challenge Account aims at inducing the aid recipient countries to perform better, that is, to promote their own economic development through an objective assessment mechanism. By supporting just governance, investment in human resource, and promoting economic freedom as a package, it is different from the existing aid arrangements in a variety of ways. In the very first instance, it encourages the developing countries to initiate a thinking process for soul searching, by looking at their score on the performance indicators. In the final analysis, it can make the developing states achieve their development aspirations by using their own, yet to be discovered, potential.

MCA is not only a positive development in the way ODA is disbursed to the developing world, but it is also likely to be the precursor to modifications of the same kinds to be made in donor programs of other countries. Pakistan, currently does not qualify for MCA funds primarily because of its low score on the four indicators of investment in people. Working towards enabling Pakistan to qualify for MCA funds will be a constructive ride towards progress, not only because Pakistan will benefit from the receipt of the funds but also because working towards betterment in the qualification criteria should be pursued as an end in itself. Acquisition of MCA assistance will only come as a by-product of that endeavor that Pakistani nation will make towards materializing their development goals.

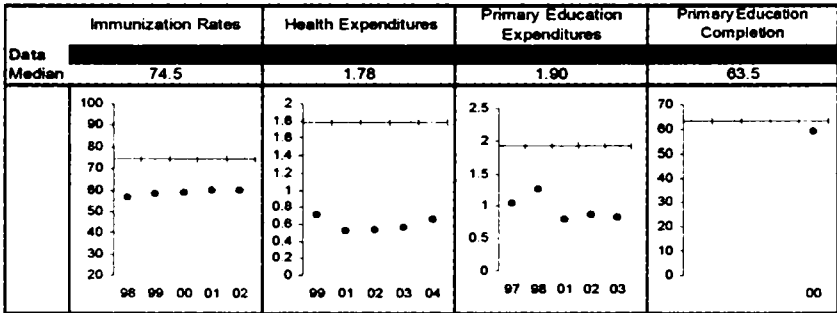
Annex I
Pakistan's Score on 16 Indicators adopted from the MCC
Website <http://www.mcc.gov>

Pakistan

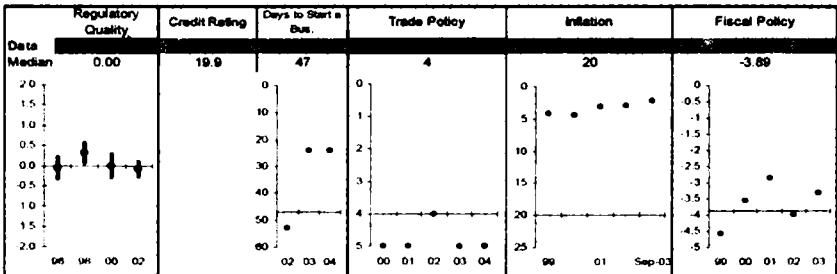
Ruling Justly

Investing in People

Economic Freedom

Note: The Board of the MCC will consider performance under these indicators, plus qualitative and other materials in choosing countries eligible to submit compact proposals to MCC. The first number is the country's score and percentage in () is their ranking relative to other candidate countries (0% the worst, 50% the median, and 100% the best.) Graphs: higher is better, the horizontal-axis has been drawn through the median, the red dot is the data point, and the blue vertical bar is the standard error. Indicators highlighted in green are above the median as currently calculated and those in red are below. Medians may change as new data becomes available.

Notes and References

- ¹ World Bank: *World Development Indicators Database*, September 2004.
- ² UNDP: *Human Development Report 2003*, p. 146.
- ³ *Ibid.* p. 160. See also OECD: "Recent Trends in Foreign Aid" *OECD in Washington*, No. 38, October/November 2002.
- ⁴ UNDP: *Human Development Report 2003*, p. 1.
- ⁵ Nicolas de Walle: "African Economies and the Politics of Permanent Crisis, 1979-1999", London: Cambridge University Press 2001 as cited in Jeffrey Herbst and Greg Mills: *The Future of Africa: A New Order in Sight?*, Adelphi Paper 361, International Institute of Strategic Studies IISS, 2003, p. 15.
- ⁶ For details see Jeffrey Herbst and Greg Mills: *The Future of Africa: A New Order in Sight?* Adelphi Paper 361, International Institute of Strategic Studies IISS, 2003, pp. 11-27.
- ⁷ UNDP: *Human Development Report 2003*, p. 145.
- ⁸ UNDP: *Human Development Report 2003*, p. 1.
- ⁹ UNDP: *Human Development Report 2003*, p. 147.
- ¹⁰ See *Millennium Challenge Act of 2003*, Section 604 (c) available at the Millennium Challenge Corporation website www.mcc.gov.
- ¹¹ See *Millennium Challenge Act of 2003*, Sections 603 and 606.
- ¹² For the fiscal year 2004 this indicator was Primary Education Completion Rate, but for fiscal year 2005 and onwards it has been replaced with Girls' Primary Education Completion Rates. See, Millennium Challenge Corporation: *Report on the Criteria and Methodology for Determining the Eligibility of Candidate Countries for Millennium Challenge Account Assistance in FY 2005, [MCC FR-04-09]*.
- ¹³ The threshold inflation rate was 20 percent for the fiscal year 2004, but has been decreased to 15 percent for fiscal year 2005 onwards. See Millennium Challenge Corporation: *Report on the Criteria and Methodology for Determining the Eligibility of Candidate Countries for Millennium Challenge Account Assistance in FY 2005, [MCC FR-04-09]*.
- ¹⁴ Millennium Challenge Corporation: *Report on Selection of MCA Eligible Countries for FY 2004*.
- ¹⁵ Millennium Challenge Corporation: *Report on Selection of MCA Eligible Countries for FY 2004*.
- ¹⁶ For more details see the Freedom House website <http://www.freedomhouse.org>.
- ¹⁷ For more details see Heritage Foundation website <http://www.heritage.org>.
- ¹⁸ For more details see the Institutional Investor Magazine website <http://www.institutionalinvestor.com>.
- ¹⁹ *Millennium Challenge Act of 2003*, Section 609.
- ²⁰ *Millennium Challenge Act of 2003*, Section 605 (c).
- ²¹ White House: *Implementing the Millennium Challenge Account, Background Paper released by the White House*, February 5, 2003.
- ²² Andrew Natsios: "Health and Education, Key to New Foreign Aid Plan" in *Economic Perspectives, An Electronic Journal of the U.S. Department of State*, Vol. 8, No. 2, March 2003, p. 15.
- ²³ George W. Bush: *President's Letter Conveying MCA Legislation to the Congress Released by the White House, Office of the Press Secretary*, The White House, February 5, 2003.
- ²⁴ Paula Dobrianski: "Principles of Good Governance" in *Economic Perspectives, An Electronic Journal of the U.S. Department of State*, Vol. 8, No. 2, March 2003, p. 8.

- ²⁵ Andrew Natsios: “Health and Education, Key to New Foreign Aid Plan” in *Economic Perspectives*, *op. cit.*, p. 14.
- ²⁶ *Ibid.* p. 15.
- ²⁷ Anthony Wayne: “The MCA Promotes Sound Economic Policies” in *Economic Perspectives*, *An Electronic Journal of the U.S. Department of State*, Vol. 8, No. 2, March 2003, p. 9.
- ²⁸ *Ibid.*
- ²⁹ *Economic Survey 2003-04*, Ministry of Finance, Government of Pakistan
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ *Ibid.*
- ³² *Ibid.*
- ³³ For details see Millennium Challenge Corporation: *Report on Selection of MCA Eligible Countries for FY 2004*.
- ³⁴ “US Congress passes 388-billion budget with aid to Pakistan, others” in *Dawn Karachi*, November 21, 2004.
- ³⁵ K. Alan Kronstadt: “Pakistan-US Relations” *Congressional Research Service (CRS) Issue Brief for Congress*, Received through web, Updated May 14, 2004, Order Code IB94041.
- ³⁶ *Ibid.*
- ³⁷ for more details on various projects in each field see USAID Pakistan website www.usaid.gov.pk
- ³⁸ K. Alan Kronstadt: “Pakistan-US Relations” *Congressional Research Service (CRS) Issue Brief for Congress*, *op. cit.*
- ³⁹ *Pakistan Times Rawalpindi*, July 17, 2004
- ⁴⁰ K. Alan Kronstadt: “Pakistan-US Relations” *Congressional Research Service (CRS) Issue Brief for Congress*, *op. cit.*
- ⁴¹ *Millennium Challenge Act of 2003*, Section 605 (e).

К вопросу о пакистано-иранском сотрудничестве в военной ядерной области и вероятных сценариев нуклеаризации Ирана

Еще не утихли страсти в сообществе экспертов и международных организаций, занимающихся проблемами нераспространения в мире, в том числе и в Южной Азии и на Среднем Востоке, связанные с «добровольным обязательством» Тегерана прекратить обогащение урана накануне ключевой сессии Совета Управляющих МАГАТЭ, на которой рассматривался иранский вопрос¹, как в зарубежную прессу была организована утечка информации о том, что Пакистан оказал помощь Ирану в военной ядерной области. В частности, влиятельная американская газета «Нью-Йорк Таймс» в номере за 24 ноября 2004 г. со ссылкой на новый доклад ЦРУ сообщила, что международная сеть дельцов, занятых незаконным оборотом оружия, в данном случае-компонентов ядерного оружия, возглавляемая пакистанским ученым-атомщиком д-ром Абдул Кадир Ханом предоставила для нужд иранской ядерной программы «значительную помощь», включая конструкции «продвинутых и эффективных» компонентов ядерного оружия². В этом новом докладе американского разведывательного сообщества говорится, что, несмотря на то, что в рассекреченной версии этого доклада, опубликованной на официальном веб-сайте ЦРУ, не сообщается отчетливо, что международная сеть торговли оружием А.К. Хана продала Ирану полные схемы конструкции для создания ядерной боеголовки, (в отличие, скажем от того, что, как известно, эта сеть поставила для Ливии и, вероятно, Северной Кореи), разведывательные органы США полагают, что схемы для производства ядерных боеприпасов, поставленные Тегерану этой сетью в 90-х годах, были более значительными, чем те факты таких поставок в Иран, которые ранее были обнародованы правительством США.

По существу, этот доклад ЦРУ является первым источником информации, в котором утверждается, что схемы конструкции, предоставленные Ирану также включали и «компоненты» ядерного оружия³. До сих пор, при обсуждении иранской ядерной программы, американские официальные лица публично ссылались только на роль сети А.К. Хана в поставке Тегерану конструкций более ранних моделей пакистанских центрифуг, используемых для обогащения урана до степени оружейной чистоты. Однако, с технической точки зрения поставка сетью А.К. Хана даже нескольких сотен морально устаревших центрифуг и ввод их иранцами в эксплуатацию не свидетельствует сами по себе, что Тегеран производит обогащенный уран, пригодный для ядерного оружия. Специалисты — ядерщики считают, что для производства обогащенного урана в целях его использования для ядерных взрывных устройств (ЯВУ) необходима непрерывная работа десятков тысяч центрифуг, а МАГАТЭ считает 25 кг урана-235 (ядерного оружейного материала, нарабатываемого на центрифугах) значимым количеством ядерного материала, опасность переключения которого на изготовление оружия должна быть своевременно предотвращена. Конечно, известен такой факт, что физические инспекции экспертов МАГАТЭ в Иране не обнаружили следов урана, пригодного для ядерного оружия, хотя некоторое время назад опять-таки ЦРУ сообщало, что на инспектируемых иранских центрифугах (как утверждается, поставленных, как и в случае с Ливией Пакистаном) были обнаружены следы высокообогащенного урана⁴. Так ли обстоят дела с иранской ядерной программой или иным образом, но у международных наблюдателей складывается стойкое впечатление, что Пакистан в лице А.К. Хана и его международной сети нелегальных поставок ядерных компонентов и материалов действительно многие годы помогал развитию чувствительного аспекта ядерной программы Тегерана.

Кстати, в том же докладе, по словам «Нью-Йорк таймс», не говорится что Госсекретарь США Колин Пауэлл, раскрыл имеющиеся у Вашингтона разведанные по иранской ядерной программе, о том, что Тегеран в реализации своей ракетной программы прилагает усилия найти способ доставки атомных боеприпасов. Таким образом, налицо тревога, поднятая на Западе и, прежде всего, в США по поводу немирного аспекта иранской ядерной программы. Эта тревога, видимо не случайно была приурочена к уже упомянутой выше сессии Совета Управляющих МАГАТЭ в Вене, где 25 ноября 2004 г. рассматривался «иранский вопрос». И не случайно такая информация появилась в СМИ США: Вашингтон явно желал бы оказать давление на МАГАТЭ и своих европейских союзников в лице Франции, Великобритании и Германии, ведущих с Ираном многомесячные переговоры

по ядерной проблеме, чтобы жестко надавить на Тегеран. В этом же ключе, как известно, Вашингтон проявляет озабоченность и в связи с российско-иранским сотрудничеством в области мирного использования атомной энергии, в частности строительства с участием России АЭС в Бушере.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что, весьма вероятно имели место тайные поставки Пакистаном ядерных материалов и оборудования Ирану, хотя официально ни Исламабад, ни Тегеран не подтверждают это (некоторые зарубежные источники отмечают, что начало пакистано-иранскому ядерному сотрудничеству было положено в 1987 г., когда группа высокопоставленных иранских военных тайно посетила ядерный объект в Кахуте в Пакистане)⁵. Любопытна в этой связи информация, опубликованная в израильской газете «Гааретц». В ней утверждается, что, по словам официальных иранских источников, они располагают информацией о том, что Саудовская Аравия и Пакистан якобы подписали соглашение в 2003 году, в котором пакистанская сторона пообещала оказать помощь Саудовской Аравии в разработке ядерного оружия и ракет для его доставки⁶. Впрочем, та же газета пишет далее, что иранские сообщения о ядерных сделках между Пакистаном и Саудовской Аравией, очевидно, мотивируются интересом Ирана в том, чтобы указать, что другие страны этого региона вовлечены в военные ядерные разработки и что они не попадают под огонь критики, поскольку они являются друзьями США. В этой связи хочется сказать, что проверить правдивость этой информации израильской газеты трудно. Так как, прежде всего сам Тель-Авив серьезно озабочен иранской ядерной и ракетной программами. Поскольку иранские баллистические ракеты «Шахаб», которые Тегеран успешно испытал (кстати, сразу после пакистанских ядерных испытаний в мае 1998 г.) способны накрыть всю территорию Израиля, и вызвать значительные разрушения, даже будучи снабженными обычными боеголовками. Для Тегерана же Израиль является геополитическим противником, имеющим недеклалируемое ядерное оружие. В этой связи не случайно высокопоставленный иранский дипломат Али Салтани, выступая на научной конференции в начале ноября в Москве, в ответ на вопрос российского журналиста о том, считает ли Тегеран стратегическим противником Пакистан, заявил, что Иран никогда не ощущал никакой угрозы, исходящей от (ядерного) Пакистана⁷. Этот аргумент иранского дипломата в известной мере проливает свет на ядерное сотрудничество между Пакистаном и Ираном, конечно на неофициальном уровне.

Кстати, в вопросе о ядерном Пакистане, как стратегическом противнике ядерного (в будущем) Ирана не все точки расставлены. Одно

дело — коммерческие интересы д-ра А.К. Хана и Со, которые вероятно поставляют ядерное ноу-хау Тегерану; другое дело возможные разногласия между двумя странами, прежде всего на религиозной почве (противоречия между суннитами и шиитами), которые могут ухудшить отношения двух стран, правда, как полагает автор этой статьи не до состояния открытой вражды. Но в любом случае думается, что Тегеран может считать себя уязвленным тем, что в этом регионе только исламский Пакистан обладает реальным ядерным оружием, тогда, как имеющий большее влияние и более ортодоксальный ислам в регионе Среднего Востока, Иран не обладает пока средством ядерного сдерживания, прежде всего, конечно, Израиля. Таким образом, в случае, если международное сообщество не сможет остановить или хотя бы затормозить процесс нуклеаризации Ирана, в ближайшие пять-семь лет мы можем иметь «ядерную дугу нестабильности», которая будет идти от Индии до Израиля, с вероятным в перспективе подключением Саудовской Аравии. И основой этой «дуги» станет «ядерный тандем» Пакистан-Иран. Кроме того, такая «ядерная дуга нестабильности» в будущем представит серьезный вызов внешней политике Москвы на южном направлении, поскольку в нее войдут страны, непосредственно граничащие с южным флангом РФ или находящиеся в непосредственной близости от этого фланга, что неизбежно должно внести серьезные коррективы в ядерную политику Кремля с учетом южного «ядерного мусульманского пояса» и угроз, исходящих от международного терроризма, который мог бы завладеть в том числе и ядерным оружием, В этом случае возникнет реальная угроза для России и других стран антитеррористической коалиции в лице негосударственных игроков, обладающих ядерным оружием. В этой связи в уже упомянутом выше докладе ЦРУ выражается давняя озабоченность тем, что внешние эксперты-ядерщики, включая Абдул Кадир Хана, который в феврале этого года публично был прощен президентом Пакистана Мушаррафом, могли бы предоставить помощь группировке «Аль-Каида» в качестве основной части ее стремления завладеть оружием массового уничтожения (ОМУ), прежде всего ядерным оружием, в то время как боевики «Аль-Каиды» действуют и на российском Северном Кавказе.

Однако, если абстрагироваться от вышесказанного, то можно сделать вывод, что тревога, поднятая ЦРУ США по поводу пакистанского ядерного следа в Иране имеет не столько узко пропагандистский характер, как стремления Вашингтона оказывать давление на Иран, МАГАТЭ и уже упомянутые выше три европейские страны, ведущие с Тегераном переговоры по ядерной проблеме. В данном случае становится ясно, что появление ядерного Ирана неизбежно нанесет

серьезный ущерб всей системе нераспространения ядерного оружия и прежде всего ДНЯО, подорвет авторитет МАГАТЭ, как специализированного международного учреждения системы ООН по недопущению ядерного распространения. Поэтому сейчас является как никогда важным поддержать усилия МАГАТЭ и трех европейских стран — Великобритании, Франции и Германии по нахождению компромиссного решения «иранского вопроса», как со стороны Москвы, так и со стороны Вашингтона и ни в коем случае не оказывать (как это, по видимому, стремятся делать США) давления на всех участников международных переговоров по этой проблеме. Впрочем, не исключено, что Тегеран может вести свою игру с США, а затем с международным сообществом в целом, манипулируя вопросом о создании страной ядерного оружия в ближайшее время, чтобы таким образом заполучить выгодную для него экономическую помощь и привлечь инвестиции западных держав, прежде всего со стороны США (нечто похожее на вариант Северной Кореи с ее ядерной программой) а также, так сказать, перехватить пальму исламского ядерного первенства у Пакистана, который пока остается единственной мусульманской страной, обладающей ядерным оружием.

Рассуждая таким образом далее возникает вопрос: зачем Ирану, обладающему одним из крупнейших в мире запасов «черного золота»-нефти- нужен полный или, так называемый, закрытый ядерный топливный цикл, включающий все звенья ядерной цепочки: от добычи и переработки урановой руды до обогащения урана и наработки плутония, который тоже является материалом для производства бомбы (по классификации МАГАТЭ 8 кг изотопа плутония-239 также считается значимым количеством для производства ядерного заряда). Пока что иранские дипломаты, в частности уже упомянутый выше Али Салтани, не дают четкого ответа на этот вопрос, утверждая, что если у Ирана есть АЭС, то ему нужно и ядерное топливо для этих АЭС, а если бы европейские страны поставляли стране легководные атомные энергетические реакторы, то вопрос о замкнутом топливном цикле был бы не актуален, а так Тегерану приходится своими силами создавать технологию замкнутого ядерного топливного цикла⁸. Выглядит это, мягко говоря, не совсем убедительно, особенно учитывая то обстоятельство, что заявленная еще при шахе программа строительства АЭС общей мощностью 23000 Мвт до сих пор не реализована, а вот запасы нефти с успехом и гораздо дешевле можно использовать для производства электроэнергии...

Так или иначе, но пакистано-иранское ядерное сотрудничество в военной области, по поводу которого бьют тревогу США и страны Запада является симптоматичным. И его можно было предвидеть еще

со времени создания бомбы Пакистаном. К этому печальному прогнозу хочется добавить немного мажорных ноток: резолюция Совета Управляющих МАГАТЭ по Ирану приняла во внимание «добровольное, но юридически не обязывающее» согласие Тегерана на приостановку его программы обогащения урана, а Тегеран в свою очередь подписал соглашение с РФ о возврате в Россию облученного ядерного топлива с АЭС в Бушере. Международному сообществу очень бы хотелось, чтобы все ядерные объекты страны (включая спорную установку по обогащению урана) находились бы под гарантиями МАГАТЭ..И наконец, крайне желательно, чтобы Вашингтон, чьи войска сейчас находятся в Ираке (и Афганистане) стали конструктивно участвовать в более широком диалоге по региональной безопасности с Ираном о будущем Ирака и безопасности всего района Персидского залива, поскольку, можно сказать, что стабильность Ирака и Ирана отвечает долгосрочным интересам США (и России) и зависит от создания эффективной системы безопасности в Заливе, с учетом, разумеется, и позиции Израиля с его незаявленным ядерным потенциалом. В этом непростом деле Вашингтону может помочь Москва, сохраняющая стабильные и взаимовыгодные отношения с Ираном, имеющая свои традиционные интересы в Ираке и ровные отношения с Израилем.

Что касается роли МАГАТЭ в ситуации вокруг Ирана, связанной с его программой обогащения, то эта роль Агенства представляется конструктивной. Ведь Иран подписал Дополнительный протокол к ДНЯО о применении гарантий МАГАТЭ, хотя еще не ратифицировал его, что по большому счету представляет собой некую лазейку для Тегерана в смысле его выхода из Дополнительного протокола в случае нажима на МАГАТЭ со стороны США или полной неудачи переговоров с европейской тройкой: Германии, Франции и Великобритании, если они также поддадутся давлению со стороны США. Однако, судя по последним событиям вокруг иранской ядерной программы, МАГАТЭ не поддается американскому давлению, как и страны Европейской тройки, а наоборот, Совет директоров МАГАТЭ принял 29 ноября 2004 г. резолюцию по Ирану, сформулированную в смягченных тонах, в которой приветствовалось полное замораживание Ираном одного из чувствительных аспектов его ядерной программы. Это, безусловно, явилось поражением администрации Буша, оказывавшей давление на МАГАТЭ. Целью этого давления было вынесение иранского вопроса на рассмотрение Совета Безопасности ООН., с тем, чтобы ООН проголосовала за введение санкций против Тегерана.. Во всяком случае, Гендиректор МАГАТЭ Мохаммед Эль-Барадеи назвал принятие этой резолюции самой мягкой за последние 15 месяцев. Он сказал, что «ясно видно, что это первый шаг в правильном направле-

нии»⁹. А для европейской «тройки» — принятие данной резолюции явилось спасательным кругом, ранее достигнутого соглашения, между «тройкой» и Ираном, предполагающего, в том числе поставки коммерческих легководных реакторов. В Иран для нужд, как он неоднократно заявлял, его программы мирного использования ядерной энергии. Здесь Вашингтон также потерпел неудачу: его нажим на союзников не удался.

Однако, если рассмотреть возможные варианты развития событий вокруг ядерной программы Тегерана, то можно выделить несколько гипотетических сценариев. Предварительно заметим, что Тегеран, ведя переговоры с МАГАТЭ и европейской «тройкой» на самом деле ведет торг, нацеленный на получение максимально возможной выгоды для себя в смысле развития своей ядерной программы. И очевидно то, что Тегеран старается торговаться так же и потому, что ему удобней вести процесс переговоров о своей ядерной программе без подключения США, которые представляются жестким партнером, всячески пытающимся «продать» Тегеран в том, что касается его программы обогащения урана и выделения плутония для военных целей. В этой ситуации возможен следующий гипотетический сценарий: МАГАТЭ, приняв смягченную резолюцию по Ирану, стало удобным партнером для Тегерана, который действительно будет допускать в страну инспекторов МАГАТЭ, при условии, что среди них не будет граждан США. Кроме того, Тегеран, возможно, ратифицирует Дополнительный протокол и поставит под гарантии МАГАТЭ практически все свои ядерные установки, кроме установки по обогащению урана (здесь Ирану выгодно, чтобы положение вокруг этого объекта его ядерной программы оставалось двусмысленным). Таким образом, получается, что МАГАТЭ, воздействуя на Тегеран осторожными мерами, без ужесточения своей позиции в отношении Тегерана, удерживает Тегеран в рамках Дополнительного протокола и ДНЯО в целом.. Однако, как представляется даже такое добровольное сотрудничество Ирана с МАГАТЭ не помешает Тегерану использовать временной фактор для «молчаливого» продвижения к собственному атомному оружию, для создания которого требуется политическое решение руководства страны и время для наработки необходимой критической массы ядерной взрывчатки. В этом случае МАГАТЭ не сможет полностью остановить этот процесс. То есть это означает, что у Ирана через некоторое время (достаточно продолжительное) все же появиться потенциал «бомбы в подвале», а международное сообщество получит еще одного ядерного «неформала» Далее. Не рассматривая здесь подробно сценарий полного соответствия политики Ирана в области мирного использования атомной энергии требованиям МАГАТЭ (скажем, в ка-

честве примера такой политики — принятие Ираном всеобъемлющих гарантий Агентства ко всей своей ядерной деятельности, поскольку в этом случае можно говорить о существенном снижении напряженности кризиса вокруг Ирана), представляется уместным рассмотреть два наиболее вероятных сценария дальнейшей нуклеаризации уже всего региона Ближнего и Среднего Востока. (БСВ)

Первый. Региональная пара антагонистов — Израиль — Иран, как страны, наиболее продвинутые в ядерном отношении в регионе БСВ. Как только появятся неопровержимые доказательства наличия ядерного оружия у Израиля, Иран (в качестве ответных действий) вполне вероятно перейдет «ядерный порог» и встанет на путь острой конфронтации с США и Израилем. В этом случае источником оружейных ядерных материалов может служить либо ОЯТ исследовательских и энергетических реакторов (после радиохимической переработки), либо обогащенный уран с завода в Натанзе, который, может быть, будет выведен из эксплуатации по истечению определенного времени. В политическом плане согласно этому сценарию, Иран не ратифицирует Дополнительный протокол, вообще выходит из него и угрожает выйти из ДНЯО, или даже выходит из него — статус-кво в регионе (баланс сил) радикально изменяется. Вашингтон уже не может сдерживать Израиль, имеющий теперь открытый статус ядерной державы, от нанесения удара по ключевым ядерным объектам Ирана (установка в Натанзе в первую очередь)., В ответ Иран весьма вероятно производит ракетный удар по Израилю и одновременно обращается в Совбез ООН с жалобой на немотивированную агрессию Израиля против Ирана. Таким образом, Средний Восток оказывается втянутым в серьезный конфликт между Ираном и Израилем, с возможным подключением Саудовской Аравии на стороне Ирана. В этом случае все усилия МАГАТЭ повернуть вспять или хотя бы сдержать нуклеаризацию Ирана оказываются весьма и весьма затрудненными, а Вашингтон использует ответную военную акцию Тегерана против Израиля как предлог для весьма возможной военной акции против Ирана.

Второй. Отношения между США и Ираном. В результате продолжения (тем более наращивания) давления Вашингтона на Тегеран, в руководстве Ирана преобладающее влияние имеют силы, которые, на фоне антиамериканизма будут считать наличие у страны ядерного оружия в качестве единственного гаранта обеспечения национальной безопасности Ирана. Тот же сценарий справедлив и при успешных для США попытках оказывать возрастающее давление на МАГАТЭ, с тем, чтобы Агентство заняло более жесткую позицию по отношению к Тегерану.. И, как следствие этого давления- переговорный процесс между Ираном и МАГАТЭ оказывается в «замороженном» состоянии в силу

нежелания Ирана вести конструктивный диалог с МАГАТЭ. При этом Тегеран прекращает доступ инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты и заявляет публично, что выйдет из Дополнительного протокола и ДНЯО. Результатом всего этого будет принятие соответствующего политического решения, и программа создания иранской атомной бомбы получит дополнительный импульс для ее ускорения.

Как представляется, международное сообщество в целом и МАГАТЭ в частности заинтересовано в недопущении реализации подобных сценариев. Парадоксальным образом из этого вытекают два вывода:

1. Международное сообщество крайне заинтересовано, чтобы не появились неопровержимые доказательства наличия ядерного оружия у Израиля, то есть военная ядерная программа Тель-Авива не стала открытой. Здесь интересы международного сообщества вступают в противоречие с акцией руководства МАГАТЭ, направленной на демонстрацию открытости ядерной программы Израиля (имеется в виду недавний визит Гендиректора Агенства Эль-Барадеи в Израиль, где он призвал Тель-Авив сделать свою ядерную программу «прозрачной».
2. Давление на Иран нужно осуществлять, как это уже было отмечено выше, осторожно, при постоянной максимально точной оценке баланса сил внутри Ирана, чтобы не давать дополнительных козырей иранским ядерным «ястребам»

Для предотвращения дальнейшей нуклеаризации БСВ необходимо урегулировать проблему путем переговоров с Ираном, как ключевым игроком на «ядерном поле» региона. При этом следует предоставить ему соответствующую «компенсацию», что, в сущности, пытается делать в настоящий момент МАГАТЭ, одобряя переговоры Тегерана с европейской «тройкой». Здесь следует отметить, что возможны три основных модели такого урегулирования.

Первая («консервирующая»). Иран продолжает эксплуатацию пилотного уранообогатительного завода в Натазе, строительство завода тяжелой воды в Араке и тяжеловодного исследовательского реактора в Карадже. Продолжается строительство первого энергоблока АЭС в Бушере и Тегерану гарантируется поставки ядерного топлива для Бушера при условии возвращения ОЯТ в Россию (соглашение об этом между ИРИ и РФ уже подписано).

В этом случае Тегеран подписывает Протокол 1997 г., ратифицирует Дополнительный протокол, МАГАТЭ осуществляет постоянный мониторинг иранских ядерных объектов, а полноохватные гарантии Агенства реализуются в полном объеме.

Вторая («расширенная»). Международное сообщество (прежде всего МАГАТЭ) не возражает против строительства в Бушере новых ядер-

ных энергоблоков с гарантированными поставками ядерного топлива. Тегерану предоставляются западноевропейские кредиты на импорт новейших технологий для нефтяной и газовой промышленности с возможностью значительного увеличения объемов иранского экспорта нефти и газа в Западную Европу (что является весьма желательным для Тегерана в смысле получения твердой валюты для дальнейшего экономического развития страны). Одновременно происходит значительное улучшение американо-иранских отношений, Вашингтон резко ослабляет критику иранского руководства по различным вопросам (в первую очередь ядерным, а также соблюдения прав человека), снимаются отдельные анти-иранские санкции.

В свою очередь, Иран прекращает эксплуатацию опытного производства на пилотной установке по обогащению урана в Натазе, строительство в Араке и тяжеловодного исследовательского реактора в Карадже.. Ядерные технологии, нелегально импортированные из Пакистана ликвидируются, и происходит демонтаж установок, которые используют такие технологии. Это осуществляется под контролем МАГАТЭ. Тегеран подписывает Протокол 1997 г., осуществляется постоянный мониторинг всех ядерных объектов страны (инспекции МАГАТЭ проходят на регулярной основе) , полнооохватные гарантии Агенства реализуются в полном объеме,

Наконец, Тегеран ведет активные переговоры с МАГАТЭ, нацеленные на дальнейшее укрепление системы гарантий Агенства применительно к ядерной программе Ирана.

Третья («радикальная»). Международное сообщество в лице промышленно развитых держав (прежде всего, это страны Западной Европы, а также США) осуществляет экспорт в Иран ядерных технологий для мирного использования, включая поставку и строительство новых АЭС (последнее соответствовало бы реализации амбициозной программы строительства АЭС, упомянутой выше). Для импорта этой технологии Тегерану могут быть предоставлены значительные зарубежные кредиты. Ему гарантируется по льготным ценам поставка ядерного топлива, необходимого для работы АЭС на весь срок их функционирования. Кроме того, Тегерану предоставляются значительные западноевропейские и американские кредиты на импорт технологий для нефтяной и газовой промышленности с возможностью значительного увеличения объемов экспорта нефти и газа в США и Западную Европу. Происходит восстановление экономических и дипломатических отношений между США и Ираном (на самом деле внутри Ирана в настоящее время, несмотря на общий антиамериканизм, часть политической элиты хотела бы восстановления ирано-американских отношений.) США предоставляют Ирану убедительные гарантии неприменения силы против него, включая

подписание соответствующего соглашения (т.е. Вашингтон принимает на себя формализованное обязательство невмешательства в дела Ирана). При этом все антииранские санкции снимаются и осуществляются крупные американские инвестиции в иранскую экономику (в т.ч., как уже было отмечено выше, США активно выходят на иранский рынок мирных ядерных технологий, стараясь при этом вытеснить Россию или хотя бы ограничить вовлеченность России в иранскую программу использования атомной энергии в мирных целях).

В свою очередь, ядерные технологии, нелегально приобретенные у Пакистана, ликвидируются и осуществляется демонтаж объектов, созданных с их использованием. Это осуществляется под контролем МАГАТЭ. Как и при описании второй модели урегулирования ядерного кризиса вокруг Ирана, Тегеран подписывает Протокол 1997 г., проводится постоянный мониторинг всех ядерных объектов, полноохватные гарантии Агентства реализуются в полном объеме. Кроме того, Иран демонтирует все оборудование, относящееся к чувствительной стадии ядерной программы (уранообогащительный завод в Натазе, производство тяжелой воды в Араке и тяжеловодный исследовательский реактор в Карадже) и передает его МАГАТЭ (или третьей стороне — например США или Франции) для последующего уничтожения. Таким образом, Иран отказывается от создания замкнутого ядерного топливного цикла, которое вызывает наибольшее опасение у МАГАТЭ и западноевропейских стран, как свидетельство стремления Ирана создать ядерное оружие. Здесь еще раз следует подчеркнуть, что Тегеран полностью принимает применение МАГАТЭ полноохватных гарантий к своей ядерной деятельности. При этом, в дополнение Иран берет на себя юридическое (а не формальное!) обязательство присоединиться к новым, разрабатываемым международным нормам, направленным на укрепление режима ДНЯО, недопущения появления в стране научно-технических предпосылок создания ядерного оружия в условиях, как было отмечено выше, общего укрепления безопасности стран региона БСВ.

В заключение рассмотрения возможных сценариев развития ядерной ситуации на Среднем Востоке и описания возможных моделей урегулирования обстановки вокруг нуклеаризации Ирана можно согласиться с рекомендацией доклада группы экспертов Фонда Карнеги (г. Нью-Йорк), вышедшем в июне 2004 г.: Необходимо вести с Ираном переговоры по заключению двусторонних соглашений о передаче ядерной технологии, в особенности в рамках Группы Ядерных поставщиков (ГЯП), которые не разрешают использование или передачи в крупных размерах ядерных материалов, установок, оборудования, или технологий, в случае, если страна-реципиент (в данном случае- Иран) выходит из ДНЯО.

¹ Летом 2005 г. Иран заявил, что отказывается от «добровольного» моратория на обогащение урана и демонстративно возобновил его в ядерном Центре в Исфахане (на уранообогатительном заводе в Натазе), пригласив инспекторов МАГАТЭ зафиксировать это событие.

² См.: The New York Times, November 24, 2004 лист A2, www.thenewyorktimes.com

³ Там же.

⁴ См.: The New York Times, 3/11/2004, p. A21.

⁵ См.: The Bulletin of Atomic Scientists, May/June 2004, p. 55.

⁶ См. Haaretz, January 11, 2005, p. 5.

⁷ Цит. по записи выступления посла А. Салтани в Московском Центре Карнеги 5 ноября 2004 г.

⁸ См.: Там же.

⁹ См. Lenta.Ru, 23 ноября 2004 г.

Список использованных источников и литературы

A Bomb for the Umma by David Albright and Holly Higgins. The Bulletin of Atomic Scientists, March/April 2003, pp. 49-55

Iran, Player or Rogue? by David Albright & Corey Hinderson. The Bulletin of Atomic Scientists, September/October 2003, pp. 52-58

Pakistan: It's Déjà Vu All Over Again by Leonard Weiss. The Bulletin of Atomic Scientists, May/June 2004, pp. 52-59

The centrifuge connection. By David Albright & Corey Hinderson. The Bulletin of Atomic Scientists, March/April 2004, pp. 61-

Countdown to Showdown. By David Albright & Corey Hinderson. The Bulletin of Atomic Scientists November/December 2004, pp.67-73

Defusing the Nuclear Middle East. By Bennet Ramberg. The Bulletin of Atomic Scientists. May/June 2004

Walking on Eggshells in Tehran. By George Perkovich. Yale Global, November 22, 2004. Carnegie Endowment for International Peace

The EU and the NPT: Testing the new European Nonproliferation Strategy. By Clara Portela. Disarmament Diplomacy, Issue No.78, July/August 2004

Malaysia Arrests Nuclear Network Suspect. Sri Lankan Accused of Helping Pakistani Sell Arms Components to Lybia, Iran. By Alan Sipress & Ellen Nakashima. Washington Post, May 29, 2004, Page A21

Uncovering the Nuclear Black Market: Working Toward Closing Gaps in the International Nonproliferation Regime. By David Albright and Corey Hinderson. Institute for Science and International Security (ISIS). Prepared for the Institute for Nuclear Material Management (INMM) 45th Annual Meeting Orlando, Florida. July 2, 2004

In the News. Iran, Lybia and Pakistan's Nuclear Supermarket. Researched and Compiled by Rebecca Johnson. Disarmament Diplomacy, Issue No. 75, January/February 2004

U.S. Options Few in Feud with Iran. By Sonny Elfron, The Times, December 13, 2004
UN says found no proof of secret Iranian Program. Agence France Presse, 20.01. 2005-09-05

Testimony of Patrick Clawson, Deputy Director

The Washington Institute for Near East Policy Before the U.S. — Israel Joint Parliamentary Committee . « Evaluating the Options Regarding The Iranian Nuclear Threat», September 17, 2003

- Ze'evi: Iran will be able to enrich Uranium in 6 moths.* By David Ratner, Haaretz Correspondent and the News Agencies. Haaretz January 11, 2005.
- Israel in the Iran fray, too.* By Ehsan Ahrari. Asia Times Online, Jan. 20, 2005
- Alarm Raised Over Quality of Uranium Found in Iran.* By Craig S. Smith. The New York Times, March 11, 2004
- UN nuclear inspectors try to check Iran vow.* By Ali Akbar Dareini, Associated Press, 4/13/2004
- Iran Says It Will Suspend but Not End Its Uranium Program.* By Nazila Fathi. The New York Times, 12/1/2004.
- Iranians To Resume Enriching Uranium. Minister Discloses Military's Atomic Role.* By Ali Akbar Dureini. Associated Press. Washington Post, March 11, 2004, Page A22.
- Iran Postpones a Visit by U.N. Nuclear Inspectors Until April.* By Craig S. Smith. The New York Times 3/13/2004
- U.S. Using Diplomacy to Stop Iranian Nuclear Weapons Program. Iran has hidden its nuclear weapons program for 18 years.* By John R. Bolton, Under Secretary for Arms Control and International Security Remarks to the Hudson Institute, Washington, D.C. April 17, 2004.
- Universal Compliance. A Strategy for Nuclear Security.* By George Perkovich, Jessica T. Mathews, Joseph Cirincione, Rose Gottemoeller and Jon Wolfstahal. Carnegie Endowment for International Peace, March 2005.
- Iran's nuclear conundrum.* By Najmuddin A. Shaikh. Dawn, 6. 04. 2005
- The man who sold the bomb.* By Bill Powell and Tim Mcgirk. The Nation, February 9, 2005.
- Iran to step up nukes if US, Israel attack.* By Hassan Rohani. Daily Mail, 07,05.2005.
- IAEA persist to uncover global nuclear smuggling.* The Daily Times, 31.05. 04.
- OIC'S concern over Iran N issue.* The Pakistan Observer. 04.02.2005.
- Iran's opposition group says Tehran has acquired nuclear weapons.* The Pakistan Observer. 04.02.05.
- Iran not to develop N weapons.* The Pakistan Observer 07/02/2005.
- US again warns Iran but no deadline. N-policy could be reversed amid 'psychological warfare': Khatami.* The Nation, 10/02/2005.
- Бюллетень Интернет-новостей Lenta.Ru 2004-2005
- Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. Издание СВР, 1993 г.
- Распространение санкций: Иран и российско-американские отношения. Скотт Джонс и Террел Остин. Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии. Iran.ru, 22 января 2005 года..
- Проблема нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке. Нынешняя ситуация и возможные пути преодоления кризиса. Доклад рабочей группы по Ирану для семинара в Московском Центре Карнеги, ноябрь 2004 года.

Научное издание

Пакистан в современном мире
Сборник статей

Pakistan in the Contemporary World
The Collection of Articles

Компьютерная верстка
Ю. В. Балабанов

Дизайн обложки
Н. Н. Попов

Издательство «НАУЧНАЯ КНИГА»
Лицензия на издательскую деятельность ИД № 01253
Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1
тел. (495) 246-82-47
e-mail: flerus@newtech.ru

Подписано в печать 20.12.2005 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆ Объем 22,5 усл. печ. л.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА»
107031, Москва, Рождественка 27
Тел. 208-47-15, тел./факс 208-40-61
E-mail: izmba@yandex.ru